

А. И. Халидов

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК МОРФОЛОГИЯ

Введение в морфологию

Учение о частях речи

Именные части речи

Учебное пособие

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. И. ХАЛИДОВ

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК МОРФОЛОГИЯ

Введение в морфологию

Учение о частях речи

Именные части речи

Учебное пособие

Санкт-Петербург
Издательский дом «Сциентиа»
2022

УДК 811.161.1'366(075.8)
ББК 81.411.2-21я73
Х17

Рецензенты:

З. И. Минеева — доктор филологических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет;

Т. В. Жеребило — доктор филологических наук, профессор,
Чеченский государственный педагогический университет.

Халидов, Айса Идрисович

X17 **Современный русский язык. Морфология: введение в морфологию. Учение о частях речи. Именные части речи:** учебное пособие / А. И. Халидов ; Чеченский государственный педагогический университет ; Чеченский государственный университет. — Санкт-Петербург: Сциентиа, 2022. — 420 с.

ISBN 978-5-6048270-8-6. — DOI 10.32415/scientia_978-5-6048270-8-6.

В учебном пособии дается систематическое изложение курса морфологии современного русского языка, охватывающее материал вводной части морфологии, именных частей речи и местоименных слов. Материал излагается в объеме, превышающем предусмотренный обязательной программой для студентов филологических факультетов университетов: чрезмерная сжатость этих программ в рамках минимизированных учебных планов не может обеспечить должную лингвистическую подготовку. Пособие написано на основе лекционного курса, читаемого автором на протяжении более сорока лет сначала в Чеченском государственном университете, а затем и в Чеченском государственном педагогическом университете. С учетом билингвизма обучаемых учебное пособие построено с использованием элементов сопоставительного метода и типологического подхода к освещению анализируемых грамматических единиц, категорий, явлений.

УДК 811.161.1'366(075.8)
ББК 81.411.2-21я73

*Печатается по решению Ученого совета ФГБОУ ВО «Чеченский
государственный педагогический университет»*

© Халидов А.И., 2022 г.

© ЧГПУ, 2022 г.

ISBN 978-5-6048270-8-6

© ЧГУ, 2022 г.

DOI 10.32415/scientia_978-5-6048270-8-6

© Оформление. ООО ИД «Сциентиа», 2022 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
--------------------------	---

РАЗДЕЛ I. ВВЕДЕНИЕ В МОРФОЛОГИЮ

§ 1. Грамматика: предмет, задачи, виды и разделы грамматики	10
§ 1.1. Предмет и задачи грамматики	10
§ 1.2. Виды грамматик	13
§ 1.3. Основные разделы грамматики	15
§ 1.4. Важнейшие грамматики русского языка	16
§ 2. Объект изучения морфологии	21
§ 3. Предмет морфологии. Место морфологии в системе разделов науки о языке	22
§ 4. Основные понятия морфологии	27
§ 4.1. Слово — словоформа — парадигма	28
§ 4.2. Грамматическое значение — грамматическая форма — грамматическая категория	38
§ 4.3. Типология грамматических категорий	54
§ 4.4. Формообразование и словоизменение	60
§ 4.5. Части речи	63

РАЗДЕЛ II. УЧЕНИЕ О ЧАСТЯХ РЕЧИ

§ 1. Что такое «часть речи»?	67
§ 2. Части речи в русской грамматической традиции	71
§ 2.1. Части речи в грамматиках доломоновского и ломоносовского периодов	73
§ 2.2. Части речи в русской грамматике XIX — первой трети XX вв.	80
§ 2.3. Учение о частях речи в грамматической системе В. В. Виноградова	103

§ 3. Принципы классификации частей речи в современной грамматике	106
§ 4. Состав частей речи русского языка, спорные вопросы их классификации	121

РАЗДЕЛ III. ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Глава I. Имя существительное	160
§ 1. Имя существительное в системе частей речи	160
§ 2. Семантическая основа имен существительных	165
§ 3. Лексико-грамматическая и грамматическая классификация имен существительных	167
§ 3.1. Лексико-грамматические разряды и группы имен существительных	168
§ 3.2. Грамматические классы существительных	183
§ 4. Категория рода имен существительных	190
§ 4.1. Род как грамматическая категория. Род и класс как сопоставимые категории	190
§ 4.2. Род склоняемых существительных	196
§ 4.3. Род несклоняемых существительных	211
§ 5. Категория числа	224
§ 5.1. Количественность в языке и грамматическое число	224
§ 5.2. Содержание и морфологическое выражение числа коррелятивных существительных	230
§ 5.3. Некоррелятивные формы числа существительных: <i>singularia tantum</i> и <i>pluralia tantum</i>	239
§ 5.3.1. Нерегулярность числового противопоставления как следствие утраты двойственного числа	239
§ 5.3.2. Существительные <i>singularia tantum</i>	242
§ 5.3.3. Существительные <i>pluralia tantum</i>	251
§ 5.3.4. Число неизменяемых существительных	260
§ 6. Категория падежа	264
§ 6.1. Падеж как грамматическая категория имен	264

§ 6.2. Система падежей, их морфологическое и неморфологическое выражение. Вопрос о количестве падежей в русском языке	269
§ 6.3. Семантика падежных форм существительных . . .	279
§ 6.4. Склонение существительных	298
Глава II. «Местоимение-существительное»	308
Глава III. Имя прилагательное	327
§ 1. Семантическая основа имен прилагательных	327
§ 2. Лексико-грамматическая классификация имен прилагательных	334
§ 3. Грамматические признаки прилагательных	346
§ 3.1. Морфологические признаки	346
§ 3.2. Склонение прилагательных	360
Глава IV. Имя числительное	370
§ 1. Категория количества в языке и имя числительное	370
§ 2. Формирование имени числительного в русском языке	376
§ 3. Вопрос о частеречном статусе и единстве класса числительных в русском языке	379
§ 4. Грамматические признаки числительных	384
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	397
ГЛОССАРИЙ	401

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из всех разделов языкознания самый объемный, пожалуй, — это морфология: и по объему материала, и по той доле учебного времени, которую он занимает в вузовском курсе современного русского языка. Вместе с тем это и раздел, в котором мы больше, чем в других, сталкиваемся с неоднозначными толкованиями терминов и понятий, со спорностью и трудноразрешимостью многих и многих вопросов. В этом море разных мнений и интерпретаций студенту трудно разобраться, а лектору не всегда хватает отведенного учебного времени, чтобы помочь ему в этом. Только подробное и понятное для него изложение спорных вопросов, разъяснение трудных моментов помогут студенту в полной мере усвоить курс и подготовиться к тому, чтобы в скором времени самому обучать этому курсу других. К сожалению, многие учебники и учебные пособия скорее дезориентируют студентов обилием разночтений языкового материала, чем дают систематические знания: разный состав частей речи, разные их определения, несогласованность подходов в решении вопросов содержания и функционирования отдельных грамматических категорий и т. д. Вынужденному в силу специфики обучения рассчитывать в основном на самостоятельное изучение материала студенту-заочнику особенно трудно разобраться в этом потоке учебной литературы. К тому же в учебных планах очной формы обучения в последние два десятилетия объем часов на аудиторные занятия сокращен настолько, что от прежнего преимущества студентов-очников не осталось и следа, а отводимого времени явно недостаточно для того, чтобы преподаватель сумел изложить на лекционных занятиях полный теоретический курс современного русского языка даже в рамках самой программы, в которой все больше тем приходится включать в блок самостоятельного изучения. Есть только

одна возможность, которой мы и пользуемся изданием этого пособия, — предоставить в распоряжение студентов такой материал, который с достаточной полнотой освещал бы узловые вопросы курса и помогал разобраться в вопросах, излагаемых традиционной (лежащей в основе школьной) грамматикой неоднозначно или слишком общо.

«Наиболее эффективным материалом является тот, который базируется на научном описании языка, подлежащем изучению и тщательно сопоставляемом с параллельным описанием родного языка ученика»,¹ — писал Ч. Фриз. Никто не возражает против этой истины, но ей в сущности мало кто следует в преподавании курса современного русского языка, полагая, видимо, что принцип учета особенностей родного языка обучаемых относится только к школьной практической грамматике и к школьной методике, а в вузовском теоретическом курсе нет необходимости в применении сопоставительного метода. Тем не менее избирательное применение этого метода на лекционных и практических занятиях по современному русскому языку со студентами двухпрофильных отделений и даже «русского» отделения себя оправдывает, поскольку в сравнении фактов разных языков, особенно разноструктурных, каковыми являются русский и вайнахские, с большей определенностью выявляются природа и своеобразие соответствующих элементов и категорий каждого из сравниваемых языков, чем этого можно было бы достичь без сравнения. Исходя из этого, мы в разумных пределах используем в своем пособии возможности сопоставительного метода, привлекая для сравнения материал вайнахских языков, а в необходимых случаях обращаясь и к другим языкам.

К сожалению, по известным и не зависящим от автора причинам в конце 1990-х годов, когда были изданы две части учеб-

---

¹ C. C. Fries. *Teaching and Learning English as a foreign Language*. — Ann Arbor, 1945, p. 9.

ного пособия по морфологии современного русского языка, не было условий ни для написания, ни для опубликования всего курса морфологии современного русского языка в полном объеме. Со времени выхода этих двух пособий произошли события, в результате которых мои студенты и коллеги оказались лишенными и того минимума литературы, которым располагали после первого витка «событий». Долгое время обучение в обоих гуманитарных вузах — в университете и педагогическом институте (несколько позже тоже университете) велось не только без научной литературы, но и практически без учебников. Положение стало поправляться только в последние несколько лет, при этом преимущественно — благодаря возможности почти неограниченного выбора электронных ресурсов, обеспечивающих обучающихся и обучаемых всей необходимой учебной и научной литературой, необходимой для учебного процесса в вузе. Тем не менее, необходимость в разнообразии учебно-методических материалов, в том числе в учебниках и учебных пособиях, ориентированных на конкретные категории студентов и доступных для них и в бумажном виде, сохраняется, поэтому автор счел разумным существенно доработать упомянутые два пособия и издать их, объединив в одну книгу. Ограничиться отсылкой к ним в процессе работы со студентами уже не удастся, так как обе части пособия в ходе второй «кампании» оказались уничтоженными, а они востребованы не только в двух университетах Чеченской Республики, но и в университетах соседних республик. Ввиду занятости другими проектами довести до конца курс морфологии не удалось, к тому же в последние годы автору приходится читать в основном именно эту часть морфологии (до глагола).

Не все в нашем изложении совпадает с общепринятыми и отраженными в нормативных грамматиках точками зрения и теориями, которые, впрочем, и сами не отличаются единством точек зрения и подходов к интерпретации тех или иных

языковых единиц, категорий, но мы и не ставили перед собой цели излагать грамматику только с чужих слов. Настоящее пособие — изложение основного содержания лекций студентам-филологам, которые автор стремился по мере своих возможностей и реальных условий, складывавшихся в последние годы, делать проблемными. Это и позволяет называть себя не составителем пособия, а его автором.

РАЗДЕЛ I

ВВЕДЕНИЕ В МОРФОЛОГИЮ

§ 1. Грамматика: предмет, задачи, виды и разделы грамматики

§ 1.1. Предмет и задачи грамматики

Термин «грамматика» древнегреческого происхождения; образован он от греческого *grammatike* (множественное число от прилагательного среднего рода *grammatikos*), производного от существительного *gramma* «буква» (латинский эквивалент *littera*), в свою очередь образованного от *graphein* «писать». Следовательно, *grammatike* первоначально значило «написательные», «относящиеся к написаниям» (именно во мн. ч.). Таким образом, грамматика древними греками понималась как **правила написания, орфографические правила**, если не исключительно, то в первую очередь.² Из греческого этот термин перешел в латинский, вытеснив «литературу» в другую известную нам область филологии, откуда распространился по всей Европе: ср. нем. *Grammatik*, франц. *grammaire*, русск. *грамматика* и т.д. Этот же термин употребляется и во многих других языках, в которых грамматика появилась позже, чем в европейских, например, в кавказских.

Наряду с термином — существительным ж.р. «грамматика» в русском языке раньше (в средние века и иногда еще до XIX в.) широко употреблялось слово м.р. «грамматик»

---

² Подробно о происхождении и содержании термина см.: Д. Поливанов. *Словарь лингвистических и литературоведческих терминов (1935–1937): Толковый терминологический словарь по лингвистике (1935–1937)*. — В кн.: Е. Д. Поливанов. *Труды по восточному и общему языкознанию*. М., 1991, стр. 358–359.

в значении лица, занимающегося грамматикой, специалиста по грамматике, по аналогии с рядами *техника — техник, ботаника — ботаник, математика — математик, физика — физик* и т. п. Однако в наше время слово «грамматик» встречается крайне редко (его еще можно услышать в сложных словах типа «младограмматики», «старограмматики»), хотя он точнее и удобнее слова «грамматист», которое часто можно встретить в специальной литературе.

Всякий естественный человеческий язык состоит из двух главных составляющих: это **словарный состав** языка и его **грамматический строй**. **Словарный состав** (лексика) включает в себя слова, которые употребляются в данном языке и которые являются необходимыми элементами для образования словосочетаний и предложений; в широком смысле он включает в себя и фразеологию. **Грамматический строй** включает в себя правила и закономерности, по которым слова объединяются в словосочетания и предложения. Отсюда ясно, что грамматика языка является тем средством, без которого превращение слов в единицы речи практически невозможно, во всяком случае, их простое сложение не дает нам единиц речи — высказываний. Например, сумма слов «дом, который, вы, видеть, на, гора, быть, построить, на, средство, богатый, купец, из, здешний, место» является простым набором слов, который нам, носителям языка, кажется понятным только потому, что мы, бессознательно или осознанно, выстраиваем его в определенную цепь лексем, привычную нам, но она не станет высказыванием до тех пор, пока мы не свяжем слова между собой, придавая каждому свою форму: «Дом, который вы видите на горе, был построен на средства богатого купца из здешних мест». Считается, что иное возможно в китайском и некоторых других «аморфных» языках, но это явно ошибочное мнение, основанное на «подходе к китайскому языку с мерками флективных

языков».³ Если исходить из того, что «форма» — это не только «форма слова», «флексия» и т. д., то в том же китайском налицо деление на части речи «по передаваемому словами значению и по функциям слов в предложении»;⁴ единство этих признаков позволяет строить предложения, а нарушение этого единства приводит к искажению смысла или вообще не позволяет продуцировать предложения.

Предмет и задачи грамматики были неодинаковыми во все времена ее развития. Римская грамматика (и предшествовавшая ей древнегреческая) была *scientia recte loquendi et scribendi* — «наукой правильного говорения и написания», т. е. фактически основной целью такой грамматики было установление норм правописания (в современном языкознании выделившихся в отдельную область — орфографию), правильного произношения (орфоэпия с фонетикой), а нормы и закономерности соединения слов в предложения занимали второстепенное место и рассматривались в контексте первых. Позднее грамматика стала означать вообще **учение о системе языка, описание системы языка**; в этом расширенном смысле слово и вошло в новые европейские языки. Истинное свое место и значение грамматика как отдел науки о языке приобрела очень поздно — лишь во второй половине XIX века, видимо, благодаря активности компаративистов.

Современная грамматика делится на 2 раздела — на **морфологию** и **синтаксис**.

В морфологии изучаются «грамматические классы и ряды слов, принадлежащие им грамматические категории и те системы форм (парадигмы), в которых эти категории существу-

³ Ли Цзинь, Лю Шижу. *Еще раз об учении грамматики — разграничение частей речи и проблема существительных*. — НЗЛ, вып. XXII, «Языкознание в Китае», М., 1989, стр. 82.

⁴ Ван Ли. *Частицы речи*. — НЗЛ, выл. XXII, «Языкознание в Китае», М., 1989, стр. 46.

ют и выявляются».⁵ В синтаксисе изучаются правила и закономерности, по которым слова объединяются в словосочетания и предложения, а также типы словосочетаний и предложений, их структура, семантика (не лексические значения) компонентов предложений с точки зрения выражения общих грамматических значений, выявляемых у соответствующих классов и разрядов слов в морфологии.

§ 1.2. Виды грамматик

По цели, предмету и методам исследования и описания грамматических явлений в языкознании выделяют 3 вида грамматик: *историческая грамматика, сравнительная грамматика, описательная грамматика.*

Историческая грамматика прослеживает и изучает историческое развитие данного языка: в исторической грамматике русского, болгарского, польского и других языков, например, должны были изучаться «звуковая система, формы слов и синтаксические конструкции».⁶

В настоящее время в русском языкознании (а вслед за ним и в других славянских) прослеживается тенденция к выделению в отдельные области исторического языкознания **исторической фонетики** и **исторической лексикологии**, следовательно, историческая грамматика изучает именно то, что должно входить в круг вопросов, составляющих предмет собственно грамматики.

Сравнительная грамматика в общем ее понимании — это сравнение грамматического строя разных языков, как правило, бинарное при сравнении неродственных языков и полинарное (многоязычное) при сравнении языков родственных. На са-

⁵ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 303.

⁶ Грамматика на съвременния български книжовен език. Том II. София, 1985, стр. 6.

мом же деле по признакам цели, предмета и методов исследования и описания материала сравнительной грамматики в таком виде уже давно не существует. С тех пор, как языковеды стали сравнивать не только родственные языки, но и языки неродственные, стала развиваться и уже вполне оформилась самостоятельная **сопоставительная грамматика**. Таким образом, есть **сравнительная грамматика**, построенная главным образом на основе исторических грамматик сравниваемых языков и прослеживающая процесс возникновения и развития родственных языков, хотя, конечно, такая грамматика предполагает и синхронное сравнение (сравнительная грамматика славянских языков; романских языков и т. п.), и есть **сопоставительная грамматика** языков неродственных, которая строится главным образом как синхронное сравнение языков (русского — чеченского; русского — татарского; немецкого — русского, например; возможны и более сложные случаи сопоставления языковых семей и групп, например, славянских и тюркских языков), при этом не исключено сопоставление и историческое.

Описательная грамматика изучает грамматический строй одного языка в один определенный момент его развития. Таковы все грамматики современных языков. Описательными являются и грамматики, составленные ранее XX в.: «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, «Российская грамматика» А. А. Барсова, например, хотя в них есть и элементы исторической грамматики. Описательная грамматика часто не может обойтись фактами современного состояния языка, поэтому ее составители вынуждены обращаться к отдельным эпизодам истории языка для объяснения конкретных грамматических явлений. Обращение к истории языка уместно и часто встречается, например, при обращении к таким грамматическим категориям и явлениям, как категория числа существительных (двойственное число), категория времени глагола и ее соотношение с категорией вида (система времен древнерусского языка

и ее развитие в категорию аспектуальности, два основных компонента которой в современном русском — время и вид).

§ 1.3. Основные разделы грамматики

Первоначально русская грамматика включала в себя несколько основных разделов, которые сейчас разведены по разным отделам языкознания. Так, например, «Российская грамматика» А. А. Барсова, вторая после грамматики В. Е. Адогурова (1738–1740) фундаментальная работа в этой области (написана в 1783–1788 гг.), включала в себя (в современных терминах) графику, орфографию, морфологию (с элементами морфемике), словообразование, синтаксис. Здесь даются также сведения из риторики, пунктуации. По сути такое представление об основных разделах грамматики отражено и в «Грамматике современного русского литературного языка» (1970), состоящей из фонологии, морфемике, словообразования, морфологии и синтаксиса, и в последующей «Русской грамматикой», первый том которой содержит фонетику, фонологию, основные сведения об ударении и интонации, морфемике, словообразование и морфологию, второй — синтаксис. С выделением фонологии, равно как фонетики, графики и орфографии, в самостоятельный раздел сейчас вряд ли кто будет спорить,⁷ но остальные

---

⁷ Однако спорят: о позиции АГ-70 мы уже знаем. В связи с этим нельзя не вспомнить Ф. де Соссюра: «Одним из самых забавных зрелищ является способ, каким выделяются разделы (научной) грамматики какого-либо языка. Прежде всего выделяется фонетика (по-немецки *Lautlehre* «учение о звуках»), затем морфология (по-немецки *Formenlehre* «учение о формах»). Вроде бы так естественно, не правда ли? Сначала звуки, потом сочетания звуков; сначала простое, затем сложное; и что самое удивительное, вроде бы все понятно! Но как фонетика может быть частью грамматики языка, если она основывается исключительно на предшествующем состоянии языка? Если бы я захотел описать фонетику языка Вульфилы или «Песни о Роланде» и запретил бы себе выходить за пределы соответствующих эпох (как я это делаю при описании морфологии этих языков), я просто не смог бы сказать ни одного слова об их фонетике. То, что можно назвать их фонетикой, обращено исключительно в прошлое и находится вне их самих, так как речь идет об определенном результате, который я сам беру из прошлого и ко-

(морфемика, словообразование, пунктуация) настолько связаны с грамматикой, что их включение в состав грамматики трудно оспаривать. Тем не менее **главными** разделами грамматики являются, безусловно, **морфология** и **синтаксис**, тесно связанные между собой и взаимодополняющие друг друга (см. § 3 раздела 1).

§ 1.4. Важнейшие грамматики русского языка

Первой русской грамматикой, **написанной на русском языке** и являвшейся опытом кодификации именно **русского литературного** языка, а не латинизированного русского, как у предшественников, была **грамматика В.Е. Адодурова**, написанная в 1738–1740 гг. Она не была издана, осталась в рукописи и о ней мало кто знал долгое время, поэтому была неизвестна и М.В. Ломоносову, автору второй грамматики *русского* языка, изданной в 1757 году с обозначением на титуле 1755 г. («Российская грамматика», Спб., 1755). В отличие от грамматики В.Е. Адодурова грамматика М.В. Ломоносова стала пользоваться большой славой и не потеряла своего значения до наших дней. И, наконец, третья из наиболее значительных грамматик 18-го века — «Российская грамматика» А.А. Барсова, написанная в 1783–1788 гг., наиболее полное описание русского языка 18-го века даже в сравнении с ломоносовской грамматикой, во многом, кстати, не совпадающее с последней. Конечно, в это время появились и другие русские грамматики (Н.Г. Курганова, Е.В. Сырейшикова; «Краткие правила Российской грамматики...» того же А.А. Барсова), но они не оставили заметного следа в русской филологической мысли — или как эпигонские,

---

который не имеет никакого отношения к их устройству»: Фердинанд де Соссюр. Заметки по общей лингвистике. М., 1990, стр. 84.

повторяющие ломоносовскую (Курганов), или как фрагментарные и чисто практические (Сырейщиков, Барсов).

В XIX веке грамматических трудов появляется значительно больше, но и среди них можно выделить наиболее известные. Это:

1. *А. Х. Востоков. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная.* — Санкт-Петербург: изданием Имп. Рос. акад. с изд., напеч. в тип. И. Глазунова, 1831. — XXIV, 408 с. Одна из лучших грамматик русского языка 19-го столетия: Она надолго определила пути и методы изучения грамматической системы русского литературного языка и до сих пор не утратила своего научного значения». ⁸ В своей борьбе против грамматических взглядов и методов исследования материала, которые насаждались в русском языкознании Н. И. Гречем, А. Х. Востоков, противопоставляя им свои взгляды и методы, добился глубокого проникновения в самую сущность живых и самобытных явлений русского языка, его грамматика отличается лаконизмом, точностью и простотой грамматических обобщений.

2. *Н. И. Греч. Практическая русская грамматика.* Спб., 1834. Грамматика была одной из самых известных, но по многим причинам ее следует считать скандально известной. Н. И. Греч грешил подгонкой фактов и особенностей русского языка под готовые стандарты и формулы зарубежных и русских составителей грамматик, построенных на принципах универсально-логических теорий, поэтому и заслужил резкую критику В. Г. Белинского, Ф. И. Буслаева. В. Г. Белинский: «Если сравнивать две русских грамматики разных составителей, например, грамматику г. Греча с грамматикой г. Востокова, подумаешь, что каждая из них рассуждает об особенном языке или что они отделены

---

⁸ В. В. Виноградов. Предисловие к кн.: Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию. 1825–1880. Вып. 1, М., 1954, стр. 7.

одна от другой большим промежутком времени» (а В.Г. Белинский считал грамматику А.Х. Востокова лучшей из всех русских грамматик). Правда, вместе с тем В.Г. Белинский признавал: «Грамматика г. Греча не без достоинств... в ней есть много дельных замечаний... ее автор умел иногда кстати пользоваться трудами и открытиями наших филологов».⁹

3. *Г.П. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка протоиерея Г. Павского. Рассуждения 1–3, Спб., 1841–1842; Рассуждение 1. О буквах и слогах. 1841. Рассуждение 2. Об именах существительных. 1842. Рассуждение 3. О глаголе. 1842.* В 1850 г. появилось второе издание (Спб., 1850), в котором Рассуждение 2 было дополнено Отделением 2 «Об именах прилагательных, числительных и местоимениях», без сомнения, под влиянием «Русской грамматики» А.Х. Востокова, одна из главных заслуг которого заключается в том, что он дифференцировал имя, выделив прилагательные в самостоятельную часть речи и определив их лексико-грамматические разряды.

4. *К.С. Аксаков. Опыт русской грамматики. 4. 1, вып. 1, М., 1860; перепечатка в полном собрании сочинений: ПСС, т. 3, ч. 2, М., 1880.* К.С. Аксаков является также автором еще одной книги, получившей в свое время широкую известность и не потерявшей своего научного значения до настоящего времени: *О русских глаголах. М., 1855.* Это исследование о видовременных значениях русского глагола с точки зрения популярной тогда общей категории «качества действия», в соответствии с которой выделяются три основных «степени» (вида): неопределенный, однократный и многократный.

5. *А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Тт. 1–2, Харьков, 1888; т. 3, Харьков, 1899; т. 4, М., Л., 1941.* Это не описательная грамматика русского языка, как большинство предшествующих, а капитальный теоретический труд, в котором

⁹ В.Г. Белинский. Сочинения Николая Греча. Санкт-Петербург. 1838, стр. 336.

изложены взгляды выдающегося отечественного лингвиста, не всегда бесспорные, но заслуживающие пристального внимания лингвистов и в наше время и своей смелостью, и глубиной выводов. В четырехтомном труде освещены узловые вопросы грамматического строя русского языка, рассматриваемые на фоне остальных славянских, а также германских, литовского и других языков. Этот поистине монументальный труд сочетает в себе историческую, описательную и сравнительную (синхронное и историческое сопоставление) грамматику и, несмотря на отдаленность от нас по времени (первые две части были защищены в качестве докторской диссертации в 1874 году), является настольной книгой для лингвистов, занимающихся проблемами русской грамматики, все эти полтора века.

Кроме того, в 19 веке вышли грамматические труды, которые мы не можем отнести к фундаментальным грамматикам русского языка того времени, но которые сыграли значительную роль в развитии русской грамматической мысли и не утратили своего теоретического значения и теперь. Это: «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» И. И. Давыдова (СПб., 1854); «Основания русской грамматики для первоначального обучения» В. Г. Белинского (М., 1837); «О значении форм русского глагола» Н. П. Некрасова (СПб., 1865); «Грамматика языка русского (в объеме гимназического курса)» Н. Богородицкого, вып. 1–2 (М., 1868–1871); «Грамматика языка русского, Ч. 1. Познание слов» И. Ф. Калайдовича (М., 1834); «Филологические разыскания» Я. К. Грота (СПб., 1873); «Очерк науки о языке» Н. В. Крушевского (Казань, 1883); «Опыт исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева (М., 1858).

В первой трети XX в. появился целый ряд фундаментальных грамматических трудов, являющихся основополагающими для современной грамматики. Среди них важнейшие:

«Синтаксис русского языка» Д. Н. Овсяннико-Куликовского (2-е издание, испр. и доп. СПб.: изд. И. Л. Овсяннико-Куликов-

ской, 1902, XXXVI, 322 с.; других переизданий нет; 1-е издание — 1902 г. — менее доступно).

«Русский синтаксис в научном освещении» А.М. Пешковского (М., 1914; самым доступным и популярным до недавнего времени было издание: М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956, последнее — 8-е издание вышло в 1001 г. В серии «Классики отечественной филологии»: А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. — М.: Языки славянской культуры, 2001).

«Общий курс русской грамматики» В.А. Богородицкого (Казань, 1904; доступное и наиболее известное 5-е издание: Москва-Ленинград: Соцэкгиз, 1935, до этого переиздавалась в 1907, 1911, 1913 гг.);

«Синтаксис русского языка» А.А. Шахматова (вып. 1, Л., 1925; вып. 2, Л., 1927; второе — объединенное издание обоих выпусков в одной книге: Ленинград: Учпедгиз, Ленингр. отделение, 1941. — 620 с.).

Из более поздних работ важнейшими в изучении грамматики современного русского литературного языка являются:

«Очерк современного русского литературного языка» А.А. Шахматова (М., 1936);

«Русский язык. (Грамматическое учение о слове)» В.В. Виноградова (М.-Л., 1947; дополненные и переработанные повторные выпуски: М., 1972; М., 1986; М.: Русский язык, 2002)

«Грамматика русского языка», ч. 1–2 (М., 1954; 2-е изд.: М., 1960);

«Грамматика современного русского литературного языка» (М., 1970);

«Русская грамматика». Т. I (М., 1982), Т. II (М., 1982).

§ 2. Объект изучения морфологии

Объектом изучения морфологии, как и лексикологии, фонетики, словообразования, является **слово**.

Однако морфологию слово интересует с иной точки зрения, чем, например, лексикологию. Для лексикологии важно выяснить лексическое значение слова, определить его происхождение, охарактеризовать слово с точки зрения его функционально-стилистических свойств и употребляемости в языке и т. д. В этом смысле лексикология устанавливает, например, что слово «одеколон» появилось в русском языке в результате заимствования в XIX веке французского слова *eau de cologne* (в XIX веке *oau de Kologne*), означавшего «вода из Кельна». Оно относится к обиходно-бытовой лексике и обозначает один из видов парфюмерных изделий — «спирто-водный раствор душистых веществ, употребляемый как парфюмерное средство». Морфология изучает это же слово в другом аспекте: она выясняет его грамматические свойства, устанавливая, в частности, что это существительное неодушевленное, нарицательное, несобирательное, мужского рода, единственного числа и т. д. Следовательно, морфология изучает слово с точки зрения его формы, а лексикология — с точки зрения его лексического значения.

Говоря о слове как объекте изучения морфологии, надо помнить о том, что понятие «слово» может иметь разное содержание в зависимости от того, о каких языках идет речь. Для русского и большинства языков мира приведенного объяснения достаточно, но могут быть такие крайности, как «супер» аналитические и синтетические языки, в которых формы в привычном для нас виде нет вовсе или она приобретает причудливый для носителей русского, немецкого, чеченского и других языков облик. Так, в китайском языке «каждое слово является односложной морфемой или сложным словом или словом-слово-

сочетанием»¹⁰; на другом полюсе — «столь синтетический язык, как эскимосский, в котором длинные цепочки связанных форм объединяются в одно слово, например: [a: wlisa-ut-issar-si-mar-ri-al] «я ищу что-либо подходящее для леса».¹¹ Нам трудно воспринять все это сочетание как одно слово, но это обычное явление для носителей таких языков.

§ 3. Предмет морфологии. Место морфологии в системе разделов науки о языке

Термин **морфология** (англ. *morphology*, франц. *morphologie*, немецк. *die Morphologie*, испанск. *morphologia*) представляет собой сложное слово, состоящее из греч. *morphe* «форма; строение» и *logos* «слово; учение». Следовательно, в самом общем виде предметом морфологии является форма, это учение о форме. Однако форма присуща всем единицам языка — звуку, слову, предложению, поэтому надо определить, о какой форме идет речь. Это уточнение видят обычно в самом термине «морфология» [*морфология* — форма (*morphe*) слова (*logos*)], однако в нем его нет, поскольку «-логия» (*logos*) переводится как «слово» в утратившемся значении «речь, повествование о чем-либо; учение». Правильнее говорить о сложившейся традиции закрепления за термином «морфология» значения «учение о форме слова».

Конкретизируя это общее представление о предмете морфологии, мы видим, что в учебной и научной литературе он определяется по-разному. Сравним: «Учение о грамматической структуре слов, о формах слов, об образовании слов и форм слов обычно называется морфологией»;¹² «...Раздел языко-

¹⁰ Л. Блумфилд. *Язык*. М., 1968, стр. 222.

¹¹ Там же, стр. 223.

¹² В. В. Виноградов. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. М., 1986, стр. 14.

знания, изучающий разнообразные аспекты строения слова с точки зрения зависимости его значения от составляющих его морфем. Основным предметом морфологии является исследование системы морфологических категорий и способов их выражения, включая учение о формообразовании»;¹³ «... та часть грамматического строя русского языка, которая объединяет грамматические классы слов (части речи), принадлежащие этим классам грамматические (морфологические) категории и формы слов».¹⁴ У В. В. Виноградова, таким образом, морфология включает в себя а) морфемику, б) формообразование и словоизменение (видимо, и морфонологию), в) словообразование. О. С. Ахманова и авторы АГ-80 исключают из этого перечня словообразование, сформировавшееся и выделенное языковедами как самостоятельный раздел языкознания.¹⁵ При этом в АГ-80 сделано существенное уточнение — напоминанием о том, что морфология занимается прежде всего изучением грамматических классов слов — частей речи (вопросами состава, принципов классификации частей речи, определения частеречной принадлежности конкретных слов и групп слов). Это именно та часть морфологических проблем, которая во многих научных и учебных изданиях по грамматике остается нераскрытой,¹⁶ в том числе и в самой АГ-80.

¹³ О. С. Ахманова. *Словарь лингвистических терминов*. М., 1969, стр. 243.

¹⁴ *Русская грамматика*. В двух томах. Т. I. М., 1982, стр. 453.

¹⁵ В последнее время становится традицией вынесение в самостоятельный раздел обших, теоретических по преимуществу, вопросов словообразования и включение в морфологию частных вопросов словообразования частей речи: «Кроме того, традиционным в русской лингвистической науке является и отнесение к морфологии вопросов словообразования отдельных частей речи (общие вопросы словообразования ... выносятся в отдельный раздел» (Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. *Современный русский язык*. Изд. 5-е. М., 1987, стр. 136).

¹⁶ Эта традиция стала нарушаться только в последние несколько лет: см. названный выше учебник Н. С. Валгиной и др., стр. 138–146.

Итак, морфология занимается изучением следующих основных вопросов грамматики: 1) частей речи (состав частей речи, принципы их классификации, базовые признаки определения частеречной принадлежности слов); 2) формообразования и словоизменения частей речи и, следовательно, морфологических категорий, присущие им.

Не все части речи имеют формы словоизменения и даже формы вообще. Например, так называемые *частицы речи* (предлоги, союзы, частицы, модальные слова, междометия, звукоподражания) характеризуются неизменяемостью и отсутствием каких-либо признаков, по которым можно было бы говорить об их формальной стороне. Для некоторых из этих классов слов первостепенными становятся не морфологические признаки (их у них просто нет), а синтаксические. Конечно, морфологию интересуют синтаксические свойства и знаменательных частей речи, но здесь они играют вспомогательную роль при грамматическом анализе — описании классов слов, имеющих ярко выраженные дифференциальные признаки на морфологическом уровне, тогда как служебные частицы речи, как мы убедимся в соответствующей главе, можно уверенно разграничивать только по синтаксическим данным. Сказанное определенно не относится, конечно, к междометиям, звукоподражаниям и модальным словам.

Среди других языковедческих разделов морфология занимает особое место — тем, что обнаруживает непосредственную связь практически со всеми другими разделами, но в первую очередь с морфемикой, морфонологией, словообразованием и синтаксисом.

Морфемика в равной степени близка и к морфологии, и к словообразованию, поскольку она изучает состав слова, исследует вопросы функций морфем, а морфемы являются тем «строительным материалом», без которого невозможно образование слова или формы слова. Что касается словообра-

зования, то его связь с морфологией подтверждается уже тем, что грамматика долгое время включала словообразование в раздел морфологии, и даже после того, как словообразование выделилось в самостоятельный раздел, во многих грамматиках частные вопросы словообразования частей речи освещаются в курсе морфологии.

Добавим также то, что морфология и словообразование используют для реализации своих задач одни и те же формальные средства — флексии, суффиксы и т. д. Более того, образование нового слова — это часто и параллельное образование иной формы, и во многих случаях даже языковеду трудно однозначно решить, какую роль выполняет то или иное формальное средство в конкретном слове — формообразовательную или словообразовательную.

«Морфология представляет, так сказать, инвентарь отдельных категорий слов и их форм, а синтаксис показывает все эти слова и их формы в их движении и жизни — в предложении и речи», — писал В. А. Богородицкий,¹⁷ и действительно, морфологические средства существуют не сами по себе, а для того, чтобы обеспечивать связь слов с другими, сделать возможным соотношение форм слов, а это уже область синтаксиса. Заслуживают внимания и слова А. В. Исаченко о том, что «связь между морфологией и синтаксисом настолько тесна, что многие морфологические категории полностью вскрываются только при помощи синтаксического анализа»,¹⁸ не случайно морфологический анализ слова всегда включает в себя уточнение синтаксической функции и синтаксической сочетаемости анализируемого слова.

Различия между морфологией и синтаксисом, морфологией и фонетикой (а именно эти три раздела включаются в область

¹⁷ В. А. Богородицкий. *Общий курс русской грамматики*. М.-Л., 1935, стр. 207.

¹⁸ А. В. Исаченко. *Грамматический строй русского анализа в сопоставлении с словацким. Морфология*. В 2-х частях. Часть первая. Братислава, 1954, стр. 53.

грамматики по сей день) хорошо прослежены у Е. Д. Поливанова, который пишет: «Разница между морфологией и синтаксисом количественная: единицей — *minimum* в морфологии является *морфема*, а в синтаксисе — *слово* (= синтагма); единицей — *maximum* в морфологии является *слово*, а в синтаксисе — *фраза* (или предложение, или словосочетание). Разница же между морфологией и фонетикой качественная: в фонетике не изучаются значения (комплексов звуков), а в морфологии (как и в синтаксисе) изучаются именно значения в связи с формой слов (в синтаксисе — словосочетаний)».¹⁹

Тот раздел, который мы рассматриваем, не всегда называли морфологией. В языкознании 19 — начала 20 века практически невозможно встретить этот термин в школьных грамматиках и очень редко он употреблялся в грамматиках научных. В школьную грамматику термин вошел в 1920–1930 гг., раньше раздел называли *этимологией*; сейчас, как нам известно, термин «этимология» толкуется как «раздел языкознания, изучающий происхождение и историю отдельных слов и морфем». Что касается самой этимологии, то морфология имеет к ней ровно столько же отношения, сколько лексика и словообразование.

Немаловажен для определения значения морфологии тот факт, что она явилась базой для **морфологической классификации языков**, основанной на принципиальных особенностях морфологического строя языков. В соответствии с этой классификацией все языки мира (независимо от их генетической связи или отсутствия таковой) делят на три **типа** (или последовательно переходящих одна в другую стадии) морфологической структуры: 1) **изолирующий**, или «аморфный» тип (например, китайский, вьетнамский языки)²⁰; 2) **агглютинативный** тип (тюркские,

¹⁹ Е. Д. Поливанов. *Словарь лингвистических и литературоведческих терминов (1935–1937): Толковый терминологический словарь по лингвистике (1935–1937)*. — В кн.: Е. Д. Поливанов. *Труды по восточному и общему языкознанию*. М., 1991, стр. 384.

²⁰ При этом нельзя не иметь в виду иную точку зрения на эти языки, озвученную,

кавказские языки); 3) **флективный** тип (русский и многие европейские). Конечно, это деление весьма условное и логически невыдержанное, не способное охватить все реальное разнообразие морфологических структур языков. Более того, почти не существует языков, которые можно было бы однозначно отнести к одному из этих типов. Например, русский, считающийся флективным, характеризуется и элементами агглютинации (*оденьте; пошла-ка, двинемтесь-ка*; причисляемые к агглютинации префиксальные и постфиксальные образования типа *отсытять, купаться* и т.п.). Но тем не менее до настоящего времени эта классификация не вышла из широкого употребления в языкознании, хотя с ней конкурирует, правда, еще более общее, деление языков на **аналитические** и **синтетические** (тоже, впрочем, на базе морфологических сходств и различий языков).

§ 4. Основные понятия морфологии

У каждой науки есть определенный круг узловых понятий, без ясного представления о которых трудно уловить ее логику и усвоить ее содержание. Есть такие понятия и у морфологии. Эти понятия: **слово, словоформа, парадигма; грамматическое значение, грамматическая форма, грамматическая категория; формообразование и словоизменение; части речи.**

например, Р.А. Будаговым, считавшим термин «бесформенные языки» «неправильным по отношению к корневым языкам, как и к любым другим. Язык не может быть «бесформенным» даже в том случае, если слова этого языка не знают форм словоизменения. Ведь, кроме форм словоизменения, в языке могут бытовать другие формальные признаки слов: определенная и строгая сочетаемость слов, определенная и строгая взаимосвязь их и т.д. Хотя эти формальные признаки относятся к синтаксису, они не делаются от этого менее существенными для грамматики данного языка. Поэтому следует сохранить различие, предложенное в свое время Л.В. Щербой, между понятием «формальных признаков слова» (понятие более широкое) и «формой слова» (понятие узко морфологическое)»: Будагов Р.А. Введение в науку о языке. 3-е издание. М., «Добросвет 2000», 2003, стр. 389.

§ 4.1. Слово — словоформа — парадигма

Слово — центральное понятие и лексики, и морфологии, изучаемое ими, однако, с разных точек зрения и с разными целями. Если лексика занимается выяснением семантики и функционально-стилистической принадлежности слова, то морфология изучает слово как грамматическую единицу со всей системой форм и грамматических значений. Поэтому естественно, что в лексике требуется одно определение слова, в морфологии — другое.

Слово — понятие общее, условное, собирательное, «представителем» которого мы считаем по традиции начальную («словарную») форму. Всякое изменяемое слово — это совокупность его различных **словоформ**, образующихся в соответствии с присущими слову грамматическими признаками. По определению АГ-70, «отдельно взятая форма конкретного слова является его словоформой»,²¹ это, следовательно, «грамматическая форма слова в его употреблении... форма слова, взятого в его отношении к выраженным в нем его собственным грамматическим значениям и в его синтаксических отношениях к другим словоформам в речевой цепи».²² Таким образом, **словоформа** — это та конкретная разновидность слова, его модификация, конкретное проявление, которое мы можем вычлени́ть в речевой цепи. Например, в предложении «Студенты пишут дипломные работы» мы можем вычлени́ть 4 словоформы: *студенты; пишут; дипломные; работы*. Трансформировав это предложение (заменив, например, множественное число на единственное и время глагола на прошедшее), мы получим уже другие словоформы тех же самых лексем: *Студент напи-*

²¹ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 302.

²² В. Г. Адмони. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. М., 1988, стр. 14.

сал дипломную работу. Мы могли бы изменять грамматические значения (а значит, и формы) данной речевой цепи и дальше и получали бы все новые словоформы, но опять-таки одних и тех же лексем. Все эти словоформы вместе взятые в своем единстве и составляют то, что мы называем *словом*. Так, изменяемое существительное как слово является обычно единством 12 словоформ: 6 падежных форм единственного числа и 6 — множественного.

Но не всякое слово может рассматриваться как словоформа, и не всякое слово обязательно представлено как совокупность словоформ. В речевой цепи мы можем выделить какую-то отдельную лексическую единицу как словоформу, если она обладает следующими признаками (всеми или хотя бы двумя из них):

- наличием в семантической структуре не менее двух компонентов значения — лексического и грамматического;
- непроницаемостью, т.е. и невозможностью включения в рассматриваемую единицу другой, тоже являющейся словоформой;
- относительной свободой перемещения в данной замкнутой речевой цепи (в словосочетании или предложении).

Чтобы разобраться в этом, проанализируем следующее предложение: *На земле древнего Новгорода и сейчас много озер и рек с прозрачной и чистой водой.*

В этом предложении мы находим несколько слов, не обладающих отмеченными признаками: это предлоги «на» и «с», частица «и» и союз «и». Как незначительные частицы речи, эти слова имеют семантику, неразложимую на отдельные компоненты; значения отношения, модальности и др., выражаемые предлогами, союзами, частицами, являются их лексическими значениями, но они служат для выражения грамматических связей между знаменательными полнозначными словами. Отсутствует у этих предложений и третий признак — они ха-

рактируются фиксированным положением в предложении: предлог может употребляться только в препозиции к соответствующему существительному, местоимению и т.д., союзы также занимают строго определенную позицию по отношению к соединяемым членам предложения или частям сложного предложения; некоторые частицы, однако, могут перемещаться внутри предложения. Все без исключения незначащие слова имеют второй признак — они непроницаемы, но это естественно, так как речь идет о единицах, которые не допускают включения в свою структуру не только лексических, но даже и аффиксальных элементов.

Вместе с тем мы видим, что в предложении выделяются композиты (сочетания слов), которые совместно выражают одно и то же грамматическое значение: *на земле* (предлог *на* и флексия *-е* совместно выражают предложный падеж), *с водой* (предлог *с* и флексия *-ой* — средство выражения грамматического значения творительного падежа). Такие композиты непроницаемы (*на древней земле, с очень прозрачной водой*), но они характеризуются разложимостью семантики на лексическую и грамматическую части, нефиксированностью в предложении и употребляются всегда в одном порядке следования друг за другом: предлог, как это должно быть у *предлога*, предшествует существительному. Подобные сочетания рассматриваются как одна аналитическая словоформа. Другие служебные частицы речи (союзы и частицы) в такие словоформные композиты не входят, так как они не относятся к какому-то одному слову, а распространяют значение всего предложения (частицы) или в равной мере относятся к двум связываемым словам (союзы). Исключение составляет частица *бы* в сослагательном наклонении глагола (*сказал бы, знал бы* и т.д.). Эмоциональные слова-междометия, а также звукоподражания и образоподражания, вовсе не выражают грамматических значений, поэтому также не являются словоформами.

Конкретное слово может иметь одну единственную словоформу и может объединять в себе систему словоформ. Одной словоформе (с весьма условным употреблением понятия «форма») равны неизменяемые слова: существительные (*интервью, жалюзи, импрессарио, Гегечкори, Токио* и др.), прилагательные (*беж, супер, хаки, модерн*), обстоятельственно-характеризующие наречия (*утром, походя*). Наречия на -о обычно имеют две словоформы, образуя сравнительную степень (поздно — позднее, высоко — выше). Безличные глаголы также имеют ограниченное число словоформ, а именно — три, по количеству временных форм: *Рассветает — Рассветет — Рассвело* (сюда можно прибавить и четвертую словоформу, которую, однако, безличные глаголы приобретают реже, — сослагательное наклонение: *Рассвело бы*). О словоформах слов категории состояния судить труднее, поскольку это особая категория «двусловной» части речи: в речи они не употребляются без вспомогательных глаголов, являющихся носителями видовременных и модальных значений (неупотребление такого глагола в настоящем времени не значит, что он вообще не участвует в создании формы предложения). Скорее всего, можно характеризовать слова категории состояния в целом как аналитические словоформы, охватывающие все лексемы, вводимые в эту часть речи (*Сегодня довольно прохладно — Вчера было довольно прохладно — Завтра будет довольно прохладно*), учитывая, что «семантическая часть» КС, соотносимая с наречиями на -о, может иметь и синтетическую форму сравнительной степени: *Сегодня прохладно — Завтра будет прохладнее*).

Однако подавляющее большинство неизменяемых слов имеет другую особенность: не изменяясь формально, они способны употребляться во всех или почти всех тех грамматических значениях, которые передаются изменяемыми словами того же класса. Показатели этих грамматических значений стоят за пределами неизменяемых слов; значения числа, рода,

падежа несклоняемых существительных мы можем установить, например, по формам тех слов, которые их определяют или которые управляют ими. а также по предлогам: *В моем интервью вы этого не могли слышать* (род синтагматически выявляется по согласуемому прилагательному *моем* — *в интервью*).

И все же большинство изменяемых слов имеет разветвленную систему словоформ, соответствующую тем грамматическим значениям, которые они способны выражать. Морфологические видоизменения одного и того же слова, не сопровождающиеся изменением лексического значения, называются **словоизменением**. Понятие словоизменения применяется, следовательно, в тех случаях, когда сохраняется в целости лексическое значение слова, а различные его формы выражают разные грамматические значения. Вся совокупность словоформ одного и того же слова в грамматике называется **парадигмой**.

В связи с тем, что парадигма всякого изменяемого слова может формироваться двумя и более грамматическими категориями, мы различаем парадигмы **частные** и **полные**. **Частная парадигма** — это группа форм, образуемых в рамках одной грамматической категории. Это, например, три времени глагола, или два числа существительных; падежные формы существительных единственного и (или) множественного числа; и т. д. Совокупность таких частных парадигм, объединяющая все словоизменяемые грамматические категории данного класса слов или отдельно взятого слова, называется *полной парадигмой*. **Полная парадигма** существительного состоит, например, из 12 словоформ, полная парадигма глагола насчитывает десятки словоформ, образуемых для выражения грамматических значений лица, времени, наклонения, числа и т. д. Каждая полная парадигма имеет свою начальную исходную форму, которая и представляет слово, поэтому ее называют еще словарной формой. Словарная форма существительного — им. п. ед. ч.,

словарная форма прилагательного — им. п. ед.ч. муж.р., словарная форма глагола — инфинитив, иначе — неопределенная форма глагола. Вместо «полная парадигма» в грамматике все используют понятие «макропарадигма», под которой подразумевается совокупность всех словоформ, которые может иметь слово в своей словоизменительной системе. Однако в таком случае логично было бы использовать и понятие «микропарадигма», заменив таким образом «частную парадигму», под которой имеется в виду группа форм в рамках одной, скажем, морфологической категории: у существительных это две частные парадигмы падежных форм соответственно единственного и множественного числа. В этом случае понятие «полная парадигма» не выводится из оборота, а переосмысливается: под полной парадигмой подразумевается наличие у слова (группы слов) всего (полного) набора словоформ, характерного для данной части речи/лексико-грамматического разряда. В таком употреблении термин закономерно оказывается антонимом употребляемого понятия «неполная» (или «недостаточная», «дефектная») парадигма.

Хотя определение полной парадигмы имени существительного как двенадцатичленной (состоящей из 12 словоформ — соответственно 6 словоформ единственного числа и 6 словоформ множественного) является общим местом всех грамматик, не оспариваемым в исследовательских работах, вряд ли можно быть уверенными, что парадигматические границы существительных (и соответствующих местоименных и других слов, характеризующихся субстантивным употреблением) до конца определены. Дело в том, что мы, с одной стороны, признаём, что предлог в сочетании с существительным, например, создает одну (аналитическую) словоформу (*на столе, под столом, у стола, при столе* и др.), но при этом не вводим эти словоформы в парадигму имени существительного. Аналитизм формы не лишает ее статуса словоформы как части пара-

дигмы, поэтому необходимо, конечно, определить место таких словоформ в парадигматической систем именных слов. Решение проблемы — в употреблении понятия «расширенная парадигма», под которой должна пониматься вся систем форм определенного класса или разряда слов во всех их разновидностях, включая аналитические падежные предложные словоформы существительных, некоторых местоименных слов, числительных. Расширенная парадигма — результат расширения макропарадигмы, включающей формы выражения категориальных значений, словоформами (в том числе аналитическими), которые модифицируют, детализируют эти категориальные значения. Конечно, это довольно сложная система, которая может включать, скажем, у имен существительных русского языка многие десятки аналитически словоформ — сочетаний существительных с предлогами, выражающих различные оттенки падежных значений.

В формировании парадигмы слова не всегда принимают участие все грамматические категории данного класса слов. Парадигмообразующими могут быть только словоизменяемые грамматические категории. Так, у существительных — число и падеж (исключается род), у прилагательных — число, падеж и род, а у качественных — также степени сравнения и категория полноты-краткости; у порядковых числительных, причастий, некоторых местоимений — число, род, падеж; из числа парадигмообразующих категорий глагола выпадают вид (если не у всех, то, во всяком случае, абсолютного большинства) и залог.

Анализируя морфологические признаки слов, мы редко сталкиваемся с необходимостью приводить всю макропарадигму того или иного слова. Иногда достаточно привести две-три формы, иллюстрирующие то или иное положение, правило, иногда же мы вынуждены называть большое количество форм, принадлежащих к разным категориям. В первом случае уместно

говорить о **частной парадигме**. Например, говоря о семантике падежей существительных, мы не обязательно приводим все их падежные формы обоих чисел, достаточно форм единственного числа, чтобы иллюстрировать грамматические значения падежей. В грамматических описаниях отдельных словоформ, классов и разрядов слов к макропарадигме приходится обращаться не часто, чаще всего оказывается достаточным приведения словоформ *частной* парадигмы. Особо это касается таких частей речи и словоформных групп, для категориальной характеристики которых несущественны некоторые их грамматические характеристики: как, говоря о грамматических признаках глагола, мы показываем их на примере категорий лица, вида, времени, наклонения, опуская такие категории, как род, число, залог.

О **полной парадигме** мы говорим, имея в виду, что у слова/слов имеются все словоформы, морфологически характеризующие соответствующую часть речи или лексико-грамматический разряд внутри нее в рамках той или иной морфологической категории. Причем понятие «полная парадигма» применимо в отношении не всей макропарадигмы, а только конкретной морфологической категории, представленной у данного слова/слов не всеми словоформами, которые она включает вообще. И не каждая морфологическая категория дает основание для противопоставления этих двух разновидностей парадигм. В сфере имени существительного, например, категория падежа это исключает, потому что не может быть имен существительных, если они вообще склоняемые, которые не имели бы все шесть падежей при наличии формы соответствующего числа (возможно отсутствие падежных форм в рамках одного числа, которое у существительного отсутствует — см. ниже о существительных *singularia* и *pluralia tantum*). Единственный пример неполной падежной парадигмы словоформ именной группы

в русском языке — это возвратное местоимение *себя*, которое не имеет формы именительного падежа.

Неполная парадигма — это парадигма, в которой отсутствует одна или несколько словоформ, характерных для данной части речи или для того лексико-грамматического разряда в ее пределах, к которому слово принадлежит. Еще более точным и отражающим реальную природу этого явления было бы противопоставление «достаточная парадигма — недостаточная парадигма», но в грамматике общепринятой является первая. Среди существительных неполнота парадигмы — это отсутствие ряда словоформ единственного или множественного числа. Такая неполная парадигма характерна для собирательных и некоторых других групп существительных, имеющих форму только единственного числа; выделяются и существительные, имеющие только форму множественного числа (оба этих грамматических класса нами рассмотрены в соответствующем месте в материале о категории числа имен существительных). В системе глагола неполнотой парадигмы характеризуются многие лексемы, которые не имеют 1-го лица ед. ч. (*победить, мутить*), 1-го и 2-го лица ед. и мн. ч. (*окислиться, палатализоваться*), 1-го, 2-го и 3-го лица ед. ч. (*разбежаться* в знач. 2. по С. И. Ожегову). Это явление — неполнота парадигмы — широко распространено в русском языке. Нужно, однако, предостеречь от применения понятия неполноты парадигмы в тех случаях, когда парадигматические ограничения предопределены принадлежностью лексем к определенным лексико-грамматическим разрядам слов, у которых словоизменение или отсутствует, или не предполагает образование определенных словоформ. В этом смысле понятие неполной парадигмы неприменимо, например, по отношению к безличным глаголам (у них и не может быть личной парадигмы), к относительным и притяжательным прилагательным (отсутствует соотносительность по признаку полноты-краткости, нет степеней сравнения), к кратким прила-

гательным, к сравнительной степени прилагательного, ко всем неизменяемым словам. Вряд ли понятие «неполная парадигма» применимо по отношению к неопределенным местоимениям *некто*, *нечто*, у которых иной падежной формы, кроме именительного падежа, нет, и которые употребляются только в значении единственного числа. Вообще нет парадигмы (поскольку они «бесформенные») у предлогов, союзов, частиц, междометий, звукоподражаний, модальных слов. В каком-то смысле можно говорить о парадигме союзных слов (*Дом, **который** стоит на горе, деревянный. — У дома, **которому** в будущем году исполнится триста лет, стенки деревянные*), но это союзы, образовавшиеся из полнозначных слов. Вопрос о применимости понятия «парадигма» к неизменяемым словам кажется простым и предполагающим очевидный отрицательный ответ, однако на самом деле это отрицание небесспорно. Слова типа *шоссе*, *пальто*, *интервью*, *кенгуру* действительно не имеют признаков флективного или вообще какого-либо словоизменения, но в сочетании с предлогами они образуют словоформы, нередко одно слово несколько словоформ. Например, *мимо шоссе* (***Мимо шоссе** параллельно ему по полю двигался длинный обоз*), *около шоссе* (*Пришлось оставить машину **около шоссе***), *до шоссе* (*Надо еще успеть добраться **до шоссе***), *над шоссе* (*Над шоссе долго кружился вертолет*), *о шоссе* (*Он любил подолгу говорить **о построенном им шоссе***) и т. д. Вряд ли найдется какое-то основание считать, что выделенные существительные с предлогами не аналитические словоформы, а поскольку они различаются своими грамматическими значениями, подобная система словоформ может быть названа не иначе, как *парадигма*. Парадигма, конечно, не морфологическая в общепринятом употреблении термина, лексической она не является определенно, синтаксической тоже. Понятно, что к подобным системам словоформ подходит понятие «грамматическая парадигма». Видимо, единственное решение вопроса в том, чтобы различать морфологи-

ческие парадигмы синтетические и аналитические, к каковым и можно отнести сочетания предлогов с неизменяемыми словами.

§ 4.2. *Грамматическое значение — грамматическая форма — грамматическая категория*

Говоря о соотношении понятий формы и грамматического значения, А. М. Пешковский показал сущность этих понятий на примере анализа корневой и аффиксальной частей слова. Так, анализируя слово «стекло», он писал: «Посмотрим прежде всего на первую часть *стекл-*. В ней, в сущности, уже назван тот предмет, о котором идет речь... Это *стекл-* обозначает **главное** в слове... оно имеет здесь **основное**, или **вещественное** значение... Совсем не такое значение имеет вторая часть — **-о**. Отдельно она ровно ничего не значит... Приставленная же к первой части, она тотчас же приобретает значение, но значение совсем особенное: не вещественное, а грамматическое».²³

Термин «грамматическое значение» используется в языкознании в широком и узком смысле.

В широком смысле под грамматическим значением понимается «обобщенное, отвлеченное языковое значение, присущее ряду слов, словоформ, синтаксических конструкций и находящее в языке свое регулярное (стандартное) выражение».²⁴ Сюда входят и общие значения слов как частей речи (предметность, процессуальность и т. д.), и синтаксические отвлеченные значения субъекта, объекта, предиката, выражаемые словами благодаря соответствующим свойствам их как частей речи, и частные значения словоформ, позволяющие соотносить слова друг с другом в предложении и содержание предложения с действи-

²³ А. М. Пешковский. *Русский синтаксис в научном освещении*. М., 1956, стр. 11–12.

²⁴ *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990, стр. 116.

тельностью, — значения падежа, числа, времени, наклонения и т. д. Все это в русском языке, как правило, выражается одной морфемой (проявление флективности), реже — двумя и более.

В узком смысле мы ограничиваем понятие «грамматическое значение» частными значениями словоформ и слов в целом, которые противопоставляем друг другу в рамках определенных грамматических категорий, т. е. это отдельные значения форм числа (единичность и множественность), падежа, времени и т. д.

Можно выделить 4 основных признака, которые дают ясное представление о сущности грамматического значения.

1. Оно характеризуется предельной абстрактностью, отвлеченностью от конкретных лексических значений слов, поэтому одно и то же грамматическое значение может иметь большое количество слов. Скажем, грамматическое значение формы единственного числа — единичность распространяется на большинство существительных, равно как значение множественности также на большинство имен существительных (имеющих соответствующую форму, конечно).

2. Если лексическое значение выражается исключительно корневыми морфемами, то значение грамматическое выражается главным образом аффиксами — синтетически (у существительных — флексии, у глаголов — флексии и суффиксы и т. д.), а также аналитически при помощи служебных слов (*к дому, в доме, за домом* и т. д.).

3. Грамматические значения выражают отношения между предметами, действиями и т. д., т. е. тем, что является содержанием лексического значения. Например, в словосочетании *купить плащ* синтетически выраженное грамматическое значение винительного падежа выражает отношение между действием (*купить*) и объектом этого действия — предметом (*плащ*); глаголами в соответствующих формах времени, наклонения, лица выражаются отношения между обозначаемым процессом и действительностью, между процессом и его субъектом и т. п.

4. Грамматическое значение обязательно для целого класса слов (части речи, лексико-грамматического разряда), тогда как лексические значения индивидуальны и не повторяются в других словах.

Грамматические значения должны иметь формы своего выражения, т. е. то, что мы называем *грамматической формой*. В. Г. Адмони определяет грамматическую форму так: «Грамматическая форма — это соединение лексического значения (или ряда лексических значений) с наслаивающимся на него грамматическим значением (или целым комплексом таких значений)».²⁵ Под грамматическими, или морфологическими, формами подразумевают «абстрактные грамматические образцы — в полном отвлечении от конкретных слов с их индивидуальными лексическими значениями».²⁶ Казалось бы, эти два определения противоречат друг другу: в первом случае лексическое значение сочетается с грамматическим и они в совокупности дают форму, во втором мы отвлекаемся от лексических значений. Но противоречия здесь нет, мы просто столкнулись с разными подходами к определению грамматической формы. В. Г. Адмони говорит о грамматической форме **слова** со всей системой его значений, а авторы АГ-80 — о грамматической форме **вообще**. Например, если взять словоформу *рука*, мы можем говорить о форме (формах) этого слова применительно к одному из его лексических значений, если оно известно из контекста, или к ряду его лексических значений (1. Верхняя конечность человека от плеча до пальцев, а также от запястья до пальцев. 2. Почерк, подпись. 3. Сторона направление. 4. Тот, кто способен оказать помощь, протекцию. — С. И. Ожегов), поскольку в каждом из этих значений возможности формообразования

²⁵ В. Г. Адмони. *Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики*. Л., 1988, стр. 50.

²⁶ *Русская грамматика*. Том I. М., 1982, стр. 454–455.

у слова «рука» различны. А в целом (вообще) мы составляем себе представление о морфологической форме (образе) этого слова, исходя из того, что оно имеет формы числа, рода, падежа, подобно многим другим словам из числа существительных с таким же окончанием.

Грамматическая форма — важный и очень существенный признак слова как единицы языка/речи, но не обязательный. Хотя в абсолютном большинстве языков мира слова имеют те или иные формы, с помощью которых они в сочетании с другими словами, также имеющими формы, образуют более сложные единства — словосочетания и предложения, есть и языки, в которых формы как таковой нет. Нет, скажем, привычных для нас грамматических (морфологических) категорий рода, числа, падежа, наклонения, времени, лица и т. д., поэтому другое их название — «бесформенные». Речь идет о так называемых аморфных, или корнеизолирующих, языках. В наше время таких языков мало, но в древности их было больше: по мнению исследователей древних языков, выраженными признаками аморфности характеризовались шумерский, ассирийский, хеттский и некоторые другие языки. Надо полагать, именно этот их признак затрудняет или даже делает невозможной дешифровку оставшихся от шумеров, ассирийцев, египтян и др. надписей. Среди современных языков ярко выраженной корнеизоляцией (аморфностью) характеризуется китайский язык; к этому «структурному» (если его вообще можно назвать при отсутствии самих признаков структурности) относятся также такие языки, как вьетнамский, бирманский, тайский, кхмерский, лаосский, дунганский и некоторые другие. С точки зрения многих специалистов в области общего и германского языкознания, тенденция к развитию в направлении к корнеизоляции наблюдается в современном английском языке, особенно в его американском варианте.

Морфологическая (грамматическая) форма получает свое материальное выражение с помощью следующих аффиксов и неаффиксальных средств:

1. **Флексии** (окончания) — материально выраженные и нулевые. Термин «флексия» восходит к латинскому слову *flexio* «стибание». В русской грамматике термин употребляется по существу в двух значениях: 1) как дублетный к термину «окончание», это «флексия в узком смысле»; 2) как термин, обозначающий три вида флективных аффиксов, идущих после основы и выполняющих формообразующую функцию: а) окончания, т. е. флексии в узком смысле; б) формообразующие суффиксы; в) формообразующие постфиксы.²⁷ Чаще всего термин употребляется в первом, «узком» смысле. В этом смысле он используется и нами.

В научной и учебной литературе не придается особого значения признаку флексии (в узком смысле), отличающему ее от остальных аффиксов в структуре слова, как ее изменяемость. Флексии в парадигме слов, словоизменение которых основано на использовании флексий, характеризуются взаимозаменой в соответствии с каждым приобретаемым новым грамматическим значением, в то время как, например, суффиксы, префиксы и постфиксы сохраняются. Например, в парадигме слова *подоконник* мы видим, что словоформы в парадигматическом ряду отличаются друг от друга исключительно только флексиями: *подоконник-∅* — *подоконник-а* — *подоконник-у* — *подоконник-∅* — *подоконник-ом* — (*о*) *подоконник-е*. Этим свойством характеризуются окончания не только существительных.

С помощью флексий выражаются число, род и падеж именных частей речи и местоименных слов, число, род, лицо, настоящее и будущее время глаголов; к разряду флексий относят-

²⁷ Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов. Издание 6-е, исправленное и дополненное.* — Назрань: «Пилигрим», 2016. С. 530.

ся личные окончания глаголов настоящего и будущего времен; флексии служат также для противопоставления полных и кратких форм прилагательных и причастий; обычно флексия материально выражена — *машин-а, дом-у, играл-и, странн-ый, ид-у*, но может быть равна нулю звука — *дом-Ø, принял-Ø, сад-Ø*. Флексии в русском языке по общепринятому представлению о них, выполняют словоизменительную (формообразующую) функцию), при этом многие считают, что только исключительно словоизменительную (формообразующую), однако на самом деле такая функция у некоторых флексий может сочетаться и со словообразовательной ролью. В связи с этим отдельные авторы в последнее время стали отмечать выполнении флексиями *словоформообразующей* функции. Примерами такой функции являются, например, существительные типа *кум — кума, супруг — супруга*, в которых окончание *-а* одновременно образует существительные со значением «женскости» и выражает грамматическое значение женского рода; порядковые числительные, в которых адъективные окончания используются и как словообразовательные — образуют числительные разряда порядковых, и как формообразовательные: *пять — пятый, десять — десятый* и др. Широкое использование флексий в словоизменении не только существительных, но и слов других частей речи, их явное преобладание в словоизменении — признак, в соответствии с которым русский отнесен в известной структурной (морфологической) классификации к флективным. При этом флексии, как и остальные морфемы, являются составными элементами словоформы, грамматические значения выражаются ими в пределах самого слова, что позволяет отнести русский язык в той же классификации к синтетическим. Встречающееся у отдельных авторов отождествление этих двух понятий — «флективные» и «синтетические» (см., напр., у Л.И. Рахмановой и В.Н. Суздальцева: «С типологической точки зрения русский язык является с и н т е т и -

ч е с к и м , иначе ф л е к т и в н ы м языком»²⁸) ошибочно: это разные понятия и синтетическими могут быть и агглютинативные языки: чеченский и другие кавказские языки, например, агглютинативные (с ярко выраженной флективной тенденцией) и синтетические с некоторыми, как в русском языке, проявлениями аналитизма.

2. **Суффиксы** — преимущественно используются при формообразовании и словообразовании глаголов; с помощью суффиксов образуются прошедшее время глагола (*прише-л*), повелительное наклонение (*скаж-и*), формы совершенного и несовершенного видов (*мах-а-ть, мах-ну-ть*); суффиксальные морфемы используются для противопоставления временных и залоговых форм причастий: *ид-ущ-ий, вед-ом-ый*; для образования сравнительной и превосходной степени прилагательных (*сильн-ее, сильн-ейш-ий*), сравнительной степени наречий (*глубж-е*).

3. **Постфиксы**, образующие возвратные формы глаголов и причастий (вернее, только **выражающие** значение возвратности, так как *мыться* — *мыть* не связаны отношениями словоизменения, а *моющийся* образовано от *мыться*, а не *моющий*), множественное число и вежливую форму обращения от глаголов повелительного наклонения (*скажи-те*); страдательный залог глагола в его личной форме выражается посредством постфикса, хотя вопрос об образовании страдательного залога с помощью **-ся** относится к числу спорных, так как при пассивном преобразовании изменяется форма не только глагола, но и его «актантов» — участников действия (*Рабочие возводят школу. — Школа возводится рабочими* — изменились форма глагола, двух существительных соответственно в грамматиче-

---

²⁸ Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцев. Современный русский язык. Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, Издательство «ЧеРо», 1997. С. 6.

ски субъектной и объектной функциях, которыми они обменялись).

4. **Префиксы**, выполняющие в языке преимущественно словообразовательную роль, но в системе глагола используемые и в формообразовании — с помощью префиксов образуется совершенный вид глагола (*делать* — *сделать*, *писать* — *написать*); префиксация характерна, но в меньшей степени, и для слов других частей речи — существительных, наречий, например.

5. **Служебные слова** (предлоги и некоторые частицы), являющиеся средством выражения аналитических грамматических форм: они дополняют перечисленные выше аффиксальные средства и выражают более конкретные частные грамматические значения. Например, в сочетании предлога и существительного «в доме» флексия *-е* выражает абстрактное грамматическое значение объекта, а предлог «в» уточняет его значение оттенком локальности — местонахождения чего-л. или места совершения действия. Формообразующими являются частицы *-те* (образует множественное число от формы повелительного наклонения: *давай-те*, *иди-те*, *брось-те*), **бы** (образует сослагательное наклонение: *сказал бы*, *шел бы*, *приветствовал бы*). Служебные слова — предлоги оказываются единственным формальным средством выражения грамматических значений, когда они сочетаются с «бесформенными» неизменяемыми словами (*в кафе*, *перед кафе*, *на шоссе*, *через шоссе*). Формообразование с помощью служебных слов является признаком аналитизма — образования аналитических форм, в некоторой степени — в рамках примеров, приведенных выше, представленного и в русском языке.

6. **Служебные связочные глаголы** *есть*, *был* (*о*, *а*), *будет*, выражающие синтаксическое время в сочетании с именными словами и со словами категории состояния, которые традици-

онная грамматика определяет как наречия²⁹ (*Он был взволнован; Здесь (есть, было, будет) очень жарко*).

7. **Вспомогательные глаголы** (*делаться, становиться*), выполняющие ту же функцию, но не являющиеся, в отличие от связочных глаголов, десемантизированными элементами: *Здесь становилось душно; Ей сделалось дурно*.

8. **Супплетивизм** как средство формообразования встречается при противопоставлении существительных по числу (человек — люди), видовом противопоставлении глаголов (брать — взять, ловить — поймать), склонении некоторых местоимений (*мы — нас, нам, я — меня, мне*). В «чистом виде» супплетивизм в морфных языках невозможен: используя другую корневую морфему при образовании коррелята, мы придаем ей ту форму, которая выражает соответствующее грамматическое значение: например, супплетивная форма множественного числа люди от человек все равно содержит окончание **-и**, указывающее не принадлежность ко множественному числу.

9. **Акцентная мена** — вернее, это чередование фонем, вызванное переносом ударения; с помощью этого средства образуются видовые пары глаголов (*нарезАть — наРЕзАть*).

10. **Порядок слов** в предложении, позволяющий определять формы слов в тех случаях, когда отсутствуют перечисленные средства, или если совпадают формы двух или более слов, выполняющих в одном предложении разные грамматические функции. Например, в предложении *Мать хвалит дочь* словоформы *мать* и *дочь* совпадают, поскольку именительный и ви-

---

²⁹ Категория состояния как часть речи выделяется далеко не во всех грамматиках, хотя особый частеречный статус этого класса слов аргументированно определен многими русскими языковедами (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, Е. М. Галкина-Федорук, В. М. Панфилов, А. Н. Тихонов, А. В. Исаченко и др.). Уникальность этого класса слов — их фактическая двусловность: лексические и грамматические значения этого класса слов могут быть реализованы только в сочетании со вспомогательными глаголами, на которые ложится основная нагрузка по реализации основных грамматических значений.

нительный падежи существительных женского рода с основой на мягкий и с нулевой флексией имеют в русском языке одинаковую форму; здесь единственным признаком, на основании которого можно определить принадлежность таких слов к именительному или винительному падежу, является порядок слов: учитывая, что обычный порядок в русском языке предполагает расположение основных членов предложения в последовательности «подлежащее — сказуемое — дополнение», мы определяем «мать» как форму именительного падежа, следовательно, как подлежащее, «дочь» — винительного падежа (как прямое дополнение). Порядок слов в русском и в большинстве других языков является только вспомогательным средством распознавания форм слов, его конструктивная релевантность значительно менее высока, чем, например, в корнеизолирующем (аморфном) китайском языке, для которого это основное средство соединения слов в предложения, распознавания основных функционально-синтаксических компонентов предложений.

11. В устной речи формообразующими (вернее: формоопределяющими) могут быть и **ритмико-интонационные средства**. В современном русском языке они играют важную роль при определении, например видовой принадлежности двувидовых глаголов — в предложениях с двумя и более двувидовыми глаголами в особенности, таких, как *Казнить нельзя миловать*, в которых интонационное и акцентное выделение первого слова с нисходящей интонацией дает нам одно содержание высказывания (*Казнить, нельзя миловать*), выделение второго слова с интонацией восходяще-нисходящей — другое (*Казнить **нельзя**, миловать*).

Как видим, грамматическая форма обычно «материальна» — даже в словах с нулевыми аффиксами мы выделяем особый вид морфемы, противопоставляемой материально выраженным аффиксам в других, обычно косвенных, формах. Но в русском языке выделяются многочисленные группы слов, которые

не имеют аффиксов вообще — ни в начальной, ни в косвенной форме. Это несклоняемые существительные (*пальто, рагу, интервью, визави, Токио, Короленко*), несклоняемые прилагательные (*беж, хаки, супер, модерн*). Формы как таковой у этих слов нет — она никогда не имеет материального выражения в структуре самих этих слов. Однако все грамматические значения, присущие «формальным» словам, они выражают: эти значения мы определяем по предлогам, если они есть, и по сочетающимся формам прилагательных, причастий, местоимений, глаголов и т. д.

Вопрос применимости понятия нулевой морфемы (флексии или суффикса) к неизменяемым классам слов — к качественно-характеризующим наречиям на **-о**, представляется не таким простым, как может показаться на первый взгляд. На первый взгляд, о них как членимых словоформам говорить нельзя: общим местом всех исследовательских и учебных работ, в той или иной связи касающихся лексико-грамматических особенностей таких наречий, является подчеркивание их неизменяемости. Вместе с тем, мы знаем, что есть наречия, образующие сравнительную (простую — синтетическую и сложную — аналитическую) и превосходную (аналитическую) степени. Нас интересует в этом контексте, конечно, простая форма сравнительной степени, которая образуется при помощи суффиксов **-ее, -ей, -ше, -е** (*смело — смелее — смелей, звонко — звонче, рано — раньше*). При образовании этой степени форма наречия, несомненно, меняется, и та часть, на место которой ставится суффикс сравнительной степени, требует своего объяснения. Не исключено, что специальное исследование проблемы приведет к признанию этой части суффиксом.

Грамматические значения и формы их выражения в принципе не могут существовать сами по себе, изолированно от слова с конкретным лексическим значением. Кроме приведенного выше примера с корнем и флексией словоформы *рука*, можно

сослаться на множество других, когда взятая сама по себе морфема не имеет значения. Скажем, **-а** может быть и флексией разных по морфологическим признакам существительных (*лампа-а, юнош-а, старост-а*), и флексией краткого прилагательного женского рода (*хорош-а*), и флексией глагола (*сказал-а*); эта же **-а** может быть суффиксом деепричастия (*ворч-а*) или просто конечным гласным наречия (*слегк-а*). Являясь средством выражения соответствующих грамматических значений, морфемы реализуют себя как значимые единицы только в составе слов, вне которых их значения часто или вообще невозможно определить, или нельзя определить точно и однозначно. Вместе с тем, есть немалое число морфем, за которыми в языке закреплены определенные грамматические значения, установление которых не составит особого труда для носителя языка; во всяком случае, нам известен тот круг грамматических значений, которые могут быть переданы этой морфемой. Например, если мы знаем, что **-л-** — это морфема, а не финальная часть слова (*стол*) или формы слова (*мал*), для нас не будет затруднений в определении того, что это суффикс и он выражает грамматическое значение прошедшего времени. То же можно было бы сказать и о некоторых флексиях существительных: **-ах** можно определить как флексию с грамматическим значением предложного падежа во множественном числе, если мы знаем, что это не финальная часть существительных типа *взмах, запах*. И все-таки рассматривать морфемы и — шире — формы слов как системы сигналов о грамматических значениях вне слова мы не можем, как не можем и употребить «форму» в отрыве от слова, которому оно принадлежит.

Теперь, имея достаточное представление о понятиях «грамматическое (морфологическое) значение», «грамматическая (морфологическая) форма», мы можем перейти к выяснению содержания термина «грамматическая (морфологическая) категория».

Термин «категория» употребляется в грамматике в двух основных значениях. Во-первых, это «крупные формальные классы слов, которые делят без остатка либо весь лексикон, либо тот или иной формальный класс на формальные классы, приблизительно разные по величине»,³⁰ под которыми имеются в виду части речи (существительное, глагол, прилагательное и т. д.) и их лексико-грамматические разряды (одушевленные — неодушевленные, собственные — нарицательные существительные; качественные, относительные, притяжательные прилагательные; качественно-характеризующие, обстоятельство-характеризующие наречия; и т. д.). Во-вторых, это «в целом формы словоизменения, которые встречаются соответственно в каждой парадигме».³¹ Мы употребляем термин «категория» во втором значении, предпочитая передавать первое значение терминами «части речи» (иногда, чтобы избежать тавтологии, — «классы слов», «лексико-грамматические классы слов») и «лексико-грамматические разряды слов».

Говоря математическим языком, «грамматическая категория = грамматическое значение + грамматическая форма». То есть это «система противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородными значениями»,³² а раз так, то «грамматические значения, выраженные системой (парадигмой) форм, составляют грамматические категории».³³

Обязательная соотношенность смыслового и формального компонентов при определении морфологической категории подчеркивалась в грамматике всегда. Вот что писал об этом, например, Л. В. Щерба: «Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью ее

³⁰ Л. Блумфилд. *Язык. М.*, 1968, стр. 297.

³¹ Там же.

³² *Русская грамматика. Том I. М.*, 1982, стр. 455.

³³ Р. Н. Попов, Д. П. Валькова, Л. Я. Маловицкий, А. К. Федоров. *Современный русский язык. Изд. 2-е, М.*, 1986, стр. 169.

смысла и всех ее формальных признаков. Не видя смысла, нельзя еще устанавливать формальных признаков, так как неизвестно, значат ли они что-либо, следовательно, существуют ли они как таковые и существует ли сама категория».³⁴ Наличие только одного компонента не дает нам оснований говорить о грамматической категории, так как отвлеченные значения времени, модальности и т. д., например, не обязательно должны быть выражены грамматически: они могут относиться, скажем, к области лексики. Насколько важно устанавливать и учитывать это единство формы и содержания при выявлении и описании грамматических категорий, мы могли бы показать на примере тех ошибок, которые были допущены вайнахским языкознанием в отношении грамматики глагола. Традиционная вайнахская грамматика считает, например, что глагол характеризуется категориями вида и лица (выделяются однократный-многократный виды, 3 лица глагола), хотя для этого нет никаких оснований. Значения законченности-незаконченности действия в чеченском языке выражают, например, временные формы, а однократность-многократность оказывается одним из многих семантических противопоставлений, которые выделяются на уровне способов глагольного действия. Лицо как грамматическая категория тоже отсутствует: нет личных аффиксов (*со вогIу — хьо вогIу — и (за) вогIу*).³⁵ Причина этих ошибок — в желании видеть грамматическую и тем более морфологическую категорию везде, где выделяется тот или иной элемент грамматического значения, и игнорирование фактора формы.

³⁴ Л. В. Щерба. *О частях речи в русском языке*. — В кн.: Л. В. Щерба. *Языковая система и речевая деятельность*. — М., 1974.

³⁵ См. об этом: А. И. Халидов. *К определению видового инварианта чеченского глагола*. — *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания*, XIV. Журнал. Институт языкознания АН Груз. ССР, г. Тбилиси, 1987, стр. 183–190.

Игнорирование единства формы и содержания при выделении грамматических категорий языка не изжито окончательно и в русской грамматике. Так, даже в АГ-80 мы видим попытку представить залог как категорию морфологическую или во всяком случае морфолого-синтаксическую. Определив, что «залог в русском языке является грамматической категорией, формируемой средствами морфологии и синтаксиса»,³⁶ ее авторы продолжают: «Залог — это категория, образуемая противопоставлением таких рядов морфологических форм, значения которых отличаются друг от друга разным представлением одного и того же соотношения между семантическим субъектом, действием и семантическим объектом».³⁷ Но есть ли у глагола форма выражения залога, которая позволила бы нам отнести его к действительному или страдательному залогу вне предложения? Выражение залогового противопоставления с помощью *-ся* не распространяется на многие глаголы, но и наличие *-ся* часто не является признаком страдательного залога. Ср.: *Объем статьи определяет автор.* — *Объем статьи определяется автором.* В первом случае мы говорим о действительном залоге, во втором — о страдательном. А если: *Он еще определяется в своем выборе?* Не случайно русский язык предпочитает краткие страдательные причастия для образования противоположных активным спрягаемо-глагольным пассивных конструкций: *Ученик любит учителя.* — *Учитель любим учеником;* *Художник написал портрет.* — *Портрет написан художником.* Залог глагола практически нельзя определить вне предложения, следовательно, *-ся* не может считаться формой выражения залога у спрягаемых глаголов, во всяком случае, она не может считаться достаточной формой для выражения залога в системе спрягаемого глагола. Значит, нет и оснований считать залог мор-

³⁶ Русская грамматика. В двух томах. Том I. М., 1982, стр. 613.

³⁷ Там же.

фологической категорией; это грамматическая категория, но категория преимущественно синтаксическая, в какой-то степени поддерживаемая морфологической системой глагола. Следовательно, эту категорию надо определять или как синтактико-морфологическую, или вообще как синтаксическую.

Как отмечалось выше, грамматические значения представляют собой отвлеченные понятия, абстрагированные от конкретных лексических значений (хотя не обязательно не связанные с ними). Таковы, например, понятия «мужской род», «женский род», «средний род», «единственное число», «множественное число», «первое лицо», «второе лицо», «третье лицо», «совершенный вид» и т. д. Этот перечень грамматических значений, который можно было бы продолжить, представляет собой строгую систему сопоставимых понятий: мы без труда замечаем, что одни из них сопоставимы как выражающие общий признак (род, число, падеж, вид, время, и др.), например, понятия «мужской род», «женский род», «средний род» имеют общий признак «род»; другие несопоставимы — «женский род» и «совершенный вид» такого общего признака, например, не имеют. Система *сопоставимых* грамматических значений, объединенных общим понятийным признаком, и составляет морфологическую категорию.

Но для того, чтобы говорить о грамматической (морфологической) категории, одной только семантической общности недостаточно. Если бы это было так, то, вероятно, во всех языках мира были бы одни и те же грамматические категории, поскольку определенные общие понятия выражаются в них во всех, но, однако, разными средствами. Необходимо, чтобы у данной группы грамматических значений с общим семантическим компонентом была определенная система **грамматических форм** выражения. Если она отсутствует, то мы можем говорить о лексической, функционально-семантической, какой-либо другой, но не о морфологической категории. Значе-

ние лица — личности, например, передается не только в русском языке, здесь лицо — сформировавшаяся грамматическая (морфологическая) категория, тогда как, скажем, в чеченском категория лица отсутствует, хотя отдельные языковеды и авторы учебной литературы пытаются ее выделить и даже описать. Дело в том, что соответствующие значения лица в чеченском языке передаются лексически (местоимениями: *со воIгу*, *хьо воIгу*, и (*за*) *воIгу*) или синтаксически, но нет ни одного аффикса, который выражал бы личное значение (признаки личного спряжения мы находим в бацбийском — цова-тушинском языке и в шароевском говоре горного диалекта чеченского языка).

В соответствии с характерными для нее грамматическими значениями каждая часть речи обладает системой грамматических категорий. Существительные характеризуются категориями рода, числа, падежа; глагол — категориями вида, времени, склонения, лица и т. д. У тех частей речи, которые образуют обычно словосочетания по типу согласования, эти категории могут полностью или частично совпадать с грамматическими категориями определяемых слов: например, прилагательное, согласующееся, как правило, с существительным и определяющее его, имеет те же категории числа, рода и падежа.

§ 4.3. Типология грамматических категорий

По возможностям своего выявления, по функции, по характеру выражения грамматические категории в современном русском языке неоднородны.

В зависимости от того, какое участие принимают грамматические категории в словоизменении слова, они делятся на две группы:

- 1) словоизменяемые категории;
- 2) несловоизменяемые (классификационные) категории.

Если компоненты данной грамматической категории выражены формами одного и того же слова, мы отнесем эту категорию к **словоизменительным**. Например, различные грамматические значения падежа и числа существительных выражаются формами одного и того же слова: *рука — руки — руке — руку — рукой — о руке; руки — рук — рукам — руки — руками — о руках*. У прилагательных словоизменительными являются все категории, у числительных — категория падежа, у глагола — лицо, число, время, наклонение, род, у наречия — степень сравнения.

В том случае, если компоненты той или иной грамматической категории представлены **формами разных слов**, мы говорим о **несловоизменительной категории**. Такова, например, категория рода существительного, так как одно существительное может выражать только одно грамматическое родовое значение: *рука — женский род, дом — мужской род, окно — средний род*. Так как подобные грамматические значения делят слова данной части речи на соответствующие классы, несловоизменительные категории называют иначе **классификационными**.

Грамматическая категория, носящая несловоизменительный (классификационный) характер в системе одной части речи, может быть словоизменительной в системе другой. Так, например, категория рода в системе существительного является несловоизменительной, так как может быть представлена только формами разных слов, но род прилагательного — категория словоизменительная, так как прилагательное изменяет свои родовые формы в зависимости от того, существительное какого рода оно определяет.

К несловоизменительным категориям, кроме рода существительного, относят также вид глагола³⁸; глагольный залог, отне-

³⁸ Вопрос этот, однако, не так прост: представление о несловоизменительном характере вида не согласуется со сложившейся традицией, выделяющей видовые пары глаголов, но подробно на этом мы сможем остановиться только в следующей части пособия, посвященной морфологии глагола и остальных (кроме имен) частей речи.

сенный нами к категориям синтаксическим (или к синтактико-морфологическим), в системе спрягаемого глагола в редких случаях связанного морфологического противопоставления действительного и страдательного залогов может быть отнесен к типу несловоизменяемых категорий условно, поскольку традиции введения в одну категорию, например, спрягаемого глагола и причастия (предикатов действительной и страдательной конструкций в прошедшем времени) нет, а относить залог к морфологическим категориям на основании только возможности пассивного преобразования предиката-глагола в настоящем времени использованием постфикса *-ся*, тогда как в целом залоговые пассивные преобразования сложнее и включают и другие формы, вряд ли возможно. В системе причастий это иная категория, однако и здесь мало оснований считать ее морфологической, хотя формальные признаки принадлежности к одному из двух залогов здесь присутствуют: это категория классификационная, основанная на противопоставлении словоформ, являющихся результатом словообразовательного акта.

Грамматические категории формируются в русском языке разным количеством компонентов — рядов словоформ с соответствующими грамматическими изменениями. По этому признаку мы делим грамматические категории на две группы:

- 1) бинарные;
- 2) полинарные.

Бинарные грамматические категории представлены двумя рядами словоформ, выражающих соответственно два грамматических значения, независимо от их отнесенности к словоизменяемым или несловоизменяемым категориям. Эта категория числа существительных, прилагательных, глаголов и слов других частей речи, согласующихся с существительными; категория вида глагола; категория полноты-краткости в системе прилагательных и причастий. К бинарным грамматическим категориям можно отнести и синтаксическую кате-

горию залога, но только в том случае, если мы придерживаемся двузалоговой теории и не выделяем, кроме действительного и страдательного, еще и средневозвратный залог, как это принято в некоторых грамматиках.

К **полинарным** (от «полис» — много) относятся те грамматические категории, которые формируются тремя и более рядами словоформ: эта категория падежа (6 рядов словоформ единственного и столько же словоформ множественного числа), категория рода (4 ряда в новых грамматиках и 3 — в традиционных), степеней сравнения (3, а с учетом различия синтетических и аналитических форм выражения 5), наклонения (3).

По характеру связей и отношений, отраженных в категориальных грамматических значениях компонентов, грамматические категории делятся на:

- 1) синтагматически выявляемые;
- 2) несинтагматически выявляемые.

АГ-80 относит к синтагматически выявляемым такие грамматические категории, которые не обнаруживают себя в синтаксической сочетаемости и не зависят от этой сочетаемости. Речь идет о «выявлении морфологических категорий в таких связях слов, в которых форма одного слова указывает на его непосредственную зависимость от формы другого слова (или от слова в целом) либо сама обуславливает форму другого слова».³⁹ Так, например, в сочетании «студенческая столовая» словоформа «студенческая» подчинена словоформе «столовая» и предопределена последней, поэтому все три грамматические категории, выражаемые в первой словоформе (число, род, падеж), определяются нами как синтагматически выявляемые.

К **синтагматически выявляемым** морфологическим категориям относятся: а) род, число падеж прилагательного, так как прилагательное обычно зависит от существительного и эти

³⁹ Русская грамматика. Том I. М., 1982, стр. 457.

категории прилагательного определяются соответствующими категориями имени существительного; б) род имени существительного, выражающий способность существительного подчинять себе согласованное определение — прилагательное или подобное ему по форме слово (причастие, некоторые местоимения, порядковое числительное) и способность соотносить свою родовую форму с родом глагола-сказуемого в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения; в) категория падежа существительного, отражающая формальную зависимость существительных от других слов — существительных (*стук колес*), глаголов (*прочитать роман*).

Несинтагматически выявляемые категории характеризуются независимостью от подчинительных связей слов. Таковы категории: число существительного, степени сравнения прилагательных и наречий, вид, время и наклонение глагола. Формы числа существительных, например, не зависят от числа или других грамматических признаков сочетающихся с ними слов. Подчиненное глаголу существительное мы можем употребить и в единственном (*купить газету*), и во множественном (*купить газеты*); точно так же зависимое от другого существительное может быть употреблено в любом числе (*стук колеса — стук колес*). Надо, однако, заметить, что категория числа существительного обнаруживает и некоторые признаки синтагматической выявляемости: формы числа существительных обуславливают собой формы зависящих от них прилагательных, причастий, некоторых местоименных слов и формы координирующихся с ними глаголов (*свежая газета — свежие газеты; тот день — те дни; колесо стучит — колеса стучат*).

Особый случай — категория залога в системе спрягаемого глагола. Эту категорию обычно относят к синтагматически выявляемым, но здесь отражены связи не отдельных слов в составе словосочетания (синтагмы), как в предыдущих случаях, а связи на уровне целых синтаксических конструкций. В системе при-

частий залог следует относить к синтагматически выявляемым, так как выбор причастий одного из залогов зависит от лексического значения и некоторых грамматических признаков сочетающихся с ними слов, хотя сама принадлежность причастия к действительному или страдательному залогу может быть ошибочно установлена по соответствующему суффиксу.

Разумеется, говоря о грамматических категориях, надо учитывать, что сделанные нами обобщения носят именно общий характер, отражают типичные грамматические явления, характерные для целых грамматических классов — частей речи, тогда как отдельные слова или группы слов могут вести себя несколько иначе, обнаруживать особые грамматические черты. Так, например, мы утверждаем, что каждое грамматическое значение, формирующее категорию, должно иметь свою форму выражения, хотя в русском языке есть «безформенные» слова (*пенсне, Чикаго, СМУ* и др.), которым мы не отказываем в проявлении у них категорий рода, числа, падежа, но проявлении не собственно формальном. Или другой пример, который на первый взгляд противоречит требованию единства формы и содержания и представлению о грамматической категории как оппозиции минимум двух грамматических значений и соответственно форм. Мы считаем, и совершенно справедливо, что число в системе существительного и других частей речи — это категория, объединяющая два ряда словоформ с противоположными количественными значениями, но среди существительных выделяется немало слов, имеющих форму только одного числа — или только единственного (*смелость, единение, борьба, дружба, листва, магний, Эрмитаж, Магомед*), или только множественного (*провода, именины, опилки, потроха, очки, Татры*). Кроме того, не всегда форме числа соответствует реальное количественное значение: например, «очки» — название одного предмета, «смелость» вообще невозможно определить количественно, «рота» представляет собой совокупность лиц

и т. д. Такие факты, однако, нисколько не противоречат нашим общим положениям и обобщениям, поскольку представляют собой частные признаки отдельных слов, связанные с их фонемно-формальной структурой, значением, происхождением и т. д.

Рассматривавшиеся нами грамматические категории — это, по выражению А. В. Исаченко, «морфологические категории «низшего порядка»,⁴⁰ тогда как в языке выделяются и категории «высшего порядка» — части речи, на которых мы подробно остановимся в разделе II.

§ 4.4. *Формообразование и словоизменение*

Морфологический анализ слов и описание системы морфологических признаков их классов — частей речи заставляют нас регулярно использовать такие понятия, как «формообразование», «словоизменение», «формообразующие аффиксы»; впрочем, реальное содержание этих понятий и различия между ними не всегда определяются правильно. Мы говорим, например, что в слове *рама* (*рам-а*) аффикс *-а* является формообразующим, но было бы интересно понаблюдать за тем языковедом, который покажет, от чего (какой формы) и каким образом получилась эта форма. Тогда не может не возникнуть вопрос: а правильно ли мы поступаем, называя все случаи **выражения** форм, относящихся к тем или иным частям речи, **формообразованием**? И правильно ли мы делаем, относя, скажем, образование форм сравнения у прилагательных к словоизменению, если, например, прилагательное, перейдя в сравнительную степень, перестает изменяться, не согласуется с существительным, а если и определяет его, то только как несогласованное опре-

⁴⁰ А. В. Исаченко. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть первая. Братислава, 1954, стр. 32–33.*

деление и, как правило, со «смягчительным» префиксом **по-** (*мальчик постарше*), но зато «застывает» в функции именной части составного сказуемого?

Особенной ясности в понимание этих терминов не вносят и традиционные их определения.

«Формообразование — образование грамматических форм слова».⁴¹

«Словоизменение... процесс, характерный для некоторых языков (именуемых флективными), который состоит в присоединении к слову аффиксальных элементов, называемых окончаниями».⁴² Отсюда ясно, что первое понятие шире и вбирает в себя второе: словоизменение — это только одна из разновидностей (именно: флективная) формообразования (кроме флективного, существует, правда, еще суффиксальное, постфиксальное, префиксальное, супплетивное формообразование), хотя определение Ж. Марузо может привести к ложному представлению о том, что присоединение к слову аффиксов, хотя бы только окончаний, всегда является словоизменением. Встречающееся в учебной литературе (и не только в учебной) смешение понятий формообразования и словоизменения не так уж безобидно, поскольку искажает наши представления о важнейших грамматических процессах. Между тем, словоизменение и формообразование — явления не одного порядка, во всяком случае, не одно и то же. С другой стороны, не всякий случай «образования грамматических форм» является в строгом смысле формообразованием. О формообразовании можно говорить в тех случаях, когда тем или иным грамматическим способом **образуется** какая-либо грамматическая форма слова, именно **образуется** от какой-либо другой. Такое формообразование может осуществляться параллельно с образованием

⁴¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990, стр. 558.

⁴² Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. М., 1960, стр. 276.

нового слова (*верный* — *верность*: образование формы женского рода ед. ч. им. п. нулевой флексией в производном от прилагательного существительном; *заказать* — *заказ*: образование формы мужского рода ед. ч. им. п. в производном от глагола существительном; *пять-пятый*: образование формы мужского рода ед. ч. им. п. в производном от количественного числительного порядковом прилагательном; и т. д.). Формообразованием является и образование одной из форм словоизменительного ряда: *заказа* — *заказу* — *заказ* — *заказом* — *о заказе*; *заказы* — *заказов* — *заказам* — *заказы* — *заказами* — *о заказах*. Образование начальных для данного класса слов форм, являющихся формами производных слов, мы отнесем к **несловоизменительному формообразованию**, образование всех неначальных форм (не именительного падежа единственного числа мужского рода и не полной формы качественных прилагательных; не инфинитива у глаголов; и т. д.) — к **словоизменительному**. К несловоизменительному формообразованию следует отнести и образование таких форм, которые не имеют грамматических коррелятов: это некоррелятивное видообразование (*читать* — *дочитать*, *жить* — *выжить*, *ехать* — *переехать*), образование залогов (*Строители **возводят** здание театра.* — *Здание теат-ра **возводится** строителями*), образование видовременных и залоговых форм причастий (*пишущий* — *написанный*, *нарезающий* — *нарезанный*), образование внекоррелятивных форм числа существительных (*брюки*, *щи*, *чернила*; *молоко*, *Москва*, *олово*). Образование сравнительной степени прилагательного и начальной формы превосходной степени мы относим к словоизменительному формообразованию, но здесь нельзя не учитывать того обстоятельства, что эти формы, особенно сравнительная степень, морфологически ведут себя иначе, чем другие формы прилагательных; сравнительная степень прилагательного приобретает, впрочем, и особые синтаксические признаки. Образование притяжательных прилагательных

и качественно-характеризующих наречий мы относим к не-словоизменительному формообразованию, поскольку процесс образования этих слов сопровождается и образованием их соответствующих форм: краткого или полного притяжательного прилагательного с известными морфологическими признаками и положительной степени наречия на -о, которое образует или не образует сравнительную степень.

Тот способ, которым выражаются формы непроеизводных (с точки зрения синхронного словообразования) слов, мы считаем правильным называть **формовыражением**. Формовыражение — это обозначение соответствующих формальных признаков в начальных формах слов, которые не обнаруживают живых словообразовательных связей как производные от других. Это, например, обозначение числа, рода и падежа в начальных формах существительных с материально выраженными или нулевыми аффиксами (*рук-а, мать-Ø, перец-Ø*), выражение именительного падежа в количественных числительных (*пять-Ø, дв-а, ст-о*), выражение начальной формы в непроеизводных прилагательных (*голуб-ой, ал-ый, куц-ый*) и местоименных словах (*кт-о, какой, мо-й, кажд-ый*), выражение неопределенной формы у непроеизводных глаголов (*еха-ть, жи-ть, горе-ть; бере-чь; пас-ти*).

Образование всякой неначальной формы слов мы относим, как уже отмечено выше, к словоизменительному формообразованию, независимо от того, на каком уровне — формообразования или формовыражения — обозначены формальные признаки этого слова в начальной форме.

§ 4.5. Части речи

К узловым понятиям морфологии относится, безусловно, понятие «части речи», тем более что все еще сохраняются нере-

шенные вопросы и определения состава частей речи, и частеречной принадлежности тех или иных групп слов.

Под **частями речи** понимаются «основные подразделения, или разряды, на которые распадаются слова языка (словарный состав языка) вследствие наличия у них а) некоторого общего (абстрактного, категориального) значения, сопровождающего конкретное лексическое значение данного слова; б) системы грамматических категорий, специфических для данного разряда слов; в) особых типов формо- и словообразования».⁴³ Все слова языка относятся к тому или иному классу, определяемому главным образом морфологическими признаками. В современном русском языке выделяют традиционно 10 частей речи (имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, междометие, предлог, союз, частица), но ни количество частей речи, ни принципы их выделения и классификации нельзя считать окончательно выясненными (подробно об этом см.: Раздел II). Эти 10 частей речи традиционная грамматика делит по функционально-семантическому признаку на а) **знаменательные** (полнозначные; самостоятельные) части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительные, местоимение, глагол, наречие; б) **служебные** части речи: предлог, союз, частица; в) междометия. Такое деление тоже трудно считать последовательным, поскольку 1) практически отказывает в знаменательности второй и третьей группам слов, чем создается впечатление отсутствия у них значений вообще, 2) относит к служебным такие слова, которые определенных служебных функций, как правило, не выполняют — многие частицы, например). В русской грамматике уже давно осознана необходимость пересмотра и состава частей речи, и частеречной принадлежности отдельных групп слов.

---

⁴³ О. С. Ахманова. *Словарь лингвистических терминов*. М., 1969, стр. 511.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что такое грамматика и какие разделы в нее входят?
2. Почему в описательные грамматики русского и других языков обычно включают, кроме морфонологии, морфемики и словообразования, также фонетику и фонологию?
3. Какие виды грамматик известны в языкознании?
4. Какие основные разделы включает в себя грамматика современного русского литературного языка? Какие разделы включали в себя грамматики русского языка XVIII-XIX вв.?
5. Дайте определение морфологии как одного из двух основных разделов грамматики.
6. Что является объектом изучения морфологии? Что общего и в чем различие изучения этого объекта в фонетике, лексикологии, словообразовании и морфологии?
7. Что является предметом изучения морфологии?
8. Какое место занимает морфология в системе разделов науки о языке?
9. Расскажите о связях морфологии с другими разделами языкознания.
10. Назовите и охарактеризуйте основные (ключевые) понятия морфологии.
11. Чем отличаются словоизменяемые морфологические категории от несловоизменяемых?
12. Что такое словоформа? Что такое парадигма?
13. Приведите полную парадигму имени существительного *книга*.
14. Понятие неполноты парадигмы. Неполные парадигмы в системе именных частей речи. Неполнота парадигмы в системе словоизменения глаголов.
15. Объясните на конкретных примерах различие между бинарными и полинарными категориями.

16. Чем отличаются аморфные (корневые, или корнеизолирующие) языки от морфных? Какие языки относятся к типу аморфных?
17. Назовите самых известных российских языковедов, внесших наибольший вклад в создание и развитие отечественного русского языкознания.

РАЗДЕЛ II

УЧЕНИЕ О ЧАСТЯХ РЕЧИ

§ 1. Что такое «часть речи»?

Поставленный вопрос может показаться неуместным, потому что мы привыкли к этому понятию и знаем, что в языке есть такие части речи, как имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие и т. д., что каждая из них обладает определенными грамматическими признаками, которые могут частично повторяться в других, но в своей совокупности характерны только для этой части речи. Вместе с тем, считая себя достаточно осведомленными в этой части грамматики, мы не всегда можем с достаточной уверенностью сказать, к какой части речи относятся слова «можно», «надо», «нет», «лень (вставать)», «угу» и т. д., как не можем толком объяснить, почему «блещущий» — особая форма глагола, если это слово в тексте мало чем отличается от прилагательного. Определяя части речи как лексико-грамматические классы слов, мы объединяем в одной части речи (называя ее местоимением) слова «я», «мой», «кто-то», «где-то», хотя у них практически нет никаких общих признаков, кроме указательной семантики. Значит, вопрос о частях речи не так прост и тут еще есть проблемы, требующие своего разрешения.

Человеческая речь, о каком бы языке мы не говорили, состоит из значимых единиц — слов, с помощью которых мы обозначаем понятия, соединяемые при помощи наличных в языке средств в предложения. Обычно «понятия в предложении выражаются частями речи, а отношения понятий, в предложении

содержащихся, грамматическими формами».⁴⁴ Значит, предложение состоит в первую очередь из частей речи? Такой вывод кажется закономерным для носителей тех языков, которые мы знаем, — славянских, романо-германских, кавказских. Но, оказывается, есть языки, в которых не так легко выделить то, что мы называем частями речи. Во всяком случае, языкознание допускает, что в некоторых языках частей речи в обычном понимании нет. До сих пор сами языковеды не могут, например, однозначно ответить на вопрос о том, есть ли части речи в китайском языке: «В прошлом при обсуждении вопроса о частях речи имели место две крайности. С одной стороны, утверждали, что китайский — это язык, в котором есть морфология... Такая точка зрения, конечно, ошибочная. С другой стороны, некоторые лингвисты считали, что в китайском языке вообще нет частей речи».⁴⁵ Оказывается, все зависит от того, что мы понимаем под частями речи. Для носителя русского языка может быть достаточным определение частей речи как лексико-грамматических или даже грамматических классов слов, так как между теми классами, которые мы традиционно выделяем, существуют, кроме различий в обозначении предметов, явлений, процессов, признаков действительности и их аналогов, создаваемых в воображении человека, определенные формально-грамматические различия, а входящие в эти классы слова обнаруживают, если не все, то большинство их, грамматическое единство. Но если применить такое понимание частей речи к тому же китайскому языку, в нем, выходит, частей речи нет вообще,⁴⁶ поэтому китаеведы абстрагируются от формы

⁴⁴ И. И. Давыдов. *Грамматика русского языка*. Спб., 1849, стр. 175.

⁴⁵ Ван Ли. *Части речи*. — «Новое в зарубежной лингвистике», вып. XXII. М., 1989, стр. 37.

⁴⁶ П. С. Кузнецов. (*О принципах изучения грамматики*. М., 1961, стр. 67) и Гао Минкай (*Проблема частей речи в китайском языке*. — «ВЯ», 1955, № 3) считали, что в китайском языке частей речи нет вообще, исходя из отсутствия форм. Но: «Изменение формы слова является лишь одним из видов «грамматических форм», ведущую роль при раз-

и пытаются выделять части речи, исходя из значений и функций слов.

С другой стороны, даже в «формальном» русском языке критерий формы при выделении и разграничении частей речи не всегда срабатывает. Конечно, «форма, будучи самым наглядным критерием, может побудить нас признать в одном языке такие разряды слов, которые в других языках не являются отдельными разрядами»,⁴⁷ но надо учитывать и другое: «Чтобы установить, к какому разряду относится данное слово, недостаточно рассматривать какую-то одну изолированную форму», потому что не существует, например, такого «флексивного окончания, которое представляло бы собой исключительную собственность какой-либо части речи».⁴⁸ Возьмем, например, слово «зима». Можем ли мы сказать, что это — существительное, исходя из того, что оно имеет флексию *-а*? Нет, конечно, потому что в русском языке это окончание могут иметь слова, относящиеся чуть ли не ко всем частям речи: глаголы (*легл-а*), прилагательные (*велик-а*), местоимения (*т-а*), числительные (*дв-а*). Исходя из этого, некоторые лингвисты вообще отбрасывали критерий формы и искали другие признаки, которые могли бы быть положены в основу определения самого понятия части речи и классификации частей речи. Это мог бы быть критерий значения (но это предмет лексики), критерий функции (это, конечно, предмет грамматики, но другого ее раздела — синтаксиса). Как правило, попытки определить части речи вне формы были также бесплодны. Поэтому лингвисты решили объединить все эти признаки и построить с учетом их совокупности классификацию частей речи, и таким образом создали

граничении частей речи китайского языка должны играть синтаксические элементы» (Ли Цзиньси, Лю Шижу. Еще раз об изучении частей речи и проблема существительных. — НЗЛ, выл. XXII, М., 1989, стр. 82–83).

⁴⁷ Е. Есперсен. *Философия грамматики*. М., 1958, стр. 65.

⁴⁸ Там же, стр. 66.

учение о десяти классах слов (частях речи), обнаруживаемых в большинстве языков мира, но оказалось, что и «эта классификация, основывающаяся на смутном и бесплодном эмпиризме, а не на точной и плодотворной теории, не выдерживает никакой критики»,⁴⁹ следовательно, остаются актуальными слова Ж. Вандриеса о том, что «классифицировать части речи настолько трудно, что до сих пор никто удовлетворительной классификации их не создал».⁵⁰

Парадоксально, но это так: мы строим грамматику (морфологию) как учение о грамматических (морфологических) свойствах существительных, прилагательных, глаголов и т.д., т.е. как учение о грамматических признаках частей речи, и в то же время самым неопределенным и противоречивым оказывается наше представление о том, что такое часть речи, на основании каких признаков мы объединяем слова в части речи, наконец, о самом составе и количестве частей речи в том или ином языке, в частности, в русском. Иначе как объяснить, что, например, в вузовских учебниках последних десятилетий студентам одних и тех же учебных заведений предлагают изучать разные списки частей речи — от 10 до 15? До сих пор не сложился однозначный подход к исходным в классификации частей речи критериям. Пытаясь придерживаться традиционной классификации или хотя бы устоявшихся названий частей речи, даже сами авторы различных «принципов» противостоят разработанному ими же классификационным критериям, как это произошло, например, с оставлением местоимения в системе частей речи Л. В. Щербой — основоположником «лексико-грамматической» теории частей речи, внимание которого в первую очередь должно был привлечь явное несоответствие лексико-грамматическому принципу включение в одну часть

⁴⁹ Люсьен Теньер. *Основы структурного синтаксиса*. М., 1988, стр. 62.

⁵⁰ Ж. Вандриес. *Язык. Лингвистическое введение в историю*. М., 1937, стр. 114.

речи местоимённых слов, лишенных такого для части речи важного признака, как грамматическое единство (если не абсолютное, то хотя бы в основных проявлениях грамматических признаков) входящих в нее слов.

Чтобы понять, в чем истоки заблуждений, непоследовательности, противоречий в разработке теории частей речи, в чем причина несовпадения их классификаций даже в современной грамматике, мы должны проследить, как развивалось учение о частях речи в русской грамматике.

§ 2. Части речи в русской грамматической традиции

Как вся русская грамматика в целом, так и учение о частях речи в ней опирались на те же традиции, которые сложились на протяжении многих веков в мировом языкознании. Известно, что первые грамматики появились еще до нашей эры — в Индии в VI-IV вв. до н. э. (Грамматика Панини и другие), в египетском царстве Птолемея Александрии в III-II вв. до н. э. (Аристарх Самофракийский, Дионисий Фракийский, Аполлоний Дискол и др.), наметившие те общие подходы к классификации слов языка, которые были взяты на вооружение впоследствии составителями грамматик других языков.

Большое впечатление своим высоким научным уровнем производит даже на современного лингвиста Грамматика Панини («Аштадхьяи», или «Восьмикнижие») — нормативная грамматика санскрита, которую считают первой в истории Индии и первой научной грамматикой в истории человечества вообще. Точная датировка ни появления этой грамматики, ни жизни самого ее автора неизвестна (колебания от VII до III в. до н. э.), но чаще всего речь идет о VI в. Не в тех же терминах, в каких мы о них говорим сейчас, но по сути почти в тех же значениях Панини использовал в этой грамматике такие понятия, как фонема, морфема, корень, суффикс, части речи. В Грамматике Панини

выделяются четыре части речи: имя (слово, которое обозначает идею сущности), глагол (слово, которое обозначает действие), частицы и предлоги («обслуживающие» в предложении первые две части речи — глаголы и имена). Местоимения и наречия распределяются автором этой Грамматики между глаголами и именами. Он не ограничился выделением частей речи, а дал довольно подробное описание способов словоизменения имен и глаголов (склонения, спряжения). Выделил, например, семь падежей: названий он им не дал, но каждый получил свой порядковый номер.

Первое разграничение частей речи в античной грамматике было произведено в IV в. до н. э. Аристотелем: вряд ли под влиянием «Аштадхьи», но в основных своих подходах перекликающееся с ней. В этой классификации на основе совмещения морфологических критериев с семантическими были выделены **имя** и **глагол**, делалась попытка определить и описать некоторые свойства этих частей речи (например, разъяснения Аристотеля о связи глагола с идеей времени). Позже (в III в. до н. э.) Хрисипп выделил уже пять частей речи: **имя собственное, имя нарицательное, глагол, союз и член**. И уже в конце III в. — начале II в. до н. э. формируется александрийская грамматика, в которой античное учение о частях речи сформировалось окончательно. Александрийская (и пошедшая по ее пути римская) классификация частей речи обращает основное внимание на морфологические свойства слов и на этой основе строит морфологические классификации слов греческого и латинского языков. Так, у Дионисия Фракийского (II в. до н. э.) система частей речи включала: **имя, глагол, причастие, член (артикул), местоимение, предлог, наречие, союз**.

Если учесть, что в римской грамматике было добавлено **местоимение** (и исключен отсутствующий в латинском артикль), то становится очевидно: та система частей речи, которая объ-

единяет большинство грамматик и в наше время, заложена уже в античной грамматике.

Позже, уже в новую эру, грамматикой в той или иной мере занимались, придерживаясь античной греко-римской традиции, и не только в странах Европы, но и на Востоке. Во всех появившихся в эти столетия грамматиках части речи понимались как значимые элементы связной речи, служащие для построения суждений, речений. Такое понимание частей речи с опорой на логико-семантический принцип, но с учетом и самых существенных признаков формы, долгое время подпитывало и русскую грамматику.

§ 2.1. Части речи в грамматиках доломоносовского и ломоносовского периодов

В славянских странах грамматика стала интенсивно развиваться в XVI-XVII вв. Первой собственно славянской грамматикой (т. е. не только написанной славянином на славянской земле, но и имеющей своим предметом славянский язык), в которой вопросы выделения и свойств частей речи ставились конкретно, была «Грамматика славянска съвершеннаго искусства осми частей слова и иных нуждных» Лаврентия Зизания, изданная в 1596 г. в Вильно и составленная на материале церковнославянского языка, но по образцам греко-латинских грамматик (избавиться полностью от латинского влияния Лаврентию Зизанию не удалось). Она была написана в форме вопросов и ответов (такая форма, как известно, была ведущей в античных грамматиках и в научных трактатах вообще) и имела чисто практическое назначение — «же мы добре мовили и писали» (*мовить* — говорить). Как видно уже из самого названия, в Грамматике выделялось восемь частей речи, называемых **частями слова**. Под **словом** во времена Зизания и позже понималась связная речь вообще, поэтому и те классы слов, которые мы называем

частями речи, в грамматике назывались частями слова. У Зизания это следующие: **имя, глагол, местоимение, предлог, союз, причастие, различие** (т. е. относительные слова), **наречие**.

Более 20 лет спустя, в 1619 году, под заглавием «Грамматика славенския правильное синтагма...» появилась Грамматика Мелетия Смотрицкого, учителя сначала киевской школы, затем в школах виленского монастыря. После нескольких переизданий эта грамматика была переделана с уклоном на описание русского (а не церковнославянского, как у Смотрицкого) языка Ф. Поликарповым и в 1721 году указом Петра I введена как учебное руководство в российских школах.

Грамматика М. Смотрицкого описывала формы позднейшего церковнославянского языка, уже подвергшегося воздействию живого русского языка. Как и Лаврентий Зизаний, Смотрицкий выделил 8 частей речи, но в саму их типологию ввел изменения: различия, введенное Зизанием, исключил и ввел междометие, имя, хотя и дал как одну часть речи, все-таки дифференцировал, понимая его как состоящее из двух групп именных слов — существительного и прилагательного, предвосхитив тем самым полную дифференциацию имени А. Х. Востоковым. М. Смотрицкий дал более чем исчерпывающую по тем временам характеристику частей речи, собственно глагола и «прилагательного имени». Впервые ввел и описал как глагольную форму **деепричастие**. В грамматике Мелетия Смотрицкого уже намечилось учение о видах глагола, которое стало разрабатываться фундаментально только через два с лишним столетия.

Если Лаврентий Зизаний строго следовал логико-грамматическому принципу, положенному в основание грамматики латинистами, то у Мелетия Смотрицкого мы видим стремление выйти за рамки логической грамматики, подгоняющей под одну схему языки, уловить реальные связи слов, оценить роль тех или иных форм, принимаемых словом, для его употребления в речи. Такой подход позволил ему дифференциро-

вать имя и глагол, нарушив тем самым сложившуюся традицию для всякого описываемого языка приводить один и тот же список частей речи, и более внимательно отнестись к грамматической стороне существования слова. Глубинные грамматические связи слов, однако, М. Смотрицкий не затронул, но он и не мог этого сделать при том уровне грамматической науки, на который он должен был опираться. Однако шагом вперед было уже то, что было обращено внимание на важную роль в жизни слова его внешней формы.

Грамматика Мелетия Смотрицкого долгое время служила единственным руководством при изучении церковнославянского языка. Одним из основных ее достоинств было то, что ее материал был максимально приближен к живому русскому языку той эпохи. Она (эта Грамматика) оказала огромное влияние на последующую грамматическую традицию, составила целую эпоху в истории русского практического и теоретического языкознания. Большое влияние взглядов Мелетия Смотрицкого испытал на себе и М. В. Ломоносов.

Появление «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (1757) было важной вехой в развитии русского языкознания, в частности, в изучении частей речи. В своей сути, по ведущему критерию, предложенная М. В. Ломоносовым классификация частей речи была морфологическая, но с такими семантическими отступлениями, что ее часто называют семантической. Это связано с соблюдением традиций «универсальной» грамматики, бывшей по сути грамматикой латинского языка. Этой традиции не мог не следовать и М. В. Ломоносов, хотя его «Грамматика» более русская, чем любая из предшествующих. В отличие от своих предшественников, М. В. Ломоносов приводит соответствующий список частей речи и не дает их семантическое и грамматическое описание как нечто заданное и известное, а достаточно последовательно и подробно обосновывает теоретически свою классификацию.

В § 39 главы IV Наставления первого «Российской грамматики» М. В. Ломоносов пишет: «Взирая на видимый сей свет, всякого рода бытия в нем находим. Первого рода суть чувствительные в нем вещи, второго рода суть оных вещей разные деяния».⁵¹ Тем самым М. В. Ломоносов показывает, что в объективной действительности существуют реальные вещи и реальные действия этих вещей, соотношение которых должно лежать в основе классификации языкового материала, отражающего эти реальности.

Далее М. В. Ломоносовым формулируется актуальное и сейчас понимание коммуникативной функции языка: «Слово для того дано человеку, чтобы свои понятия сообщать другому... И так понимает он (человек) на свете и сообщает другому идеи вещей и их деяний. Изображения словесные вещей называются **имена**, напр., **небо, ветер, очи**; изображения деяний — **глаголы**, напр.: **синеет, веет, видят...** Итак, понеже они всегда вещь или деяние знаменуют, по справедливости **знаменательные** части слова названы быть могут».⁵²

Имя и глагол — вот, собственно, те «части слова», которые, по Ломоносову, безусловно можно называть знаменательными частями речи. Они знаменательны потому, что «знаменуют вещи и их деяния», т. е. отражают явления объективной действительности. Однако термин «знаменательный» употребляется М. В. Ломоносовым и далее — при разборе остальных «частей слова». В чем тут дело? Вряд ли это могло быть простым упущением у такого ученого, как М. В. Ломоносов. Оказывается, как писал в своих «Филологических разысканиях» Я. К. Грот, М. В. Ломоносов употреблял термин «знаменательный» в двух значениях: 1) знаменательный в смысле полнозначный, соответ-

⁵¹ М. В. Ломоносов. *Российская грамматика*. — Полное собрание сочинений. М.-Л., 1952, т. 7, стр. 405.

⁵² Там же, стр. 406.

ствующий реальным вещам и их деяниям; 2) знаменательный как вообще имеющий какое-либо значение.⁵³ Именно во втором значении употреблял М. В. Ломоносов термин при описании остальных частей речи.

Имя и глагол, как пишет М. В. Ломоносов, «должны иметь между собою соответствие, чтобы мы изобразить могли наши мысли. К сему служат особливые части, знаменующие первых друг к другу принадлежность, и называются **предлоги** и **союзы**. Предлоги для знаменования обстоятельств, к вещам или переменам, предлагаются именам и глаголам. Союзы самых понятий соответствие между собой показывают».⁵⁴ Следовательно, и эти части речи М. В. Ломоносов называет знаменательными, но, как сказано, не в первом значении, а во втором.

Кроме имени, глагола, предлога и союза, М. В. Ломоносов выделял еще следующие «части слова»: **местоимение**, **наречие**, **междуметие** (именно в такой орфографии) и **причастие**. Особый интерес представляет подход М. В. Ломоносова к выделению именно этих частей речи.

В § 42 М. В. Ломоносов рассуждает об особом месте, которое занимают в системе частей речи местоимения, наречия и междометия. Сейчас мы находим мало общего между ними, но М. В. Ломоносов объединяет их в одну группу родственных «частей слова». По его мнению, они тесно объединяются друг с другом по своей основной функции в языке и по отношению к главным знаменательным словам, каковыми являются имя и глагол. Вот как рассуждает об этом сам М. В. Ломоносов: «Множество понятий и поощрение к скорому и краткому их сообщению привело человека нечувствительно (т. е. незаметно, без сознательного намерения с его стороны, продиктованного ощущением — А. Х.) к способам как бы слово свое

⁵³ Я. К. Грот. *Филологические разыскания*. Т. II. Спб., 1885, стр. 53–55.

⁵⁴ М. В. Ломоносов. *Указ, раб.*, стр. 406.

сократить и выключить скучные повторения одного речения. Оные способы суть части слова знаменательные, заключающие в себе несколько идей разных, и называются местоимение, наречие, междуметие. Местоимение полагается вместо имени; наречие изображает единым речением обстоятельства; междуметие представляет движение духа человеческого кратко». Любопытны примеры, приводимые в подтверждение этих рассуждений: «Ба! вместо того, чтобы сказать: Я удивлен, что вижу тебя здесь!».⁵⁵ Или другой, еще более интересный пример: «Если бы кто, говоря сам о себе, сказал: «Семпроний Клавдиев, тысяча семьсот пятьдесят пятого года, июля 15 дня, нахожусь в Новгороде; после нынешнего дня и ночи буду на другом месте», что все кратко сказать можно: Я ныне здесь, а завтра буду инде». ⁵⁶

Конечно, выдвигая (кстати, впервые в русской грамматике) принцип экономии речевых усилий, а сократительную функцию соответствующих слов связывая с этим принципом, М. В. Ломоносов не всегда был последователен, но уже то, что он стремился дифференцировать слова по степени их абстрагированности, заслуживает самого серьезного внимания.

В § 45 М. В. Ломоносов описывает причастие, также являющееся, по его мнению, особой частью речи. М. В. Ломоносов отмечает промежуточный характер этой части речи. «Сии глагольные имена, — пишет он, служат к сокращению человеческого слова, заключая в себе имени и глагола силу: **приведенный** вместо **которого привели**». ⁵⁷ Иначе говоря, М. В. Ломоносов отмечает гибридный характер значения причастия (надо полагать, не только значения, но и грамматических признаков): в нем обобщено и глагольное, и именное значение.

⁵⁵ М. В. Ломоносов. Указ, раб., стр. 407.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

Таким образом, в круг служебных частей речи, который М. В. Ломоносов вначале ограничил было предложениями и союзами, вовлекаются уже местоимения, наречия, междометия; М. В. Ломоносов склонен даже к отнесению сюда и причастий, но ограничился тем, что отнес их к промежуточным словам между главными и служебными «частями слова»: с одной стороны они служат для сокращения речи, и потому должны быть охарактеризованы как служебные, но, с другой, — они замещают имя и глагол, т. е. главные знаменательные «части слова», значит, и выражают их значение. Имена и глаголы являются непосредственными именованьями вещей и их деяний, а остальные части речи имеют обобщенное значение и служат или для установления различных внешних отношений между вещами и их деяниями, или для обобщенного и потому более краткого выражения внутреннего соотношения между ними. Поэтому кажущиеся противоречие, связанное с отнесением М. В. Ломоносовым всех частей речи к знаменательным, снимается тем, что он делит их на главные знаменательные «части слова» и на служебные.

Учение о принципах классификации частей речи М. В. Ломоносов подытоживает в § 46:

«Посему слово человеческое имеет осмь частей знаменательных: 1) **имя** для названия вещей; 2) **местоимение** для сокращения именованья; 3) **глагол** для названия деяний; 4) **причастие** для сокращения соединением имени и глагола в одно речение; 5) **наречие** для краткого изображения обстоятельств; 6) **предлог** для показания принадлежности обстоятельств к вещам или деяниям; 7) **союз** для изображения взаимности наших понятий; 8) **междометие** для краткого изъявления движений духа».⁵⁸

⁵⁸ М. В. Ломоносов. Указ, раб., стр. 140.

Систему частей речи в учении М. В. Ломоносова (в их современных терминологических обозначениях) можно представить в следующей таблице.

Таблица 1

Знаменательные	Главные	Причастие	служебные
	Имя Глагол		Местоимение Наречие Междометие Предлог Союз

§ 2.2. *Части речи в русской грамматике XIX — первой трети XX вв.*

XIX век характеризуется усилением процесса закрепления норм национального русского литературного языка, начатого М. В. Ломоносовым (и не только в «Российской грамматике»), что было, конечно, невозможно без углубленного изучения его грамматики, языка, причем не «пересадкой на русскую почву укрепившихся на Западе грамматических теорий, но и посредством самостоятельной разработки и систематизации специфических национальных свойств и качеств русского грамматического строя».⁵⁹ За сравнительно короткое время, в течение двух-трех десятилетий, появляется множество фундаментальных или (были и такие) претендующих на фундаментальность трудов в области русской грамматики, принадлежащих перу таких известных тогда ученых, как А. Х. Востоков, Н. И. Греч, Г. П. Павский, И. И. Давыдов, К. С. Аксаков, Н. П. Некрасов и др.

⁵⁹ В. В. Виноградов. *История русских лингвистических учений*. М., 1978, стр. 48.

Первым в этом ряду идет Н. И. Греч (не по значимости работ, а по времени их издания), выпустивший в 1827 году свой большой труд — «Практическую русскую грамматику» и в том же году первый и единственный том «Пространной русской грамматики».

Как грамматические взгляды в целом, так и учение о частях речи в трактовке Н. И. Греча можно охарактеризовать как эклектические.⁶⁰ 2 Претендуя на грамматический анализ слов и предложений, Н. И. Греч тем не менее не сумел избавиться от уже устаревших к тому времени традиций латинизированной грамматики. Это, в частности, проявилось в увлечении поиском общих понятий, которые должны выражать части речи. Н. И. Греч разграничивает части речи по мыслительным признакам, как «слова, выражающие существо и качество или действие оного»⁶¹ (т. е. в принципе речь идет об имени и глаголе, как у М. В. Ломоносова, но последний не выделял качество).

Своеобразие грамматических взглядов Н. И. Греча видится прежде всего в том, что в его понимании чуть ли не центральное место среди «мыслительных признаков» занимает категория качественности. Эта категория в грамматике Н. И. Греча разрастается гипертрофически, поглощая в себя все остальные и охватывая из известных к тому времени разрядов слов не только прилагательные и причастия, но и наречия и деепричастия. Более того, делается попытка объяснить через категорию качественности даже глагол.

Если М. В. Ломоносов выделял глагол как основную («главную») часть речи русского языка, то у Н. И. Греча он занял фак-

⁶⁰ В связи с этим В. М. Алпатов пишет: "В целом традиционные системы частей нового времени (так называемые школьные) стали более эклектичными по сравнению с античными» (В. М. Алпатов. Из истории изучения частей речи. — В кн.: Части речи. Теория и типология. М., 1990, стр. 8–9), так что такая оценка относится не только к Н. И. Гречу, но у него эклектичность проявилась особенно сильно.

⁶¹ Н. И. Греч. Практическая русская грамматика. Изд. 2, Спб., 1834, § 54.

тически место второстепенной части речи. В анализе глагола Н. И. Греч противопоставляет два типа глаголов: глаголы **самостоятельные** и глаголы **совокупные**. Самостоятельных глаголов два — это *есть* и *стать*. Остальные глаголы, по мнению Н. И. Греча, являются совокупными, т. к. якобы состоят из самостоятельного глагола и причастия: «*живет* это *есть живущ*», «*жил* это *стал живущ*», «*гром гремит* это *гром есть гремящ*» и т. д. Тем самым подрывается внутренняя суть глагола как выразителя значения действия. Такая точка зрения на глагол объясняется стремлением Н. И. Греча все объяснять через значение признака, которое он считает центральным в грамматике.

Появление в начале XIX в. обеих грамматик Н. И. Греча не имело никаких особых последствий ни для русской грамматики, ни для решения нашего вопроса, кроме того, что вызвало бурную критику со стороны многих современников (Ф. И. Буслаева, В. Г. Белинского и др.).

Значительным вкладом в изучение как частей речи русского языка, так и русской грамматики и вопросов общего языкознания, известен выдающийся русский ученый — славист Александр Христофорович Востоков.

А. Х. Востоков исходил в своих теоретических воззрениях и в их практической реализации не из логико-грамматического, как М. В. Ломоносов, а из грамматико-семантического принципа, причем грамматические признаки учитывались не узко морфологически, а во всем их объеме, включая функционально-синтаксические свойства слов.

Дифференцируя вслед за М. Смотрицким и Н. И. Гречем имя, А. Х. Востоков отмечал, что в прежних грамматиках одним словом «имя» на деле объединены разные классы слов, обнаруживающих различия в структурном и функциональном отношениях. А. Х. Востоков разделил имя на две части речи (у М. Смотрицкого выделялись два разряда одной части речи «имя») — имя существительное и имя прилагательное — и дал

подробное их грамматическое описание, показав во всей своей очевидности значительные расхождения между этими классами слов и со стороны выражаемой ими грамматической семантики, и со стороны их формально-грамматических признаков, и со стороны функционально-семантической.

Введенное М. В. Ломоносовым в систему частей речи причастие А. Х. Востоков на основе того же грамматико-семантического принципа исключил из списка самостоятельных частей речи, причем (это должно представлять особый интерес для современных грамматик) включил его не в систему глагола, а в состав имени прилагательного как один из его морфологических разрядов под наименованием «действенные прилагательные». А. Х. Востоковым были выделены и другие разряды прилагательных, известные нам как качественные, относительные и притяжательные. Учитывая функциональную особенность слов с количественной семантикой (называемых в современной грамматике именами числительными), А. Х. Востоков и их отнес к имени прилагательному, назвав «числительными прилагательными» и разделив их на две группы.⁶² Тем самым А. Х. Востоков предвосхитил те решения в определении частеречной принадлежности словоформ адъективного типа, которые были сделаны в русской грамматике во второй половине XIX века.

Таким образом, система частей речи у А. Х. Востокова выглядит так: в русском языке на основе выражаемых общих значений, морфологических и функционально-семантических признаков выделяются 8 частей речи: **имя существительное, имя прилагательное, глагол, местоимение, наречие предлог, союз, междометие**. Эта система, как мы видим, уже значительно бли-

⁶² Тем самым А. Х. Востоков в своей «Русской грамматике» (Спб., 1831), выдержавшей, кстати, до 1874 г. еще 11 изданий, предвосхитил многие из тех «открытий», которые делаются в наше время в вопросах определения частеречной принадлежности гибридных слов отдельными языковедами-русистами, почему-то, правда, без ссылок на эту грамматику.

же к современной типологии частей речи, особенно если учесть дифференцированность имени прилагательного у А. Х. Востокова (и в одной из последних теорий частей речи, отраженной в АГ-80).

В учении А. Х. Востокова о частях речи самое важное, пожалуй, — это выдвинутое им понятие **признака** как равнозначного понятиям предмета и его действия, которые М. В. Ломоносов считал главными в языке. Считая понятие признака равноправным с понятиями предмета и действия (а не главным, как он представлялся у Н. И. Греча), А. Х. Востоков противоречит более предпочтительному, на наш взгляд, положению М. В. Ломоносова о том, что отражение объективной действительности в языке зиждится на понятиях лица (вещи) и его деяния (действия), содержащихся соответственно в имени и глаголе, и поэтому именно эти слова («части слова») являются главными в языке, что и было отражено в системе частей речи, построенной М. В. Ломоносовым. А. Х. Востоков поставил рядом с этими понятиями признак, преувеличив тем самым роль признакового значения в коммуникации. И все-таки полного расхождения с М. В. Ломоносовым в этом пункте у А. Х. Востокова нет, т. к. имя у М. В. Ломоносова включало и выделенное А. Х. Востоковым отдельно прилагательное, следовательно, те языковые единицы, которые мы называем прилагательными, М. В. Ломоносовым также могли быть отнесены к главным словам.

Грамматические взгляды А. Х. Востокова были первым крупным шагом в сторону от «универсальной», а по сути латинизированной классификации частей речи. А. Х. Востоков стремился перейти на собственно грамматические критерии, решая вопросы частей речи, хотя и не всегда ему это удавалось сделать последовательно. Полный отход от предпочтения логических критериев в классификации частей речи не мог быть достигнут так быстро.

Переход к собственно грамматическим (формально-грамматическим) принципам, лежащим в основе классификации и анализа частей речи, связывается с «Филологическими наблюдениями над составом русского языка» Г.П. Павского (1-е изд. в 1841–1842 гг., 2-е изд. в 1850 г.).

В «Филологических наблюдениях» анализируются основные части речи: **имя существительное, имя прилагательное, имя числительное и глагол**. Причем числительное введено в систему частей речи самим Г.П. Павским: до него оно не выделялось как самостоятельная часть речи.

Подход Г.П. Павского к типологии и описанию частей речи можно назвать семантико-грамматическим, с учетом того, что во многих своих рассуждениях он отдавал предпочтение семантическим признакам слов. Конкретно это проявилось в следующем.

В «Наблюдениях» над глаголом Г.П. Павский отмечает, что он занимает центральное положение в системе частей речи (вспомним, какое место отводил глаголу среди частей речи Н.И. Греч). Глаголам противопоставлены имена (существительные, прилагательные, числительные) во главе с местоимениями как «заглавными именами». По мнению Г.П. Павского, нет в языке ни одного именного слова, которое не имело бы своей семантической основой местоимения. Видимо, здесь сыграла свою роль общая для русской грамматики 1-ой половины XIX века тенденция к поиску общего для всех или большинства частей речи семантического ядра: Н.И. Греч нашел такое ядро в категории качественности, Г.П. Павский — в местоимении. Отсюда можно было бы вывести, что Г.П. Павский повторяет М.В. Ломоносова (см. у М.В. Ломоносова: «местоимения полагаются вместо имени»), если бы не оригинальное понимание связи имен и местоимения у Г.П. Павского. Он вообще отказывается от определения местоимения как слова, заменяющего имя. По его мнению, местоимения не заменяют имен,

а служат только указанием на них или упоминанием об них, вовсе не выражая качества, вида, числа, вещей... Местоимение не только не заменяет имя, но даже прямо противоположно ему.⁶³ «Здесь Г. П. Павский все-таки противоречит самому себе: если местоимения — «заглавные имена», то почему им отказано в номинативной функции и почему они *противоположны* имени?»

Как уже было отмечено, Г. П. Павский ввел в систему частей речи имя числительное. Близость числительного и к существительному, и к прилагательному, и к местоимению, по его мнению, не отнимает у него грамматической самостоятельности и его следует считать самостоятельной частью речи. Несмотря на ошибочность в рассмотрении некоторых грамматических вопросов, нельзя не сказать, что Г. П. Павский сделал этим существенный вклад в решение проблемы классификации частей речи.

Главным образом внимание Г. П. Павского было, конечно, приковано к «центральной» части речи — к глаголу, изученному им с наибольшей тщательностью: наблюдения над глагольными категориями (вида, времени, склонения и др.), сделанные Г. П. Павским, следует считать фундаментальными даже с точки зрения сегодняшнего состояния грамматики.

В «Филологических наблюдениях» Г. П. Павского определенное внимание было уделено также и незнаменательным словам. Выделяемые в качестве особого разряда слов междометия у Г. П. Павского являются названиями чувственных впечатлений и ощущений, но, в отличие от М. В. Ломоносова, Г. П. Павский не считает междометия сокращениями полных именованных этих ощущений, могущими заменять даже целые фразы.

---

⁶³ Г. П. Павский. *Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе*. Спб., 1850, стр. 249

Предлоги, союзы и наречия объединены Г.П. Павским как несклоняемые и неспрягаемые частицы — особый разряд слов, функция которых — служить средством сокращения речи. Тем самым, ссылаясь только на формальный признак неизменяемости, Г.П. Павский смешал наречие, обладающее рядом специфических признаков, характеризующих его как знаменательное полнозначное слово, с предлогами и союзами, выполняющими чисто служебную функцию. Здесь очевидно предположение Г.П. Павским формально-грамматического критерия, его отход от логико-грамматического принципа в решении вопросов частеречной принадлежности слов, поддерживавшегося языковедами этот период.

«Филологические наблюдения» Г.П. Павского положили, по оценке В.Г. Белинского, «прочное основание филологическому изучению русского языка» и, по выражению И.И. Давыдова, автора «Общесравнительной грамматики русского языка», «составили в истории грамматики нашей целую эпоху». Дальнейшее развитие грамматической мысли в России во многом определялось взглядами Г.П. Павского и основными положениями его трудов. Во всяком случае, именно исследованиями Г.П. Павского было положено начало интенсивному изучению формальной структуры русского слова. Не случайно поэтому, что именно «Наблюдения» Г.П. Павского были использованы Ф.И. Буслаевым в разработке своей формально-логической грамматики.

Свое учение о частях речи Ф.И. Буслаев изложил в «Опыте исторической грамматики русского языка», в разделе «Синтаксис». То, что части речи анализируются именно в синтаксическом разделе книги, знаменательно. Ф.И. Буслаев полагал, что «образование как частей речи, так и изменение их основываются на законах синтаксических».⁶⁴ Такое утверждение

⁶⁴ Ф.И. Буслаев. *Историческая грамматика русского языка*. М., 1959, стр. 22.

не было лишено основания, хотя Ф.И. Буслаев часто подвергался критике именно за этот тезис. Дело в том, что сам процесс образования слов тех или иных частей речи, особенно переход слов из одной части речи в другую, происходит синтаксическим путем. Вспомним хотя бы типологию словообразовательных способов русского языка (лексико-семантический, лексико-синтаксический, морфологический, морфолого-синтаксический) и заметим, что такое утверждение делается в «Опыте исторической грамматики»: два из перечисленных нами и выделенных способа относятся к диахроническому словообразованию.

Ф.И. Буслаев разделяет все части речи русского языка на две группы — знаменательные и служебные. «Знаменательными словами, — говорит он, — язык выражает разнообразие впечатлений, производимых природою и жизнью на человека; служебными — отвлеченные понятия и отношения лица говорящего к слушающему и к предмету речи».⁶⁵

Знаменательные части речи в этой системе — имя существительное, имя прилагательное, глагол и частично наречие (т.е. только те наречия, которые образованы от первых трех частей речи).

Служебные части речи — местоимения, числительные, предлоги, союзы, а также выделяемые Ф.И. Буслаевым как самостоятельные разряды местоименные наречия и вспомогательные глаголы.

Таким образом, Ф.И. Буслаев выделил 10 частей речи, из которых знаменательными являются в полном объеме только три.

Одним из недостатков системы частей речи у Ф.И. Буслаева считают неясность того, почему местоимения, числительные и наречия отнесены к служебным частям речи. Так, Н.С. Поспелов полагал, что «теоретического обоснования всего этого

---

⁶⁵ Ф.И. Буслаев. Указ, раб., стр. 287.

у Буслаева нет».⁶⁶ С этим, однако, трудно согласиться. Само причисление местоимений и других классов слов к служебным частям речи, конечно, спорно, но вряд ли будет справедливым утверждение, что оно появилось в грамматическом учении Ф.И. Буслаева случайно и не находит в нем теоретического обоснования. Н.С. Поспелов, видимо, не учел того обстоятельства, что вся классификация частей речи у Ф.И. Буслаева строится на основе формально-логического принципа, т. е. соотношение частей речи определяется внешними признаками слов и их логическим содержанием. Ф.И. Буслаев считает служебными те части речи, которые обладают всеми или частью следующих признаков: 1) обозначение отвлеченных понятий; 2) выражение отношения лица говорящего к слушающему или к предмету речи; 3) неизменяемость. С точки зрения Ф.И. Буслаева, и местоимения, и числительные, и наречия обозначают отвлеченные понятия, соответственно «отвлеченное лицо», «отвлеченное число» и «отвлеченный признак». Второй признак, так, как его понимает Ф.И. Буслаев, здесь также выражен. Что касается признака неизменяемости, то числительные таким признакам не обладают, в чем, может быть, можно видеть непоследовательность Ф.И. Буслаева, но он и не считает, что все три признака должны быть выражены обязательно. Однако в целом в выделении местоимений, наречий и числительных как знаменательных и, более того, служебных частей речи Ф.И. Буслаев был по-своему последователен, так как и с логической точки зрения у него знаменательно лишь то, что создает суждение и является основой этого суждения — предикатом, в качестве которого могут выступать существительные, прилагательные, глагол. Необходимо также учесть, что в основе классификации частей речи у Ф.И. Буслаева лежало представление о тожде-

---

⁶⁶ Н.С. Поспелов. *Учение о частях речи в русской грамматической традиции*. М., 1954, стр. 15.

ственности **отвлеченности** и **формальности**, а формальность, в свою очередь, означала для Ф.И. Буслаева **невещественность** понятийного содержания слова. Разумеется, все невещественные слова он считал служебными, и, поскольку ставится знак равенства между невещественностью и формальностью (= служебностью), формальные отвлеченные вещественные (с точки зрения Ф.И. Буслаева) местоимения, числительные и наречия занимают такое же место, что и предлоги и союзы.

«Историческая грамматика» Ф.И. Буслаева оказала огромное влияние на дальнейшее развитие русской грамматической теории. В первые годы после ее выхода в свет наиболее значительные работы в области грамматики или выходили в связи с капитальным трудом Ф.И. Буслаева (в развитие его или в целях критического анализа), или же создавались под серьезным влиянием грамматических взглядов Ф.И. Буслаева.

Наиболее авторитетными критиками грамматической системы Ф.И. Буслаева в целом и его концепции частей речи в частности были К.С. Аксаков и А.А. Потебня. Критикуя буслаевские положения, эти ученые выдвинули свои оригинальные суждения, касающиеся принципов классификации и грамматического анализа частей речи.

К.С. Аксаков в двух своих наиболее известных работах («Критический обзор «Опыта исторической грамматики русского языка», 1859; «Опыт русской грамматики», ч. 1, вып. 1, 1860) сделал попытку развить формальную ориентацию грамматического анализа слов, наметившуюся у Ф.И. Буслаева.

Определяя свое отношение к грамматике вообще, К.С. Аксаков делит ее на три части: 1. Имя — предмет. 2. Глагол — действии. 3. Речь — жизнь.⁶⁷ В противопоставлении имени глаголу не только подчеркивается центральное положение имени существительного, но и показывается выраженная в глаголе дина-

⁶⁷ К. С. Аксаков. *Опыт русской грамматики*. 4.1. вып. 1. М., 1860, стр. 37.

мика языка, заключающаяся в «изображении мыслей», в отличие от изображения понятий», свойственного имени. Первые две части (имя и глагол) «составляют одну в том отношении, что в них, и в той и в другой, сознание является разделенным и образуются видимые, определенные формы слова»,⁶⁸ их К. С. Аксаков предлагает называть *объективной грамматикой*, или **аналитикой**. Аналитика делится на две части: в первой рассматриваются имя и определяющие его прилагательное и предлог, во второй части — глагол и определяющие его наречие и союз. Эти части речи К. С. Аксаков считает основными в языке.

Кроме объективной грамматики (аналитики), К. С. Аксаков выделил и **грамматику субъективную**, или **синтаксис**.

Синтаксис изучает «движение форм», функции, жизнь слова в речи. Если аналитика исследует образование форм в слове, то «в области синтаксиса язык не созидает новых форм: здесь является он уже с готовыми формами и только приводит их в движение, пользуется всеми формами, флексиями, всем, во внешности выражающимся, — тем делом, которое совершил язык еще в области творения и изменения форм, в области имени и глагола».⁶⁹

Отсюда видно, что основной частью грамматики К. С. Аксаков считает аналитику, а так как аналитика для него — это прежде всего форма слова, то ясно, что главное в языке вообще для К. С. Аксакова — это форма. Особенно это проявилось в его учении о частях речи.

Для К. С. Аксакова не представляется важным значение слова, оно может быть каким угодно. «Разделение слов должно быть не по внутреннему значению, ими выражаемому, тогда

⁶⁸ К. С. Аксаков. Указ, раб., стр. 38.

⁶⁹ К. С. Аксаков. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. Буслеева. — Полн. собр. раб., т. 2, ч. 1, М., 1875, стр. 531.

это было бы разделение самих понятий и предметов, а по той форме, которая им дается самим словом. Основанием деления для слова должно быть само слово, и ничто другое». ⁷⁰ Значение слова, выраженное в корне, входит в систему языковых категорий только через форму, поэтому основную задачу грамматики К. С. Аксаков видел в изучении формы, внешним выражением которой в языке являются формы склонения и спряжения. По оценке А. Е. Супруна, в работе К. С. Аксакова получает впервые в истории русской науки совершенно недвусмысленное оформление подход к частям речи как прежде всего языковым категориям. На смену логико-семантическим или логико-грамматическим основаниям деления слов на части речи ставятся (по крайней мере в теории) основания собственно языковые, грамматические. Это делает К. С. Аксакова как бы непосредственным предшественником уже более современных дискуссий о частях речи. ⁷¹

В своих теоретико-грамматических взглядах К. С. Аксаков, однако, был чрезмерно категоричен в том, что касается определения места формы в языке. Преувеличение значимости формы привело его к тому, что он отрицал необходимость изучения в грамматике таких слов, форма в которых не выражена (*кофе, пальто* и др.), считая, что корень слова не может существовать сам по себе, если он не имеет «окончательной» формы (т. е. формы, создаваемой окончанием), т. к. любая новая форма, присоединяясь к слову-корню, каждый раз передает ему новое значение (см. далее о том же у А. А. Потемни), а без соответствующих форм невозможно и функционирование этого корня.

Концепция К. С. Аксакова отличается от предшествующих грамматических теорий не только тем, что он обратился к форме слова (собственно, такой подход наметился и у Ф. И. Бу-

⁷⁰ К. С. Аксаков. *Опыт русской грамматики*, стр. 21.

⁷¹ А. Е. Супрун. *Части речи в русском языке*. М., 1971, стр. 21.

слава), а тем, что все строение языка вообще, «жизнь» языка и все происходящие в нем явления он объяснял с помощью формы и только формы слова. Это дает нам основание считать К. С. Аксакова основоположником формального направления в языкознании и в частности в учении о частях речи, не утратившего, как мы видим, свои позиции и поныне.

По мнению К. С. Аксакова, имя и глагол делят речь на две половины, так как именно они «резко различаются своими формами и жизнью форм».⁷² **Имя прилагательное** тоже имеет свои особые формы и особую жизнь этих форм, поэтому также относится к частям речи наряду с существительным и глаголом. Части речи — это также **предлог** и **союз**, которые хотя не изменяются, но выражают синтаксическое значение, дополнительное к тому, что выражено формами имени и глагола. **Имя числительное** не имеет своих форм и выражается или формами существительного (*пять, шесть*), или формами прилагательного (*один, два, три, четыре*), поэтому не выделяется как часть речи и распределяется соответственно по этим частям речи (сама идея заслуживает внимания, хотя аргументация небезупречна). То же самое К. С. Аксаков проделывает и с **местоимением**: оно должно войти в состав прилагательного, так как выражается «общей с ним формой» (не совсем ясно, куда в этом случае могут быть отнесены личные местоимения, местоимения типа «где-то»). **Наречие** вообще не имеет форм: это понятие синтаксическое, которое может быть выражено целым предложением (видимо, здесь К. С. Аксаков путает понятия «наречие» и «обстоятельство»), поэтому не есть самостоятельная часть речи и относится К. С. Аксаковым к ведению синтаксиса.

Таким образом, К. С. Аксаков выделял по существу только пять частей речи: имя, глагол, прилагательное, предлог и союз.

⁷² К. С. Аксаков. *Опыт русской грамматики. Ч. 1. Вып. 1. М., 1860, стр. 37.*

К.С. Аксаков полемизирует с Ф.И. Буслаевым по поводу деления частей речи на знаменательные и служебные, поскольку это якобы не соответствует формам языка. Он считает, что предложение вполне может обойтись без служебных слов (*Дерево сосна любит почву песчаную*), хотя у него самого те слова, которые у Ф.И. Буслаева отнесены к служебным, почти уравниваются с именем и глаголом. Слова соединяются в предложении и показывают отношение друг к другу не столько с помощью служебных слов, сколько с помощью «окончательных» форм, ибо вся сила в жизни самого слова, во флексии и вообще в словоизменении.

Как отмечал В.В. Виноградов, К.С. Аксаков по сути был далек от того, чтобы понимать грамматический строй языка как систему грамматических форм, и грамматические формы он рассматривал в их отдельных проявлениях и частных связях.

Позднее к идее классификации частей речи с чисто формальных позиций подошел Ф.Ф. Фортунатов, но предложенная им система не была просто продолжением традиции К.С. Аксакова.

В самой своей основе учение Ф.Ф. Фортунатова базируется также на чисто формальных позициях. Примкнув к формальной грамматике, Ф.Ф. Фортунатов говорит, однако, не только о форме слова, но также о форме словосочетания и предложения. Причем, если К.С. Аксаков рассматривал форму вне-системно, то Ф.Ф. Фортунатов положил в основу своей грамматической теории системный подход к понятию формы: форма отдельного слова выводится из сопоставления ее с соотносительным рядом других форм того же слова.

Что касается самой типологии частей речи, как таковые Ф.Ф. Фортунатов предлагал их вообще не выделять. Он отрицательно относился к общепринятой в его время теории частей речи, полагая (и не без основания), что она эклектична и непоследовательна, поскольку смешивает грамматические и неграм-

матические классы слов. Теория частей речи, по его мнению, не может иметь научного значения, поэтому Ф. Ф. Фортунатов противопоставил ей свою **теорию формальных классов слов**.

Ф. Ф. Фортунатов выделил следующие формальные классы слов:

- а) полные слова;
- б) частичные слова;
- в) междометие.

Полные слова обозначают предметы мысли и образуют либо части предложения, либо целые предложения. Например, *дом, иди, морозит*. Полные слова подразделяются на **слова-названия** и **слова-местоимения** (указания). Полные слова являются все без исключения знаменательными. Только полные слова имеют форму, потому что форма — это «присутствие в слове делимости на основу и аффикс». Однако форма слова может быть не только положительной (= материально выраженной), но и отрицательной (= не имеющей звукового выражения). Например, в слове *дом* мы называем форму именительного падежа, хотя на самом деле эта форма не находит звукового выражения: *дом-Ø*; но эту форму мы можем восстановить из соотношения с другими, материально выраженными формами этого слова: *дом-а, дом-у* и т. д. поэтому **нулевая форма** является равноправным членом ряда форм слова и выполняет в языке определенную функцию — показывает отношение этого слова к другим словам.

Частичные слова у Ф. Ф. Фортунатова — те, которые не имеют и не могут иметь форм и не способны быть частями (членами) предложения, а показывают различные отношения между полными словами. Это предлоги, союзы, связки, усилительные слова, отрицания, вопросительные слова, вводные слова и т. п.

Междометия — «знаки языка, принадлежащие речи не как выражение идей, но как выражение чувствований, воспитываемых говорящим».⁷³

При отрицательном в целом отношении к традиционной частеречной теории Ф. Ф. Фортунатов в угоду сложившейся традиции все-таки оперирует понятиями частей речи и употребляет для называния различных группировок слов те же термины, которые в этой теории приняты. Собственно, как части речи в обычном их понимании у Ф. Ф. Фортунатова могут выступать только полные слова: **глагол, существительное, прилагательное, инфинитив, причастие, деепричастие, наречие**. Выделение инфинитива, причастия и деепричастия как самостоятельных грамматических классов слов у Ф. Ф. Фортунатова объясняется тем, что они действительно по форме выражения отличаются от спрягаемого глагола; но Ф. Ф. Фортунатов считал, что этот чисто формальный довод вполне достаточен, и не углублялся в выяснение парадигматических и функционально-синтаксических особенностей этих форм, которые до Ф. Ф. Фортунатова, в его время и после него, как правило, относили и относят к членам глагольной парадигмы (другое дело — насколько представление об «особых формах» глагола в традиционной грамматике соответствует действительности: см. об этом §§ 3, 4 данного раздела).

Выделенные им полные слова по их формальным признакам Ф. Ф. Фортунатов разделил на 3 типа: 1) спрягаемые, 2) склоняемые, 3) несклоняемые.

Определенный вклад в изучение частей речи внес А. А. Потебня, имеющий несомненные заслуги в исследовании многих проблем морфологии и синтаксиса, но не углублявшийся специально в вопросы теории частей речи. В своем известном

---

⁷³ Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение. — Избранные труды. Тт. 1–2, М., 1956, стр. 142.

труде «Из записок по русской грамматике» он не ставит целью развернутое изложение собственной концепции частей речи, но в критике формального учения Ф.И. Буслаева выдвигает оригинальные суждения, касающиеся грамматической природы и классификации частей речи.

А.А. Потебня рассматривал части речи в сопоставлении с членами предложения. В составе частей речи характеризуются знаменательные слова как **вещественные, лексические слова**, в которых лексическое содержание осложняется их грамматическим значением, и им противопоставляются **формальные части речи**, служащие только указателями функций других слов и предложений. К формальным (= служебным) частям речи А.А. Потебня относит **союзы, предлоги, частицы, вспомогательные глаголы**. Промежуточный класс — **формально-вещественные части речи: местоимения, местоименные наречия и числительные**.

В чем же расходится А.А. Потебня с учением о частях речи Ф.И. Буслаева?

По мнению А.А. Потебни, Ф.И. Буслаев не различает логических и грамматических категорий, хотя и называет свой подход к анализу грамматических категорий и явлений логико-грамматическим: «То направление, которое произвело такую путаницу в грамматике, строго говоря, не может быть названо логико-грамматическим. В нем несравненно более априорного, чем может дать формальная логика».⁷⁴ В частности? Ф.И. Буслаев смешивает, отождествляя, понятия отвлеченности и формальности, но «не всякая отвлеченность есть формальность, так что в сущности здесь смешаны «два деления».⁷⁵ В результате такого смешения у Ф.И. Буслаева среди формальных частей речи оказались местоимения, числительные, местоимен-

⁷⁴ А.А. Потебня. *Из записок по русской грамматике*. Том. I-II, М., 1958, стр. 81.

⁷⁵ Там же, стр. 36.

ные наречия, фактически уравненные с предлогами, союзами и вспомогательными глаголами. Однако, например, «число есть одно из высших отвлечений, но числительное не есть слово формальное».⁷⁶ То же, с точки зрения А. А. Потевни, можно сказать и относительно местоимения, которое, по справедливому замечанию А. А. Потевни, вообще редко **обозначает** отношение и связи, а чаще **указывает** на отношение говорящего к высказываемому, но это не грамматическое отношение в смысле формальности. Что касается личных местоимений, то они, смотря по наличию или отсутствию грамматических форм, могут быть то вещественными, то вещественно-формальными, как и указательные местоимения *тот, этот*.

Список частей речи у А. А. Потевни значительно шире, чем у Ф. И. Буслаева и вообще у кого-либо из современников. Он разделил глагол и выделил как особую часть речи причастие; в описании А. А. Потевней деепричастия также видно его стремление видеть в нем самостоятельную часть речи; инфинитив А. А. Потевня опять-таки склонен квалифицировать как особую часть речи. Это, помимо других причин, объясняется известной убежденностью А. А. Потевни в том, что всякое изменение формы слова делает его другим словом, а формы с различными синтаксическими функциями — разные формы, несмотря на общность звукового выражения. Этот тезис распространяется А. А. Потевней не только на части речи, но и на отдельные формы, ими образуемые. Так, «всякое особое употребление творительного есть новый падеж, так что, собственно, у нас несколько падежей, обозначаемых именем творительного».⁷⁷ По оценке В. В. Виноградова, «в этом учении о грамматической форме — при всей его глубине и остроумии — порочное полное пренебрежение к социальному сознанию диа-

⁷⁶ А. А. Потевня. Указ, раб., стр. 36

⁷⁷ Там же, стр. 62.

лектического и динамического единства формы как системы грамматических знаков и значений».⁷⁸

В последующем один из виднейших учеников А. А. Потебни, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, разошелся со своим учителем в понимании самих принципов описания и классификации частей речи и фактически вернулся к буслаевской теории. Он вновь отнес местоимение к формальным словам, назвав его «фиктивной частью речи», ибо в нем, по его мнению, нет ни признака, ни грамматической формы, следовательно, это не настоящая, а «фиктивная» часть речи. С большой оговоркой Д. Н. Овсяннико-Куликовский сохранил значение знаменательной части речи за числительным: «Числительные занимают середину между знаменательными и формальными частями речи», так как выражаемый ими признак формален, «как все, что принадлежит к математическим категориям мысли».⁷⁹ Представляет интерес разработанная Д. Н. Овсяннико-Куликовским классификация частей речи, основанная на признаке убывающей знаменательности и соответственно возрастающей формальности.

По этому признаку выделяются четыре группы частей речи:

1) **знаменательные** — имена существительные (но не все: исключения составляют некоторые отвлеченные существительные), имена прилагательные, глаголы (за исключением связок и некоторых отвлеченных глаголов), наречие (кроме формальных — см. 4-ю группу), деепричастия (кроме немногих отвлеченных); исключение из этого списка «отвлеченных» существительных, глаголов и др. станет понятным, если вспомнить отождествление отвлеченности и формальности у Ф. И. Буслаева;

⁷⁸ В. В. Виноградов. *История русских лингвистических учений*. М., 1978, стр. 102.

⁷⁹ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. *Синтаксис русского языка*. Спб., 1902, стр. 52.

2) **знаменательно-отвлеченные** — это так называемые глаголы существования «быть», «существовать» и нек. др., а также причастия, деепричастия, отглагольные существительные и числительные;

3) **малознаменательные-формальные** части речи — местоимения, «формальные» наречия, глаголы-связки с конкретным значением типа «являться», «жить», «идти», «сидеть»;

4) **незнаменательные формальные** слова — отвлеченные глаголы-связки «быть», «становиться»; предлоги, союзы.

На особом положении у Д. Н. Овсянико-Куликовского междоимение, которое в эту систему не вписывается, поскольку оно не обладает четко выраженными признаками ни знаменательности, ни формальности.

Значительный вклад в разработку проблемы частей речи внес А. А. Шахматов, изложивший свои взгляды по этому вопросу вначале в «Курсе истории русского языка» (1910) и «Очерке современного русского литературного языка» (1913), а затем, с некоторыми изменениями и дополнениями, в «Синтаксис русского языка» (1925).

Полагая, что «категория грамматическая познается в синтаксисе»⁸⁰ (полагая небезосновательно), А. А. Шахматов значение частей речи определял синтаксически — в зависимости от выполняемой ими функции в предложении. Не без влияния формально-грамматических взглядов А. А. Потебни А. А. Шахматов считал, что одно и то же слово, выполняя различную синтаксическую роль в предложении, может быть отнесено к различным частям речи. Так, существительное становится наречием, получая в предложении значение обстоятельства (*Пора вставать*). Сочетаясь с косвенным падежом имени существительного для выражения тех или иных отношений, наречие мо-

⁸⁰ А. А. Шахматов. *Очерк современного русского литературного языка*. М., 1941, стр. 273.

жет стать предлогом (*близ дома*); и т. п. Поэтому теорию и саму типологию частей речи, разработанные А. А. Шахматовым, можно назвать **синтаксическими**. Это был уже новый подход к изучению частей речи, который, хотя и был подготовлен в какой-то мере отдельными наблюдениями его предшественников (особенно А. А. Потебни) над явлениями перехода слов из одной части речи в другую, в целом как законченное учение не имел аналога в русском языкознании. Чтобы убедить в этом, достаточно привести список из (14) частей речи в системе А. А. Шахматова:

- знаменательные части речи: существительное, прилагательное, глагол, наречие (неместоимённое и «нечислительное»);
- незнаменательные части речи: числительное, местоимённое существительное, местоимённое прилагательное, местоимённое наречие;
- служебные: предлог, связка, союз, префикс, частица;
- междометие.

Принципиально новым для русского языкознания подходом к классификации частей речи оказалась предложенная Л. В. Щербой в статье «О частях речи в русском языке» (1928) концепция, известная как **лексико-грамматический** принцип классификации частей речи. До Л. В. Щербы попытки комплексного подхода к определению и тем более к описанию частей речи, конечно, наблюдались. Более того, любая из рассматриваемых выше теорий и концепций частей речи по существу не обходилась без того, чтобы в качестве аргументов к основному тезису не проанализировать, кроме, скажем, синтаксических свойств («синтаксический принцип»), еще и лексические, морфологические признаки тех или иных групп слов, объединяемых в какую-либо часть речи. Заслуга Л. В. Щербы в том, что он, учтя опыт своих предшественников, убедился в бесперспективности поиска какого-то одного универсального признака, на основе которого можно выделить и класси-

фицировать части речи, и пришел к выводу, что все эти признаки следует брать в совокупности. В вопросе о частях речи ученый «должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой, или точнее, — ибо дело вовсе не в «классификации», — под какую **общую категорию** подводится то или иное лексическое значение в каждом отдельном случае, или еще иначе, какие **общие категории** различаются в данной языковой системе».⁸¹ «Самой собой разумеется, что должны быть какие-то внешние выразители этих категорий»,⁸² которые «могут быть самые разнообразные: «изменяемость» слов разных типов, префиксы, суффиксы, окончания, фразовое ударение, интонация, порядок слов, особые вспомогательные слова, синтаксическая связь и т. д.».⁸³

К сожалению, сам лексико-грамматический принцип четко не формулируется, но он последовательно применен в работе в «обзоре частей речи» русского языка. Нельзя не сказать о том, что именно такое рассмотрение «частей речи» позволило Л. В. Щербе определить, наконец, место в системе для слов типа *нельзя, можно, надо, пора, жаль* и т. п., которые по формальному признаку неизменяемости до него зачислялись в класс наречий: «Может быть, мы имеем здесь дело с особой категорией состояния...»;⁸⁴ эта категория, однако, была им неоправданно расширена, однако это предмет отдельного обстоятельного разговора в соответствующем месте книги.

Среди многих оригинальных идей и суждений Л. В. Щербы особенно следует выделить высказанную им мысль о том, что, кроме фонетики и фонологии, в грамматике следует различать еще четыре раздела: словообразование, формообразование,

⁸¹ Л. В. Щерба. *О частях речи в русском языке*. — В кн.: Л. В. Щерба. *Языковая система и речевая деятельность*. Л., 1974, стр. 78–79.

⁸² Там же, стр. 79.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, стр. 90.

синтаксис и учение о частях речи, под которым подразумевалось учение о лексико-грамматических категориях слов (собственно части речи; классификационные грамматические категории — вид глагола, род существительного, например). Такое учение, но еще не как отдельный раздел грамматики, И. А. Бодуэн де Куртенэ называл «грамматической лексикологией». Нетрудно заметить, что по существу речь идет о разделении традиционной морфологии на два самостоятельных раздела — формообразование и «грамматическую лексикологию», т.е. учение о частях речи.

§ 2.3. Учение о частях речи в грамматической системе В. В. Виноградова

Небольшой раздел в книге В. В. Виноградова «Русский язык» дал, без преувеличения, новый импульс изучению частей речи русского языка. После краткого критического обзора основных концепций и взглядов на природу и состав частей речи В. В. Виноградов строит свою систему частей речи.

По мнению В. В. Виноградова, путаница с определением состава частей речи может быть преодолена, если исходить из того, что есть два уровня классификации слов в грамматике: 1) структурно-семантические типы слов; 2) собственно части речи: «Части речи прежде всего распадаются на две большие серии слов, отличающихся одна от другой степенью номинативной самостоятельности, системами грамматических форм и характером синтаксического употребления»,⁸⁵ а поскольку в системе традиционных частей речи не все обладают по крайней мере первыми двумя признаками, то, видимо, не все они могут в строгом смысле именоваться частями речи: «Круг частей речи ограничивается пределами слов, способных выпол-

⁸⁵ В. В. Виноградов. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. М., 1986, стр. 44.

нять номинативную функцию или быть указательными эквивалентами названий».⁸⁶ Отсюда все слова языка распадаются на четыре структурно-семантических типа: 1) части речи; 2) частицы речи; 3) модальные слова; 4) междометия. Первая категория представлена теми словами, которые характеризуются лексической полноценностью, грамматической оформленностью и функционально-синтаксической значимостью. Это все имена, местоимения, которые В. В. Виноградов называет «грамматическими пережитками местоимений», глагол и наречие, а также категория состояния. В категорию частиц речи попадают собственно частицы, частицы-связки, предлоги, союзы. «Одной стороной» к ним «примыкают модальные слова»,⁸⁷ но они образуют все-таки особый структурно-семантический тип. В отношении междометий В. В. Виноградов всецело разделял мнение Ж. Вандриеса о том, что «как бы не было велико значение междометия в речи, в нем есть что-то, что его обособляет от других частей речи, оно — явление другого порядка... оно не имеет ничего общего с морфологией... во всяком случае оно остается за пределами структуры интеллектуальной речи».⁸⁸ Однако «к какой-то системе классификации приходится прибегать при изложении грамматики любого языка»,⁸⁹ поэтому междометие выделяется в качестве четвертого структурно-семантического типа слов, хотя каких-либо структурных признаков в них еще никто не смог выделить.

Собственно частями речи в системе, предложенной В. В. Виноградовым, являются только те, которые представлены в первом структурно-семантическом типе слов; второй тип включает в себя соответственно частицы речи. Вывести второй тип

⁸⁶ В. В. Виноградов. Указ, раб., стр. 43.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Ж. Вандриес. Язык. М., 1937, стр. 114.

⁸⁹ В. В. Виноградов. Указ, раб., стр. 114.

вовсе за пределы классификации В. В. Виноградов не считал возможным, так как «система частей речи в структуре предложения сочетается с системой частиц речи».⁹⁰ Таким образом, в русском языке выделяются семь основных частей речи (существительное, прилагательное, числительное, местоимение «в состоянии разложения», глагол, наречие, «категория состояния») и четыре «частицы речи» (собственно частицы, частицы-связки, предлоги, союзы). За пределами частей речи и частиц речи оказались третий (модальные слова) и четвертый (междометия) структурно-семантические типы слов.

По В. В. Виноградову, «классификация частей речи обусловлена их различиями по целому ряду признаков: 1) различиями тех синтаксических функций, которые выполняют различные категории слов в связной речи, в структуре предложения; 2) различиями морфологического строя слов и форм слов; 3) различиями вещественных (лексических) значений слов; 4) различиями в способе отражения действительности; 5) различиями в природе тех соотносительных и соподчиненных грамматических категорий, которые связаны с той или иной частью речи».⁹¹

Нетрудно определить, что по приоритетности основания классификации частей речи у В. В. Виноградова выстраиваются таким образом: синтаксическое — лексическое — морфологическое; видимо, здесь в какой-то степени оказали свое влияние грамматические взгляды А. А. Шахматова, к учению которого В. В. Виноградов всегда относился очень внимательно. Несмотря на это, в целом эта система явилась продолжением и развитием щербовской лексико-грамматической теории частей речи, поскольку, несмотря на такую иерархию оснований классификации, в ней, как и в концепции Л. В. Щербы, учитывается

⁹⁰ В. В. Виноградов. Указ. раб., стр. 45.

⁹¹ Там же, стр. 41–42.

весь комплекс признаков слова — как лексических, так и грамматических.

Как в специальном разделе, так и в остальных местах книги В. В. Виноградов выдвигает интересные и новые для того времени варианты решения проблем «сомнительных», «неполноправных» частей речи и «гибридных» классов слов (соответственно частиц речи; модальных слов; причастий, деепричастий, «разлагающегося» класса местоимений). Пожалуй, впервые в русской грамматике было дано полное и всестороннее описание всех без исключения типов слов русского языка, особенно «частиц речи».

§ 3. Принципы классификации частей речи в современной грамматике

Принято считать, что грамматика современного русского языка выделяет и разграничивает части речи на основании лексико-грамматического принципа, утвердившегося с появлением статьи Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке (1928)». На протяжении многих десятилетий в грамматике выделялись, как правило, 10 частей речи (существительное, прилагательное, числительное, глагол, наречие; предлог, союз, частица; междометие), которые принято делить на два класса (или группы) — знаменательные и служебные (класс служебных почему-то часто дополняло и междометие). Как будто не было множества серьезных работ и после Л. В. Щербы, обосновывающих необходимость включения в систему частей речи категории состояния, не было вполне обоснованных наблюдений и утверждений В. В. Виноградова о «грамматических пережитках местоимений», и многие годы практически не обращалось внимание на то, что остаются вне частей речи звукоподражательные слова, никуда не отнесены связки, не говоря о том, что до сего дня грамматика не может с достаточной определенностью выяс-

нить частеречную принадлежность причастий, деепричастий, слов типа *много* и т. п.

Нет ничего удивительного, что попытки вывести универсальный для всех частей речи критерий и принцип классификации продолжались и не прекращены поныне.

Основными в современной грамматике следует считать следующие теории (с соответствующими принципами и критериями) частей речи.

Традиционная («щербовская» в своей основе) **лексико-грамматическая** теория частей речи, на базе которой создана общепринятая классификация частей речи. Эта теория получала разные интерпретации у разных ее последователей, но существенных отклонений от нее практически не наблюдалось долгое время. Несмотря на популярность и многолетние традиции применения, лексико-грамматический критерий классификации частей речи и определения частеречной принадлежности слов не способствовал четкости и однозначности решения ни общих теоретико-классификационных вопросов, ни частных проблем отнесения конкретных слов и групп слов к соответствующим их лексико-грамматическим свойствам частям речи (подробно об этом см. в § 4 данного раздела). Вполне может быть, что дело вовсе не в ущербности самой теории, а в том, что ее применяют так, как у нас вообще принято поступать с хорошими идеями и планами: теоретически мы все хорошо понимаем, но делаем так, как привыкли. Иначе чем объяснить, например, фактическое единомыслие (за очень редкими исключениями), с каким грамматика продолжают выделять местоимение как часть речи, хотя нетрудно убедиться, что здесь нет важного для лексико-грамматической теории признака — морфологического единства включаемых в эту категорию лексем и функционально-синтаксической однотипности (то решение вопроса местоименных слов, которое принято в АГ-80, можно все-таки считать лишь половинчатым, так как сохранение ста-

туса части речи за «местоимением-существительным» вопроса грамматического единства тоже не снимает). Точно также трудно понять, почему причастие — форма глагола, *десятый* — имя числительное и т. д., если они не особенно отличаются от имен прилагательных в грамматическом плане и в семантическом тоже близки к именам прилагательным, поскольку также обозначают признак. Тем самым, заявляя лексико-грамматический критерий классификации, грамматики в конкретных случаях руководствуются обычно лексико-семантическим, лексико-синтаксическим, строго синтаксическим или каким-либо другим критерием при определении частеречной принадлежности отдельных слов и их групп.

В русской научной грамматике нового времени достаточно прочные позиции занимает **генеративная грамматика**, предлагающая и свою систему единиц, называемых нами частями речи. Строится эта система на принципах теории генеративной (или порождающей) грамматики Н. Хомского. Согласно этой системе, путем сложных структурных описаний и трансформирования различных моделей предложения с постановкой его элементов в различные позиции можно составить перечень значений синтагматических классов: 1) релятивность, служебность, 2) предметность, 3) атрибутивность, 4) обстоятельственность, 5) сказуемость, 6) модальность (синтагматические классы у Ноума Хомского — совокупность единиц, встречающихся в некоторой позиции). Путем сложных операций по установлению соотношения синтагматических и парадигматических классов, установления структурно-функциональных свойств синтагм и единиц синтагм представители этого направления строят систему *парадигматических классов* (частей речи), именуемую ими — «система, развитая относительно парадигматических классов (части речи)». В этой системе выделяются такие парадигматические классы — части речи:

1. Класс K_1 — содержит релятивное (относительное), номинативное (предметное) и атрибутивное значение; употребляется соответственно в парадигмах релятивного, номинативного и атрибутивного синтагматических классов. Такой совокупностью значений и таким употреблением в языке характеризуются а) **местоимения**, б) **местоименные слова** (типа *там, туда*), относительные слова. В целом поэтому этот класс назван **местоимениями**.

2. Класс K_2 — содержит номинативное, атрибутивное и акцидентивное (обстоятельственное) значения соответственно в парадигмах номинативного, атрибутивного и акцидентивного синтагматических классов; — **существительные**.

3. Класс K_3 — содержит атрибутивное, акцидентивное и сказуемое значения в соответствующих их названиям парадигмах синтагматических классов; — **прилагательные**.

4. Класс K_4 — акцидентивное, сказуемое и модальное значения в парадигмах акцидентивного, сказуемого и модального синтагматических классов; — **наречия**.

5. Класс K_5 содержит сказуемое, модалное и релятивное значения и употребляется в парадигмах сказуемого, модального и релятивного синтагматических классов; к этому классу принадлежат только **глаголы**.

6. Класс K_6 — содержит модальное, релятивное и номинативное (предметное) значения и употребляется в парадигмах модального, релятивного и номинативного парадигматических классов; этими свойствами обладают **частицы речи**, агглютинативные по происхождению аффиксы и служебные слова; все так называемые «пустые» слова — частицы речи.

Зная теперь, что означают символы $K_1 \dots K_n$, соответственно порядковым номерам синтагматических классов, можно свести данную систему в таблицу.

«Из этой матрицы следуют основные свойства разрядов слов, необходимо представленные во всех языках», — заключает

один из представителей генеративной школы в русском языкознании Ю. В. Рождественский.⁹²

Таблица 2

Парадигмагические классы	Синтагматические классы					
	1	2	3	4	5	6
K ₁	+	+	+	-	-	-
K ₂	-	+	+	+	-	-
K ₃	-	-	+	+	+	-
K ₄	-	-	-	+	+	+
K ₅	+	-	-	-	+	+
K ₆	+	+	-	-	-	+

Такие и близкие к этой системе части речи предлагались структуралистами. В частности, Леонард Бэбби идет дальше, принимая приведенные выше разряды за исходные категории как «небольшое число универсальных категорий»,⁹³ которые должны быть подвергнуты действию трансформационного и морфологического компонентов грамматики, «в результате чего они превращаются в те сущности, которым посвящено большинство исследований о частях речи, а именно — в поверхностные, присущие конкретному языку части речи».⁹⁴ В рамках этой поверхностной структуры Л. Бэбби выводит для русского языка такие классы — части речи, которые резко отличаются от привычных традиционных: 1) прилагательное в краткой

⁹² Ю. В. Рождественский. *Типология слова*. М., 1959, стр. 136.

⁹³ Леонард Бэбби. *К построению формальной теории «частей речи»*. — *НЗЛ*, вып. XV, «Современная зарубежная русистика». М., 1985, стр. 17.

⁹⁴ Леонард Бэбби. *Указ, соч.*, стр. 171.

форме; 2) прилагательное в полной форме в предикативной позиции; 3) личный глагол; 4) активное причастие; 5) глагольные части речи — инфинитив и деепричастие (с некоторым сомнением в правильности их выделения); 6) качественные наречия на -о; и т. д.⁹⁵ Трансформационный анализ позволяет Л. Бэбби делать такие выводы, которые многим грамматикам покажутся ересью; ср.: «такие предикативы, как *нельзя, надо, лень, пора* и т. п., функционируют как личные глаголы»; «Как только мы поймем, что эти предикативы представляют собой личные глаголы, одна из проблем русской грамматики, которую так трудно было решить, перестанет быть проблемой».⁹⁶

Различные теории и концепции частей речи, выдвигаемые современными структуралистами, весьма интересны, основаны на скрупулезном анализе фактического материала, но, к сожалению, мало пригодны для учебной грамматики ввиду своей «несобранности», не говоря о разночтениях между самими структуралистами и сложности методов и приемов анализа материала. Вместе с тем их ценность в том, что они показывают консервативным грамматикам, насколько серьезно то, чем они занимаются, и насколько глубоко можно анализировать структуру речи и единиц речи, чтобы достичь цели — в данном случае построить стройную систему частей речи.

Нельзя не сказать, что все «новые» теории частей речи, за исключением, может быть, «генеративной», хотя и она с ее «глубинными» частями речи по существу семантическая, являются на поверку модификациями, как правило, старых русских грамматических теорий. Мы можем выделить три концепции в современной грамматике, к которым эти слова относятся в полной мере, и этими тремя концепциями исчерпываются

⁹⁵ Леонард Бэбби. Указ, соч., стр. 171–200.

⁹⁶ Там же, стр. 187.

основные подходы к изучению частей речи современного русского литературного языка.

А. Семантическая теория частей речи. Нетрадиционная в том смысле, что не принята в нормативной грамматике; но она уходит корнями глубоко в историю русского языкознания. Как отмечалось, семантическими по существу были даже первые античные классификации слов. В той или иной степени они оставались таковыми и в более позднее время (в русской грамматике во всяком случае до А.Х. Востокова). Традиционные семантические определения частей речи сводятся к тому, что части речи — это классы слов, объединенных по сходству их лексических значений. Есть даже попытки убедить в том, что в сути своей лексическими являются так называемые общеграмматические значения: так, А.Н. Тихонов считает, что значения предметности, признака, процесса и т.д. «представляют собой обобщение лексических значений слов всей части речи».⁹⁷ Но ведь лексические различия между словами, безусловно разными по грамматическим свойствам, не настолько четкие, чтобы на этой основе можно было строить классификации. В русском языке можно найти много примеров того, как в одном классе по этому признаку оказываются существительные и глаголы (*бег — бегать, ход — ходить, ходьба — ходить, шуршание — шуршать*), существительные и прилагательные (*краснота — красный, кривизна — кривой*), и то, и другое, и третье (*спелость — спелый — спелеть*). С другой стороны, если бы семантические различия были столь существенны для классификации частей речи, то слова с одинаковым лексическим значением в разных языках относились бы к одним и тем же частям речи; между тем не всегда это так: ср. русск. *выпрямитель* (существительное) — чеченск. *ток нийийриг* (словосочетание

⁹⁷ А.Н. Тихонов. *Части речи — лексико-грамматические разряды слов.* — В кн.: *Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов.* Л., 1965, стр. 29.

с доминантным самостоятельным причастием, завершенность субстантивации словосочетания не несомненна); *глубиномер* (существительное) — *кЮргеюстург* (самостоятельное причастие с той же характеристикой); *змеиный* (прилагательное) — *лаьхъанан* (родительный падеж существительного, употребляемый как эквивалент притяжательного или относительного прилагательного); *кольцевой* (прилагательное) — *чIагаран* (родительный падеж существительного, употребляемый как эквивалент относительного прилагательного); и т. д. Анализируя эти и подобные примеры, мы невольно переходим от лексических к лексико-грамматическим значениям: *приезд* имеет, например, общелексическое значение действия и лексико-грамматическое (или общеграмматическое) значение предметности; но это уже не семантический принцип. Другое дело, когда семантические исследования, не претендуя на сводимость своих результатов к морфологическим и синтаксическим закономерностям языка, стремятся строить себя независимо от традиционной системы частей речи, углубляясь в суть и детали семантических различий и общности между словами, выделяя свои классы слов без претензий на универсальность этого подхода, обычных для многих «семантиков». У Я.Г. Тестельца были основания, чтобы заявить, что «проблема поиска семантических оснований для классификации знаменательных частей речи приобрела, по-видимому дурную репутацию».⁹⁸

Чтобы понять, насколько относительноны семантические основания классификации частей речи, обратимся к результатам психолингвистических и нейролингвистических наблюдений, в частности, к результатам, полученным А.Р. Лурия. В течение длительного времени наблюдая за своими больными, он заме-

⁹⁸ Я.Г. Тестелец. Наблюдения над семантикой оппозиций «имя/глагол» и «существительное/прилагательное»/к постановке проблемы. — В кн.: Части речи. Теория и типология. М., 1990, стр. 77.

тил, что его больные, заново осваивая речь, достаточно легко и хорошо запоминают и воспроизводят семантические классы, но игнорируют части речи. Они правильно определяют предметные существительные, поскольку в них значение предметности (лексико-грамматическое) тесно связано с конкретным предметным значением, легко определяют активные глаголы (действие — процесс), но *свобода* для них может быть и существительным, и прилагательным, *спать* — не глагол (нет активного действия), но *бег* — глагол; и т. п.⁹⁹ Эти наблюдения — доказательство автономности лексической и грамматической систем языка: если бы части речи действительно были семантическими классами слов, такое вряд ли было бы возможно.

Своеобразную версию семантического принципа, построенную по признаку общности значений «аффиксальных частей» слова, предложил М. В. Панов в статье «О частях речи в русском языке», опубликованной впервые еще в 1960.¹⁰⁰

По мысли М. В. Панова, общность частей речи может быть обнаружена не в корнях слов, где ее обычно ищут в семантических классификациях, а в аффиксальных частях, причем аффиксальная общность должна быть не формальной (звуковой), а именно содержательной (семантической). Скажем, словоформы *больное* и *мороженое* содержат одинаковые по внешней форме аффиксы (-*ое* и -*ое*), но они выражают разные общие значения. Значит, нужно обнаруживать именно содержательную аффиксальную общность. В основе классификации частей речи по М. В. Панову лежит выяснение участия аффиксов в функции называния, заключающейся в выражении предельно общих значений — процессуальности, признака, непосредственного или опосредованного отношения к объекту, признака признака.

⁹⁹ А. Р. Лурия. О патологии грамматических операций. — Известия АПН РСФСР, вып. 3, М.-Л., 1946, стр. 71–73.

¹⁰⁰ М. В. Панов. О частях речи в русском языке. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1960. № 4, стр. 3–14.

Первая функция выполняется всякой глагольной формой, в том числе причастием и деепричастием, вторая — прилагательным, третья — наречием. Словоформы, не обладающие в своей аффиксальной части ни одним из этих общих значений, отнесены к существительным, значит, сюда попали также количественные и собирательные числительные. Применение авторской версии семантического принципа привело М. В. Панова к следующей системе частей речи:

Самостоятельные части речи: имя существительное; имя прилагательное; имя числительное; местоимение; глагол; наречие; предикатив; причастие; деепричастие (всего 9);

Служебные части речи: предлог; союз; частица; модальные слова; междометия и звукоподражательные слова.

Семантический принцип в трактовке самого М. В. Панова, однако, даже если согласиться с его применимостью к частям речи в целом, на самом деле должен был оставить вне пределов частей речи местоимения, здесь не находится места категории состояния, модальным словам и тем более служебным словам и междометиям: все они не имеют признака «аффиксальной общности», ни семантической, ни какой-либо другой. Чрезмерное увлечение «аффиксальной семантической общностью» привело к фактическому игнорированию морфологических и синтаксических свойств слов. Следовательно, и эта классификация далека от универсальной.

Б. Морфологическая теория частей речи. Основана главным образом на подходе, при котором части речи выделяются по их словоизменительным признакам. Этот подход мог бы удовлетворить в той или иной степени, если бы, с одной стороны, все языки были морфологически однотипны, с другой — если бы даже в границах одного языка лексемы характеризовались одноуровневой морфологической оформленностью. По этим причинам морфологический принцип совершенно неприемлем в «аморфных» языках (по понятной причине отсут-

ствия в них самой морфологии), недостаточен в таких языках, как английский, в котором нет строго упорядоченной морфологической системы, как скажем, в родственном и во многом близкоструктурном немецком. Этот принцип фактически является ведущим в русистике, хотя на самом деле выделяемые в соответствии с ним части речи являются самыми неустойчивыми классами слов именно с точки зрения морфологического единства включенных в них лексем, в чем мы убедимся в § 4.

В. Синтаксическая теория частей речи. Эта теория не всегда строится со ссылками на А.А. Шахматова, но в своих основных положениях опирается на него. Шахматовская концепция в современной нам грамматике модифицирована, но стержень ее — синтаксическая функция слова как определяющий признак — сохраняется. Основная тенденция в разработке синтаксических классификаций частей речи — это «выделение классов в зависимости от того, какие функции имеют синтаксемы, образуемые данными единицами языка», исходя «из того, что синтаксическая структура предложения реализует некоторую семантическую структуру».¹⁰¹ По убеждению В.М. Алпатова, есть универсальные семантико-синтаксические закономерности функционирования слов в предложении, на основании которых можно составить и универсальную классификацию. Им самим выделены 8 «синтаксических» частей речи: имя, глагол, наречие, приименное, прилагательное, имяглагол, вводное, недостаточное. Правда, ему приходится признать, что «не все языки имеют одинаковый набор синтаксических частей речи в том плане, что не всегда указанный максимальный эталон реализуется полностью».¹⁰² Так, в русском языке нет «имяглагол»а, тогда как в китайском таких бифункциональных единиц очень

¹⁰¹ В.М. Алпатов. *Принципы типологического описания частей речи.* — В кн.: *Части речи. Теория и типология.* М., 1990, стр. 35.

¹⁰² Там же, стр. 39.

много: *таолунь* «обсуждать» и «обсуждение», *пипин* «критиковать» и «критика» и т.п. Конечно, отрицать наличие частей речи в китайском и в подобных ему других «аморфных» языках нельзя (есть речь и нет ее частей? — это, конечно, абсурд), но надо понимать, что здесь «часть речи» — совсем иное. Это понимали с самого начала создания современных грамматик китайского языка: в частности, европейские ученые, создававшие описания китайского языка, еще 300 лет назад выделяли в этом языке части речи, тогда как китайских составителей интересовали в основном фонетика, лексика, иероглифика и собственно части речи были выделены в китайском языкознании только в изданном в 1898 году «Грамматическом компендиуме господина Ма». Но всегда и европейскими, и китайскими авторами подчеркивалось главное отличие китайских частей речи от европейских — отсутствие у них форм, по которым можно было бы отличить слово одной части речи от другой. Конечно, говоря о возможностях различения частей речи, определения частеречной принадлежности их в тексте, в первую очередь обращали внимание на синтаксический — словопорядковый — признак. Синтаксический принцип может быть основным или даже единственным в аморфных языках, но вряд ли можно строить по этому принципу классификацию частей речи в морфных языках — и флективных, и агглютинативных.

У нас нет возможности углубляться дальше в суть этой теории (это явный выход за пределы программы); надо отметить, что авторы подобных классификаций не отвергают другие (морфологические, например), считая, что «нет никаких оснований отказываться от этих классификаций, следует лишь определить их место среди других типов классификаций лексики».¹⁰³

Кроме стремления к универсализации синтаксического критерия классификации частей речи, в русской грамматике нико-

¹⁰³ В. М. Алпатов. Указ, раб., стр. 40.

гда, после того, как синтаксические признаки были объявлены ведущими в разграничении форм у А. А. Потебни, не прекращались попытки обосновать тезис, согласно которому части речи должны определяться в зависимости от того, в функции какого члена предложения слова употреблены. В русском языкознании такая точка зрения, «несколько затемненная семантической терминологией»,¹⁰⁴ была выдвинута А. А. Шахматовым, а затем получила законченный вид и обоснование сначала у Е. Д. Поливанова,¹⁰⁵ а затем у А. А. Драгунова и Е. Н. Драгуновой (правда, не на русском материале)¹⁰⁶ Весьма существенно, что концепция А. А. Шахматова получила поддержку прежде всего у китаеведов. Как отмечает В. М. Алпатов, «обычно отождествление части речи и члена предложения происходит там, где меньше всего «работают» морфологические критерии».¹⁰⁷ Действительно, для «аморфных» языков трудно придумывать более универсальный, чем синтаксический, признак, по которому можно было бы строить «грамматическую лексикологию»: форм как таковых здесь нет, лексико-семантический критерий, как мы убедились, применить практически невозможно из-за сложности и многогранности взаимосвязей слов в области лексических значений, «аффиксально-семантический» почти нереализуем, во всяком случае, в том виде, в каком он сформулирован. Остается критерий функции. С этой точки зрения слово может быть в разных своих формах разными членами предложения, но только некоторые синтаксические функции считаются для него определяющими. Например, имя существительное может быть и подлежащим, и сказуемым (именной частью составного сказуемого), и дополнением, и главным чле-

¹⁰⁴ В. М. Алпатов. *Из истории изучения частей речи.* — Там же, стр. 15.

¹⁰⁵ А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов. *Грамматика современного китайского языка.* М., 1930.

¹⁰⁶ Е. Н. Драгунова, А. А. Драгунов. *Части речи в китайском языке.* — В кн.: *Советское языкознание*, т. 3. Л., 1937.

¹⁰⁷ В. М. Алпатов. *Из истории...*, стр. 15.

ном так называемых номинативных предложений (которые некоторые грамматики считают подлежащим), и обстоятельством, и несогласованным определением. Однако определяющая функция существительного — подлежащее; почти вровень с ней — функция дополнения. Следовательно, согласно этому более последовательному, чем другие, варианту синтаксической теории частей речи, слово во всех этих синтаксических функциях должно определяться как существительное, поскольку другие функции (обстоятельство, сказуемое и т. д.) для него второстепенны, они являются определяющими уже для других слов — глаголов, наречий, прилагательных.

Такой подход к типологии частей речи имеет, несомненно, целый ряд преимуществ в сравнении с морфологическим, если оценивать его с общезыковой точки зрения: он более универсален, чем морфологический, поскольку позволяет строить «грамматическую лексикологию» для всех языков, в том числе и «аморфных». Именно поэтому, видимо, синтаксический принцип особенно популярен у китаеведов. Но есть в применении этого подхода и свои трудности. В частности, выделение наиболее типичных, определяющих функций для той или иной части речи не всегда очевидно, тем более, что в языках флективных, например, в рамках традиционных частей речи (а все синтаксические классификации строятся, как правило, так, чтобы они максимально совпадали в составе и наименованиях частей речи с традиционными) объединены такие группы слов, у которых типичные синтаксические функции могут быть различными. Скажем, в системе прилагательного это а) полная форма, б) краткая форма, в) сравнительная степень. С точки зрения синтаксической теории это по меньшей мере две части речи: 1) полное прилагательное и 2) краткая форма (краткое прилагательное) — сравнительная степень. Типичная функция первой — определение, второй — сказуемое. Краткие прилагательные (братнин, отцов) вообще трудно

отнести к одной из них: нельзя однозначно ответить на вопрос, какая функция для них определяющая — сказуемого или определения. С другой стороны, эти две гипотетические части речи заставляют нас пересмотреть свои представления о парадигматике прилагательного. И, наконец «часть речи» «краткая форма — сравнительная степень» характеризуется полным отсутствием морфологического единства (краткая форма изменяется по двум вариантам — субстантивному и адъективному, а сравнительная степень не изменяется). Это вынуждало сторонников синтаксического подхода к учету морфологических признаков объединяемых в классы по функционально-синтаксическим свойствам слов. И. И. Мещанинов, например, называл части речи «морфологизированными членами предложения»: ¹⁰⁸ каждая часть речи имеет типичную синтаксическую функцию (скажем, существительное — функцию подлежащего и дополнения), но для того, чтобы признать существование некоторого класса слов с этим признаком единой частью речи, необходимо, чтобы они обладали и общими специфическими (отделяющими их от других классов) морфологическими свойствами. Если таковые не обнаруживаются, то нет и частей речи. Основным для И. И. Мещанинова в понимании сущности частей речи был синтаксический принцип (именно поэтому он отрицал необходимость применения термина «часть речи» к служебным словам, т. к. они членами предложения не являются), и это позволило ему убедительно обосновывать общность существительных, глаголов и т. д. В то же время в конкретных случаях, связанных с определением частеречной принадлежности слов, он исходил из морфологического критерия. В современных синтаксических концепциях частей речи этот подход (назовем его синтактико-морфологическим) особенно распространен, даже если сами исследователи его не декларируют.

¹⁰⁸ И. И. Мещанинов. *Члены предложения и части речи*. М.-Л., 1945, стр. 210.

§ 4. Состав частей речи русского языка, спорные вопросы их классификации

Итак, в русской грамматике на сегодняшний день мы имеем несколько систем частей речи, определяющих их состав по-разному в зависимости от различий в подходе к принципам их выделения и классификации.

Традиционная («школьная») грамматика продолжает отстаивать систему из 10 частей речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, частица, междометие (включение в эту систему слов категории состояния зависит от осведомлённости учителя в проблеме или точки зрения авторов используемого учебно-методического комплекса). Считается, что эта классификация основана на лексико-грамматическом принципе (или семантико-грамматическом), предусматривающем а) лексическую (семантическую) общность слов, включаемых в ту или иную часть речи, в пределах так называемых «общих» или «общеграмматических» значений предметности, признаковости (качественности), действительности (процессуальности), количественности (или количества и порядка при счете) и т. д.; б) общность грамматических средств и выражаемых ими значений, или наоборот; в) функционально-синтаксическую общность. Приведение этого перечня частей речи в систему потребовало от грамматики дифференцированного применения морфологического и синтаксического критериев разграничения соответствующих классов слов. С точки зрения морфологической эти 10 частей речи подразделяются на два типа, определяемые положительным или отрицательным проявлением признака изменяемости: 1) изменяемые части речи (существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол) и 2) неизменяемые (наречие, предлог, союз, частица, междометие). С функциональной (синтаксической) точки зрения эти части речи делятся на 2 типа:

1) самостоятельные, каковыми являются существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы и наречия, и 2) несамостоятельные (или служебные), каковы предлог, союз, частица. Междометие по этому признаку обычно не определяется, хотя с точки зрения функционально-стилистической оно тяготеет к самостоятельным частям речи, отличаясь от них функционально-семантическими свойствами. Части речи классифицируют и по признаку характера лексического значения (или отсутствия такового, как представляется некоторым грамматикам) на 1) знаменательные и 2) незнаменательные (по другой терминологии: полнозначные и неполнозначные).

Приведенная классификация не могла удерживать свои позиции в русской грамматике долго по двум основным причинам. Во-первых, она **эклектична**, так как, заявляя лексико-грамматический принцип классификации, в отношении отдельных классов исходит из иных принципов классификации (в отношении местоимения и числительного, например). Во-вторых, она не охватывает всех слов, реально существующих в языке, хотя не придерживается точки зрения отдельных лингвистов о том, что не все слова языка могут именоваться частями речи.

Эклектичность данной классификации мы видим прежде всего в том, что положенная в ее основу лексико-грамматическая теория требовала, чтобы в составе частей речи вообще не оказалось местоимения, поскольку у местоименных слов нет ни одного грамматического признака, который объединял бы все включаемые в эту часть речи слова; более того, трудно подобрать пару традиционно выделяемых разрядов, совпадающих грамматически. Тем не менее традиционная грамматика продолжает его выделять, но в соответствии не с лексико-грамматическим принципом, а лексико-семантическим. Остановимся на этом подробнее.

Нет никакого сомнения в том, что включаемые в класс местоименных слов лексемы характеризуются семантической

общностью: личное «я», неопределенное «кто-то», определительное «каждый», возвратное «себя» и т. д. объединены **указательной** семантикой, хотя указывают они на разные признаки. Но это все, что их объединяет. Среди восьми (или девяти, если дифференцировать вопросительно-относительные) разрядов местоимений нет ни одной пары, входящие в которые местоименные слова совпадали бы морфологически и (или) семантически. Изменяемость личных местоимений напоминает словоизменение существительных, но значительно отличается — в первую очередь благодаря супплетивизму словоизменения (*я — меня, мы — нас*), отсутствию рода, кроме *он (она, оно)*: впрочем, его иногда относят к указательным местоимениям, ввиду того, что оно выражает не только личное, но и предметное значение; сомнительности корреляции в числе (*я — мн. ч.* от него **мы?** тогда почему мы приводим **мы** в перечне местоименных **лексем?**); необычности падежных окончаний (на *-с*, на *-м* и т. д.: *нас, нам, вас, вам*). Более тесно эти местоимения примыкают к существительному синтаксически, хотя и здесь не обходится без проявлений уникальности — неиспользования местоимений в функции обстоятельств, например, несогласования с ними определений. Определительные местоимения *каждый, весь, сам, самый, всякий, всяческий* ближе по своим морфологическим и синтаксическим признакам к имени прилагательному, но в определенных синтаксических условиях (в функции подлежащего или дополнения) могут приобретать и признаки существительного. Указательные *тот, этот* могут в разных обстоятельствах сближаться то с прилагательными, то с существительными. Относительные местоимения используются в основном в служебной функции. Этот обзор можно было бы продолжить, но уже ясно, что грамматического единства у местоименных слов нет. Следовательно, они выделены под влиянием логико-семантических традиций, от которых

якобы отмежевались авторы лексико-грамматических классификаций частей речи.

Непоследовательность традиционной грамматики проявилась также в том, что она оставила в системе глагола причастие (грамматически более близкое, как мы убедимся, к прилагательному), деепричастие (имеющее больше наречных грамматических признаков, чем глагольных). Унаследованные от глагола морфологические признаки у этих словоформных групп существенно отличаются от собственно глагольных, поэтому попытки подсчета количества глагольных признаков для аргументации тезиса об «особых формах» глагола малоубедительны. Представляется несоответствующим самому лексико-грамматическому критерию и объединение в одной части речи количественных (в т. ч. дробных и собирательных) и порядковых числительных.

С другой стороны, в традиционной лексико-грамматической классификации вне системы частей речи оказались **категория состояния, звукоподражания, модальные слова, связки**, которым также необходимо было найти место в этой системе.

Этому второму условию в полной мере отвечает система частей и частиц речи, у истоков которой стоял В. В. Виноградов, но она не совсем категорична в преодолении эклектичности и противоречивости, свойственных лексико-грамматической теории частей речи. Суть этой системы нами излагалась (§ 2.3. Раздела II), поэтому остановимся на дополнениях к ней, сделанных другими грамматиками, и объяснении того, почему мы считаем, что В. В. Виноградов не до конца преодолел эклектичность предшественников.

Как известно, Л. В. Щерба, иницировавший современную лексико-грамматическую теорию частей речи, дополнил их состав категорией состояния, включив сюда слова типа *нельзя, можно, надо, пора, жаль*, но не только эти: «Впрочем, и при лич-

ной конструкции можно указать ряд слов, которые подошли бы сюда же: *Я готов; Я должен; Я рад (радуюсь); Я способен...*¹⁰⁹

Совершенно очевидно, что здесь, кроме обобщенного лексического значения состояния, нет других общих признаков между словами типа «жаль» и «готов». Иначе говоря, категория состояния, выделенная в качестве особой части речи, оказалась заполнена в конечном счете на основании семантических признаков и с игнорированием признаков грамматических. Таких противоречий в «щербовской» лексико-грамматической классификации частей речи много. Сегодня уже совершенно очевидно, что традиционная классификация частей речи не отвечает даже заявленному в ней самой принципу, а частеречная принадлежность многих довольно многочисленных групп определена неверно или не определена вовсе. Классификация, которая строится на общности лексических и грамматических свойств слов, не должна включать в одну часть речи *пять* и *пятый*, *я* и *всякий*, *писать* — *пишущий*, *играть* — *играя* и т. д.; или, если необходимо, чтобы эти пары оказывались в одной части речи, должна разработать какой-то другой подход, который позволил бы это сделать, с точки зрения элементарной логики общепринятый список частей речи должен быть пересмотрен хотя бы приведением его в соответствие с теми лексико-грамматическими основаниями классификации, из которых он якобы происходит. Такие попытки в грамматике уже делались (см., напр., АГ-80, в которых существенное иное распределение лексико-грамматических разрядов и грамматических классов слов между частями речи. чем в грамматике традиционной), однако пересмотр состава частей речи только намечен, но не доведен до конца.

¹⁰⁹ Л. В. Щерба. *О частях речи в русском языке.* — В кн.: Л. В. Щерба. *Языковая система и речевая деятельность.* Л., 1974, стр. 90.

Не найдя куда включить «гибридные» и «нетрадиционные» классы слов типа причастий, деепричастий, порядковых числительных, соответствующих разрядов местоимений и т. д., авторы некоторых учебных грамматик предпочитают выделить их в отдельные части речи (см., напр., у Н. М. Шанского и А. Н. Тихонова в кн.: Современный русский язык. В 3-х частях, ч. II, М., 1981). Другие находят, что у этих слов тех или иных свойств больше, и относят их к соответствующим традиционным частям речи. Л. Я. Маловицкий, например, осознает, что причастия и деепричастия выделяются своими особыми чертами, но оставляет их в системе глагола, следуя традиционной грамматике: «В системе глагольных форм они занимают особое место, потому что по своим грамматическим признакам они сближаются с прилагательными и наречиями. Однако рассматривать их в качестве самостоятельных или гибридных частей речи нельзя, так как глагольных свойств у них значительно больше, чем свойств прилагательных и наречий».¹¹⁰

Вот это как раз и кажется сомнительным. Мы часто легко решаем, чего больше или меньше, даже не подсчитав. Чтобы убедиться в том, что вывод Л. Я. Маловицкого не имеет реального подтверждения, сделаем эти подсчеты.

В языкознании иногда применяется коэффициент сходства, использованный впервые, кажется, О. П. Суником в применении к частям речи. Этот коэффициент дает возможность определить, относятся ли какие-либо единицы (слова, предложения и т. д.) к одному классу, группе и т. д. Это:

$$K = \frac{ad-bc}{(a+b)(b+c)(b+d)(c+d)}$$

¹¹⁰ Р. Н. Попов, Д. П. Валькова, Л. Я. Маловицкий, А. К. Федоров. Современный русский язык. Изд. 2-е, М., 1986, стр. 243.

Попробуем по этой формуле определить, чем является (или к чему ближе) причастие — формой глагола или формой прилагательного. Для этого составим матрицу данных, соответствующую представлению о том, что части речи — это «самые крупные грамматические классы слов, характеризующиеся следующими тремя признаками: 1) обобщенным грамматическим значением, абстрагированным от лексических значений слов и от категориальных морфологических значений; 2) определенным составом морфологических категорий и общностью в организации парадигм; 3) общностью основных синтаксических функций».¹¹¹ Для составления матрицы берем пары слов *идуший — идти*, *идуший — строгий*.

Таблица 3

№№	Свойства	идуший	идти	Итого: + —, — +
1	Обобщенное лексическое (общеграмматическое) значение действия	+	+	++
2	Обобщенное лексическое (общеграмматическое) значение признака-качества	+	—	+—
3	Обладает категориями:			
	— вида	+	+	++
	— времени	+	+	++
	— наклонения	—	+	—+
	— лица	—	+	—+
	— залога	+	+	++
	— числа	+	+	++
	— рода	+	+	++
— падежа	+	—	+—	

¹¹¹ Краткая русская грамматика. М., 1989, стр. 21.

№№	Свойства	идущий	идти	Итого: + —, — +
4	Эти категории регулярно воспроизводимы во всех членах парадигматического ряда:			
	— вид	+	+	++
	— время	+	+	++
	— наклонение	—	+	—+
	— лицо	—	+	—+
	— залог	+	+	++
	— число	+	+	++
	— род	+	—	+—
— падеж	+	—	+—	
5	Категории охватывают практически все слова данного класса:			
	— вид	+	+	++
	— время	+	+	++
	— наклонение	—	+	—+
	— лицо	—	+	—+
	— залог	+	+	++
	— число	+	+	++
	— род	+	+	++
— падеж	+	—	—+	
6	Общие категории всегда выражены специализированными в их значениях средствами:			
	— вид	—	+	—+
	— время	+	+	++
	— залог	+	—	+—
	— число	+	+	++
— род	+	+	++	
7	Средства выражения общих категорий совпадают:			
	— вид	—	—	— —
	— время	—	—	— —
	— залог	—	—	— —
	— число	—	—	— —
— род	—	—	— —	
8	Имеет соотносительные полные и краткие формы	+	—	+—

№№	Свойства	идуций	идти	Итого: + —, — +
9	Имеет возвратную форму	+	+	++
10	Различаются по признаку переходности	+	+	++
11	Основная синтаксическая функция:			
	— сказуемое	—	+	— +
	— определение	+	+	++
12	Подчиняет себе существительное	+	+	++
13	Сочетается с существительным по типу координации	—	+	— +
14	Зависит от существительного	+	—	+ —
ИТОГО		a — число строк ++ 22 b — число строк — + 8 c — число строк + — 6 d — число строк — 5		

Итак, для пары *идуций* — *идти* можно вычислить коэффициент сходства K^1 :

$$K^1 = \frac{22 \times 5 - 8 \times 6}{(22+8)(8+6)(8+5)(6+5)} = 0,25$$

Таким же образом рассчитаем коэффициент сходства для пары *идуций* — *строгий*:

Таблица 4

№№	Свойства	идуций	строгий	Итого: + —, — +
1	Обобщенное лексическое (общеграмматическое) значение действия	+	—	+ —

№№	Свойства	идуший	строгий	Итого: + —, — +
2	Обобщенное лексическое (общеграмматическое) значение признака-качества	+	+	++
3	Обладает категориями: — вида — времени — залога — числа — рода — падежа	+	—	+ —
		+	—	+ —
		+	—	+ —
		+	+	++
		+	+	++
		+	+	++
4	Эти категории регулярно воспроизводимы во всех членах парадигматического ряда: — число — род — падеж	+	+	++
		+	+	++
		+	+	++
5	Категории охватывают практически все слова данного класса: — число — род — падеж	+	+	++
		+	+	++
		+	+	++
6	Средство выражения общих категорий — адъективное окончание:	+	+	++
7	Имеет соотносительные полные и краткие формы	+	+	+ —
8	Этим признаком обладают: — все разряда данного класса — не все разряды данного класса	—	+	— +
		—	—	— —
9	Принадлежащие к этому классу лова могут иметь формы сравнения	+	+	++
10	Имеют возвратную форму	+	—	+ —
11	Различаются по признаку переходности	+	+	++
12	Основная функция в предложении — согласованное определение	+	+	++

№№	Свойства	идуций	строгий	Итого: + —, — +
13	В основном совпадают в других функциях	+	+	++
14	Обычно согласуются с существительными	+	+	++
ИТОГО		a — число строк ++ 22 b — число строк — + 8 c — число строк + — 6 d — число строк — 5		

Таким образом,

$$K^2 = \frac{16 \times 1 - 1 \times 6}{\sqrt{(16+1)(1+6)(6+1)(6+1)}} = \frac{10}{76,36} = 0,14$$

Минусовый коэффициент могут иметь только слова совершенно разных, прямо противоположных классов, плюсовый показывает саму степень сходства: являются ли сравниваемые лексемы словами одного класса, или они входят в один более обобщенный класс, или это в принципе разные, но не противопоставленные, а, наоборот, находящиеся в какой-то взаимосвязи слова. К какой из трех последних групп относятся сравниваемые слова, зависит от величины коэффициента. В нашем случае разница между K^1 и K^2 слишком велика, чтобы можно было сомневаться в том, что причастие ближе к прилагательному, чем к глаголу. Вместе с тем до полного тождества причастия и прилагательного тоже, конечно, далеко (в идеале это $K=1,0$, но такой коэффициент не встречается даже у слов одного разряда одной и той же части речи). Кроме того, надо учесть, что $K > 0,5$ не всегда даже у тех слов, которые мы безоговорочно относим к одной и той же части речи.

Конечно, только на этом основании мы не должны и не можем утверждать, что причастие — одна из форм прилагатель-

ных. Речь может идти только о том, что такие данные позволяют нам предположить, что *идущий* — *строгий*, вероятно, входят в какую-то обобщенную группировку слов с регулярно выражаемыми общими признаками, поскольку $K > 0,05$ обычно дает именно такой результат. Но мы все-таки должны учесть, что оперируем цифрами, полученными путем сравнения поверхностных свойств этих лексем, без углубления в частные признаки отдельных слов, которые могут вести себя иначе в том или ином отношении, без оценки степени совпадения в тех признаках, которые сочли общими. То есть речь идет о «качестве» и приоритетности общих и дифференциальных признаков, выявленных при таком сравнении: вопрос еще в том, какие из них считать определяющими. И. Г. Милославский, например, осознает, что «причастие, будучи гибридной словоформой, обладает категориями глагола и категориями прилагательных», но уверен, что «причастие следует рассматривать как форму глагола».¹¹² Мотивируется это тем, что причастие противопоставляется личным формам глагола по «нормативному элементу значения» («личные формы рассматривают действие как предикат, а причастие не как предикат, но как признак».¹¹³) Не совсем, однако, понятно, почему это различие вообще представлено как противоречие. Еще удивительнее дальнейшая аргументация, заслуживающая полного воспроизведения своей запутанностью и неопределенностью: «Этот элемент значения для личных форм глагола и причастий обладает свойствами обязательности и регулярности. Существование личных форм предопределяет наличие причастий... Наличие форм причастий обуславливает существование личных форм соответствующего глагола. Следовательно, перед нами — грамматический элемент значе-

¹¹² И. Г. Милославский. *Морфологические категории современного русского языка*. М., 1981, стр. 226.

¹¹³ Там же, стр. 225.

ния. Поскольку это такой элемент значения, который может различать словоформы, отличающиеся друг от друга только грамматическими элементами значения, он формирует словоизменятельную морфологическую категорию. Таким образом, причастие типа *делающий*, личная форма типа *делаю*, инфинитив *делать*, повелительное наклонение *делайте* — формы одной лексемы. То обстоятельство, что причастие обладает морфологическими категориями рода и падежа, отсутствующими, например, у личных форм изъявительного наклонения не прошедшего времени, не мешает считать причастие глагольной словоформой. Ведь род и падеж являются морфологическими словоизменятельными в данном случае категориями». ¹¹⁴ Поскольку обращение к соответствующей главе «Части речи...» (стр. 32–42) из книги И. Г. Милославского не вносит ясности, попробуем сами определить, что имеется в виду. Вероятно, речь идет о том, что при классификации и определении частеречной принадлежности конкретных слов и их групп надо исходить из того, что номинативный элемент значения и словоизменятельные морфологические категории играют второстепенную роль, а определяющими признаками являются грамматический элемент значения и набор несловоизменятельных морфологических категорий. В отношении причастий это было бы, может быть, верно, если бы не такое обстоятельство: «признак» — это не номинативный элемент причастий, точно так же, как «предикат» — не номинативный элемент значения глагола. Это как раз грамматический элемент. Второе: можно согласиться с тем, что вид и для глагола, и для причастия категория несловоизменятельная, но можно ли то же самое утверждать о категории времени? Во всяком случае, относительно личного глагола. В причастиях эта категория несловоизменятельная (мы различаем причастия двух времен, но нет никаких

---

¹¹⁴ И. Г. Милославский. Указ, раб., стр. 225

оснований считать, что причастия *решающий* и *решивший* связаны словоизменительно связаны), следовательно, тезис о совпадении несловоизменительных категорий личного глагола и причастия рухнет на глазах, так как словоизменительный характер времени глагола несомненен. Относительно залога: до конца еще не выяснено, является ли он морфологической категорией личного (спрягаемого) глагола, но ясно, что эта категория вообще не может характеризоваться по признаку словоизменительной направленности, так как глагольный залог не имеет для этого минимума — собственного средства выражения. Залог трудно назвать даже несловоизменительной категорией (вернее, рассматривать в рамках противопоставления словоизменения и словообразования), так как у него в личной форме глагола нет маркеров (обозначителей), по которым мы могли бы определить, к какому залогу относится тот или иной глагол. Сомневающимся можно предложить к анализу в этом плане такие примеры: *Он **строится** пятый год. — Дом **строится** по проекту архитектора Семенова. — Дом **строится** рабочими СМУ-2; Он **крутится** как может. — Колесо **крутится** вхолостую. — Колесо **крутится** энергией воды.* Можно ли вне этих предложений определить залог глаголов *строится* и *крутится*? Тогда совершенно непонятно, почему И. Г. Милославский считает, что на уровне других категорий, кроме рода и падежа, причастие совпадает с личной формой глагола, если даже число (множественное) у них выражается по-разному: у глагола — окончанием *-и*, у причастий, как и у прилагательных — адъективными окончаниями. И, наконец, неубедительна аргументация, основанная на том, что определяющими при выяснении частеречной принадлежности слов должны быть несловоизменительные категории, а не те, которые и позволяют слову быть именно **частью речи**, связывая его с другими в составе предложения, — словоизменительные. Если и можно ар-

гументировать включение причастия в систему глагола, то каким-то другим способом, но в любом случае не так.

Не помогает определению частеречной принадлежности гибридных форм и семантический принцип в версии М. В. Панова. В его интерпретации причастие (и деепричастие) выполняют функцию называния общего значения процессуальности, как и собственно глагол. То есть *бегающий* и *бегут* для М. В. Панова одно и то же с точки зрения содержательной аффиксальной общности. Но это «лексическое значение определенного процесса»¹¹⁵ в значительной степени отличается от того, которое выражено в личном глаголе. В глаголе это значение приурочивается или не приурочивается к моменту речи, поддерживается грамматически «предикатообразующими» категориями времени, лица, наклонения, тогда как «категория времени причастий, в отличие от категории времени личных форм, не связана с наклонением и лицом и не является предикативной»,¹¹⁶ поэтому значение причастия — «атрибутивное состояние как процесс»,¹¹⁷ и эта атрибутивность (признаковость) является для причастий основным, определяющим общим значением. Вряд ли можно спорить также с тем, что «аффиксальная семантическая общность» здесь невозможна уже потому, что, во-первых, у личной формы глагола и причастия никогда нет общих аффиксов с одним общим значением, если только не иметь в виду корни, но это не аффиксы. Процессуальность глагола реализуется при посредстве его личных окончаний или (в прошедшем времени) суффиксов; суффиксы причастий являются аффиксами словообразующими и прямого отношения к этому признаку не имеют, тем более не имеют отношения к глагольной процессуальности адъективные окончания причастий.

¹¹⁵ И. Г. Милославский. Указ, раб., стр. 225

¹¹⁶ Н. А. Янко-Триницкая. Русская морфология. М., 1982, стр. 132.

¹¹⁷ Л. Л. Буланин. Трудные вопросы морфологии. М., 1976, стр. 157.

Доподлинно нам известно только то, что «аффиксальную семантическую общность» причастия обнаруживают на самом деле с прилагательными, причем несомненную и полную: оба выражают значение признака одними и теми же адъективными окончаниями.

Ни одну из «гибридных» и «неопределенных» (непристроенных) форм мы не сможем закрепить в составе той или иной части речи, пока будем пытаться доказывать, что части речи формируются независимо от их конкретных морфологических свойств словоизменительного типа и от основных синтаксических признаков, что их можно определять и классифицировать на основании каких-то «предельно общих значений» или по сумме и сочетанию несловоизменительных категорий, совпадение которых у грамматически разных словоформных групп вероятнее, чем категорий словоизменительных. Однако все можно расставить по местам, приведя в строгую систему признаки, лежащие в основе классификации, договорившись об общих принципах. Речь идет о следующем:

1. **Части речи** — это в первую очередь **грамматические** классы слов, но в их формировании принимают участие и общие значения (обобщенные лексические и общеграмматические), единые для всех слов данного грамматического класса.

2. Определяющими при выяснении частеречной принадлежности слов и их классификации по частям речи являются признаки морфологического словоизменения — как общность таких признаков, так и одинаковые условия и причины их отсутствия, а также общность того, что языковеды называют «принципом образования формы». Несловоизменительные категории составляют круг морфологических признаков, которые должны при этом учитываться, но не имеют решающего значения.

3. При определении синтаксической общности определения только синтаксической функции недостаточно, важна и одина-

ковая для данного класса слов валентность (сочетаемость с другими словоформами).

5. Нет и не может быть ни одного слова, которое могло бы употребляться в речи, в той или иной степени влиять на семантику и структуру предложения или его сегментов, иметь значение и в то же время не являться частью речи.

Исходя из всего вышесказанного, мы утверждаем, что принцип классификации частей речи может быть **только лексико-грамматическим, но правильно применяемым**. Все известные классификации, созданные со ссылкой на этот принцип, оказались противоречивыми и неудачными не потому, что не пригоден сам принцип, а по той причине, что принцип только декларировался, а на деле классификации выходили за его рамки или вообще ему противоречили. Кроме того, традиционная лексико-грамматическая теория нуждается и в существенном уточнении, касающемся общности свойств и признаков у слов, объединяемых в части речи. То есть речь идет о необходимости расширить перечень признаков, которые должны быть общими для объединяемых в части речи групп слов. В части синтаксических признаков функциональные свойства необходимо рассматривать в контексте с валентными, в части признаков морфологических — в контексте с выявленными общими категориями важно обращать внимание на общность или различия в принципе образования форм и словоизменения. Здесь может оказаться полезным дополнение общего лексико-грамматического принципа семантическим подходом М. В. Панова (являющегося на самом деле формально- или аффиксально-семантическим). Обоснования морфологической общности слов той или иной части речи в принятой форме оказывается недостаточно, так как список морфологических категорий у нее полностью или частично может повторять состав морфологических категорий другой части речи (достаточно близки в этом плане, например, существительные и прилагательные), следует

еще выяснить, однотипны или неоднотипны эти категории по: а) видам и типам морфем, их выражающих; б) общим грамматическим значениям, передаваемым ими; в) участию или неучастию в словоизменении. То есть содержательная аффиксальная общность, о которой пишет М. В. Панов, действительно важна для нас, но не обязательно она должна быть введена в классификацию строго в том виде, в каком рассматривается у М. В. Панова.

Надо согласиться и с тем, что весь перечень признаков, которые мы перечисляем для частей речи в целом, не должен быть обязательно отражен в каждом классе слов, которые мы будем продолжать называть частями речи. Не обязательно, например, чтобы слова имели общее грамматическое значение, так как есть группы слов, которая грамматических значений вообще не выражает, — междометия и звуко/образоподражания.

Но отсутствие этого признака — тоже признак, достаточный для того, чтобы говорить об общности слов, объединяющий их в отдельной группе. В принципе в нашу схему анализа слов на предмет выяснения их частеречной принадлежности с положительным знаком могут включаться только так называемые знаменательные слова, но это не значит, что другие должны быть выведены за пределы частей речи: одинаково выраженное отсутствие тех или иных звеньев этой цепи признаков тоже объединяет и тоже является дифференциальным (отделяющим от других классов) признаком.

В нашем понимании лексико-грамматическая классификация частей речи должна строиться на учете следующих признаков, выраженностью или невыраженностью которых слова обнаруживают свою общность и могут образовывать классы слов, называемые частями речи.

I. Общелексическое и общеграмматическое единство

Подразумевается общность слов в **номинации или прономинании лексических значений** (действие, состояние, от-

ношение, предмет, лицо, качество, относительное качество и т. д.) и **в реализации общеграмматических значений** (предметность, признак, процессуальность и т. д.). Ориентированность только на общеграмматическое значение, свойственная традиционным классификациям, недостаточна хотя бы потому, что она исключает из этой системы как минимум междометия, звукоподражания и модальные слова. В отношении последних мы можем говорить об общности у них значений, связанных с выражением чувств, волеизъявлений, подражанием производимым кем-, чем-либо шумом, действием, признавая, что это и есть их лексические значения, для реализации которых какие-либо грамматические значения. а следовательно, и какие-либо формы не являются необходимыми и даже вряд ли возможны.

II. Морфологическое единство:

1) одинаковый состав морфологических категорий, как минимум тех, с помощью которых обеспечивается связь данных слов с другими в составе предложения или словосочетания; для существительных это, например, категории рода, числа и падежа, которыми характеризуется не большинство относимых к этой части речи лексем, но вообще все, другое дело, что отдельные слова и их группы характеризуются отсутствием форм выражения или дефектной (недостаточной) парадигмой, не отражающей все эти категории;

2) однотипность этих категорий в плане выражения — использование однотипных морфем для выражения однотипных грамматических значений;

3) однотипность этих категорий в функциональном плане (словоизменяемый или несловоизменяемый характер, например) и в плане синтагматической выявляемости.

III. Синтаксическое единство:

1) совпадение главной и основных синтаксических функций;

2) одинаковые или почти одинаковые сочетаемостные свойства и возможности.

Проанализировав наши «спорные» классы слов, мы достаточно легко и безусловно точно можем определить их частеречную принадлежность. В частности, сможем выяснить, что причастие — это не особая форма глагола, хотя и отглагольная, а особая форма прилагательного; деепричастия, напротив, явно тяготеют к самостоятельности как часть речи; местоимения не обладают теми признаками, которые формируют часть речи как единый не только в содержательном, но и в грамматическом отношении класс, а включаемые в него традиционно слова в соответствии со своими признаками должны быть распределены между другими частями речи; числительное включает в себя не четыре разряда (количественные, порядковые, дробные и собирательные), а только три — количественные, дробные и собирательные. Для наглядности проведем этот анализ при помощи соответствующих матриц, обозначив перечисленные выше признаки через: Ia, Ib, IIa, IIб, IIв, IIIa, IIIб, IV. (Кода IV в нашем списке основных признаков частей речи нет, он означает «дополнительные сведения»). В этих матрицах мы, сравнивая «гибридные» формы с соответствующими частями речи, признаки которых они совмещают, получаем необходимые сведения для того, чтобы сделать выбор в пользу какой-нибудь одной или прийти к выводу о частеречной самостоятельности, что тоже не исключено. Такому анализу, естественно, не подвергаются классы слов, частеречная принадлежность которых к серьезным дискуссиям уже не приводит.

Таблица 5

признаки	бегущий	вредный	бегу
Ia	действие	качество	действие

признаки	бегущий	вредный	бегу
Iб	признак	признак	процесс
IIа	вид, время, залог, (не) переходность, (не) возвратность		вид, время, залог, (не) переходность, (не) возвратность
	число, род, падеж, полнота-краткость	число, род, падеж, полнота-краткость, степени сравнения	время. лицо, наклонение, число, род
IIб	несловоизме нит.	словоизменит.	несловоизменит.
	словоизменит.		словоизменит.
IIв	словообраз. суффикс (кроме перех-ти)	словоизмен. флек- сии, (кроме степ. сравн.)	словообраз. аффиксы
	словоизмен. флек- сии		словоизменит. флексии, суффик- сы, бы
IIIа	определение	определение	сказуемое
IIIб	согласуется с суще- ствительным	согласуется с суще- ствительным	согласуется с суще- ствительным
IV	кратк. страдат. причастие входит в состав имен- ного составного сказуемого	кратк. прил-ое и сравн. ст. — именная часть сост. сказ-ого	

Как видим, совпадений у причастия и глагола не много: это I, IIа и IIб, но и эти совпадения частичные и безусловные. Причастие и прилагательное имеют общие черты в значительно большем объеме. Причем в полном объеме в части словоизменительных категорий, не считая форм сравнения (но эти формы есть и не у всех даже качественных прилагательных, не говоря об относительных и притяжательных), практически совпадают в признаке Iб; нет особых различий во второй части IIв и в целом во всех остальных признаках. Более того, спрягаемый глагол расходится с причастием в признаке IIв, не являющемся целиком общим у причастия и прилагательного. У причастия

почти в полном объеме совпадают с прилагательным именно те признаки, которые обеспечивают его связи с другими словами в предложении: IIа, IIб, IIIа, IIIб, IV. Можно ли и после этого утверждать, что причастие — форма глагола? Только в том случае, если задаться целью отрицать очевидное.

Вместе с тем причастие, разумеется, не во всем совпадает с прилагательным. Оно унаследовало некоторые категории и черты глагола, но, оказавшись в системе причастия, эти категории претерпели существенные изменения. Время спрягаемого глагола, например, категория словоизменительная, однако причастное время — это уже категория «формовыражающая»: причастия не изменяются по временам, есть только причастия настоящего и прошедшего времен, каждое из которых имеет свои суффиксы, которые словоизменительными нельзя называть однозначно и выполняют по сути словообразующую функцию. В системе глагола залоговое противопоставление в принципе не маркировано и охватывает далеко не все глаголы, а причастия все без исключения делятся на действительные и страдательные и имеют соответствующие показатели — суффиксы (-ущ-, -вш-, -ш-, -ом-, -ем-, -им-, -нн-, -т-). Самое главное — у причастий нет склонения, являющегося основой предикативности глагола, и лица, обеспечивающего его спряжение. Тем не менее его признаки в какой-то степени повторяют глагольные, поэтому причастие может быть выделено в самостоятельный 4-й разряд прилагательных, может быть, под тем же названием «действенные прилагательные», как у А.Х. Востокова, хотя возможно и сохранение закрепленного за ними названия — «причастия».

Однако перечень разрядов прилагательных может быть расширен и дальше.

Мы уже говорили о том, что «порядковые числительные» в своих грамматических (морфологических и синтаксиче-

ских) признаках почти не отличаются от имен прилагательных. Это предположение может проверить.

Таблица 6

Признаки	пятый	белый
Ia	количество	качество
Iб	(количественный) признак	качественный признак
IIa	число, род, падеж	число, род, падеж
		Полнота-краткость, степ. сравн.
IIб	словоизменительная	словоизменительная
		словоизменительная
II в.	адъективные окончания	адъективные окончания
		флексии, суффиксы
IIIa	определение, именное сказуемое	определение, именное сказуемое
		только именное сказуемое — кр. ф. и сравн. степ.
IIIб	согласуется с сущ. в роде, числе. падеже	согласуется с сущ. в роде, числе. падеже
		ср. степ. не согл-ся; кратк. ф. — в числе и роде
IV	Есть ограничения в сочетаемости с сущ-ыми определенных лексико-сем. разрядов и групп (не определяет отвлеч. сущ-ые, собирательные сущ-ые и нек. др.)	

Самое серьезное различие здесь — по признаку Ia. Но ведь и не все прилагательные выражают общелексическое значение качества: *тульский* — признак относительно места; *вчерашний* — признак относительно времени; и т.п. В этом ряду

может быть и *пятый* — определение «качества» по количеству. В остальных случаях «порядковое числительное» практически не отличается от прилагательного, во всяком случае, все его признаки повторяются в прилагательном, но прилагательное также имеет и такие, которых нет у «числительных». Принимая во внимание, что эти дифференциальные признаки (полнота — краткость, степени сравнения) свойственны не всем разрядам традиционного прилагательного, мы с полным основанием можем выделить пятый разряд прилагательных, который можно назвать «порядковые прилагательные».

В грамматике нет единства и относительно частеречной принадлежности или частеречного статуса местоименных слов.

Единственный признак, который можно считать общим для всех слов, объединяемых грамматической традицией в классе (части речи) местоимений, — это указательная семантика, с точки зрения номинации как функции слова подпадающая под рубрику *прономинализация*. Во всех остальных признаках (Iб, IIа и до конца) эти слова не обнаруживают того единства, которое необходимо для того, чтобы объединить их в одной части речи. С другой стороны, различные группы местоименных слов в этих признаках (во всяком случае, в основном) совпадают с другими известными частями речи — существительными, прилагательными, наречием, числительным. Может показаться, что достаточно разбить известные разряды местоимений на соответствующие группы и распределить их по тем частям речи, к которым они грамматически близки, как и поступали сравнительно недавно. Однако дело в том, что грамматического единства нет даже среди местоименных слов одного разряда. Показательны в этом отношении неопределенные местоимения, часть которых обнаруживает субстантивные черты на уровне синтаксическом, смешанные субстантивные и адъективные черты на морфемно-морфологическом уровне (*кто-то, что-то*), предельно ограниченные признаки близости к существитель-

ным (*некто, нечто*), другая часть ближе к прилагательным (*какой-то*), третья — к наречиям (*куда-то, когда-то*). При этом необходимо учесть, что, например, сближаемые с именами существительными по морфологическим признакам отдельные местоименные слова (неопределенные *некто, нечто*) на самом деле парадигмы как таковой не имеют, причем не имеют других падежных форм, кроме именительного, и только не имеют словоформы множественного числа, но и не могут быть употреблены со значением множественности. Поэтому под их сближением с существительными имеется в виду главным образом семантическая и синтаксическая (функциональная) близость к этой части речи. Тем не менее, те грамматические признаки, которые у этих местоименных слов есть, являются именно субстантивными. Поэтому «расформирование» класса местоимений и их распределение между существительными, прилагательными и наречиями должно быть лексемным, а не групповым, с выделением в каждой из этих групп соответствующих разрядов — местоименных существительных (*я, ты, он; мы, вы, они; себя; кто, что; кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь, кто-либо, что-либо, кое-кто, кое-что, некто, нечто, никто, ничто; никого, ничего*); местоименных прилагательных (*мой, твой, наш, ваш, его, ее, их, свой, тот, этот, такой, такий, таков, следующий, каждый, весь, всякий, всяческий, любой, целый, иной, другой, самый, сам, какой, который, чей, каков, какой-то, какой-нибудь, какой-либо, чей-то, чей-нибудь, чей-либо, кое-какой, некоторый, некий, никакой, ничей*); местоименных наречий (*по-моему, по-вашему, здесь, там, тут, туда, потому, поэтому, затем, тогда, так, так, по-всякому, всячески, везде, всюду, отовсюду, всегда, по-иному, по-другому, где, куда, откуда, когда, зачем, отчего, почему, как, где-то, где-либо, где-нибудь, куда-то, куда-либо, куда-нибудь, откуда-то, откуда-либо, откуда-нибудь, кое-где, кое-куда, кое-когда, нигде, никуда, никогда, низачем, негде, некуда, некогда, незачем, неоткуда*), местоименных числи-

тельных (*сколько, несколько, нисколько, сколько-то, сколько-либо, столько-столько-то*). Не все приведенные слова включались в класс местоимений, часть из них производна от традиционных местоимений, часть образована от других слов (*следующий*, напр.), но все они в итоге стали местоименными по характеру значений и по функции в речи.

«Расформирование» местоимения как части речи было предпринято в том виде, в каком оно представлено в АГ-70¹¹⁸ и АГ-80¹¹⁹, но дальше местоименных слов (включения местоименных слов в состав прилагательных, числительных и наречий и сохранения как самостоятельной части речи «местоименный-существительных») эти грамматики не пошли: остальные спорные в отношении частеречного статуса и частеречной принадлежности классы слов были оставлены без изменения, хотя оснований для пересмотра их частеречной принадлежности было немало и к тому времени об этом было известно многое.

Относительно частеречной принадлежности деепричастий также нет единого мнения. Самое распространенное — «атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и наречия, т. е. значения действия и обстоятельство-определяющее».¹²⁰ Определение явно недостаточное, поскольку учитывает фактически только то, что мы называем обобщенным лексическим значением: это даже не общеграмматическое значение. Другие грамматики несколько точнее: «Деепричастие — это неспрягаемая форма глагола, которая выражает добавочное, второстепенное действие при главном и объединяет в себе признаки глагола и наречия».¹²¹ По всей видимости, имеется в виду совмещение признаков не только

¹¹⁸ *Грамматика современного русского литературного языка*. М., 1970, стр. 305–309.

¹¹⁹ *Русская грамматика*. Т. I, М., 1982, §§ 1270–1293; §§ 1295–1302; § 1648.

¹²⁰ *Русская грамматика*, стр. 672.

¹²¹ Р.Н. Попов, Д.П. Валькова, Л.Я. Маловицкий, А.К. Федоров. *Современный русский язык*. М., 1986, стр. 246.

семантических, хотя об этом и не сказано прямо. В свое время В. В. Виноградов отмечал, что деепричастия, как и причастия, сохраняют свою «глагольную силу» и глагольные свойства, являются гибридными словами и лежат в смешанной наречно-глагольной зоне. Вместе с тем, оставаясь в системе форм глагольного слова, «они в той или иной степени тяготеют к отрыву от него».¹²² И не случайно нередки случаи полного отрыва от глагола так называемых адвербиализованных деепричастий типа *походя, шутя, нехотя* и т. п.

С другой стороны, в грамматике делаются попытки включить деепричастие в систему наречия, аргументируется это не только семантической близостью деепричастий к наречиям, но и грамматической схожестью — неизменяемостью.

И, наконец, наметилась тенденция выделять деепричастие как самостоятельную часть речи, как это делают, например, Н. М. Шанский и А. Н. Тихонов.

С некоторыми аргументами в пользу включения деепричастия в систему глагола, видимо, можно соглашаться безоговорочно. Но отдельные грамматики предлагают такие, которые вызывают сомнения. Так, у М. В. Панова «содержательная аффиксальная общность» деепричастий и глаголов заключается в том, что они выражают процессуальность и одновременно признак признака. По мнению М. В. Панова, процессуальность содержится во всякой глагольной форме, независимо от того, есть ли это значение у корня: у него процессуального значения может и не быть. Видимо, такое значение выражается суффиксами деепричастий независимо от корня (*ворч-а, шепч-а, шепеляв-я, узна-в* и т. п.). Если имеется в виду процессуальность в том значении, в котором она рассматривается обычно в грамматике, не может не быть сомнений в правоте М. В. Панова, но даже если

¹²² В. В. Виноградов. *Русский язык. (Грамматическое учение о слове)*. М., 1972, стр. 342.

согласиться с процессуальностью деепричастий, трудно усмотреть это значение в одних только аффиксах.

Попытку вывести деепричастие за систему глагола делает И. Г. Милославский, но почему-то аргументирует свою позицию только «номинативным элементом значения». По его мнению, «деепричастие противопоставляется всем остальным глагольным словоформам по номинативному элементу значения. Этот элемент значения — побочность, дополнительность обозначаемого процесса». ¹²³ Этот «элемент» обязательный, но не регулярный, поскольку не все глаголы образуют деепричастия. Следовательно, «в силу этого последнего положения указанный номинативный элемент не является грамматическим. А такого утверждения уже достаточно для того, чтобы считать деепричастия не формой глагола, а самостоятельной лексемой». ¹²⁴ Вместе с тем, это утверждение, возможно, является одним из аргументов, но оно все же недостаточно для подобного вывода. Семантические признаки не единственные, на основании которых мы определяем частеречную принадлежность слова, а такой односторонний подход, как мы убеждались не раз, никогда не приводит к правильным решениям.

Попробуем выяснить, насколько близки, с одной стороны, деепричастие и личный глагол, с другой — деепричастие и наречие.

Таблица 7

Признаки	Деепричастие	Глагол
Ia	действие	действие

¹²³ И. Г. Милославский. *Морфологические категории современного русского языка*. М., 1981, стр. 233.

¹²⁴ Там же, стр. 234.

Признаки	Деепричастие	Глагол
Иб	(сопутствующий) процесс + признак (действия)	основной процесс
Па	вид, время, переходность, возвратность	вид, время, переходность, возвратность; наклонение, лицо, залог; число (в прош. вр.)
Пб	все категории несловоизменительные	время — категория словоизменительная словоизменительная
П в.	Видовые маркеры «наследуются» у глагола; время маркируется суффиксами; переходность не маркирована; возвратность — -ся	Вид — суффиксы и др., время — личные окончания (наст. и будущ. вр.), суффиксами или нулем суффикса — прош. вр., перех-ть не маркирована, возвратность — -ся
Ша	обстоятельство	сказуемое
Шб	подчинено глаголу	не подчиняется другим словам
	определяется наречиями	определяется наречиями
	может подчинять себе местоимения, существительные	может подчинять себе местоимения, существительные

Итак, полное совпадение в Ia, почти полное в Шб (но с резкими различиями в основной валентности), частичное в Иб, Па, почти нет совпадений в Пa, Пв и полное несовпадение в Ша и Пб. Общность деепричастия и личного глагола проявляется, таким образом, на уровне общелексического значения (Ia). Кажущаяся общность категорий вида, времени, переходности, возвратности (Па) обманчива, так как инвариантное видовое значение (законченность — незаконченность действия) для деепричастия уже неактуальна, а время деепричастия относительно и к тому же выражено иным, чем у глагола, способом. Следовательно, у нас мало оснований для того, чтобы считать деепричастие глагольной формой, хотя его отглагольность и наличие в нем глагольных признаков очевидны.

Теперь сверим признаки деепричастий и наречий (в скобках — нерегулярные или проявляющиеся только в определенных группах и разрядах этих слов признаки).

Таблица 8

Признаки	Деепричастие	Наречие
Ia	Значение действия	Обстоятельственно-определятельное значение
Iб	Признак действия	Признак действия или другого признака
IIa	Вид, время; переходность, залог	Степень сравнения
IIб	Все категории несловоизменяемые	Словоизменяемая (ст. ср.)
IIв	Видовые маркеры «наследуются» у глагола; время маркируется суффиксами; переходность не маркирована; возвратность — -ся	Суффиксы: аналитический способ
IIIa	Обстоятельство (обычно обособленное)	Обстоятельство (обычно необособленное)
IIIб	Зависит от глагола	Зависит от глагола
	Подчиняет существительные — ВЧП, в том числе и вин. п.	Подчиняет существительные, но не вин. п.

Полного совпадения, как видим, нет практически ни в одном из признаков. Частичное — в Iб, IIIa и IIIб. Контрасты — в признаках Ia, IIa, IIб, II в. Вряд ли здесь уместно говорить о возможности включения деепричастия в систему наречия, если ни в одном из классобразующих признаков они не соответствуют наречию в полном объеме. Вернувшись к результатам сравнения деепричастных и лично-глагольных признаков, мы убеждаемся, что, несмотря на ряд существенных различий,

деепричастия ближе к личному глаголу, чем к наречию. Но это не значит, что нам будет легко однозначно решить, можно ли считать деепричастие одной из форм глагола или это самостоятельный класс слов.

Самым существенным при сравнении признаков деепричастий и глаголов было то, что они совпадают в Ia. Но если совпадение считать решающим, придется признать, что *бег* — *бежать*, *ходьба* — *ходить* и т. п. составляют один класс слов, вернее, что бег и ходьба — это глаголы. Однако мы этого не делаем, так как грамматически эти слова явно отличаются от личных глаголов. Деепричастие не отличается от личного глагола в той же степени, но и не совпадает с ним в полной мере ни в одном из других признаков, кроме Ia. Если присовокупить к этому такие признаки, как относительность времени деепричастий, невозможность их употребления в современном литературном языке в предикативной функции, их обособленное употребление и т. д., то не остается каких-нибудь убедительных аргументов, которые оправдали бы оставление деепричастия в системе глагола.

Таким образом, есть все основания полагать, что деепричастие — самостоятельная часть речи, обладающая комплексом признаков, которые в такой совокупности не встречаются более ни у одного другого класса слов, вместе с тем, это такая часть речи, которая совмещает в себе признаки двух других частей речи — глагола и наречия.

Вопросы о частеречной принадлежности слов категории состояния, инфинитива глагола мы считаем в принципе решёнными, хотя споры вокруг этих слов не утихли совсем: категория состояния многими считается самостоятельной частью речи, хотя споры вокруг нее совсем не утихли, а инфинитив определяется абсолютным большинством как форма глагола.

«Частицы речи» (по В. В. Виноградову) включают в себя частицы, предлоги, союзы, междометия, звукоподражания и мо-

дальные слова. Их объединяет то, что они «не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений».¹²⁵ «Лексические значения этих слов совпадают с грамматическими, логическими или экспрессивно-стилистическими функциями»,¹²⁶ поэтому грамматическими формами, признаками словоизменения или формообразования они не обладают. В функциональном отношении частицы речи неоднородны и по этому признаку могут быть представлены как а) служебные, б) знаменательные (но не полнозначные). Служебными являются такие частицы речи, которые участвуют в выражении значений *знаменательных полнозначных* частей речи, в оформлении связей слов в словосочетаниях и предложениях, связей целых предложений. Это предлоги, союзы, формообразующие частицы. *Знаменательные неполнозначные* частицы речи — междометия, звукоподражания, модальные слова и те частицы, которые В. В. Виноградов называет «модальными частицами», а также утвердительные, отрицательные, вопросительные частицы, характеризующие действие по его протеканию во времени частицы и т. д. Подробный анализ этих слов должен стать содержанием второй части этого пособия, поэтому мы ограничимся этим беглым обзором.

Включение модальных слов в систему частей речи представляется необходимым, но здесь нужны некоторые пояснения. Устоявшейся традиции рассмотрения модальных слов в составе частей речи нет ни в русской грамматике, ни в грамматиках многих других языков. Хотя, вместе с тем, само это понятие в грамматиках существует давно и даже в школьной практике

¹²⁵ В. В. Виноградов. *Русский язык. (Грамматическое учение о слове)*. М., 1972, стр. 520.

¹²⁶ Там же.

при соответствующих разборах слова определенного значения и функции называют модальными словами, имея в виду частеречную их принадлежность, тогда как в самой классификации такая часть речи не выделена. Нет модальных слов и в последней «академической» грамматике русского языка.¹²⁷ Но в отдельных исследованиях и в большинстве учебников (вузовских) они выделяются.¹²⁸ Начало традиции выделения модальных слов в учебных вузовских грамматиках русского языка, видимо, было положено Н.М. Шанским и А.Н. Тихоновым,¹²⁹ хотя «как особый грамматический тип» «модальные слова и частицы» впервые в русской грамматике были выделены с их подробным описанием еще В.В. Виноградовым.¹³⁰ Следовательно, в русской грамматике модальные слова и звукоподражания выделяются многими из вузовских учебников современного русского языка, но они отсутствуют в школьных грамматиках и в «академических» грамматиках]. Отмечая необходимость включения модальных слов в систему частей речи, мы должны иметь в виду, что существует недооцениваемая проблема определения взаимоотношений модальных слов и вводных слов, нередко отождествляемых, хотя не всякое модальное слово или не всегда выполняет функцию вводного слова и не всякое вводное слово является модальным. Отсылая к детальному рассмотрению этого вопроса в соответствующей части этого

¹²⁷ Русская грамматика. В двух томах. Том I., 1982, стр. 457, 706–736.

¹²⁸ См.: Современный русский литературный язык. Под ред. Н.М. Шанского. Второе издание, перер. Л., 1988, стр. 486–489, стр. 521–522; Современный русский язык. Под ред. В.А. Белошапковой. Изд. второе, испр. и доп. М., 1989; Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина. Современный русский язык. Издание 5-е, переработанное. М., 1987, стр. 267–269; Современный русский язык. Изд. четвертое, испр. и доп. Под ред. Д.Э. Розенталя. М., 1984, стр. 423–427; и др.

¹²⁹ Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. Современный русский язык. В трех частях. Часть II. Словообразование. Морфология. М., 1981, стр. 91–93, 238–241, 262–264.

¹³⁰ В.В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.-Л., 1947, стр. 44, 725–744.

пособия, посвященной модальным словам, ограничимся тем, что исходим из очевидной необходимости выделения модальных слов в системе частей речи и возможности включения в эту систему вводных слов как особой категории слов.

Итак, система частей речи русского языка может быть представлена в таком виде:

1. ЧАСТИ РЕЧИ: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол, наречие, категория состояния, деепричастие.

2. ЧАСТИЦЫ РЕЧИ: предлоги, союзы, частицы, междометия, звукоподражания, модальные слова.

Имя существительное включает в себя все лексемы, традиционно включаемые в эту часть речи, а также местоименные существительные (*я, кто-то* и т. д.) и слова *тысяча, миллион, миллиард, триллион* и другие номинации больших чисел.

Имя прилагательное у нас имеет не три, а шесть разрядов:

1) **качественные** (*добрый, высокий* и др.), характеризующиеся словоизменительными грамматическими категориями числа, рода, падежа, соотносительными полными — краткими формами и формами степеней сравнения;

2) **относительные** (*золотой, здешний, вчерашний, ондатровый*) со словоизменительными согласуемыми категориями числа, рода, падежа;

3) **притяжательные** (*отцов, братнин, лисий*) со словоизменительными категориями числа, рода, падежа в несоотносительных полных и кратких формах; словоизменение или вариантное — субстантивное (*отцов — отцова — отцову...*) и адъективное (*отцов — отцового — отцовому...*), или адъективное (*лисий — лисьего — лисьему...*);

4) **причастия**, или **действенные прилагательные** (*идуший, ведомый, записанный*) со словоизменительными категориями числа, рода, падежа, а также полноты-краткости (соотносительные формы у страдательных причастий);

5) **порядковые, или количественные прилагательные** (*пятый, сотый*), характеризующиеся словоизменительными категориями числа, рода и падежа;

6) **местоименные прилагательные** (*мой, каждый, всякий, сам, самый* и др.), характеризующиеся словоизменительными категориями числа, рода, падежа.

Имя числительное ограничено 3 разрядами (вместо традиционных четырёх): 1) количественные, 2) дробные, 3) собирательные. Лексемы *один, два, три, сорок, сто* мы оставляем в этом классе, хотя они грамматически отличаются от остальных количественных числительных. Собирательные числительные в своем словоизменении приближаются к формам множественного числа порядковых прилагательных (а значит, и прилагательных вообще), но лексически и синтаксически отличаются и от них, и от существительных, поэтому оставлены в системе числительного.

Глагол включает в себя а) инфинитив, б) личные формы. Причастие и деепричастие в объем глагольной лексемы, таким образом, не включаются.

Деепричастие выделяется как самостоятельная часть речи, соответствующая этому статусу своими лексическими и грамматическими признаками.

Союзы включают и союзы, и союзные соединения слов.

Местоимение как часть речи не выделяется. Местоименная лексика распределена между существительными, прилагательными, наречием и числительными в соответствии со своими лексико-грамматическими признаками. В этом мы расходимся с позицией АГ-80, выделяющей в качестве самостоятельной части речи «местоимение-существительное» после распределения остальных местоименных слов между другими частями речи (именами прилагательными, именами числительными, наречиями).

То, что мы привели, — это только перечень частей речи, в отношении которых мы внесли какие-то изменения в части определения их частеречной принадлежности или частеречного состава или (в результате таких изменений) пересмотрели объем лексемных групп, которые в них включаются. В целом число частей речи у нас составляет, таким образом, 14. При разграничении звукоподражаний и образоподражаний число частей речи возрастает до 15.

По **семантическим признакам** эти части речи делятся на:

1. **Лексически знаменательные** части речи:

а) **полнознаменательные (полнозначные)**: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол, наречие, категория состояния, деепричастие; это собственно части речи;

б) **полузнаменательные (неполнозначные)**: междометия, модальные слова, все неформообразующие частицы, звукоподражания; — это частицы речи;

2. **Грамматически знаменательные** частицы речи: предлоги, союзы, формообразующие частицы.

Вероятно, анализируя конкретный языковой материал в соответствующем месте второй части пособия, мы сможем определить степень лексико-грамматической общности или, наоборот, дифференцированности формообразующих и неформообразующих частиц и тем самым снять противоречие, заключающееся в отнесении их к разным группам в приведенной классификации, хотя в перечне частей речи этой дифференциации нет.

По **морфологическим признакам** части речи делятся на следующие группы:

1. **Изменяемые** части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол.

2. **Ограниченно изменяемые** части речи: наречие, категория состояния.

3. **Неизменяемые** части речи с несловоизменяемыми морфологическими признаками: деепричастие.

4. Слова с **нулевой морфологией**: предлоги; союзы; частицы; междометия; звукоподражания; модальные слова.

Отсутствие у отдельных групп лексем в составе изменяемых частей речи (например, таких слов, как *пальто, интервью, колибри*) форм словоизменения не является основанием для их включения во вторую или третью группу в этой классификации.

По **функциональным признакам** есть смысл классифицировать только частицы речи. Здесь выделяются группы:

1) служебных слов: предлоги, союзы, формообразующие частицы;

2) неслужебных слов: междометия, звукоподражания и образоподражания, неформообразующие частицы, модальные слова.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каково содержание понятия «часть речи»? Чем части речи отличаются от лексико-грамматических *разрядов* слов?
1. Сколько частей речи выделяют учебные (школьная и вузовская) грамматики и каким может быть их реальное число?
1. Какой принцип лежит в основе классификации частей речи в русской традиционной и описательной грамматике? В чем его сущность? Кто его впервые сформулировал?
1. Чем можно объяснить, что Л. В. Щерба пришел к выводу о существовании в русском языке еще одной знаменательной части речи — категории состояния именно в своей известной статье о теоретических основаниях классификации частей речи?
2. Какие еще принципы классификации частей речи предлагались в русской грамматике?

3. Почему систему частей речи в традиционной грамматике считают эклектичной, а применение лексико-грамматического принципа классификации на практике — декларативным?
4. Какие словоформные группы в русском языке можно считать гибридными (или синкретичными) по своим лексико-грамматическим признакам?
5. Как вы разъясните рассуждение «В русской грамматике на протяжении почти века лексико-грамматический принцип классификации частей речи и определения родовой принадлежности слов декларируется, но не соблюдается последовательно»?
6. Как объяснить то, что выделение местоимений как части речи в русских грамматиках можно считать наиболее ярким примером отступления от лексико-грамматического принципа?
7. Как решен вопрос частеречной принадлежности местоименных слов в АГ-80?
8. Определение частеречной принадлежности других гибридных словоформных групп в АГ-80?
9. Что вы знаете о системе частей речи («частей слова») в Российской грамматике М. В. Ломоносова? Почему он считал «знаменательными» все части речи, деля их на «главные» и «служебные»?
10. Приведите доводы за и против включения причастия в сферы а) глагола, б) прилагательного и в) выделения его как самостоятельной части речи.
11. Как решается в современной грамматике вопрос о частеречной принадлежности порядковых числительных, отдельных групп местоименных слов с близкой морфологией?
12. Какие «частицы речи» выделяются в системе непознознаменательных слов русского языка?

13. Какие неполнозначительные слова можно считать служебными?

РАЗДЕЛ III ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

ГЛАВА I ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 1. Имя существительное в системе частей речи

Место существительных среди частей речи определяется уже тем, что они являются «грамматическим стержнем имен».¹³¹ По замечанию немецкого ученого И. Поса, «форма имени существительного предназначена для сбережения духовного материала при помощи языка».¹³² Эта группа лексем является основной в языке, поскольку она дает возможность мыслить предметно не только то, что материализовано, т. е. существует в виде реальных веществ, предметов и т. д., но и отвлеченные понятия, без которых были бы немислимы наука, техника, культура. Все грамматики, и не только грамматики русского языка, подтверждают слова У. Чейфа о том, что «весь понятийный мир человека изначально разделен на две главные сферы. Одна из них, сфера глагола, охватывает состояния (положения, качества) и события; другая, сфера существительного, охватывает «предметы» (как физические объекты, так и овеществленные абстракции)».¹³³ Какая из этих двух сфер «главнее» — вот в чем вопрос. У. Чейф считает, что «центральной из них являет-

¹³¹ В. В. Виноградов. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. М., 1986, стр. 50.

¹³² I. Pos. *Zur Logik der Sprachwissenschaft*. Heidelberg, 1922, S. 166.

¹³³ Уоллес Л. Чейф. *Значение и структура языка*. М., 1975, стр. 114.

ся глагол, а периферийным — существительное»,¹³⁴ имея в виду роль и место имени и глагола в организации предложения и его важнейшего признака — предикативности. Однако наблюдения психолингвистов над развитием детской речи показывают, что первыми словами, которые усваивает и произносит ребенок, являются именно существительные — «мама», «папа», «баба», произносимые уже в 7–8 месяцев. Глаголы в речи ребенка появляются относительно поздно — даже в возрасте более года и даже старше двух дети обходятся без них, хотя в их речи появляются слова-тексты со своим «примитивным» синтаксисом (*Катя бай «Катя спит»; Кисель пецька «Кисель на печке»*),¹³⁵ как правило, состоящим из комбинации существительных. Имена, в частности, имена существительные, первичны именно потому, что понятийный мир человека в первую очередь формируется ими, но с точки зрения говорящего на языке, языке со сформировавшейся грамматикой, имя и глагол по меньшей мере равнозначны, потому что коммуникация, основанная не на «примитивном» синтаксисе, строится главным образом на комбинации этих двух «сфер». Как одна из двух основных в лексико-грамматическом отношении групп слов, имя существительное находится в сложном взаимодействии со всеми другими классами слов. И в самом сложном, пожалуй, — с глаголом: «Выражая предметность, являясь средством опредмечивания разнообразных понятий и представлений, имя существительное находится в сложном взаимодействии со всеми другими классами слов» и «ярче и выразительнее всего контраст между существительными и глаголами».¹³⁶

¹³⁴ Уоллес Л. Указ, раб., стр. 114.

¹³⁵ См., напр.: Т. П. Трясорукова. Развитие речи: 2–3 года. Ростов н/Д, «Феникс», 2019; Е. А. Янушко. Помогите малышу заговорить. Развитие речи детей 1–3 лет. М., «Эксмо», 2016.

¹³⁶ В. В. Виноградов. Указ. раб., стр. 50.

По свидетельству Г.П. Павского, около половины всех корневых элементов русского языка — это основы имен существительных,¹³⁷ поэтому нет ничего удивительного в том, что огромное количество глаголов также образовано от имен существительных. Однако существительные и однокорневые глаголы отличаются друг от друга, и не только грамматически, но и выражаемыми в них общими значениями. «Имя существительное говорит о представлении, об известном состоянии, об образе, о явлении. Говоря о них, имя существительное только образно или формально определяет эти представления, не пытаясь намекать на активность, на действия»,¹³⁸ поэтому преимущество глагола с точки зрения фразообразующей роли несомненно. Хотя, конечно, глагол — не единственное средство, с помощью которого формируется предложение: известны безглагольные предложения, состоящие из сочетания существительного с другими, неглагольными словоформами, или даже состоящие из одного существительного (*Мой брат хороший инженер: Зима: Стужа: Метель*), правда, обычно без определенного «намёка на активность, на действие» (хотя и это не редкость: *Скальпель! В дорогу! На штурм!*). В конечном счете здесь можно говорить о преимущественном употреблении в этой функции (предикативной) глаголов, об их предпочтительности в этой роли, но не об их исключительности как элементов, формирующих предложение и являющихся его центром. Другое дело — место, роль и взаимодействие существительных и глаголов в тех предложениях, в которых они присутствуют оба: *Отец работает на заводе: Мне купили магнитофон* и т. п. Значение «события», «действия», лежащее в основе предикативности, передается глагольным словом, суще-

¹³⁷ Г.П. Павский. *Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе*. Спб., 1850, стр. 17.

¹³⁸ А. И. Герцен. *Былое и думы*. — ПСС. Пг., 1919, т. 12, Стр. 223–224.

существительное «локализует» или персонифицирует его. С точки зрения «коммуникативной ценности» преимущество глагола очевидно. В то же время без существительных эти предложения вне конституции тоже малоинформативны: вне контекста или конкретной речевой ситуации нам мало что говорят предложения типа *Работает на заводе; Купили магнитофон*. В связи с этим, видимо, следует говорить о взаимодополняемости и взаимообусловленности имени и глагола в коммуникативно-смысловом отношении, подчеркивая при этом, что основным предикатообразующим элементом при этом является глагол. С точки зрения синтаксической связи и — конкретно — отношений зависимости в структуре словосочетания и предложения существительное не является однозначно зависимым или, наоборот, доминирующим словом. В структуре словосочетания существительное, сочетающееся с глаголом, занимает всегда зависимое положение (*купить что? книгу; проходить мимо чего? магазина; стоять рядом с чем? с супермаркетом*), однако в предложении существительное-подлежащее координируется с глаголом, то есть фактически равно ему, с точки зрения одних исследователей, или даже подчиняет себе глагол, заставляет его согласовывать с собой формы числа, рода (*Офицер написал рапорт. — Офицеры написали рапорты. — Офицер Строева написала рапорт*), — с точки зрения других, на которой основано представление школьной грамматики о «согласовании сказуемого с подлежащим». В сочетании с остальными полнозначными частями речи традиционной грамматики (прилагательное, местоимение, числительное, наречие) имя существительное обычно занимает доминирующее положение как определяемое ими (*красный фонарь, моя биография; пять тетрадей; пятая строка; дом напротив*), следовательно, здесь устанавливается семантико-синтаксическая зависимость от существительного, но это не значит, что отношения существительных с этими словоформными группами всегда

основаны на зависимости последних и в формально-синтаксическом отношении. Количественные числительные, например, будучи зависимыми в плане семантико-синтаксическом, формально управляют именами существительными: *пять* чего? *тетрадей*; одна ручка — *две ручки* — *пять ручек*. Явно не доминирует существительное в сочетаниях с атрибутивными формами — прилагательными в сравнительной степени в функции именной части составного сказуемого (*брат выше сестры*), управляющими ими причастиями (*пасущий овец*), наречным компаративом (*взвиться выше небес*). Однако нельзя отрицать, что во всех случаях, когда между существительным или какой-то другой из приведенных словоформных групп складываются отношения зависимости на базе основных именных категорий — числа, рода, падежа, имя существительное всегда занимает ведущее положение не только в семантико-синтаксическом, но и в формально-грамматическом плане. Все атрибутивные формы в сочетании с именами существительными изменяют свои формы, согласуясь с ними в роде, числе, падеже (*толстая книга* — *толстые книги* — *толстых книг*; *толстый журнал*). Абсолютным показателем зависимости этих форм от существительных является их согласование с существительными в роде: род существительных — категория классификационная (несловоизменяемая), род атрибутивных словоформ — словоизменяемая (согласуемая) категория, и изменение рода последних в зависимости от родовой принадлежности существительных является убедительным доказательством их формально-грамматической зависимости от существительных.

В смысловом отношении названные выше словоформные группы являются средствами сужения, модификации выраженных существительными понятий, поэтому они часто являются определениями при субстантивных словоформах, в основном, но не всегда, согласованными: *педагогический уни-*

верситет, политическая экономия, трудовые ресурсы, пятилетний план, отцов портфель, несгораемый шкаф, мой брат, чей-то голос, каждый студент, летящий самолет, переизданная книга, двадцатый троллейбус; сто рублей; пальто из драпа, котлеты из говядины; груз в Самару; дом напротив; вещь в себе.

§ 2. Семантическая основа имен существительных

Привычное для учащихся определение имени существительного звучит так: существительное — это часть речи, обозначающая предмет или лицо и отвечающая на вопросы *кто?* *что?* Иногда это определение разворачивается — с указанием основных морфологических и синтаксических признаков, и таким образом определение приводится в соответствие с провозглашенным в частеречной теории и практике выделения частей речи лексико-грамматическим принципом. Правда, не только учителя, но и учащиеся чувствуют, что это, мягко говоря, не совсем корректное определение. Во-первых, оно принципиально не отличается от определения местоименных слов в той части, которая охватывает личные, возвратные, отдельные вопросительно-относительные, отрицательные и т. д. местоимения, указывающие на лицо или предмет: различие только в степени определенности лично-предметного значения. Во-вторых, многие существительные, если не их большинство, фактически не обозначают ни лицо, ни предмет: *движение, восход, насекомое, ум, ссора* и др. В научных грамматиках, в том числе и вузовских, определения имени существительного точнее отражают их реальную семантическую основу. Ср.: «Имя существительное — это часть речи, обозначающая предметность...».¹³⁹ Отсюда семантическую основу

¹³⁹ Современный русский язык. Под ред. П. А. Леканта. М., 1988, стр. 180.

имени существительного составляет значение предметности, понимаемое в самом широком смысле. Предметность — это: а) лица и живые существа: *человек, зверь, птица, насекомое, животное, рыба, кит, аула, Алексей, Ася*; б) конкретные предметы: *стол, парта, окно, карандаш, весло, телефон, калькулятор*; в) вещества и различные изделия из них: *ртуть, железо, соль, сода, вода, йод, кефир, йогурт*; г) географические понятия: *река, море, океан, озеро, долина, гора, вершина, овраг*; д) различные географические и административно-территориальные названия: *Терек, Машук, Аргун, Нил, Миссисипи, Казбек, Москва, Малгобек, Оман*; е) явления природы: *дождь, снег, метель, буря, роса*; ж) состояния: *грусть, испуг, болезнь, веселье, голод*; з) действия: *бег, молотья, падение, взлет*; и) физические и другие характеристики предметов: *длина, высота, толщина*; к) физические, психофизиологические, моральные и т. д. качества и свойства лиц и живых существ: *рост, здоровье, строгость, осанка*; л) отвлеченные обозначения свойств и качеств предметов веществ: *испаряемость, сопротивляемость, текучесть, температура, упругость, электропроводимость, голубизна*; м) мифические существа: *леший, чудовище, русалка*; и т. д. Отсюда следует, что предметность — это отвлеченное общеграмматическое значение, присущее всем существительным независимо от их конкретных лексических значений (именно поэтому тоже мы не включаем, кстати, в сферу имени существительного количественные числительные, которым предметность может приписать только ум с особо сильным воображением). Для того, чтобы обнаружить общеграмматическое значение предметности в анализируемых словах, в школе используют прием подстановки местоименных слов с обобщенно-предметным значением — *кто* и *что*. Одному из этих местоименных слов должно соответствовать любое существительное, даже то, которое вообще не обозначает реальное лицо, существо или предмет. Существительные

чудовище, русалка, леший – лексемы, не имеющие реального содержания, поскольку обозначают выдуманные, мифические существа, которых нет в природе, но и они отвечают на вопросы кто? (*русалка, леший*) и что? (*чудовище*). Именно поэтому мы называем предметность общеграмматическим значением, так как *леший* для нас существо в конечном счете только в грамматическом смысле, лексически — нет. Грамматичность этого общего значения состоит в том, что соответствующие имена существительные определяются как часть речи по общим для всех существительных частным морфологическим категориям и признакам одушевленности/неодушевленности, числа, рода и падежа, имеющим инвариантные для каждой группы средства выражения. Представление о предметности как общем грамматическом значении имен существительных вполне соответствует определению грамматического значения как «абстрактного значения, отвлеченного от конкретного лексического содержания слова и присущего целому классу слов».¹⁴⁰

§ 3. Лексико-грамматическая и грамматическая классификация имен существительных

Традиционная классификация существительных с выделением известных лексико-грамматических разрядов (собственных-нарицательных, конкретных-отвлеченных, одушевленных-неодушевленных и т. д. существительных) и недостаточна, и недостаточно точна. В ней, во-первых, не учитывается строгая дифференцированность существительных по важнейшему для них признаку изменемости-неизменяемости, в соответствии с которой следовало бы делить все существительные

¹⁴⁰ Современный русский литературный язык. Под ред. Н. М. Шанского. Л., 1988, стр. 239.

на два грамматических класса: с учетом того, что речь идет фактически только о склонении, целесообразно разделить существительных на 1 (склоняемые, 2) несклоняемые. Во-вторых, выделение разрядов в традиционной лексико-грамматической классификации непоследовательно: те группы существительных, которые следовало бы выделять в составе тех или иных разрядов, определяются, например, как самостоятельные разряды; одушевленные существительные не подразделяются, как правило, на личные и неличные, хотя содержательная и грамматическая их неоднородность очевидна. Поэтому нами и предлагается уточненная классификация имен существительных, не совпадающая с традиционной.

§ 3.1. Лексико-грамматические разряды и группы имен существительных

В зависимости от характера лексических значений и общих для них грамматических признаков имена существительные в современном русском языке объединяются в коррелятивные пары лексико-грамматических разрядов, причем эти лексико-грамматические корреляты охватывают в каждом случае всю субстантивную лексику в полном объеме. Выделяются следующие разряды существительных:

- 1) одушевленные и неодушевленные;
- 2) конкретные и отвлеченные (абстрактные);
- 3) собственные и нарицательные;
- 4) собирательные и несобирательные.

Внутри двух первых пар разрядов выделяются соответственно по две лексико-грамматические группы существительных одного из разрядов: одушевленные существительные подразделяются на а) личные и б) неличные; конкретные существительные делятся на а) вещественные и б) невещественные.

В итоге лексико-грамматическая классификация существительных может быть представлена в таком виде:

Таблица 9

ОДУШЕВЛЕННЫЕ		НЕОДУШЕВЛЕННЫЕ
личные	неличные	
КОНКРЕТНЫЕ		ОТВЛЕЧЕННЫЕ АБСТРАКТНЫЕ
вещественные	невещественные	
СОБСТВЕННЫЕ		НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ
СОБИРАТЕЛЬНЫЕ		НЕСОБИРАТЕЛЬНЫЕ

I. Деление существительных на одушевленные и неодушевленные связано в первую очередь с лексической поляризацией по признаку обозначения живых существ, с одной стороны, и предметов и понятий неживой природы и вообще понятий, к которым неприменимо представление как о существах. К одушевленным существительным мы относим лексемы, обозначающие людей, — как нарицательные, так и собственные имена (*человек, доярка, студент, Магомед, Оксана*), животных (*волк, лиса, овца, таракан, гиппопотам*). К одушевленным приравнены и такие существительные, которые не обозначают реальные существа, но воспринимаются в сознании носителей языка в этом качестве: *леший, оборотень, бес, водяной, черт, сатана, домовый, див, циклоп, кентавр, русалка* и др.

Одушевленные существительные делятся в свою очередь на две группы:

1) личные, являющиеся обозначениями людей, в том числе и приведенные нами существительные мифологического и сказочного происхождения типа *леший*;

2) неличные — существительные, обозначающие животных.

Корреляция «одушевленность/неодушевленность» обусловлена не только лексически, но и грамматически. Одушевленные существительные могут принадлежать только к одному из двух традиционно выделяемых родов (мужскому или женскому) или также к общему («среднему» между мужским и женским); исключена их принадлежность к среднему роду. Неодушевленные существительные представлены во всех трех родах (мужском, женском и среднем), но только не в общем роде, так как последний предполагает возможность переосмысления родового признака в зависимости от предполагаемого пола — семантического признака, «работающего» только в сфере одушевленных существительных.

Есть и более частный признак, по которому судят о принадлежности существительных к одушевленным или неодушевленным. Согласно основанному на нем критерию, принадлежность существительных к одному из этих разрядов может быть установлена путем сравнения форм именительного, родительного и винительного падежей. У одушевленных существительных мужского рода в обоих числах совпадают формы родительного и винительного падежей (*взял у кого? у мужика/мужиков; вижу кого? мужика/мужиков*), у неодушевленных — именительного и винительного (*ларчик стоит/ларчики стоят на столе; вижу ларчик/ларчики*). Этот прием позволяет, в частности определить разряд таких существительных, которые семантически тяготеют к одушевленным, но обозначают в единственном числе не единичность, а множество, совокупность лиц — собирательных существительных и близких к ним по семантике существительных с множественным значением типа *народ*: *от кого? от студенчества* (р. п.) — *приветствую кого? студенчество* (в. п.) — *студенчество участвует в реализации этого плана* (им. п.); *спросить у кого? у народа/у народов* (р. п.) *приветствовать кого? народ/народы* (в. п.); *народ/народы безмолвствует, — ют* (им. п.) Совпадают, следовательно,

формы именительного и винительного падежей, а это признак неодушевленных существительных.

У одушевленных и неодушевленных существительных женского рода грамматические различия отмечаются только во множественном числе: одушевленные существительные женского рода во множественном числе имеют совпадающие формы родительного и именительного падежей (*нет матерей — вижу матерей*), у неодушевленных — именительного и винительного (*Стены пали. — Вижу стены*). В этом плане представляют интерес существительные общего рода, большинство которых имеет форму на **-а** и этой формой не отличаются от существительных женского рода не только в начальной, но и во всех косвенных падежных формах. У этих существительных, как и у существительных женского рода, винительный не совпадает ни с родительным, ни с винительным (*Староста заполнил/заполнила журнал. — У нас два месяца нет старосты. — Завтра на собрании будем выбирать старосту*), но во множественном числе они так же характеризуются совпадением форм родительного и винительного (*У старост нашего курса завтра собрание. — Деканат собрал всех старост на совещание*). Семантические близкие к общему роду существительные, относящиеся к 3-му субстантивному склонению (*тварь, мразь* и др.) характеризуются совпадением винительного с именительным, т.е. ведут себя так же, как неодушевленные существительные и неличные одушевленные (*выть, выухоль* и др.), несмотря на употребление в значении одушевленных и при этом как в женском, так и мужском роде.

Между личными и неличными существительными, лексическая полярность которых бесспорна, на первый взгляд нет грамматических различий. Во всяком случае, прием сравнения падежных форм (именительного, родительного и винительного падежей) здесь непригоден в отношении существительных как мужского, так и женского рода. Нет и каких-либо особен-

ностей в отношении образования форм числа или склонения. Однако есть признак, по которому эти группы лексем противопоставлены: личные существительные классифицируются по трем родам (мужскому, женскому и общему), тогда как неличные одушевленные существительные имеют только два рода — мужской и женский. Отсутствие общего рода у неличных существительных является основанием для того, чтобы считать деление одушевленных существительных на две группы (личные и неличные) лексико-грамматической классификацией.

В русском языке есть немногочисленная группа существительных среднего рода, обозначающих мифические существа (*чудовище, чудище*) или являющихся общеродовыми наименованиями реальных существ (*животное, насекомое*), которые лексически тяготеют к одушевленным по тем признакам, на основании которых мы относим к этому разряду существительные типа *леший* и *птица*. Однако с точки зрения грамматической отнесение их к одушевленным существительным невозможно: *чудовище, чудище, насекомое, животное, пресмыкающееся* и т. п. — существительные среднего рода, принадлежность к которому достаточна для их включения в разряд неодушевленных.

II. В зависимости от того, являются или не являются существительные обозначениями реальных предметов, веществ, живых существ или других понятий, относимых к материальному миру, грамматика выделяет 2 разряда: 1) конкретные существительные, 2) отвлеченные (абстрактные) существительные. К конкретным относятся имена существительные, употребляемые для обозначения предметов и явлений действительности, лиц и живых существ: *парта, стена, сестра, друг, студент, дождь, роса, урок, железо* и т. д. К таким существительным применимы количественные характеристики, что выражается в употреблении при них числительных (*две парты, три сестры,*

четыре стены, пятеро студентов, шестеро друзей, семь уроков) или иных слов с количественной семантикой (*много железа, (слишком) много росы*). Эти существительные, как правило, имеют формы обоих чисел — единственного и множественного (*друг — друзья, стена — стены, парта — парты, урок — уроки* и т. п.), хотя отдельные их группы (см.: Категория числа) могут быть внепарными по числу (*роса, железо* — только единственное число; *белила, ворота* — только множественное).

Конкретные существительные подразделяются на две лексико-грамматические группы:

1) вещественные существительные (предметные и личные): *стул, крыша, ковер, машина, город* — предметные; *человек, слесарь, друг, сестра, невеста* — личные; 2) вещественные существительные, обозначающие однородные по составу вещества, поддающиеся делению, измерению по объему, массе, но неисчисляемые; это обычно названия химических элементов и соединений (*кобальт, кислород, нефть, серебро*), пищевых продуктов (*сахар, хлеб, чай, макароны, сливки, масло, творог* и т. д.), сельскохозяйственных культур (*пшеница, просо, свекла*), растений (*облепиха, жерех, репей*), лекарств (*валидол, гомеовокс, оmez, оmeпразол, клопидогрел, стрептоцид, тазепам*) и т. д. Кроме очевидных лексических различий, эти две группы (вещественные и невещественные существительные) характеризуются различиями и грамматическими. Невещественные существительные характеризуются тем, что они, как правило, имеют оба числа, тогда как многие вещественные существительные имеют форму только одного числа — чаще только единственного (*масло, сахар, валидол, просо, творог, чай, молибден* и т. д.) реже — только множественного (*сливки, макароны, белила, чернила*). Таким признаком (употреблением только в одном числе) обладают лишь некоторые предметные невещественные существительные (*ворота, щипцы, очки, ножницы* и др.). Вещественные существительные могут иметь обе формы числа,

если они употреблены как обозначения сортов, видов веществ или как обозначения изделий из этого вещества (*высокопрочная сталь — высокопрочные стали; смазочное масло — смазочные масла; карельский мрамор — карельские мраморы; уральский гранит — уральские граниты* и т. п.), или если они употребляются для обозначения мест и пространств, занятых данным веществом (*воды, пески, снега*). Отвлеченные (абстрактные) существительные не имеют предметно-личного значения, обозначают такие понятия (качества, действия, состояния, явления), которые не имеют материализованного вида и проявления, являясь плодом абстрактного мышления человека: *белизна, доброта, грусть, холод, жара, слякоть, мужество, стойкость, шум, возня, бег, молотьяба, гармонизм, беспокойство, буйство* и т. д. О нематериализованности таких понятий мы говорим потому, что в предметно-вещественном виде они в природе не существуют, реально существуют только предметы, обладающие этими признаками, и вне этих предметов, существ и т. д. нет и самих признаков: *белизна* — признак белого по цвету предмета; *слякоть* — признак почвы (дороги, поля), превратившейся в жидкую грязь после дождя или мокрого снега; *смелость* — признак решительного, не боящегося человека; и т. п. Грамматически эти существительные отличаются от конкретных тем, что употребляются, как правило, только в единственном числе (*тишина, громкость, возня, треск, мужество, храбрость, слепота, добро, зло, мрак* и т. д. Некоторые отвлеченные существительные могут быть оформлены как словоформы множественного числа, но в этом случае они теряют способность образовывать (вернее, иметь соответствующий коррелят) форму единственного числа: *каникулы, проводы, похороны, прятки, жмурки, сумерки*. В редких случаях возможно употребление отвлеченных существительных в обоих числах: возможно, например, образование парного множественного числа при конкретизации, условном «опредмечивании» понятия: *радости жизни, красоты природы*,

шумы в легких. Парность отвлеченных существительных типа *бег-бега, заезд-заезды, игра-игры* не всегда коррелятивна: в одних случаях это действительно примеры редких случаев словоизменения абстрактных существительных в рамках категории числа (*игра-игры, заезд-заезды*: ср.: *карточная игра* — *карточные игры*; *Заезд арабских скакунов ожидается завтра*. — *Заезды арабских скакунов ожидаются завтра*). В других случаях это некоррелятивные по числу два абстрактных существительных с разными лексическими значениями: *бега* — не просто бег, а один из видов спортивных состязаний с участием животных (*тараканьи бега*) или отвлеченное понятие в оборотах типа «ударился в бега». Отвлеченные существительные могут быть иногда употреблены в личном значении (*Лучшие умы человечества не смогли справиться с этой задачей*) или в предметном (*Труды этого ученого долго не издавались*). В обоих случаях очевидно изменение лексического значения, но грамматические последствия такого перехода из одного разряда (отвлеченные) в другой (конкретные) разные. Переход в разряд конкретных личных существительных (с обобщенно-множественным значением) завершается образованием совершенно нового слова «умы», не имеющего коррелята в единственном числе (нельзя сказать: *лучший ум человечества*), со значением «люди, обладающие (в высшей степени) качеством, обозначенным абстрактным существительным ум». Переход в разряд конкретных предметных существительных тоже приводит к образованию нового слова, но в данном случае «опредмечивается» существительное в исходной форме единственного числа, а предметное значение делает возможной грамматическую корреляцию по числу: *Его труд по истории пунических войн известен во всем мире*. — *Его труды по истории пунических войн известны во всем мире*. Грамматическая корреляция существительных отвлеченной семантики по числу оказывается возможной и тогда, когда слово не переходит в разряд конкрет-

ных, но употребляется в контексте, подразумевающим частичную конкретизацию обозначаемого понятия, не выводящую, однако, существительное за пределы разряда отвлеченных существительных: *Ваш труд увенчался успехом. — Ваши труды увенчались успехом.*

III. Лексико-грамматическую подоплеку имеет и деление существительных на собственные и нарицательные.

Имя собственное в грамматике не совсем то же самое, что имеется в виду под собственными именами в ономастике, хотя в основном эти понятия в грамматике и ономастике совпадают. Дело в том, что, по мнению многих специалистов, к ведению ономастики относятся не только антропонимы, топонимы, космонимы и другие имена, являющиеся объектом изучения грамматики как особый разряд существительных, противопоставленный нарицательным именам, но и этнонимы (названия народов, племен и т. д.), номены (номенклатурные названия отраслей науки, техники, искусства, термины родства, названия видов растений и т. д.), названия жителей той или иной местности и др.¹⁴¹ В основе деления имен существительных на собственные и нарицательные в грамматике «лежит противопоставление отдельных, единичных предметов и предметов, являющихся представителями класса однородных предметов». ¹⁴²12. *Имя собственное* — это в принципе индивидуальное имя отдельного лица, живого существа, предмета и т. д., хотя носителями этих имен могут быть иногда не только одно лицо, существо или предмет. Собственные имена существительные можно классифицировать по семантическим группам, пользуясь ономастической терминологией: 1) *антропонимы* — имена, отчества, фамилии людей, а также клички, прозвища, псевдонимы (от греч. *anthropos* «человек» и *опута* «имя, название»);

¹⁴¹ См. В. Д. Бондалетов. *Русская ономастика* М., 1983, стр. 7–9.

¹⁴² Л. Л. Буланин. *Трудные вопросы морфологии*. М., 1976, стр. 30.

изучением совокупности антропонимов занимается наука, известная под названием *антропонимика*; 2) *топонимы* — названия, присвоенные различным географическим объектам (рекам, озерам, морям, горам, долинам, низменностям, вершинам, городам, селам, областям, странам, континентам, улицам, проспектам, бульварам и т. д.); изучаются *топонимикой* (от греч. *topos* — «место» и *опута* — «имя, название»); 3) *зоонимы* — клички животных (обычно домашних животных и животных, содержащихся в домашних условиях, в зоопарках, цирках и т. д.); изучаются в *зоонимике* (от греч. *zoon* — «животное» и *опута* — «имя, название»); сюда не относятся наименования классов, родов, семейств животных; 4) *космонимы* — названия объектов космического пространства (звезд, созвездий, планет, комет, астероидов, болидов, метеоритов), изучаемые в *космонимике* (от греч. *kosmos* — «мироздание; мир; небесный свод» и *опута* — «имя, название»); 5) *теонимы* — имена богов и божеств, изучаются *теонимикой*; 6) *эргонимы* — наименования деловых объединений людей; в зависимости от их разновидностей различают *эмпоронимы* — названия магазинов, *фирмонимы* — названия фирм и т. д.; сюда же относятся названия парикмахерских, баров, кафе, благотворительных организаций и др.; изучаются *эргонимикой*; 7) *хрематонимы* — в принципе почти все остальные имена собственные, включающие названия предметов материальной культуры, науки, техники (пароходы, космические корабли, уникальные ювелирные изделия; музыкальные инструменты; видимо, сюда следует включить марки машин, телевизоров и произведений духовной культуры (книг, журналов, опер, фильмов и т. л.); изучаются *хрематонимикой* (от греч. *chremata* — «вещь, 1. предмет, дело» и *опута* — «имя, название»).

Нарицательные существительные являются наименованиями представителей класса однородных предметов. Поэтому сюда относятся и такие группы существительных, которые

в ономастике обычно причисляют к собственным именам, — этнонимы (такие, как башкир, славянин; номены (единичные наименования предметов в ряду себе подобных — такие, как *капрон*, *нейлон*; *корпорация «Microsoft»*, *ООО «Прогресс»*, *гипермаркет «Лента»*, *самолёт «Боинг»*). В сложных номенах, подобных последним примерам, принадлежность к нарицательным определяется не по конкретному названию, а по слову, определяющему тип, вид предмета, учреждения, которое пишет со строчной буквы (именно потому, что это нарицательное слово).

Различие между собственными и нарицательными существительными в орфографии маркируется употреблением строчных (для собственных) и прописных (для нарицательных существительных) букв: *Магомед*; *Лариса*; *Ивано*; *Алиев*; *Тула*; *Боливия*; *Дагестан*; *Эльбрус*; *Луна*; *Жучка* — собственные имена существительные); *народ*; *стол*; *ядро*; *смелость*, *прихоть* и др. — нарицательные.

Собственные и нарицательные существительные, кроме лексических различий, противопоставлены и грамматически. Собственные имена существительные не изменяются по числам; они употребляются, как правило, в форме только единственного числа (*Киев*; *Терек*; *Асет*; *Европа*; *Китай*; «*Труд*»; «*Собеседник*»). Есть собственные имена существительные, имеющие форму только множественного числа — это обычно топонимы и некоторые космонимы, эргонимы и хремотонимы: *Афины*; *Горки*; *Карпаты*; *Бендеры*; *Плеяды*; *Близнецы*; «*Известия*». Часто в качестве примеров собственных имен, употребляемых только во множественном числе, приводят наши нерусские топонимы, в своей русской транслитерации оканчивающиеся на **-и**, — **Ы**, например, чеченские и ингушские типа *Барсуки*, *Кулары*, *Шали*, *Автуры*, *Махкеты* и др., однако они не имеют к этому явлению никакого отношения, поскольку не могут рассматриваться как формы множественного числа только на том основании,

что «русская транскрипция» чеченских географических названий совпала со словоформами множественного числа русских существительных. В чеченском языке они имеют другое звучание (*Эвтара, Шела, МахкатIе*), а русифицированные варианты правильнее было бы относить к несклоняемым существительным: *Я уехал из Автуры, а не Автуров*. Однако подобное формоупотребление настолько вошло в привычку говорящих по-русски и русских, и самих чеченцев и ингушей, что легче посчитать это формоупотребление нормой, нежели стараться отучить от него.

По степени «индивидуальности» приведенные нами семантические группы собственных имен разнородны. Предельно «индивидуальны» топонимы, космонимы. Совпадения топонимических названий в принципе возможны (Рим — столица Италии и одноименная деревня в Карелии; Москва — столица России и одноименные несколько городков в США: в штате Канзас, штате Айдахо, штате Техас и в Вермонте; Санкт-Петербург в России и полный тезка в штате Флорида, США; Одесса — в Украине и в Техасе), но они все же редки. Вообще нет «дублеров» — космонимов. Хремотонимы отличаются меньшей индивидуальностью в сравнении с топонимами и космонимами, но здесь мы сталкиваемся не столько с совпадением имен, сколько с их присвоением целому классу однородных машин, механизмов, агрегатов и т. д. (автомобили «Жигули», «Рено», «Волга»; комбайны «Дон», «Нива»; самолеты «Боинг», «Руслан»; водяные насосы «Агидель»; и т. д.). В этом мы видим причину довольно свободного употребления (в основном, окказионального) собственных имен — антропонимов и зоонимов в значении нарицательных (*плюшкины, собакевичи; рокфеллеры и форды современного бизнеса; жучки и мурки, заполонившие наш двор*) и практического неупотребления в роли нарицательных имен космонимов, топонимов и большинства хремотонимов.

Употребление собственного имени в нарицательном значении не ограничивается изменением лексического значения; фактически образуется новое слово, которое в новом значении может употребляться уже только во множественном числе.

IV. Лексико-грамматическая классификация существительных по признаку «собираемость-несобираемость» осуществляется только в сфере нарицательных существительных. Тем не менее, мы не считаем, что речь должна идти о лексико-грамматических группах внутри одного разряда — среди нарицательных существительных, как это было сделано в отношении существительных одушевленных (разделение на личные и неличные) и конкретных (разделение на вещественные и невестественные). Собственные имена существительные лексически в основном являются несобираемыми как словоформы, в которых форма единственного числа соответствует семантике единичности. В отдельных случаях некоторые из них (антропонимы) могут иметь и собирательное значение, выраженное во множественном числе (*Петровы; Мальсаговы*), но в том и другом случае лексическое значение собирательности (или несобираемости) не получает словообразовательного и грамматического выражения. Таким условиям соответствует противопоставление по этому значению нарицательных существительных.

В грамматике не принято противопоставлять два разряда существительных — собирательные и несобирательные. Обычно выделяется один разряд — собирательные существительные;¹⁴³ авторы некоторых грамматик пытаются выделить существительные со значением единичности и существительные со значением собирательности, хотя эти группы у них и не сводятся в одну коррелятивную пару лексико-грамматических разрядов. Однако нет никаких серьезных оснований отказываться от би-

¹⁴³ Русская грамматика. В двух томах. Том I. М., 1982, стр. 461.

нарного противопоставления по этому признаку, поскольку собирательные существительные демонстрируют такие лексические и грамматические особенности, которые не отмечаются у остальных (несобирательных) нарицательных существительных независимо от того, какое на самом деле количественное значение (единичное или множественное) они выражают.

Собирательные существительные обозначают некоторую (количественно не ограниченную и не обозначенную) совокупность лиц и предметов, представленную как единое целое, причем это совокупность или однородных предметов, или лиц, объединенных в одно целое по какому-то общему для них признаку — по роду занятий, родственным отношениям, принадлежности к той или иной социальной группе, по мировоззрению и т. д.: *белье, ветошь, ельник, листва, тряпье, старье; профессура, студенчество, человечество, военщина, братва, беднота, молодежь* и т. д. Многие собирательные существительные имеют свои особые структурные приметы — словообразовательные суффиксы, позволяющие отличать их от несобирательных. Это суффиксы **-ёжь-** (*молодежь*), **-ств-** (*юношество, студенчество, купечество*), **-от-** (*беднота*), **-в-** (*листва, братва*), **-ур-** (*профессура, резидентура; аппаратура*), **-щин-** (*военщина*), **-иј-** (*пионерия, аристократия, интеллигенция*), **-н' (а)** — (*матросня, солдатня, ребятня*), **-ник-** (*ельник, малинник, ольховник*), **-няк-** (*дубняк, ивняк, сосняк*), **-итет-** (*генералитет*), **-ат-** (*пролетариат*), **-ј-(о)** (*старье, тряпье, бабье, зверье*), **-ар-** (*мошकारа*), **-б-** (*голытьба*) и нек. др. Некоторые из этих суффиксов омонимичны словообразовательным суффиксам, не выражающим собирательное значение: **-ств-** (*братство*), **-б-** (*хвальба*), **-н' (а)** (*возня*), **-итет-** (*менталитет*) и т. д., а значит, наличия определенного суффикса недостаточно для отнесения существительных к собирательным, ему должно соответствовать и соответствующее множественное значение.

Среди собирательных существительных выделяются и такие, которые не имеют суффиксов собирательности: *мусор, сор, хлам, чернь, голь, погань, мелочь, зелень, дробь, дичь, ветошь*.¹⁴⁴ К собирательным АГ-80 относит даже такие, которые «при широком понимании собирательности могут быть отнесены» к ним, поскольку называют совокупность предметов, хотя «выражают собирательность лексически, но не словообразовательно»: *ботва, мелюзга, мебель*.¹⁴⁵ Такое толкование расширяет разряд собирательных существительных: в этом случае он включает в себя практически все существительные с множественным значением, употребляемые только в единственном числе: *пехота, кустарник, авиация, посуда* и т. п.

От собирательных существительных следует отличать такие лексемы, в которых «собирательность представлена лишь как значение, не получившее грамматического выражения».¹⁴⁶ У Л. Л. Буланина это следующие 3 группы существительных:

1) слова типа *отряд, группа, толпа, полк, сотня* (казаков), *пятерка* (смельчаков), *куча, груда*, которые, хотя и обозначают совокупность лиц или предметов, имеют единичное значение, отличное от значения собирательности, и образуют множественное число: *отряды, группы, толпы, полки, сотни, пятерки* (смельчаков), *кучи, груды*;

2) формы единственного числа существительных, употребляемые в обобщенно-множественном значении (но не собирательном), обусловленном контекстом, и вне контекста являющиеся лексемами с единичным значением: *Книга рассчитана на широкого читателя; Покупатель и продавец, будьте взаимно вежливы*; эти формы легко могут быть заменены на множе-

¹⁴⁴ Л. Л. Буланин. *Трудные вопросы морфологии*. М., 1976, стр. 38.

¹⁴⁵ *Русская грамматика*. В двух томах. Том 1. М., 1982, стр. 461–462.

¹⁴⁶ Л. Л. Буланин. *Указ. раб.*, стр. 39.

ственное число: *Книга рассчитана на широкий круг читателей; Покупатели и продавцы, будьте взаимно вежливы;*

3) употребляемые только во множественном числе существительные типа *хлопья, кудри, финансы*, у которых множественное значение соответствует форме; выраженный в них оттенок собирательности не получил грамматического выражения, так как грамматическое выражение собирательного значения требует формы единственного числа; «в собирательном множественность передается в форме единственного числа грамматически».¹⁴⁷

Несобирательными являются, следовательно, все нарицательные существительные, не имеющие признаков собирательности на лексико-грамматическом уровне: существительные единственного числа со значением единичности (*дом, человек, небо, кнопка*); существительные единственного числа, выражающие неисчисляемые понятия, например, абстрактные существительные (*смелость, мужество, белизна, героизм*), вещественные типа *железо, ртуть, олово, водород*; существительные единственного числа с обобщенно-множественным значением «некое целое, составленного из некоторого множества лиц, предметов», имеющие парные формы множественного числа (*отряд, полк, сад, куча*); все нарицательные существительные, употребляемые только во множественном числе (*хлопья, финансы, сливки, чернила, проводы, жмурки, ножницы*).

§ 3.2. Грамматические классы существительных

По своим грамматическим свойствам имена существительные делятся на два класса:

- 1) склоняемые существительные;

¹⁴⁷ А. А. Реформатский. Число и грамматика. — В кн.: Вопросы грамматики. Сборник статей, посвященный 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.-Л., 1960, стр. 394.

2) несклоняемые существительные.

Говоря о склонении (изменении по падежам), мы имеем в виду изменение или неизменение формы самого существительного при его употреблении в разных грамматических значениях, поскольку абсолютно несклоняемых (не употребляемых в этих грамматических значениях) существительных нет: кроме флексий, являющихся основным средством выражения падежных значений, существуют и другие, участвующие в выражении значений падежей совместно с флексиями или, при их отсутствии, компенсирующие отсутствие флексий, — это грамматическая зависимость от других словоформ и предлоги, например: *купить что? пальто; у пальто короткие рукава* (подробно см.: Категория падежа).

Склоняемость существительных не зависит от их принадлежности к тем или иным лексико-грамматическим разрядам: оба выделенных грамматических класса могут быть представлены практически во всех лексико-грамматических разрядах, за исключением собирательных: ни одно собирательное существительное не может быть несклоняемым. Видимо, дело в том, что собирательность требует своего грамматического (не обязательно словообразовательного) выражения в форме единственного числа, а наличие выраженной формы исключает несклоняемость существительного.

Большинство русских имен существительных относится к классу склоняемых. Их склоняемость выражена в наличии соответствующих падежных окончаний, не обязательно равных количеству падежей: например, у существительных типа *мать* всего 3 окончания: *мать-Ø, матери, матер-и, мать-Ø, матер'-у, (о) матер-и*. Правда, с точки зрения грамматики *-Ø* в именительном и *-Ø* в винительном — омонимичные друг другу окончания разных падежей.

Несклоняемые существительные появились в русском языке сравнительно недавно (лишь с 1-ой половины XIX века), но по-

лучили уже широкое распространение. Первоначально это были преимущественно заимствованные слова, в основном из французского языка (*пальто, манто, кашне, пенсне, декольте, канане* и др.), в которых конечные гласные не аффиксы, а части корня, поэтому они и стали в русском языке несклоняемыми. В начале XX в., особенно после октябрьского переворота, стали появляться и исконно русские несклоняемые существительные, представленные аббревиатурами и сложносокращенными словами (*ГЭС, АСУ; сельпо, управделами* и т. п.). К исконно русским несклоняемым существительным относят и появившиеся в XIX веке некоторые фамилии: на **-аго/-яго** (*Белаго, Смирняго, Живаго, дубяго*), **-ово** (*Дурново, Хитрово, Благово*), на **-их/-ых** (*Долгих, Милых, Седых, Барских*); женские фамилии с консонантной финальной частью типа *Мельник, Стригун, Соловей*.

В XX в. класс несклоняемых существительных русского языка непрерывно пополнялся за счет употребления и в конечном счете перехода в активный словарь слов из разных языков: *мадам, мисс, леди, миледи* (из английского); *сациви, ркацители, хачапури, ткемали* и др. (из грузинского); *интервью, жюри, коммюнике* и др. (из французского); и т. д.

Есть некоторые различия в проявлении признака несклоняемости у имен существительных собственных и нарицательных.

Нарицательные имена существительные характеризуются постоянным признаком несклоняемости: они относятся к этому классу независимо от контекста или каких-либо других условий. Проявление признака несклоняемости у имен собственных часто зависит от того, кому (мужчине или женщине) принадлежит это имя и какова (вокальная или консонантная) финальная часть этих слов. Это относится, разумеется, только к антропонимам, поскольку все остальные собственные имена (в том числе и зоонимы типа *Динго*) являются несклоняемыми независимо от этих условий.

По характеру проявления признака несклоняемости можно выделить следующие группы собственных имен:

- 1) исконно русские мужские и женские фамилии на **-аго/-яг о, -ово, -их/-ых**: *Белаго, Смирняго, Дурново, Кротких, Толстых*;
- 2) исконно русские женские фамилии с консонантной финальной частью: *Мельник, Соловей, Сталь, Третьяк*;
- 3) мужские и женские фамилии украинского происхождения на **-ко**: *Прокопенко, Гончаренко, Дьяченко, Божко*;
- 4) женские фамилии украинского происхождения с консонантной финальной частью: *Кравчук, Панасюк, Гоголь*;
- 5) женские фамилии белорусского происхождения типа *Стасевич; Алексиевич*;
- 6) женские имена иноязычного происхождения не на **-а**: *Мэри, Руфь; Рахиль*;
- 7) мужские имена не на **-а**, многие из которых не относятся к собственно русской ономастике, но встречаются часто в русской речи: *Петро, Серго, Данило, Билли* и т. д.;
- 8) несклоняемыми являются все русские топонимы (и в целом славянские), оканчивающиеся на **-о**: *Константиново Завидово, Марьино, Ровно, Куково*.

К несклоняемым существительным относятся (должны бы относиться, если бы не устойчивая традиция их склонять) также нерусские топонимы на территории бывшего СССР, оканчивающиеся на гласный, причем даже многие топонимы с основой на **-а**: *Махачкала, Йошкар-Ола, Ханкала, Караганда, Алма-Ата, Сортавала, Тбилиси, Туапсе, Душанбе, Тикси, Нерюнгри, Тарту, Чу, Сарысу, Шали, Автуры, Майсты, Галайты* и др. Вместе с тем на протяжении длительного времени наблюдается устойчивая тенденция к склонению топонимов на **-а** по образцу русских топонимических названий: *приехал из Сортавалы: прибыл в Махачкалу: в небе над Ханкалой: побывал в Йошкар-Оле* и т. п. Более того, мы сталкиваемся со «склоняемыми» вариантами наших местных — нерусских топонимов

на **-и// -ы**, которые по простому внешнему сходству с русскими формами множественного числа приравниваются к ним: *ехать до Шалей; привезти археологические находки из Майстов; сход граждан в Автурах; В Гойтах сегодня открывают новую школу*. Если «склонение» топонимов на **-а** еще как-то можно объяснить (хотя и должно бы считаться нарушением нормы, во всяком случае, пока они не вошли в активный словарный запас русского языка, не освоены как соответствующие формы русского языка), более того, с ним, наверное, придется смириться, то склонение топонимических названий на **-и// -ы** и причисление их к существительным множественного числа (*plurilia tantum*) следует рассматривать как во всяком случае нежелательное нарушение нормы, поскольку **-и// -ы** в конце этих слов не имеют никакого отношения к множественному числу. Это, в сущности, результат неудачной, вряд ли оправдываемой трудностями произношения транслитерации исконных названий (*Шела, Ойтара, Гойта, Майста* и др.), хотя не исключено, что такие названия не были бы в речевой практике причислены к существительным женского рода.

Кроме исконно русских и вошедших в русский ономастикон заимствованных, в русской речи используется много других иноязычных имен и фамилий, отношение которых к склоняемым или несклоняемым существительным может быть подведено под определенные правила.

1. Независимо от национальной принадлежности, склоняемыми являются все иноязычные мужские фамилии, оканчивающиеся на согласный (*Чейз, Мэйджор, Хельбиг, Шлоссер, Сингх, Сервантес, Цэдэнбал, Джамбул, Сааринен, Пельши* и т. д.), а несклоняемыми — те, которые оканчиваются на гласный (*Уитни, Альба, Кусто, Кастро, Гете, Паасикиви, Коштяну, Ганди, Вашакидзе, Кавтарашвили, Орбелиани, Чачба, Турсун-заде* и др.). Имеются в виду, конечно, фамилии неславянские, так как у некоторых славян фамилии на **-а** могут склоняться (*Гонза,*

Черва и др.). «Консонантные» фамилии женщин (*Чейз, Тэтчер, Шлоссер, Меркель* и др.) не склоняются.

2. Без исключения к несклоняемым относятся мужские и женские фамилии грузин, абхазцев, итальянские, японские, корейские, румынские и молдавские на *-у*, вьетнамские, финские, эстонские и т. д. фамилии, оканчивающиеся на гласные (*Меликишвили, Барамидзе, Чабуа, Чухуа, Верди, Куросава, Мунтяну, (Ро Де) У, Калеви, Таммсааре*; сюда же относятся таджикские и азербайджанские фамилии в нерусифицированной форме (*Турсунзаде; Мамед-оглы; Мамед-ханум*).

3. Не склоняются иноязычные женские имена, оканчивающиеся на согласные и все гласные, кроме *-а*: *Марлен, Сьюзен, Бриджит, Ассоль, Петимат, Мэри, Рабу, Кулсум, Тансу, Табарик, Товсари* и др. Встречающиеся все чаще в речи молодых людей попытки склонять такие имена являются нарушением нормы (случаи типа: *Я поговорю с Маретой; У Разеты много книг*). Однако здесь необходима оговорка: в последнее время такие формы имен становятся официальными паспортными, и в этом случае, видимо, их необходимо считать не вариантами имен *Марет, Разет* и др., а новыми именами, относящимися к обозначенным выше склоняемым.

4. Иноязычные мужские имена не склоняются, если оканчиваются на гласный (обычно кроме *-а*): *Джеффри, Гиви, Джузеппе, Ясухиро, Пабло, Абу, Салавди* и др.

5. К классу несклоняемых существительных относятся все другие группы ономастических имен, оканчивающихся на гласный, — зоонимы, топонимы, хрематонимы: *Динго; Монтевидео, Килиманджаро, Токио, Того, Турку, «Вольво», «Пежо», «Дэво», «Хитачи», «Пепси»* и др. Склоняются только те, которые оканчиваются на *-а*: *Ява, Окинава, Суматра, Махачкала, Питкьяранта, Сортавала*. Относительно последних есть мнение, что они должны относиться к несклоняемым, так как *-а* в конце этих слов в структуре соответствующих топонимов не имеет отно-

шения к обозначению женского рода и сами эти существительные, как неизменяемые, принадлежат к мужскому роду (по слову «город»).

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каким должно быть определение имени существительного, чтобы оно в полном объеме соответствовало лексико-грамматическому принципу классификации частей речи?
2. Как нужно определять семантическую основу имени существительного, чтобы этим значением охватывались все слова этой части речи?
3. Назовите и прокомментируйте основные грамматические признаки имен существительных русского языка.
4. Какое место имя существительное занимает в системе частей речи и как оно соотносится с глаголом?
5. На какие лексико-грамматические разряды делятся имена существительные?
6. Назовите основные грамматические различия между лексико-грамматическими разрядами существительных (одушевленными и неодушевленными, конкретными отвлеченными и т. д.).
7. Как определяется категория одушевленности/неодушевленности у имен существительных?
8. Охарактеризуйте процесс перехода собственных имен в нарицательные.
9. Какие грамматические классы принято выделять в системе имен существительных русского языка?
10. Какие синтаксические признаки характеризуют имя существительное как часть речи?

§ 4. Категория рода имен существительных

§ 4.1. Род как грамматическая категория. Род и класс как сопоставимые категории

Под грамматическим родом в общей грамматике понимают «каждую формальную категорию из тех категорий, по которым в некоторых языках... распределяются имена существительные отчасти в зависимости от смысловых, а отчасти в зависимости от формальных признаков».¹⁴⁸ В одних языках (в большинстве индоевропейских, семитских) формирование грамматического рода первоначально было обусловлено стремлением их носителей классифицировать — привести в систему лексику, особенно ее субстантивный пласт, в соответствии со своими представлениями об основных дифференциальных признаках предметов. Это же стремление привело в других языках к появлению и развитию классов (иберийско-кавказские, языки аборигенов Африки, Австралии, Азии). По мнению Е. Д. Поливанова, «морфологический строй без грамматического рода (характерный для аналитических языков), без сомнения, выгоднее и полезнее, чем типичный для индоевропейских и семитических языков строй с грамматическим Р. (который, с оценочной точки зрения, является крупным дефектом языковой системы)».¹⁴⁹ Надо отметить, что Е. Д. Поливанов не видит существенной разницы между родом и классами: об этом говорит невключение им в свой «Толковый терминологический словарь по лингвистике» специальной статьи о классах, его слова о «развитии соответствующих грамматическому Р. категорий в чеченском, ингушском и т. д. языках». Это действительно типологически сопоставимые категории, но вряд ли их можно отождествлять

¹⁴⁸ Е. Д. Поливанов. *Труды по восточному и общему языкознанию*. М., 1991, стр. 415.

¹⁴⁹ Там же, стр. 416.

или сводить в одну грамматическую категорию. Не подлежит сомнению, что «категория рода является продуктом развития одного из типов номинальной — предметно-именной — классификации, наряду с грамматическими классами африканских и кавказских языков».¹⁵⁰ В основе родовой классификации, как это видно даже из самой терминологии родов, лежит (вернее: лежала) гендерная дифференциация живых существ, хотя в своем современном состоянии она далеко отошла от варианта смысловой дифференциации существительных по признаку пола (хотя, конечно, в сфере личных одушевленных существительных, а в некоторых языках, возможно, и одушевленных в целом гендерная дифференциация еще сохраняется). Тот же признак обусловил и классификацию по классам (первые два — основных — класса в чеченском, например, так и называются — «мужской» и «женский»). Но здесь смысловая дифференциация и сохранена до сих пор; во всяком случае, в состав чеченских мужского и женского классов входят только личные одушевленные существительные. Более последовательно, чем в сфере грамматического рода, семантическая классификация лексем была, следовательно, осуществлена в сфере грамматических классов, а это дало основание многим исследователям предположить, что грамматические роды являются, по всей видимости, развитием одной из древнейших классных систем. Л. П. Якубинский, например, проанализировав огромный историко-лингвистический материал, установил, что до родовой классификации существительных в индоевропейском праязыке существовали два класса — класс людей, или личный класс (социально активный) и вещный класс (социально пассивный).¹⁵¹ В принципе о том же писал и А. Мейе, считавший, что в языке-

¹⁵⁰ В. И. Дегтярев. *Основы общей грамматики*. Ростов н/Д, изд-во Рост. ун-та, 1973, стр. 102.

¹⁵¹ Л. П. Якубинский. *История древнерусского языка*. М., 1953, стр. 168.

основе индоевропейских языков было два рода — одушевленный и неодушевленный, т. е. по существу это были два класса слов, на базе которых развились впоследствии грамматические роды.¹⁵² Впоследствии эта первоначальная система классов преобразовалась вследствие того, что носители языка сочли необходимым учесть естественные различия между живыми существами: активный класс (или одушевленный) «раздвоился» и сформировались два рода — мужской и женский; пассивный (неодушевленный) лег в основу среднего рода. Надо полагать, современные грамматические классы в чеченском и других языках развивались по тому же пути и на основе первоначального деления имен на 2 класса (одушевленные и неодушевленные). На базе первого образовались мужской и женский классы, на базе второго — «вещные», количество которых различно в разных языках: в чеченском их, например, выделяют четыре. Семантическую дифференциацию имен и формирование на этой основе категорий рода и классов современных языков можно схематически изобразить так:

Таблица 10

ИМЕНА				
Одушевленный класс				Неодушевленный класс
Личные имена		Неличные имена (существа)		Вещи
м. род м. класс	ж. род ж. класс	м. род	ж. род	ср. род. м. род. ж. род «вещные» классы

¹⁵² А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, стр. 205–206.

На этом, в принципе, остановилось семантическое преобразование древних классов, лежащих в основе и категории классов, и категории рода. Во всяком случае, это определенно относится к развитию «личных» классов. Включение или невключение в них дифференциации по полу не только людей, но и живых существ вообще зависит от представлений носителей африканских, «индейских» или кавказских языков о месте и роли животных в их жизни. В кавказских, в частности, в чеченском, первые два класса только личные, а животные в этой системе приравнены к вещам (*жаьла* «собака» и *гант* «стул» входят, скажем, в один класс). Несмотря на эти различия, в целом классификация имен по классам в этих языках семантически мотивирована. Развитие же грамматического рода привело к тому, что она была предельно формализована — под влиянием внутриязыковых факторов, в числе которых совпадение флексий существительных мужского и среднего рода в косвенных падежных формах (в некоторых языках не только в косвенных, но и в именительном) и совпадения окончаний одушевленных и неодушевленных существительных. Семантическая мотивация распределения имен по родам была отодвинута на задний план. Род стало возможным определять не по смыслу, а по форме имен.

Распределение существительных по родам или классам не относится к числу универсальных языковых явлений. В одних языках, например, в алтайских, не сформировались ни род, ни классы, поскольку соответствующая дифференциация в них передается лексически и/или словообразовательно. В других, в прошлом имевших род, он исчез в процессе морфологической эволюции этих языков. Так произошло, например, с родом в английском языке, где следы родоразличения сохранились только в сфере некоторых местоимений: *he* «он» — *she* «она» — *it* «оно».

Обычное количество родов в языках, где есть грамматическое родоразличение, — три. Но в арабском, например, соб-

ственно родов только два (мужской и женский); все остальные существительные входят в категорию «бесполох», нейтральных в родовом отношении лексем. По два рода также в испанском, итальянском, французском и т. д. языках. Грамматических родов может быть, однако, и больше трех: в русском языке, например, развился четвертый («общий») род (признаваемый, однако, не всеми, о чем см. ниже).

Грамматические роды различаются, как правило, окончаниями; в тех языках, где совпадение окончаний мужского и среднего рода (а в иных даже и женского) стало распространенным явлением, важную роль в родоразличении играют артикли (ср. нем.: *der Vater* — *das Fenster* — *die Mutter*). Во всех языках, принявших грамматическое родоразличение, род является категорией классификационной (несловоизменяемой) для имени существительного и словоизменяемой категорией для согласуемых с существительными других частей речи и словоформных групп (прилагательных, причастий, глагольных форм прошедшего времени, порядковых числительных, отдельных местоимений в атрибутивной форме). Этим не в последнюю очередь обусловлено доминирующее положение существительного по отношению к этим согласуемым с ним формам — требование грамматического уподобления исходит от существительного, которое, как известно, само не может быть изменено по этому признаку. И это требование распространяется уже не только на род, но и на число, падеж.

Грамматический род в некоторых языках может быть немаркированным в определенной части субстантивной лексики. Это явление получило широкое распространение в русском языке, в котором с XIX века сформировался значительный пласт неизменяемых слов, не имеющих в том числе и формальных показателей рода.

Классоразличение однотипно с родоразличением в том плане, что обе категории (класс и род) классификационные. Но если

дифференциация родов существительных предполагает обязательную маркировку рода окончаниями и/или служебными словами, приравняваемыми к морфемам, — артиклями, то классные показатели могут в структуре самого существительного отсутствовать. В кавказских языках, например, принадлежность имени существительного к тому или иному классу определяется не морфологическими показателями, а «по смыслу» («личные» классы) или по традиции («вещные» классы). Во многих кавказских языках этот показатель появляется у согласуемых с существительным форм, но в чеченском, например, таким признаком характеризуются только некоторые глаголы, причастия, прилагательные. Что касается существительных, в чеченском языке только четыре лексемы (*в-аша* «брат», *й-иша* «сестра»; *в-оI* «сын», *й-оI* «дочь; девочка/девушка») и немногочисленные производные от них (*денваша* «дядя (по отцу)», *денийиша* «тетя (по отцу)», *стунваша* «шурин», *стунийиша* «свояченица», *марваша* «деверь», *маврйиша* «золовка») имеют префиксальные классные экспоненты. Тем не менее, чеченцы, как и носители других кавказских языков с похожими классными системами, с младенческого возраста без видимых затруднений употребляют в нужном классе согласуемые с существительными словоформы, что вызывало удивление исследователей чеченского и других кавказских языков (Н. Ф. Яковлева, А. Дирра и др.).

О месте категории грамматического рода в системе других субстантивных категорий русского языка (и многих других языков с родоразличением) и о ее роли для имени существительного говорит тот факт, что категория грамматического рода является, пожалуй, «наиболее характерным морфологическим признаком» имен существительных.¹⁵³ Такое мнение вполне обоснованно, поскольку, как отмечает В. В. Виноградов, «в некоторых

¹⁵³ И. П. Лысков. *О частях речи. М., 1926, стр. 23.* — Цит. По: В. В. Виноградов. *Русский язык. М., 1972, стр. 56.*

группах имен существительных могут отсутствовать внешние признаки других категорий: падежа и числа (ср.: *какаду, губоно, пари* и т. п.). Между тем отнесение к одному из трех соотносительных классов — мужского, женского и среднего (т. е. ни того, ни другого — ни мужского, ни женского) рода — обязательно для каждого имени существительного в единственном числе». ¹⁵⁴ Категории рода и классов, таким образом, вполне сопоставимы; более того, они формировались на одной и той же основе (изначально как дифференциация имен по признаку «одушевленность-неодушевленность»), но дальнейшее развитие этих категорий привело в одних случаях к активной морфологизации, формализации этой классификации, следствием чего явилось развитие категории грамматических родов; в других языках семантический компонент в классификации все еще является ведущим, процесс формализации еще не упорядочен и охватывает обычно не сами имена, а согласуемые с ними формы. Трудно сказать, приведет ли морфологизация классов к их слиянию с грамматическим родом. Скорее всего, нет, так как «принцип образования формы» у этих двух категорий имеет разную грамматическую природу: классы, как известно, различаются в основном префиксальными классными экспонентами, роды — флексиями и/или артиклями. ¹⁵⁵

§ 4.2. Род склоняемых существительных

В современном русском языке традиционно выделялись и выделяются многими грамматиками до сих пор три рода

¹⁵⁴ В. В. Виноградов. *Русский язык*. М., 1972, стр. 56.

¹⁵⁵ См. об этом: А. И. Халидов. *Грамматические классы и классное спряжение в нахских языках*. // *Вестник Академии наук ЧР*. 2008. № 1. Грозный, Академия наук Чеченской Республики. 2008, стр. 130–141; Он же. *Категория грамматических классов нахских языков в типологическом освещении*. // *Вестник АН ЧР*, 2016, № 3 (32). Грозный, АН ЧР, 2016, стр. 99–108.

имени существительного: мужской, женский и средний. Вместе с тем составители грамматик, учителя часто убеждаются в том, что «три традиционных рода не отражают свойств всех русских существительных, даже рассматриваемых в форме именительного падежа единственного числа».¹⁵⁶ В подтверждение этих слов автор соответствующего раздела И. Г. Милославский ссылается на пример «существительных, называющих предметы, являющиеся единственными, конкретными, связанными с идеей счета, однако не имеющих формальных внутрисловных средств для выражения единичности-множественности: *брюки, весы, ножницы, очки, сани, счеты, часы, щипцы* и др.».¹⁵⁷ Такие существительные И. Г. Милославский предлагает выделить в особый «парный род», потому что они «не могут быть отнесены ни к мужскому, ни к женскому, ни к среднему роду».¹⁵⁸ Но почему род? и почему «парный»? Наша контраргументация не будет сводиться к известному положению традиционной грамматики о том, что во множественном числе род существительных не определяется, а существительные, имеющие форму только множественного числа, стоят вне категории рода. Есть более убедительные аргументы против «парного рода». Во-первых, И. Г. Милославский самим этим термином подменяет одну категорию другой. Как мы видели (§ 4.1.), родоразличение может быть основано на делении имен по разным признакам (одушевленность-неодушевленность, человек-животное, мужчина-женщина, живое существо-вещь), но не по признаку количества предметов или количества компонентов, составляющих этот предмет. Если же у И. Г. Милославского речь идет о количестве не в этом смысле, а о количестве родов, к которым эти существительные не могут быть отнесены, то таких родов сам И. Г. Мило-

¹⁵⁶ Современный русский язык. Под ред. В. А. Белошапковой. Изд. 2-е, М., 1989, стр. 407.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же.

славский называет три. Возможно, специфичность таких имен видится исследователю в том, что они обозначают в форме множественного числа «предметы, являющиеся единственными, конкретными, связанными с идеей счета»; имеется в виду, возможно, сочетаемость их с количественными словами: *двое брюк, трое щипцов, пять ножниц*, с учетом еще и того обстоятельства, что среди них нет одушевленных существительных. Однако большой разницы между приведенными существительными и такими, как *сливки, чернила, четки* и т. п. нет; ее можно было бы увидеть, если бы все приведенные И. Г. Милославским существительные обозначали «парные» предметы, однако *ворота* нередко изготавливаются одностворчатými, *сани* могут быть однополозными, *счеты* никогда не составляли менее 10 костяшек. Сама постановка вопроса об особом отношении подобных лексем к родоразличению у И. Г. Милославского и его предшественников (Н. Н. Дурново и А. А. Зализняка) вполне объяснима, но вряд ли такие существительные могут создавать отдельную родовую группу под каким-либо названием.

И все-таки грамматических родов в русском языке действительно четыре. Кроме традиционных трех (мужского, женского и среднего), в современном русском языке в смысловом и формально-грамматическом отношении обособилась активно пополняющаяся новыми словами группа существительных общего рода. Об этих существительных писали еще в грамматиках XIX в.

К. С. Аксаков: «Все подобные слова, оканчивающиеся на *-а* или *-я*, суть имена рода женского и только могут употребляться в мужском роде. Это нисколько не изменяет их основной природы, и они принадлежат к именам женского рода».¹⁵⁹ Строго формальный подход, характерный для К. С. Аксакова, не позволил ему отказаться от приписывания женского рода

¹⁵⁹ К. С. Аксаков. *Опыт русской грамматики*. — ПСС, т. 3, ч. 2, М., 1980, стр. 97.

не только словам типа *предтеча*, *вития* — существительным, употреблявшимся, как правило, для обозначения лиц мужского рода, но даже таким, как *воевода*, *судья*, *староста*, *владыка*, которые в его время могли быть употреблены исключительно только в значении мужского рода.

Еще ранее Г.П. Павский отметил яркую экспрессивную («унизительную») окраску этих слов, переносимую носителями языка иногда даже на «почтенные» слова типа *вельможа*, *староста*, *старейшина*, *владыка*.

Часто встречается мнение, что как особую синкретическую родовую категорию эти слова выделил А. М. Пешковский, который писал о «маскулинизированном» женском или «феминизированном» мужском роде с особым сочетанием значений»,¹⁶⁰ объединив в этой категории слова явно только мужского рода (*воевода*) и слова синкретического содержания признаков рода (*судья*, например). Однако еще раньше это сделал, причем выделив наряду с мужским, женским и средним именно *общий род*, А. А. Барсов, выделив род «общий (commune — «общий род (мужской и женский)»), то есть и мужеский и женский», например, «пьяница, пустомеля, боль, цыфирь».¹⁶¹

Знаменательно, что в большинстве старых русских грамматик понятие общего рода применялось исключительно только по отношению к лексемам определенного формального устройства (с окончанием *-а*, *-я*), и обычно к тем, которые реально или потенциально передают значения обоих родов, конкретизируемые конситуацией. Впоследствии (в середине 50-х годов XX в. и фактически до наших дней) сюда стали относить вообще все слова, которые могут быть употреблены для обозначения лиц мужского и женского пола независимо от формального

¹⁶⁰ А. М. Пешковский. *Русский синтаксис в научном освещении*. М., 1956, стр. 94.

¹⁶¹ *Российская грамматика* А. А. Барсова. — М.: Изд-во Московского университета, 1981, с. 92.

признака, поэтому к общему роду ошибочно нередко и сейчас относят существительные типа *врач, доктор, секретарь, академик, инженер* и т. п.

В связи с этим есть необходимость однозначно определить, какие имена существительные (с какими именно семантическими и формально-грамматическими признаками) включаются в сферу общего рода.

Для отнесения существительных к общему роду необходимо, чтобы они обладали двумя обязательными признаками:

1) это должны быть существительные личные, которые в (относительно) равной мере могут быть использованы для обозначения лиц и мужского, и женского пола;

2) они не могут быть (за редкими исключениями) маркированы характерными аффиксами, «привязывающими» их к одному роду, значит, должны быть синкретичны и формально.

Этим требованиям отвечают имена существительные на *-а, -я*, употребляемые в значении двух родов, поскольку а) это окончание, характерное в основном для женского рода (*женщина, девушка, няня, студентка, парта, дорога*), но маркирующее и мужской род (*вельможа, воевода, юноша, старейшина, дядя*); б) они без особых затруднений могут быть употреблены в значении «женскости» (*Она круглая сирота*) и в противоположном значении (*Он круглый сирота*).

Имена существительные типа *врач, доктор, инженер, секретарь* (райкома), *академик, агроном, ветеринар* и т. п., хотя они и могут быть использованы для обозначения лиц мужского (*Он врач медсанчасти завода*) и женского пола (*Она врач медсанчасти завода*), не должны пополнить общий род, поскольку их синкретичность (в данном случае — проявление признаков двух родов: мужского и женского) ограничивается уровнем семантики. На формально-грамматическом уровне они характеризуются явными признаками одного рода — мужского: они, как правило, имеют нулевое окончание и основу на парно-твер-

дый (*агроном, инженер, окулист*) или парно-мягкий согласный (*секретарь, следователь*), реже — на непарный мягкий (*врач*). Этим, видимо, объясняется стремление носителей языка образовывать от таких существительных лексемы со значением женскости, не ставшие нормой: *врачиха, докторесса, ветеринарша, агрономша* и т. д. (кстати, в основном такие образования связаны с использованием суффикса *-ш-*, употребляемого в русском языке в другом словообразовательном значении — «жена человека, названного существительным мужского рода»; это одна из причин отталкивания подобных образований литературной нормой).

Невключение таких существительных в сферу общего рода может быть аргументировано и проявлением у них конкретных родовых признаков при согласовании или координации с формами других частей речи; эти формы употребляются, независимо от пола лица, о котором идет речь, обычно в мужском роде, ср.: *Иванов прекрасный врач (окулист, хирург, стоматолог и т. п.)*. — *Иванова прекрасный врач*. В случае координации с глаголом-сказуемым, правда, выбор формы последнего зависит от пола лица, о котором идет речь: *Врач (Иванов) выписал рецепт*. — *Врач (Иванова) выписала рецепт*. «В современной разговорной речи, а через нее — в периодической печати и в художественной литературе последних десятилетий получило широкое распространение употребление некоторых существительных муж. р., называющих лицо по профессии, должности (*врач, инженер, бригадир, директор* и т. п.) в сочетании с координируемым словом-сказуемым (глаголом или прилагательным) в форме жен. р.»:¹⁶² *Врач приехала; Директор больна; Инженер она квалифицированная*. Но и это явление ограничивается именительным падежом, в косвенных падежах атрибутив-

¹⁶² *Краткая русская грамматика. Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 1989, стр. 151.*

ные формы согласуются (координируются) с существительным только в мужском роде: *Я поговорил с Ивановой как с квалифицированным врачом; Она была хорошим директором.*

Существительные общего рода в своем подавляющем большинстве являются словами с яркой экспрессивной окраской и содержат в основном (конечно, не всегда) негативную оценку обозначаемого лица: *неряха, растрепана, ябеда, егоза, забияка, непоседа, пустомеля, попрошайка, разиня, задира, подлиза, растяпа, соня, рева, зануда, обжора, проныра, заика, сутяга, раскоряка, трусишка, врунишка, хвастунишка, выскочка, лакомка, тупица, умница* и др.

Другая группа, представленная относительно большим количеством слов, — это лексемы со значением должности, профессии, рода занятий: *судья, староста, коллега, старшина.*

«К категории общего рода принадлежит несколько живых типов словообразования» и более двух десятков семантических подгрупп, различающихся экспрессивно-стилистическими, функционально-стилистическими и т. д. оттенками, перечисленные подробно и тщательно проанализированные В. В. Виноградовым.¹⁶³

Общий род имен существительных до настоящего времени пополняется новыми словами: 1) за счет суффиксальных образований на *-аг/-яг/-*, *-ак/-як/*, *-ал-*, образуемых сразу как существительные общего рода (*трудяга, бедняга, стилияга, вояка, задавака, задавала, доставала, прилипала* и т. д.); 2) путем перехода слов из мужского рода в общий, обусловленного их употреблением и в отношении женщин (*коллега, судья, глава* (администрации), *старшина* и т. д.); 3) путем перехода в общий род слов женского рода — в основном в результате переносного употребления неодушевленных или одушевленных неличных

¹⁶³ В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972, стр. 66–72.

существительных типа *шляпа, гадюка, башка, тетеря, лиса, свинья, коза* и др.

Близки к общему роду, но не перешли в него существительные с положительной или отрицательной семантикой оценки без *-а, -я*: *ничтожество, знаменитость, мразь, сволочь, дрянь, рвань, голь, нечисть* (часть из них может употребляться и как собирательные существительные: *голь, рвань, нечисть*).

Уделяя все большее внимание существительным, употребляемым в значении двух родов, языковеды все более расширяют поле общего рода, включая сюда и несклоняемые нарицательные личные одушевленные существительные (*коми, манси; визави, протезе*), и имена собственные (*Депардье, Сабатини, Чубинашвили, Георгадзе, Нестеренко, Борзых*, даже слова типа *Алексиевич, Книпович, Стефанович*, у которых несклоняемость — признак, характерный только в случае употребления как женской фамилии), и склоняемые имена собственные, общие у лиц как мужского, так и женского пола (такие, как *Валя, Саша, Женя*), несклоняемые одушевленные, обозначающие живые существа (*кенгуру, какаду, колибри, шимпанзе, цеце* и др.). Вполне возможно, что некоторые группы таких слов будут введены в сферу общего рода не только в отдельных статьях, выкладываемых в Интернете, но и в фундаментальных грамматиках, хотя вряд ли в их число попадут, скажем, слова, несклоняемость которых ограничена одним родом: существительные типа *Тэтчер, Рутенберг, Трамп*, например, не склоняются, если это фамилии женщин, и склоняются как мужские фамилии: *сэр Тэтчер* — род. *сэра Тэтчера*, но *леди Тэтчер* — род. *леди Тэтчер* и т. д.

Поддерживая выделение в русском языке четырех, а не трех родов, нельзя игнорировать и другое мнение: о том, что родов в русском языке все-таки только два, или хотя бы «на сегодняшний день статус общего рода как категории в русском языке до конца не определён, вопрос, поставленный в начале

статьи, остаётся открытым». ¹⁶⁴ В связи с этим представляет интерес сравнение материала о соответствующих существительных в двух академических грамматиках. В АГ-80, как известно, общий род выделен как один из четырех родов и особых сомнений в правильности такого решения мы в ней не видим. Но они были незадолго в АГ-70, в которой читаем: «Общий род не представляет собой особого грамматического значения, подобного значениям мужского, женского и среднего рода, и является условным обозначением группы существительных женского рода определённой семантики...». ¹⁶⁵ Если при этом иметь в виду, что у общего рода нет и собственной формы, отличающей его от существительных мужского и женского рода (и слов типа *чудило*, *светило*, которые, видимо, также можно рассматривать как общий род), само выделение общего рода в русском языке может представиться как неубедительное. Однако отрицание общего рода может быть оспорено и не рассмотренными выше примерами существительных, которые не приобрели способность употребляться в значении двух родов, как считают многие, а появились с заложенными в них этими двумя «гендерными» значениями, изначально были словами общего рода. Вряд ли кто будет утверждать, например, что слово *сирота* появилось сначала как слово женского рода и лишь в процессе употребления стало употребляться и в значении мужского рода. А к ряду таких слов можно причислить если не все, то большинство оценочных слов на *-а/-я*, таких, как *бедняга*, *бедняжка*, *бедолага*, *егоза*, *заика*, *зазнайка*, *замарашка*, *жадина*, *неряха*, *разиня*, *чистюля*, *грязнуля*, *незнайка*, *недотёпа*, *неровня*, *неумёха*, *врунишка*, *лакомка*, *левша*, *калека*, *умница*, *ябеда*, *одиночка*, *плакса*, *подлиза*, *попрошайка*, *пустомеля*, *тихоня*, *растяпа*, *рёва*, *ум-*

¹⁶⁴ Горбацкая О. Ю. Статус категории общего рода в русском языке // ж-л «Филологическая наука в условиях диверсификации образования». 2013. № 1. С. 13–19. С. 17.

¹⁶⁵ Грамматика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1970, с. 318.

ница, хануга, хитрюга, шельма, ябеда и много других. Относительно части слов, относимых к общему роду, таких, как *бродяга, брюзга, заводила, гуляка, пьяница, работяга, коллега, лежебока, молодчина*, может быть, и можно считать, что вначале их употребляли, как правило, когда речь о представителях мужского пола, но и относительно большинства подобных слов в таком утверждении вряд ли можно быть категоричными. Признавая «уязвимость» выделения общего рода, нельзя не признать большую степень убедительности этого решения вопроса о родовой принадлежности соответствующих слов, чем строящиеся на учете противоположного мнения рассуждения о том, начинающиеся с того, что «кроме имен существительных мужского, женского и среднего рода, выделяется группа существительных общего рода (*невидимка, тихоня, сирота, задира, умница...*), которые в зависимости от конкретных обстоятельств могут выступать то как существительные мужск. р. (*он был круглой сиротой*), то как существительные женск. р. (*она была круглой сиротой*)»,¹⁶⁶ и завершающиеся вряд ли вытекающим отсюда выводом «Наличие существительных общего рода не означает, что в русском языке четыре рода, т. к. существительные общего рода не имеют своих особых родовых признаков».¹⁶⁷

Грамматический род имен существительных выражается морфологически посредством флексий единственного числа. Определяют его для удобства по форме именительного падежа, но имеется в виду вся система флексий падежного словоизменения.

Мужской род обычно выражен нулевыми флексиями после основ, оканчивающихся преимущественно на парно-твердые согласные (*дом-Ø, забор-Ø, город-Ø, человек-Ø*,

¹⁶⁶ Чаурина Р. Имена существительные общего рода. На материале пословиц и поговорок народов мира/ж-л «Русский язык». 2007. № 15. С. <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200701512> (дата обращения 01.02.2022)

¹⁶⁷ Там же.

коновал-Ø) или (реже) — на парно-мягкие (учитель-Ø, карас-Ø) или непарно-мягкие (врач-Ø, санаторий-Ø). Очень редко мужской род выражается окончанием **-о** или **-е**: *домишко, умишко, подмастерье*. Существительные мужского рода могут иметь и окончание **-а** (орфографически и **-я**): *пап-а, юнош-а, мужчин-а, воевод-а, старейшин-а, слуг-а, юнг-а, дяд-я; бра-тишк-а, парнишк-а, чебурашк-а, мишк-а*.

Женский род в именительном падеже единственного числа характеризуется по большей части флексией **-а/-я** соответственно после твердых и мягких основ (*сестр-а, парт-а, тётъ-я*) или нулевой флексией после парно-мягких основ (*ртут'-Ø, кост'-Ø, лошад'-Ø*), реже — непарно-мягких (*вещ-Ø, ноч-Ø*) или непарно-твердых (*рож-Ø, мыш-Ø*).

Обычные показатели среднего рода — флексии **-о**, — **е**: *окн-о, ружь-е, гор-е, мор-е*. Особая группа существительных среднего рода — разносклоняемые существительные на **-мя**: *племя, темя, пламя, вымя, семя, знамя. время, бремя, стремя, имя*.

Флексии именительного падежа единственного числа не могут быть надежным способом родоразличения, так как в именительном падеже существительные разной родовой принадлежности часто совпадают: *кость — гость, рояль — свирель, домишко — окно, поднебесье — подмастерье*. Поэтому реальная дифференциация родов по форме слов должна строиться на сравнении окончаний и косвенных падежных форм: *кость — кости* (р. п.) — *кости* (д. п.) — *кость* (в. п.) — *костью* (тв. п.) — *о кости* (пр. п.); *гость — гостя* (р. п.) — *гостю* (д. п.) — *гостя* (в. п.) — *гостем* (тв. п.) — *о госте* (пр. п.). Ср. еще: *рояль — рояля*, но: *свирель — свирели*; *домишко — домишки*, но: *окно — окна*; и т. п.

Существительные общего рода своей специальной формы выражения не имеют; они, как мы могли заключить из предыдущего материала, «позаимствовали» у мужского и женского родов общее для них окончание **-а/-я**.

Более последовательным и однозначным считается синтаксическое выражение рода — формами согласуемых (прилагательные, причастия, порядковые числительные, местоимения атрибутивной формы — в роли согласованных определений) или координируемых (глагол-сказуемое, прилагательное и причастие, в редких случаях порядковые числительные и атрибутивно оформленные местоимения — в роли сказуемых) слов. Этот способ является основным для определения конситуативного родового значения существительных общего рода: при их употреблении в значении мужского рода согласуемые и координируемые формы употребляются в мужском роде (*Секретарь ответил на все вопросы; Магомед мой коллега*); при употреблении в значении женского рода — соответственно в женском роде (*Секретарь ответила на все вопросы; Тамара моя коллега*). Характерным является, следовательно, согласование в мужском роде, независимо от того, к какому роду относится определяемое таким образом существительное или местоименное слово, в том числе и тогда, когда прилагательное или иное адъективное слово — в роли именной части составного сказуемого, поскольку согласование — с существительным мужского рода, а не с определяемым подлежащим: *Ахмадова — прекрасный хирург с многолетним стажем; Раиса Алексеевна — прирожденный педагог; Магомед Исаевич — ведущий специалист отдела маркетинга*.

Синтаксическое выражение рода является единственным грамматическим способом родоразличения для несклоняемых существительных (см. § 4.3.).

Актуальным для современного русского языка до настоящего времени остается явление, рассматриваемое в грамматике как варианты родовые формы существительных. Это могут быть слова, а) различающиеся флексиями уже в именительном падеже единственного числа (*жираф-жирафа, туфель-туфля, санаторий-санатория, ботинок-ботинка*), б) различающиеся

флексиями только в косвенных падежах единственного и множественного числа (*вуаль* — р. п. *вуаля*, д. п. *вуалю* и т.д.; но: р. п. *вуали*, д. п. *вуали*; другие примеры: *дуэль* — *дуэли* и *дуэля*, *отель* — *отеля* и *отели*, *рояль* — *рояля* и *рояли*), в) различающиеся характером конечной согласной: *занавес* — *занавесь*, *нашест* — *нашесть*. В основном (но не все) это существительные иноязычного происхождения. АГ-80 включает сюда и одушевленные существительные типа *лебедь*, но есть основание ограничиться только неодушевленными: *лебедь* ж.р. и *лебедь* м.р. могут и, скорее всего, должны рассматриваться не как родовые варианты или слова с двойственной родовой принадлежностью, а как два разных слова со своей единственной родовой принадлежностью. Вариантные родовые формы противопоставлены друг другу как нормативная и ненормативная, современная и устаревшая, нейтральная и просторечная. По этим признакам АГ-80 выделяет следующие случаи вариантности родовых форм существительных.

1. Это существительные, которые в соответствии с литературной нормой употребляются в одном роде (преимущественно в мужском), а в разговорной речи, в просторечии или народно-поэтическом языке могут иметь формы другого рода, чаще женского. Например: *клавиш* (м.р.) — разг. *клавиша*; *яблоко* (ср. р.) — простор. *яблок* (м.р.); *полотенце* (ср. р.) — *полотенец* (м.р.).

2. Употребляемые в литературном языке в мужском роде существительные имеют в том же значении устаревшие варианты женского рода, например: *ботинок* — *ботинка*, *георгин* — *георгина*, *зал* — *зала* (и даже *зало* — ср. р.), *занавес* — *занавесь*, *нашест* — *нашесть*, *санаторий* — *санатория*, *станс* — *станса*, *фарс* — *фарса*, *фильм* — *фильма*, *ферзь* — *ферзя* и *ферзь* — *ферзи*, *рояль* — *рояля* и *рояль* — *рояли*. См. эти примеры в контексте: *Она с воодушевлением рассказывала очередную фильму...* (Каверин); *Но коварная ферзь противника внезапно находит путь откуда-то сбоку...* (Булгаков); *Даша медленно пошла*

мимо и уже в другой зале села на стул (А. Н. Толстой). Все существительные — родовые варианты этой группы семантически равнозначны. Исключение: *занавес*, предпочтительный в значении «полотнище, закрывающее сцену», но: *занавесь*, которую рекомендуется употреблять в значении «портьера», хотя в толковых словарях обычно сообщается, что *занавесь* — то же, что *занавес*.

3. Считающиеся соответствующими литературной норме существительные женского рода (*вуаль-вуали, дуэль-дуэли; просека, гроздь, туфля*) имеют устаревшие родовые варианты мужского рода (*вуаль-вуалья, дуэль-дуэля; просек, грозд, туфель*): *У него свалился туфель* (К. Федин); *Узнаю тебя и твой белый вуаль* (А. Фет); *Разбежится просек, по траве скользя* (Б. Пастернак).

4. Если перечисленные выше случаи (1–3) можно отнести к временным для русского языка явлениям, так как не соответствующие литературной норме варианты или уже не употребляются, или используются редко — для реализации каких-то стилистических целей, группа стилистически не разграничивающихся вариантных родовых форм — это явление особое, представляющее актуальные для современного русского языка родовые формы, между которыми нет иных различий, кроме частотности употребления. Это пары слов типа *бакенбарда-бакенбард, манжета-манжет, ставня-ставень, рельс-рельса, ботфорт-ботфорта, клавиша-клавиш, арабеска-арабеск, спазма-спазм*. Все приведенные слова объединяет то, что в единственном числе они употребляются редко и в том, и в другом родовом варианте; они, как правило, употребляются во множественном числе, поэтому, видимо, не имеют устоявшегося единого родового варианта: *манжеты, бакенбарды, спазмы, ставни, арабески, ботфорты, клавиши* — предметы, обычно встречающиеся парами или во множестве.

5. Стилистически не разграничивающиеся вариантные родовые формы могут иметь и существительные, не характеризую-

ющиеся таким специфическим признаком (преимущественным употреблением во множественном числе): *перифраз-перифраза, парафраз-парафраз, идиом-идиома, катаракт-катаракта, аневризм-аневризма, скирд-скирда*.¹⁶⁸

Что касается одушевленных существительных, таких, как *лебедь, выхухоль, глест, лось*, также относимых АГ-80 к вариантным родовым формам, они действительно имели в прошлом другие родовые варианты (род. п. *лебеди, лоси* и т.п.), но эти варианты сейчас не употребляются. Правильно будет относить их (за исключением *лебедь*, все еще употребляемого в обоих рода с различающимися формами косвенных падежей) к существительным мужского рода из разряда «внеполовых» названий животных, представленного существительными как мужского (*муравей, таракан*), так и женского рода (*стрекоза, лягушка*). Это общие названия животных, имеющие форму одного из родов, но по существу не дифференцирующих реальные значения пола. Ср. еще: *крокодил, бегемот, дельфин, кит, крыса, мышь, ящерица, акула, косуля, шакал* и др. Дифференциация по принадлежности к полу актуальна для большинства существительных, обозначающих домашних животных (*баран-овца, петух-курица, гусак — гусыня, козел-коза, бык-корова, осел-ослица* и т.д.), а также для названий некоторых диких животных, имеющих ярко выраженные внешние полоразличительные признаки: *лев — львица, волк — волчица, буйвол — буйволица*. Другие «внеполовые» названия-существительные мужского рода могут образовывать суффиксальные варианты женского рода (*медведица, орлица, крокодилиха, бегемотиха, слониха, зайчиха, ежиха, лосиха, оленуха, моржиха, страусиха, слониха*), хотя такое различие не так или не всегда существенно для говорящих, обычно ограничивающихся мужским родом. Существительные женского рода таких пар уже не имеют, хотя в просторечии

¹⁶⁸ Русская грамматика. В двух томах. Том 1, М., 1982, стр. 470–471.

иногда такие примеры встречаются: *обезьян*. Существительные *собака, лошадь, свинья, кошка* не являются парами к *пес, конь, кабан, кот*: это «внеполовые» названия женского рода, употребляемые обычно по отношению и к самцам, и к самкам, «общие названия» этих животных.

Биологический пол не выражают также «одушевленные» существительные, не относящиеся формально-грамматически ни к мужскому, ни к женскому роду; это существительные среднего рода *дитя, детище; существо; животное, божество, млекопитающее, земноводное, пернатое, парнокопытное, непарнокопытное. жвачное, позвоночное, беспозвоночное, брюхоногое, членистоногое, рукокрылое; насекомое, чудище, чудовище, идолище, страшилище* и др. Авторы «Краткой русской грамматики» относят если не все, то многие из них к одушевленным,¹⁶⁹ но грамматически это неодушевленные существительные: 1) они относятся к среднему роду; 2) у них совпадают формы именительного и винительного падежей, а не родительного и винительного, как это характерно для одушевленных существительных; 3) не все они на самом деле обозначают живое существо (*страшилище, чудовище, чудище, идолище*), или если и обозначают, то только «в общем», не конкретное существо (*насекомое, млекопитающее, животное*).

Единственным «внеполовым» существительным, обозначающим человека, является слово *труп*, которое грамматически также является неодушевленным.

§ 4.3. Род несклоняемых существительных

Если род склоняемых существительных мы можем определить, хоть с некоторыми затруднениями, по форме слова, то не-

¹⁶⁹ *Краткая русская грамматика. Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 1989, стр. 153.*

склоняемые существительные морфологически род не выражают, «не образуют падежных форм и стоят вне типов склонения, определенным образом связанных с родом». Единственный способ выражения рода у таких существительных — синтаксический (по формам согласуемых или координируемых слов: *Он купил **драповое пальто**; Он выехал на **Дмитровское шоссе**; **Миссисипи** — **одна из самых больших рек на американском континенте***). Но в предложении не всегда есть такие координируемые и согласуемые формы; в таких случаях род оказывается невыраженным вообще: *Он купил пальто; Он выехал на шоссе; Эти туристы приехали из Осло; У кенгуру задние ноги значительно длиннее передних*. Какого-то общего признака или критерия, которым можно было бы руководствоваться при определении родопринадлежности всех имен существительных, не существует. Для таких существительных род устанавливается на основе частных закономерностей и правил, характерных для отдельных групп слов.

1. Одна из основных групп несклоняемых существительных в русском языке — это неодушевленные нарицательные заимствованные существительные — в основном из французского языка (*кино, пари, колье, канapé, галифе, меню, сабо, рагу, рандеву, портмоне, интервью, антраша, антре, лье, бюро, авеню* и др.), а также из итальянского (*сальто, контраalto, локо, сальдо, сирокко, фиаско, фортепиано*), испанского (*пончо, карго, какао, сентимо, патио, ранчо, эмбарго, сомбреро, торнадо*), греческого (*сиртаки*), малайского (*саго, катеху*), японского (*кабуки, момме, каратэ*), китайского (*кунфу; ли* — мера площади, длины и веса соответственно 6 мг, 500 м, 30–40 г.), тамильского (*кули*), голландского (*кофе*) и т.д.¹⁷⁰ В основном такие существительные относят к среднему роду, но действующее

¹⁷⁰ Источники заимствований указаны по «Словарю иностранных слов» (изд. 19-е, М., 1989).

правило родоразличения не совпадает с тем, которое стало традиционным для школьной грамматики, согласно которой все подобные существительные относятся к среднему роду, кроме кофе.¹⁷¹ Таких исключений на самом деле значительно больше. Род некоторых несклоняемых неодушевленных существительных в русском языке определяется по ассоциации с существительными, обозначающими общее родовое понятие: *медресе* — ж. р. (школа), *мацони* — ж. р. (простокваша), *пенальти* — м. р. (удар), *салями* — ж. р. (колбаса), *бере* — ж. р. (груша), *авеню* — ж. р. (улица), *кольраби*, *брокколи* — ж. р. (капуста), *сирокко* — м. р. (ветер), *хинди*, *урду*, *пушту*, *кечуа*, *суахили* — м. р. (язык). Что касается *кофе*, его мужской род, как пишет Л. Л. Буланин, трудно мотивировать: объясняя принадлежность *кофе* к мужскому роду тем, что это «напиток», как мы объяснить, почему *какао* — среднего рода? Если мужской род *кофе* трудно *мотивировать*, его можно *объяснить*. Известно, что первоначально это слово в русском языке употреблялось в форме *кофий* с явно выраженным признаком мужского рода (налить *кофий* или *кофию*). «Кóфе, также кóфей (напр., у Л. Н. Толстого), впервые кóфий, 1724 г., Уст. морск.; ... Из англ. coffee или голл. koffie — то же (=kófi) ... Источником европейских слов является араб. qahwa».¹⁷² После того, как его звучание было приведено в соответствие с языком-источником (пришло из голландского при посредстве французского), родопринадлежность слова не была изменена, хотя, если бы это было сделано своевременно, мы не столкнулись бы с этой проблемой вообще. То, что утвержденные известным приказом Министерства образования и науки РФ № 195 от 08 июня 2009 г. «нововведения» в грамматические нормы русского языка коснулись и этого слова, можно

¹⁷¹ Другие авторы (Современный русский язык. Под ред. Н. М. Шанского. Л., 1988, стр. 259) добавляют сюда *салями* (ж. р.).

¹⁷² М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 2-е изд. стереот. — М.: Прогресс, 1986. — Т. 2, стр. 355.

понять, но вызывает недоумение то, что в соответствии с ними нормой считается отнесение этого слова и к мужскому, и к среднему роду. Свое мнение по этому поводу автор этого пособия уже высказывал, подытожив следующим: «Можно было бы только приветствовать, если бы рекомендовали употреблять слово только в среднем роде (*бразильское кофе*), но трудно согласиться с его отнесением к двум родам. И трудно поверить, что оба рода за *кофе* закрепили языковеды, входящие в Межведомственную комиссию. К какой же группе его в таком случае относят? В общем роде не может быть вещественного существительного, как, впрочем, вообще не может быть несклоняемых существительных. Двуродовыми несклоняемыми могут быть только имена собственные, причем не все, а только одушевленные (личные) типа *Остапенко, Гаприндашвили, Тосканини* и др. О вариантах родовых форм нельзя говорить ввиду отсутствия самих форм»,¹⁷³ а о двойственности родовой принадлежности не может быть речи потому, что при отсутствии форм одновременно отсутствуют семантические основания для предположения самой возможности такого выбора между двумя родами.

2. По общему родовому названию определяется род многих заимствованных музыкальных терминов: *до, ре, ми, фа, соль, ля, си* — женский род (нота; соль в этом ряду выделяется возможностью включения в число склоняемых); *адажио, аллегро, ларго* и др. — мужской род (музыкальный темп).

3. Несклоняемыми в русском языке являются названия букв (*а, бэ, вэ, гэ, дэ, жэ* и т. д.), относимые без исключения к среднему роду по общему правилу, согласно которому неодушевленные несклоняемые нарицательные существительные почти в полном объеме отнесены к среднему роду: *русское «бэ»*,

¹⁷³ А. И. Халидов. К вопросу о новой тенденции в нормировании русского языка (*бразильский кофе или бразильское кофе?*). — «Гуманитарные исследования». Журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2017, № 3 (63), стр. 49–50.

заглавное «а» и др.). Названия же звуков, которые также являются несклоняемыми, подчинены правилу «аналогии»: их родопринадлежность определяется по общему родовому слову «звук», следовательно, как мужской род: *глухой «т», заднеязычный «г», палатализованный «ч»* и т. д. Встречающиеся в разных источниках, особенно в выложенных в Интернете разъяснениях «экспертов», попытки причислить названия букв к словам с двойственной родовой принадлежностью (мужской и средний род) безосновательны хотя бы потому, что возможность отнесения их и к среднему роду ничем не объясняется.

4. Одушевленные неличные существительные (названия животных) в грамматиках и словарях обычно относят к мужскому роду: *пони, зебу, кенгуру, макао, какаду, фламинго, нанду, шимпанзе, гну*. Подобные заимствованные несклоняемые существительные — названия животных, птиц, насекомых употребляются в мужском роде обычно безотносительно к роду, называемое животное реально может быть и самцом, и самкой. Некоторые авторы делают при этом исключение для существительного *цеце*,¹⁷⁴ а для Л. Л. Буланина, например, исключений нет никаких.¹⁷⁵ Однако трудно согласиться с безоговорочным отношением к мужскому роду *шимпанзе* (обезьяна), *фламинго, колибри, какаду* (птица), поэтому не стоит удивляться, что у некоторых авторов исключение из общего правила не ограничивается словом *цеце*. С. И. Ожегов добавляет, например, к *цеце* еще одно исключение, отнеся *колибри* к мужскому и женскому роду одновременно,¹⁷⁶ т. е. считая это существительное двуродовым (не общего рода, как нередко их представляют в лингвистических обсуждениях). Такое правило следовало бы распростра-

¹⁷⁴ Современный русский литературный язык. Под ред. Н. М. Шанского. Л., 1989, стр. 259.

¹⁷⁵ Л. Л. Буланин. Указ. раб., стр. 45.

¹⁷⁶ С. И. Ожегов. Словарь русского языка. Изд. 14-е. М., 1982, стр. 251.

нить, однако, на **все** одушевленные неличные существительные. Морфологический род у них не выражен, поэтому нет оснований говорить об общем роде, подразумевающим общие признаки двух родов (мужского и женского) на обоих уровнях — и на семантическом, и на грамматическом. В семантическом плане мало оснований определять род таких существительных однозначно как (только) мужской (или даже как только женский в отношении *цеце*), так как обычно пол многих, во всяком случае, животных для говорящего не имеет значения, но необходимость его уточнения может возникнуть, и вот в этом случае род может быть выражен синтаксически в зависимости от того, о самце или самке идет речь: *Шимпанзе — крупная обезьяна; В клетке сидит крупный шимпанзе; Из клетки на нас смотрела огромная шимпанзе, кормившая своего детеныша*. Такие существительные, следовательно, правильно будет называть двуродовыми, способом определения родопринадлежности которых является семантический (дифференциация по полу), носящий нерегулярный характер и требующий своего синтаксического выражения.¹⁷⁷

5. Род одушевленных личных существительных определяется семантически, если в его основе лежит гендерное — по признаку пола — различие: *мисс, миссис, леди, фрау, фру, мадам* — женский род; *гидальго/идальго, кюре, кули* — мужской род. Что касается слов типа *визави, протезе, конферансье, атташе, рантье, портье*, все грамматики без исключения относят их к мужскому роду «безотносительно их принадлежности к тому или иному полу» (АГ-80), но совершенно очевидно, что они характеризуются двойственной родовой принадлежностью и этим отличаются от *идальго* и *кюре*. Выше мы рассма-

¹⁷⁷ «Русская грамматика» (том I, М., 1982, стр. 469) допускает в принципе двойственную родовую принадлежность таких слов, но все же относит их к мужскому роду «безотносительно их принадлежности к тому или иному полу».

тривали возможность их рассмотрения как существительных общего рода, но такая точка зрения не широко поддерживается. *Идальго* (или *гидальго*) — мелкопоместный рыцарь, дворянин в средневековой Испании, каковым мог быть только мужчина. *Кюре* — католический приходской священник в Европе, которым также может быть исключительно только мужчина. *Кули* — носильщик, грузчик, возчик, а также чернорабочий сначала в Индии, а затем и в некоторых других странах Индокитая; этим мог и может заниматься только мужчина. Другие слова этого ряда таких ограничений в употреблении не имеют и используются, хотя и не часто, как в значении мужского, так и в значении женского рода. Определить род таких существительных как общий нам мешает отсутствие у них *формальных* признаков (морфологического выражения), которые могли бы рассматриваться как общие для мужского и женского родов. Но синтаксическое выражение двойственной родовой принадлежности у таких слов вполне возможно: *Портье отдал ключи.* — *Портье отдала* ключи; *Атташе выслан* из страны пребывания. — *Атташе выслана* из страны пребывания; *Она* его протеже уже много лет. — *Он* его протеже уже много лет. Вряд ли поэтому есть смысл определять род этих существительных как мужской, не имея никаких выраженных (морфологически или даже синтаксически) признаков этого рода, тем более относя их при этом к существительным двойственной родовой принадлежности, как в АГ-80 (см ссылку выше). Таким образом, есть все основания считать большинство личных нарицательных одушевленных существительных, за исключением тех, которые однозначно определяют лицо женского (*мисс, миссис, леди, фрау, фру, мадам*) или мужского пола (*идальго, кюре*), к двуродовым.¹⁷⁸ Кроме заимствованных, сюда следует доба-

¹⁷⁸ АГ-80 таковыми считает только *визави, протеже (муж, и жен. р.)* и *инкогнито (муж. и ср. р.)*.

вить, видимо, и собственно русские сложносокращенные слова типа *завотделом, завлабораторией, завкафедрой, завполиклиникой, завскладом, завбазой, замдекана, управделами, помначальника*. Семантически одушевленное личное существительное *инкогнито*, также лишенное морфологического выражения рода, стоит выделить особо, хотя АГ-80 относит его к мужскому и среднему роду. Возможно, автор раздела В. А. Плотникова не обнаружила текстов с примерами употребления *инкогнито* для обозначения лиц женского пола, но вряд ли есть хоть какое-то существенное отличие в отношении к мужскому и женскому роду этого существительного и лексем *визави, протезе*. Трудно отрицать соответствие норме предложений типа «Эта женщина хотела остаться инкогнито». Употребляемое в одних случаях как наречие (*путешествовать инкогнито*), в других как существительное со значением «пребывание под вымышленным именем» (*Я предпочитаю инкогнито*) или «лицо, скрывающее свое настоящее имя» (*Ко мне обратился инкогнито*), это слово в силу предельной неконкретности своего значения по аналогии с конситуативно «одушевляемым» существительным *лицо* «человек» может быть употреблено и в значении среднего рода, но не существует ограничений для его употребления и в женском роде. Видимо, это один из редких примеров тройственной родовой принадлежности существительных.

7. Определение рода аббревиатур (инициальных и смешанных) в основном связано с выяснением рода стержневого слова — обычно склоняемого существительного, хотя в отдельных случаях стержневым может быть существительное несклоняемое (*БТИ* — бюро технической инвентаризации). По действующему общему правилу аббревиатура имеет тот же род, к какому принадлежит стержневое слово: ЧГУ — Чеченский государственный университет (м.р.); ООН — Организация Объединенных Наций (ж. рж); ТЭЦ — теплоэлектроцентраль (ж.р.), АСУ — автоматизированная система управления

(ж.р.), АГЗС — автогазозаправочная станция (ж.р.), АИС ПФР — автоматизированная информационная система Пенсионного фонда России (ж.р.), АКПП — автоматическая коробка переключения передач (ж.р.), АХО — административно-хозяйственный отдел (м.р.) и т.п. Однако в современном русском языке отступления от этого правила получают все более широкое распространение. В процессе употребления соотносительность с родом стержневого слова может быть утеряна. Она сохраняется обычно у таких слов, которые составлены из начальных букв (инициальные аббревиатуры), являющихся без исключения согласными: ВДНХ (ж.р.), РСФСР (ж.р.), СССР (м.р.), КНР (ж.р.), ТРК — телерадиокомпания (ж.р.), ПМ — пистолет Макарова (м.р.), ФБР — Федеральное бюро расследований США (ср. р.), АЦ — Аккредитационный центр (м.р.), АТС с двумя расшифровками — автоматическая телефонная станция (ж.р.); Арбитражный третейский суд (м.р.). В том случае, если одна из инициальных букв в аббревиатуре является гласной, существительные ведут себя двояко. Они могут быть приравнены к обычным существительным (не-аббревиатурам) с нулевой флексией в именительном падеже и отнесены к мужскому роду независимо от рода стержневого слова: *российский МИД* (ср. р.-м.р.; стержневое слово *министерство*), *элитарный вуз* (ср. р.-м.р.; стержневое слово *заведение*), *новый БРИЗ* (ср. р.-м.р.; стержневое слово *бюро*), *пресловутый нэп* (ж.р.-м.р.; стержневое слово *политика*), *забытый БАМ* (ж.р.-м.р.; стержневое слово *магистраль*), *грозненьский УКС* (ср. р.-м.р.; стержневое слово *управление*). Необходимое условие при этом — аббревиатура должна оканчиваться на согласную букву. Но это происходит не со всеми примерно 40 известными аббревиатурами такого типа. Такие, как ВАК, ЖЭК, НОТ, ТАСС, в одних случаях употребляются по роду стержневого слова, в других — как существительные мужского рода: *наша//наш ЖЭК*; *ВАК рассматрела//рассмотрел диссертацию*; *Необходима//необходим НОТ*;

ТАСС *уполномочено*//*уполномочен заявить*. Возможность переосмысления родопринадлежности таких существительных (с основой на согласные, но содержащих хотя бы одну инициальную гласную букву) явилась причиной того, что они стали склоняемыми существительными: *Загранпаспорта выдают в МИДе; Документы из ВАКа еще не пришли*. Аббревиатуры с начальными гласными могут вести себя так же двойко (*У него сильное ОРЗ. — У него сильный ОРЗ*), если из-за высокой частотности употребления они воспринимаются как обычные нарицательные существительные с нулевым окончанием в именительном падеже. Но редкие в употреблении или, наоборот, предельно широко употребляемые слова родопринадлежность по стержневому слову сохраняют: *ЭВТ — электронно-вычислительная техника; УБР — управление буровых работ, АСЦ — Авторизованный сервисный центр или Автоматизированный сортировочный центр; ЕРКЦ — Единый расчетно-кассовый центр*. По стержневому слову последовательно определяется род у аббревиатур с конечной согласной буквой (АСУ — автоматизированная система управления, РСУ — ремонтно-строительное управление, ТОО — товарищество с ограниченной ответственностью) и тем более у таких, которые составлены из одних гласных (ООО — общество с ограниченной ответственностью). При определении родопринадлежности аббревиатур инициального и смешанного типа с основой на гласные необходимо обращать внимание на то, какие именно гласные в них употреблены. Если это О или Э, то существительное, как правило, относят к среднему роду, даже если стержневое слово принадлежит к другому: ГорОНО (городской **отдел** народного образования), сельпо, РОНО (районный **отдел** народного образования), РОЭ (**реакция** оседания эритроцитов). При других гласных род обычно определяется по стержневому слову.

8. Род несклоняемых собственных имен-антропонимов (имен, фамилий) в целом не может быть определен иначе, как конституативно: говорящему (слушателю) должно быть известно, о лице какого пола идет речь. Это правило распространяется на фамилии, которые являются абсолютно несклоняемыми-ни, кому бы они не принадлежали — лицам мужского или женского пола. Таковы, например, грузинские и абхазские фамилии (*Джангишвили, Орбели, Ардотели. Орбелиани, Кипиани, Курдиани, Георгадзе, Чачба, Ардзинба, Авидзба*), итальянские (*Верди, Сальери, Модильяни, Черви*), румынско-молдавские (*Петреску, Ротару, Чаушеску*), японские (*Танаки, Ямамото, Судзуки, Сумидзу*), французские с основой на гласные (*Дефо, Влади, Тарле, Балли*), финские и эстонские с основой на гласные (*Калеви, Яхве, Таммсааре*) и т. д. Принадлежность фамилий с основой на согласные лицам мужского или женского пола в тексте можно определить по форме самих слов, если они употреблены в значениях косвенных падежей. Они склоняются, если принадлежат мужчине (*У Штернера был великолепный ужин*), и не склоняются, если речь идет о женщине (*У Штернер был великолепный ужин*). Род имен (не фамилий) определяют по смыслу, но во многих случаях на него указывает и форма слова в тексте. Обычно иноязычные мужские имена с основой на гласный (как правило, кроме **-а**) являются несклоняемыми (чеч. *Абу, Салавди, Шамо*; груз. *Гиви, Сандро*; фин. *Урхо, Калева, Эйно*; итал. *Джузеппе, Антонио*; англо-амер. уменьшительные *Тони, Бобби, Джимми*; и т. д.), а с основой на согласные и на **-а** склоняются (чеч. *Ваха, Рамзан*; англо-амер. *Джон, Джером*; испан. *Мигель*; груз. *Автандил*; и т. д.). Не склоняются иноязычные неславянские женские имена на гласный, кроме **-а**, и на согласный: чеч. *Марет, Асет, Кужани, Забу, Шипо, Ашати*; груз. *Тамар, Нани*; англо-амер. *Маргарет, Санди*; франц. *Бриджит, Мари*; и т. д. По признаку склоняемости-несклоняемости

личные имена и фамилии, таким образом, косвенно подлежат родоразличению — в контексте.

9. Определение рода других групп собственных имен (географических названий и хрематонимов — названий периодических изданий, машин, механизмов и т. д.) в основном подчинено правилу аналогии с родом нарицательного слова, по отношению к которому собственное имя является наименованием. Род подобных собственных имен совпадает с родом соответствующего нарицательного существительного: *Осло*, *Токио*, *Баку*, *Тбилиси*, *Поти*, *Хельсинки*, *Рио-де-Жанейро*, *Турку*, *Ровно*, *Тосно* — мужской род (город); *Миссисипи*, *Янцзы*, *По*, *Чу*, *Аксу*, *Хулхулау* — женский род (река); «*Таймс*», «*Унита*», «*Либертэ*» — женский род (газета); «*Рено*», «*Пежо*», «*Ауди*» — мужской род (автомобиль); «*Хитачи*», «*Сони*» — мужской род (телевизор; магнитофон; видеомагнитофон). Русские и славянские несклоняемые собственные имена — географические названия подчиняются этому правилу, но из-за частого совпадения названий разных населенных пунктов необходимо уточнение, о каком именно типе населенного пункта идет речь — о городе, селе, деревне, хуторе или поселке, и определять род по этим нарицательным существительным. Это касается и иноязычных географических названий на территории бывшего СССР, например, чеченских (*Автуры*, *Чишки*, *Гойты* и т. д.), которые необоснованно относят к склоняемым (см. § 3.2) и по этой причине, как якобы существительные множественного числа, не подвергаются многими их употребляющими родоразличению. В АГ-80 (стр. 470) отмечаются случаи, когда название города или местности, оканчивающееся на **-о**, **-е** или **-и**, употребляется в среднем роде: *это знаменитое Ровно; Барле стало убежищем для многих голландцев* (журн.);...*Одним концом — ночное Поти. Другим — светящийся Батум* (Б. Пастернак). Такие случаи действительно встречаются в речи, особенно в художественной (нередко в це-

лях соблюдения ритма и рифмы), но они не получили широкого распространения и вряд ли могут считаться нормой.

10. Особая группа несклоняемых существительных в русском языке — исконно русские фамилии на **-их/-ых** («застывшие формы род. п. мн. ч.») и на **-ово, -аго** («застывшие формы род. п. ед. ч.»),¹⁷⁹ а также распространенные в русской антропонимике фамилии украинского происхождения на **-ко**. В соответствии с литературной нормой эти фамилии не склоняются вообще — ни как мужские, ни как женские, поэтому способы родоразличения их — синтаксический (*Крученых избран председателем акционерного общества. — Крученых избрана председателем акционерного общества*) и конситуативный. Такие существительные раньше склонялись часто в разговорной речи, а иногда и в письменных текстах: существительные на **-их** и **-ко** воспринимались как имеющие морфологическое выражение рода (**-их** как мужской род с нулевым окончанием и твердой основой, **-ко** как показатель «среднего» рода), ср.: *вместе с Крученыхом; взял у Мильха; застать Устименку* (ж.р.) или *застать Устименка* (м.р.). Но эта тенденция постепенно сходит на нет.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Род как грамматическая несловоизменяемая категория имени существительного.
2. Система родовых форм в русском языке в представлении в традиционной учебной грамматике.
3. Основной принцип (признак) определения родовой принадлежности имен существительных в русском языке.
4. Род русского языка и классы в чеченском как сопоставимые грамматические категории.

¹⁷⁹ Русская грамматика. В двух томах. Том 1, М., 1982, стр. 506.

5. Вопрос о существительных общего рода в русской грамматике. Какие существительные, в случае его выделения в русском языке, можно включать в общий род, и какие нельзя? Доводы «за» и «против» выделения общего рода.
6. Определение рода несклоняемых имен существительных.
7. Родовые варианты и существительные с двойственной родовой принадлежностью в русском языке.

§ 5. Категория числа

§ 5.1. Количественность в языке и грамматическое число

Грамматическая категория числа — один из многих способов выражения общей языковой категории *количественности*, или *квантитативности* (от лат. quantum > немецк. Quant «сколько»), объединяющей различные способы и средства выражения количественной семантики в языке. Квантитативность — категория универсальная, в том или ином виде реализуемая во все языках. Количественная семантика может быть реализована в языке:

1) *лексически* — в виде специальной лексики (числительных) для номинации конкретных чисел (*один, десять, сто, миллион; одна целая две десятых*) или предметно-лично характеризуемых чисел (существительные типа *пара, тройка, пятерка, сотня, дюжина*), неопределенного количества (местоимения, местоименные наречия, частицы — *столько, сколько, много, мало, чуть*; существительные с обобщенно-количественной или неопределенно-количественной семантикой: *множество, большинство, меньшинство, половина, треть, уйма, пропасть, бездна, малость, мизер, минимум, максимум*), кратности (наречия типа *дважды, трижды, многожды, однократно, многократно*) или порядка при счете (количественные прилагательные,

или, в традиционной терминологии, порядковые числительные: *первый, второй, сотый, миллиардный*);

2) *грамматически* — через грамматическую категорию числа имен существительных и согласуемых или координируемых с ними других словоформных групп (прилагательных, глаголов и др.), основанную на морфологическом выражении единственного и множественного, а в некоторых языках также двойственного и тройственного числа;

3) *лексико-грамматически* — лексико-грамматическими разрядами, классами и группами лексем, для которых количественное значение является не основным, вторичным и т. д., например, глаголами различных способов действия — однократными/многократными, глаголами с дистрибутивным значением, так называемыми кумулятивными, и т. д. (*дергать* — *дернуть*, *ответить* — *отвечать*, *идти* — *пойти*, *говорить* — *поговорить*, *готовить* — *наготовить* и т. д.), собирательными существительными (*молодежь, профессура, листва, электорат*), наречно-обстоятельственными формами типа *долго, недолго, давно, недавно*.

Косвенными лексическими и лексико-синтаксическими способами выражения категории количественности являются лексемы и их сочетания, в которых предметы, действия, процессы, события характеризуются по объему, массе, длительности, протяженности и т. д., но не как «считаемые»: *большой, маленький, тяжелый, грузный, длинный, короткий, близкий, далекий, долгий, длительный*; *с ноготок, с (коломенскую) версту; до утра, всю ночь*; и т. д.

Из перечисленных универсальным является лексическое выражение количественности; системного грамматического и лексико-грамматического выражения категории количественности в отдельных языках может и не быть. Число как грамматическая категория существительного представляет собой оппозицию различных словоформ одних и тех же лексем,

основанную на противопоставлении общих грамматических значений единичности и множественности, получающих свое морфологическое выражение в основном в виде флексий, а также суффиксов и — иногда — супплетивных форм. В принципе эта оппозиция предполагает разграничение существительных (вернее: их форм) на основе счета, но на самом деле, «если рассматривать содержательную сторону словоформ русских существительных, выясняется, что некоторые из них вообще чужды идее счета»¹⁸⁰ (*молоко, сливки, листва, джунгли, потоки, футбол* и т. п.). В принципе число не является строго морфологической категорией с последовательным противопоставлением значений единичности/множественности ни в одном языке, поскольку сами обозначаемые понятия, независимо от того, на каком языке они выражены, объективно не связаны с идеей счета (*космос, Европа*, например, ни на одном языке не могут быть употреблены во множественном числе). С другой стороны, категория числа не обязательно является категорией бинарной, двучленной. Множественность, например, может быть представлена не только как любое количество, большее, чем один, но и дифференцировано — с выделением в отдельную группу форм двойственного и даже тройственного числа. В русском языке грамматическая категория числа не всегда была бинарной. В древнерусском языке она формировалась единственным, двойственным и множественным числами, например, *сын-сыны-сынове; дом-домы-домове*).¹⁸¹ Двойственное число было свойственно древним индоевропейским языкам, отмечается в современных эскимосских, самодийских, полинезийских и некоторых других языках. Более того, по наблюдениям Л. Леви-Брюля, в языках аборигенов Австралии, Папуа-Новой

¹⁸⁰ И. Г. Милославский. *Морфологические категории современного русского языка*. М., 1981, стр. 58.

¹⁸¹ Л. Леви-Брюль. *Первобытное мышление*. М., 1930, стр. 97.

Гвинеи, Меланезии, находившихся до последних десятилетий на крайне низком уровне материального, культурного и общественного развития, есть формы не только тройственного (не наблюдаемого ни в каких других языках), но даже четверного числа, реально мотивированного и имеющего последовательное морфологическое выражение. Тем не менее наиболее распространенным является двучленное, или бинарное, противопоставление форм единственного и множественного числа. Идеальной была бы система, в которой формам единственного числа соответствовала бы семантика единичности, множественного — семантика множественности, т.е. форма всегда была бы семантически мотивирована. Но такой идеальной системы нет ни в одном языке с двучленной категорией числа, а в некоторых, например, в русском, «категория числа имен существительных представляет сложный предметно-смысловый узел, в котором сплетаются разнообразные грамматические и лексико-семантические особенности существительных»: ¹⁸² «категория единственного числа является до некоторой степени категорией негативной, иногда даже как бы «нулевой», а «категория множественного числа...выступает как сильная, многозначительная категория». ¹⁸³ Во многих случаях форма единственного числа или безотносительна к идее счета (*молоко, бронза, смелость, белизна, коллективизм, борьба*), или имеет противоположное значение (*листва, студенчество, саранча*). В свою очередь формы множественного числа могут означать фактически один предмет (*ворота*, которые могут быть и одностворчатými; *часы, счеты, ясли, кальсоны* и т.д.), могут быть безотносительны к числу в изолированном виде и употребляться в обоих количественных значениях в одной и той же форме (*Прошли сутки. — Он спит сутки напролет. — Сутки*

¹⁸² В. В. Виноградов. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. М., 1972, стр. 125. 3.

¹⁸³ Там же, стр. 124.

прошли, а его все нет: Часы стоят. — Часы фирмы «Заря» пользуются большим спросом). Если исходить из реальных количественных значений, передаваемых соответствующими формами существительных, у нас, конечно, было бы мало оснований говорить о двучленной категории, противопоставляющей субстантивные словоформы по признаку «единичность/множественность». Но число как грамматическая категория — это в первую очередь противопоставление форм существительных как формально-грамматических вариантов одних и тех же слов, в которых обобщенные количественные значения единичности и множественности, в каком-то смысле абстрактные, условные, допускающие переходные случаи передачи неадекватной основному общему значению количественной семантики, получают грамматическое оформление в морфологически выражаемых и синтагматически выявляемых формах единственного и множественного числа. В реальности не все обозначаемые существительными понятия связаны с идеей счета, но число — категория имени существительного как части речи, а не отдельных лексем или их групп, поэтому оно охватывает практически все субстантивные лексемы, придавая условно мотивированную грамматическую семантику количественности и «несчетным» существительным. Об условности форм числа, особенно множественного, говорит и тот факт, что в разных языках один и тот же предмет, вещество могут быть обозначены некоррелятивными формами множественного или единственного числа: ср. немецк. и русск. *der Redel* — санки, салазки; *die Plackerei* — хлопоты; *die Bahre* — носилки; *der Backenbart* — бакенбарды; *das Baskobst* (сушеные) фрукты; *das Jedarm* — кишки; *das Jewasservody* (минеральные, сточные), *das Jeweih* — рога (олена). Вместе с тем в немецком есть существительные, употребляемые только во множественном числе, поэтому соответствие единственного числа русским формам множественного числа в немецком мы не можем объяснить отсутствием эквивалентов в последнем:

в немецком языке немало существительных *pluralia tantum*, таких, как *die Wehen* — (родовые) схватки; *die Trummer* — развалины; *die Siebensachen* — (пожитки), при этом некоррелятивным русским существительным в немецком могут соответствовать коррелятивные (ср. русск. *трясина* и немецк. *der Moor* — *die Moore* или *der Morast* — *die Moraste*; русск. *монтаж, сборка* — немецк. *die Montage* — *die Montagen*). Наконец, доказательством условности форм единственного и множественного числа можно считать возможность корреляции по числу таких чеченских существительных, семантические эквиваленты которых в русском имеют форму только множественного числа. Ср. русск. *ножницы* — чеч. *тукар*, мн. *тукари*; *брюки* — *хеча*, мн. *хечеш*; *сани* — *салаз*, мн. *салазаш*; *вилы* — *шада*, мн. *шодмаш*; *ворота* — *ков*, мн. *кевнаш*; *путы* — *буржал*, мн. *буржали*; *сени* — *уче*, мн. *учеш*; *чернила* — *шекъа*, мн. *шекъанаш*; и т. д. Хотя в чеченском некоррелятивность по числу существительных, в меньшей мере, чем в русском, тоже наблюдается: только множественное число имеют, например, существительные *дуйърац* «отруби», *гаьллаш* «удила», *куьзганаш* «очки», *йовхариш* «кашель»; только единственное — существительные *тIуо* «сметана», *тIо* «щебень, булыжник», *до* «ушная сера», *малх* «солнце».

Несовпадение содержательного и формального противопоставления по числу, следовательно, явление, свойственное не только русскому языку. С другой стороны, последовательное морфологическое выражение числа во всех языках, в которых оно сформировалось как грамматическая категория, позволяет носителям этих языков безошибочно определять принадлежность к одному из чисел любого склоняемого существительного, даже если его форма не совпадает с реальным количественным значением.

Категория числа в русском языке является иллюстрацией всей сложности и многообразия соотношений форм и семан-

тики единственного и множественного числа, которые только возможны в языке.

§ 5.2. Содержание и морфологическое выражение числа коррелятивных существительных

Имена существительные, коррелятивные по числу, делятся на две группы:

1) существительные, у которых формальное противопоставление единственного и множественного числа семантически мотивировано таким же противопоставлением значений единичности и множественности;

2) существительные, имеющие противопоставленные по числу формы с условной семантической мотивацией, не обязательно предполагающей реальное противопоставление значений единичности и множественности, основанное на дискретной количественности.

Без сомнения, семантически мотивированной является корреляция по числу имен существительных с предметно-личным значением, сама семантика которых предполагает «действительную противопоставленность единицы множеству одноименных единиц, образующих дискретный, прерывистый ряд»: ¹⁸⁴ *стол-стола, парта-парты, дерево-деревья, дом-дома, седло-седла, окно-окна, здание-здания; человек-люди, ученик-ученики, ученый-ученые; зверь-звери, комар-комары; и т. п.*

Условная семантическая мотивация корреляции по числу свойственна таким существительным, которые во множественном числе не означают дискретного ряда одноименных единиц, поскольку в единственном существительное имеет значение не единицы, а некоего целого, условно обозначенного как еди-

¹⁸⁴ В. И. Дегтярев. *Основы общей грамматики. Ростов н/Д, изд-во Рост. ун-та, 1973, стр. 118.*

ное, состоящее из недискретных частей. Или это понятия, которые не имеют предметного значения и не поддаются счету: *небо-небеса, боль-боли, мука-муки, власть-власти*. Приводимые в различных грамматиках пары типа *чай-чаи, вода-воды, вино-вина, страх-страхи, сталь-стали, бумага-бумаги* или вообще не являются коррелятивными (*вода-воды, вино-вина*), так как во множественном числе существительное имеет уже другое значение (например, *вина* — разные сорта вин, а не просто большое количество вина), или же корреляция оказывается возможной у существительных, употребленных не в основном, переносном значении. Например, существительное *бумага* в своем основном значении «материал для письма, а также для других целей, изготавливаемый из древесной или тряпичной массы» некоррелятивно, но во втором — «официальное письменное сообщение, документ, рукопись» — образует множественное число: *бумага-бумаги* (*Пришла бумага из центра. — Пришли бумаги из центра*).

Противопоставление единственного и множественного числа, следовательно, охватывает не все имена существительные, но это не значит, что остальные субстантивные лексемы стоят вне категории числа: «любая форма существительного обязательно относится к единственному или множественному числу»,¹⁸⁵ только не все могут иметь обе формы (см. § 5.3). Корреляция по числу в какой-то степени зависит от принадлежности существительных к тому или иному лексико-грамматическому разряду. Обе формы числа имеют нарицательные одушевленные личные и неличные существительные (*студент-студенты, невеста-невесты, покойник-покойники, ученый-ученые; волк-волки, таракан-тараканы*), хотя и здесь не обходится без исключений (*лиса* не имеет множественного числа; но есть пара *лис-лисы*). Предметные существительные также имеют

¹⁸⁵ Русская грамматика. В двух томах. Том I. М., 1982, стр. 471.

противопоставленные формы числа (*стол-стола, ковер-ковры, дерево-деревья, книга-книги* и т. п.). Сюда относятся и существительные с «условно-предметным» значением типа *просека-просеки, след-следы, проем-проемы, дыра-дыры, стрелка-стрелки, город-города, звук-звуки*. Конкретные вещественные существительные, т. е. те, которые обозначают не вещь, а вещество, употребляются только в одном числе (*бронза, гранит, мрамор, апидопирин, масло*), но в неосновных значениях, употребляемые, скажем, для обозначения сортов, видов веществ или изделий из этих веществ, они могут образовывать коррелирующую форму множественного числа (*французское вино — французские вина; смазочное масло — смазочные масла: уральский гранит — уральские граниты; китайский фарфор — китайские фарфоры*). Абстрактные существительные также характеризуются принадлежностью только к одному числу (обычно единственному, редко множественному: *происки, хлопоты, дебаты* и т. д.), но отдельные из них имеют формы обоих чисел, не становясь при этом предметно-конкретными, хотя некоторый оттенок условной предметности, без которого корреляция была бы невозможна, просматривается (*чувство-чувства, беда-беды, радость-радости, страх-страхи, упрек-упреки, обида-обиды, знание-знания, глупость-глупости, спор-споры, диспут-диспуты* и т. п.).

Говоря о морфологическом выражении категории числа, мы должны различать формовыражение, или формообозначение, и формообразование, так как флексии единственного и множественного числа функционально разнотипны.

В словоформах единственного числа флексии (в т. ч. и нулевые) выполняют функцию формообозначения, причем не только числа, но одновременно падежа и рода, как это и должно быть в языке, принадлежащем к флективному типу в структурной (морфологической) классификации: *человек-Ø* (им. п., ед. ч., м.р.), *человек-а* (род. п., ед. ч., м.р.), *человек-у* (дат. п., ед. ч.,

м.р.) и т. д. В описании и даже перечислении всех флексий, используемых в формах единственного числа разных падежей, нет необходимости, для представления о формальных признаках этого числа достаточно знать флексии «начальной» формы.

Нулевая флексия является признаком существительных, относящихся к разным лексико-грамматическим разрядам и характеризующимся разной родовой принадлежностью. Под нулевой флексией при этом понимается не отсутствие вообще окончаний. С точки зрения В. Хааса, на которого ссылается И. П. Иванова, «постоянное, закрепленное отсутствие морфемы... не может рассматриваться как нулевая морфема, ибо нуль не может создавать собственный ряд; он может только функционировать при определенных условиях, в реально существующем ряду».¹⁸⁶ Поэтому не может быть и речи о нулевой морфеме в неизменяемых словах, в частности в несклоняемых существительных (*сальто, пальто, шоссе, Дюма, рагу, интервью, сациви* и др.). «Нуль... просто создает некую искусственную симметрию; получается нечто вроде нарисованных на глухой стене окон, ради симметрии с той частью дома, где есть настоящие окна».¹⁸⁷

Нулевую флексию в именительном падеже единственного числа имеют существительные мужского рода с парно-твердой основой (*дом-Ø, стол-Ø, стук-Ø, звон-Ø, сегмент-Ø*), парно-мягкой (*звер'-Ø, корол'-Ø, июл'-Ø, пут'-Ø, камен'-Ø*), непарно-твердой (*морж-Ø, истец-Ø, душ-Ø*) и непарно-мягкой основой (*товарищ-Ø, луч-Ø, зной-о, санаторий-Ø*). Нулевая флексия — признак существительных 3 склонения (в нашей классификации — 3-его подтипа субстантивного склонения), к которому относятся существительные женского рода с парно-мягкой ос-

¹⁸⁶ И. П. Иванова. Морфемный статус нулевой морфемы. — В кн.: *Philologica*. Л., 1973, стр. 165–166.

¹⁸⁷ Там же, стр. 166.

новой (*мат'-∅, лен-∅, кров'-∅, проруб'-∅, глупост'-∅, завод'-∅*), непарной твердой (*рож-∅, мыш-∅*; знак Ъ употребляется в таких словах для обозначения не мягкости, а принадлежности к женскому роду: *рожь, мышь*) и непарно-мягкой основой (*ноч-∅, вещь-∅. помощ-∅*: знаком Ъ в таких словах также обозначается не мягкость, а род существительных).

Окончание **-а** (орфографически и **-я**) в единственном числе (им. п.) является признаком всех существительных общего рода (*коллег-а, старост-а, забияк-а, мямл'-а, размазн'-а*), существительных женского рода с ненулевой флексией (*мам-а, парт-а, выдр-а, нян'-а, дын'-а, Екатерин-а, Ол'-а, иллюстраций-а*), существительных мужского рода с ненулевой флексией — нарицательных личных одушевленных (*юнош-а, воевод-а, дяд'-а*) или собственных имен-антропонимов (*Слав-а, Иуд-а, Сен'-а, Вит'-а*). Изменяемые существительные среднего рода легко узнаются по окончаниям **-о** и **-е** (*окн-о, золот-о, чудовищ-е, мор -е, желаниж-е*), но незначительная их часть имеет окончание **-а** после мягкого согласного: это существительное *дитя* (*дит'-а*) и лексемы на **-мя** (*врем'-а, брем'-а, плам'-а* и т. д., всего 10).

Единственное число является исходной формой для образования множественного числа имен существительных, следовательно, при образовании «числовой» пары мы переходим уже к уровню формообразования. Во множественном числе родовые различия между существительными стираются, поэтому приводимые ниже средства формального выражения (и образования) множественного числа являются в принципе общими для существительных разных родов.

Наиболее распространенная флексия множественного числа — это окончание **-и** (после парно-твердых основ и после Ц — **-ы**): *книг-и, девочек-и, стол-ы, стен-ы, парт-ы*. При образовании множественного числа от основ с парно-твердой заднеязычной согласной (*книг-а, девочек-а, прорех-а, звук-∅, вздох-∅*) оконча-

ние **-и** смягчает основу и приводит к чередованию твердого/мягкого согласного (*книг'-и, девочек'-и, прорех'-и, звук'-и, вздох'-и*); непарные твердые не смягчаются, тем не менее они (кроме слов с основой на Ц) получают во множественном числе окончание **-и** вместо характерного для твердых основ окончания **-ы** (*душ-и, морж-и*; но: *паяц-ы, знаменосц-ы*). При образовании множественного числа ударение может быть неподвижным (*дЕвочк-а и дЕвочк'-и, мУк-а и мУк'-и, плАн-Ø и плАны*) и может быть перенесено на флексию (*стОл-Ø и стол-Ы, дуб-Ø и дуб-Ы, час-Ø и час-Ы, дым-Ø и дым-Ы, замОк-Ø и замк-И, грош-Ø и грош-И*). Ударение на флексию множественного числа переносится обычно у таких существительных, у которых исходная форма является односложной (*дуб-ы, стол-ы, двор-ы*) или если в этой форме ударение падает на последний слог (*замок-о и замк'-и*).

Окончание **-а** (орфографически и **-я**) характерно для образования множественного числа от существительных с нулевой флексией в единственном числе и обычно сопровождается переносом ударения на флексию: *дом* и *дом-а*, *луг* и *луг-А*, *окорок* и *окорок-А*, *рукав* и *рукав-А*, *друг* и *друг'-А*. Это единственное окончание множественного числа существительных среднего рода вне зависимости от места ударения: *пятн-о* и *пЯтн-а*, *долот-О* и *долОт-а*, *веретен-о* и *веретен-А*, *предплечь-е* и *предплечь-я*, *чудОвищ-е* и *чудОвищ-а*, *окн-О* и *Окн-а*, *мор'-е* и *мор'-А* и т. д.

Образование множественного числа часто сопровождается (кроме отмеченной акцентной мены — переноса ударения) различными морфологическими явлениями, связанными с возникающими при присоединении флексий к исходным основам трудностями или влиянием акцентной мены, часто приводящей к явлению беглости гласных. Этим обуславливается частое использование при образовании множественного числа так называемых «наращений» (*знам'-ён-а, мат'-ер'-и, неб'-ес-а*) и ин-

фикса *j*, смягчающего предшествующий согласный исходной основы (*друг-Ø* и *друг'-j-а*; *повод-Ø* и *повод'-j-а*; *князь-Ø* и *князь'-j-а*, *зят'-Ø* и *зят'-j-а*, *сват-Ø* и *сват'-j-а*, *брат-Ø* и *брат'-j-а*, *стул-Ø* и *стул'-j-а*, *колос-Ø* и *колос'-j-а*). Отдельные существительные образуют множественное число с параллельным флексии чередованием суффиксов: *хозянин-Ø* и *хозя-j-ев-а*, *жереб'-онок-Ø* и *жереб'-ат-а*, *черт'-онок-Ø* и *черт'-енят-а*. Существительные, оканчивающиеся на *-j* (*-ej, -иj*), обычно образуются простым присоединением окончания *-и* (*чародей-Ø* и *чародей-и*, *санатори j-Ø* и *санатори j-и*), но в отдельных словах помимо флексии используется замена суффикса на инфикс *-j* (*вороб'-ej* и *вороб'-j-И*). Впрочем, с точки зрения исторической морфологии и фонетики это чередование *-ej-//j-* (*вороб'-ej* и — при присоединении ударной флексии *-и* — выпадение предударного *-е* в суффиксе перед ударным гласным: *вороб'-j-и*).

Кроме приведенных нами распространенных средств выражения множественного числа в русском языке известны формы на *-е* у одушевленных существительных мужского рода с суффиксом *-ин* в единственном числе; суффикс *-ин* при образовании множественного числа «выпадает»: *славянин* — *славян-е*, *гражданин* и *граждан-е*, *армянин* и *армян-е*, *крестьянин* и *крестьян-е*, *англичанин* и *англичан-е*. В словах с односложным корнем (не на *-анин*) суффикс *-ин* сохраняется, но множественное число образуется уже не флексией *-е*, а флексией *-ы*: *осетин-ы*, *грузин-ы*, *мордвин-ы*. В словах с двусложными корнями суффикс *-ин* обычно, но не обязательно всегда «выпадает», но используется также окончание *-ы*: *болгарин* и *болгары*, *татарин* и *татар-ы* (ср.: *молдаванин* — *молдаване*).

Наличие суффикса *-ин-* может указывать, если он содержится в существительном, образованном от основы с вещественным или собирательным значением, на принадлежность имени существительного к так называемым сингулятивам. Это такие существительные, которые позволяют выделить при необходи-

мости составные части как единичные из совокупности однородных, обозначенной в единственном числе. Сюда относятся такие слова, как *горошина, градина, бусина, льдина, клюквина, лыжина, мармеладина, можжевелина, соломина, штaketина*. Выражаемое суффиксом словообразовательное значение здесь — «одна мельчайшая, предельная часть чего-либо, далее неделимого». И производящая основа, и дериват имеют форму единственного числа, но они различаются тем, что первая, как правило, принадлежит к некоррелятивным существительным *singularia tantum* со значением неопределенной количественности, если существительное вещественное, или обобщенного множества, если это собирательное существительное, тогда как у деривата форма единственного числа соответствует значению единичности. Сингулятивы образуются и с помощью суффикса *-инк-* (*икринка, волосинка, крупинка, ворсинка, дождинка, песчинка, пылинка, пушинка, тростинка*), в этом случае обозначенное выше словообразовательное значение осложняется значением уменьшительности. Сингулятивное значение и значение уменьшительности совмещают в себе и вещественные существительные, образованные с помощью суффикса *-к-* от определенных непроемных вещественных существительных (*ватка, железка, ириска, мармеладка*), так и производных — сингулятивов с суффиксом *-ин-* (*горошинка, градинка, бусинка, льдинка, мармеладинка, можжевелинка, соломинка*). Подобные существительные, если не как правило, то довольно большое их число, изменяются по числам и сочетаются с количественными числительными (*льдина — льдины, горошина — две горошины, пять горошин; ириска — три ириски, горсть ирисок; несколько бусин, две бусины, семь штaketин, одна железка, три крупинки*). Образованию множественного числа от сингулятивных вещественных существительных может препятствовать значение: некоторые подобные существительные обозначают вещества, выделение составных частей ко-

торых физически невозможно или крайне затруднено: *пылинка, дождинка*, например.

Особый способ образования множественного числа — супплетивный: *человек-люди, ребенок-дети*. В обеих формах флексии выполняют функцию формообозначения, формообразующими являются корни словоформ множественного числа. Супплетивный способ широкого распространения не получил ни в образовании множественного числа, ни вообще в русском словоизменении, при этом некоторые формы исторически соотносятся не с теми словами, с которыми они вступают в грамматическую корреляцию. Например, *дети* первоначально — форма множественного числа от *дитя*.

У отдельных слов, по мнению В.В. Виноградова, «оказываются двойные формы множественного числа, различающиеся значениями, например: *хлеб: хлебы-хлеба; зуб: зубы-зубья; крюк: крюки-крючья; лист: листы-листья; корень: корни-коренья; камень: камни-каменья; колено: колени-колена; мех: меха* (ср. *мехи*)...».¹⁸⁸ Отсутствие каких-либо оговорок и других объяснений говорит о том, что В.В. Виноградов считает «двойные формы множественного числа» производными от одной и той же словоформы. Однако ни в одном из приведенных примеров нет совпадения значений обеих форм с исходной, так как все исходные формы — многозначные слова. Поэтому на самом деле здесь представлены параллельные пары словоформ единственного и множественного числа, различающихся значениями: *хлеб-хлебы, хлеб-хлеба; зуб-зубы, зуб-зубья; крюк-крюки, крюк-крючья* и т.д. Вместе с тем, необходимо предостеречь от смешения таких примеров с омонимичными и в единственном, и во множественном числе парами типа *повод-поводы* и *повод-поводья*.¹⁸⁹

¹⁸⁸ В.В. Виноградов. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. М., 1972, стр. 129.

¹⁸⁹ См.: О. С. Ахманова. *Словарь омонимов русского языка*. Изд. 3-е, М., 1986, стр. 229.

Формообразование и формообозначение в плане образования и выражения не только форм числа, но и рода и падежа у так называемых «субстантивированных прилагательных», или «адъективных существительных» (*больной, раненый, учительская, мороженое*), не отличается от тех адъективных словоформ (прилагательных и — редко — причастий), которые подверглись субстантивации. Разница только в том, что прилагательные и причастия имеют систему трех родов в единственном числе, поскольку для них род является категорией словоизменительной (*больной-больная-больное*), а существительное — только ту, в которой эти слова субстантивировались (только *больной*: только *мороженое*; только *парикмахерская*).

Система окончаний, используемых в некоррелятивных словоформах множественного числа, такая же, что у коррелятивных существительных (*уз-ы, дебр-и, ворот-а, недр-а, хлопья*), но они не могут рассматриваться как формообразующие, тем более — как словоизменительные, поскольку в языке нет исходных коррелятов единственного числа: следовательно, они должны характеризоваться только как формообозначающие.

§ 5.3. Некоррелятивные формы числа существительных: *singularia tantum* и *pluralia tantum*

§ 5.3.1. Нерегулярность числового противопоставления как следствие утраты двойственного числа

В древнерусском языке число существительных наряду с родом и падежом было универсальной категорией и охватывало все словоформы этой части речи в полном объеме. «Категория числа существительных в древнерусском языке в значительной степени сохраняла «предметную» соотнесенность — связь с указанием на единичный предмет, на пару или большее число предметов, что оформлялось (в плане выражения) слово-

изменительными аффиксами — внешними флексиями».¹⁹⁰ «Регулярность числовых противопоставлений как функция словоизменения существительных в древнерусском языке проявлялась в возможности образования форм числа именами с отвлеченным, вещественным или собирательным значением...»,¹⁹¹ причем это было противопоставление не двух, а трех чисел — единственного, двойственного и множественного. Постепенно двойственное число было утрачено (сначала в живой — диалектной и разговорной — речи, затем в деловых текстах и, наконец, к XIX веку и в книжно-письменной речи), а его утрата привела к изменению категориальных грамматических значений, лежащих в основе категории числа, опирающейся уже на представления о реальном числе предметов (в отличие от древнерусского). Одним из последствий утраты двойственного числа явилось формирование категории слов *singularia tantum* и *pluralia tantum*. Формирование второй группы первоначально было, видимо, связано с тем, что отдельные предметы, вещества и т. д. не могли быть названы в единственном числе — или потому, что они являются парными, или по той причине, что представляют собой неисчисляемую совокупность более мелких предметов — частиц. Поэтому язык ограничился их номинацией во множественном числе. С другой стороны, переход на новый принцип соотношения категориальных грамматических значений числа, строящихся на представлении о реальном количестве предметов, уже не позволял «считать» понятия, обозначаемые абстрактными, собирательными и другими существительными. В результате число перестало быть универсальной категорией существительного в смысле охвата

¹⁹⁰ К. В. Горшкова. Г. А. Хабургаев. *Историческая грамматика русского языка*. М., 1981, стр. 139.

¹⁹¹ Там же.

словоформ этой части речи во всем их объеме как изменяемых по числу — числовых коррелятов.

О том, что русские имена существительные не уникальны в проявляющемся у них свойстве нерегулярности числового противопоставления, говорит тот факт, что *singularia tantum* и *pluralia tantum* отмечаются практически во всех языках с бинарной грамматической категорией числа, основанной на представлениях о реальном количестве предметов. Внепарность по числу получила широкое распространение, например, в немецком: Г. Хельбиг и Й. Буша в своей «Немецкой грамматике» выделяют различные семантические группы *singularia* и *pluralia tantum*, многие из которых совпадают с русскими.¹⁹² Соответствия многим из них мы находим и в чеченском языке. Знаменательно, что группа *singularia tantum* во всех трех языках представлена в основном собственными именами и абстрактными существительными. Вместе с тем есть и факты, свидетельствующие о том, что принадлежность к *singularia tantum* отдельных разрядов существительных связана с особенностями грамматического строя конкретного языка, а не с невозможностью их употребления в том или ином числе в принципе. Так, к *singularia tantum* в русском и немецком языках относятся собирательные существительные (в немецком *Zusammennamen*); в чеченском коррелятивные существительные единственного числа могут употребляться в собирательном значении (например, *Га довжча хаа аду: гуййре схьакхавчна яьлла* «Листва когда опадет, должно быть ясно: осень наступила»). Но практически все русские и немецкие собирательные существительные в чеченском имеют соответствия во множественном числе, которые в свою очередь имеют, как правило, корреляты единственного числа.

¹⁹² G. Helbig, J. Buscha. *Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Leipzig, 1986, S. 276–279, 279–280.

§ 5.3.2. *Существительные singularia tantum*

К группе *singularia tantum* (от лат. *singularia* «единственный; единственное число» и *tantum* «только») мы относим такие существительные, которые с чисто формальной точки зрения могут иметь и окончания множественного числа, но фактически не образуют эту форму — или потому, что семантика слова допускает его употребление только в одном числе (это, например, собирательные существительные единственного числа, наименования стран, континентов, городов и др.), или по той причине, что обозначаемые понятия и предметы по смыслу несчетные и могут быть оформлены только в одном числе — или единственном, или множественном, причем реального «числового» содержания не имеют ни та, ни другая формы.

Среди существительных *singularia tantum* в первую очередь следует выделить те, которые представлены отдельными лексико-грамматическими разрядами существительных во всем (или почти во всем) их объеме. Это существительные, семантика которых обуславливает их употребление преимущественно только в единственном числе. Здесь можно привести следующие:

1. *Абстрактные (отвлеченные) существительные*, большинство из которых относится к группе и *singularia tantum* только незначительная часть — к *plularia tantum*. Обозначаемые ими понятия в силу своей отвлеченности являются несчетными и передаются в основном только в форме единственного числа: *смелость, храбрость; ходьба, косьба, бег, бегство; гибель, болезнь; треск, тишь; дешевизна, белизна, доброта, спокойствие, мужество; седина; лепет, беготня; опасение, недоумение*; и т. д. Сюда следует включить и такие отвлеченные существительные, которые обозначают отрасли науки, учебные дисциплины и т. д., — слова, которые обычно не приводятся в грамматике, но их принадлежность к *singularia tantum* не вызывает

сомнений: *астрономия, языкознание, физика, природоведение, черчение, космическая инженерия, логика* и т. д. Некоторые существительные, обозначающие отвлеченные понятия, в основном с суффиксом **-ость-** (*радость, глупость, неожиданность, строгость, нелепость, странность, колкость; беда, мысль, чувство*) регулярно употребляются в конкретном значении, ставшем для них неосновным, и в этом значении имеют числовые корреляты. Например, существительное *строгость* имеет два значения: 1. Высокая требовательность, взыскательность. 2. Строгая мера, строгое правило. В первом значении существительное внепарное — *singularia tantum*; во втором употребляется в обоих числах, причем чаще во множественном: *Новый начальник ввел всякие строгости*. Существительное *мысль* в значении «способность рассуждать, представляющая собой процесс отражения действительности в представлениях, суждениях, понятиях» — *singularia tantum*, а в значениях «то, что появилось в результате размышления», или «то, что заполняет сознание, дума», употребляется и во множественном числе: *У меня появилась интересная мысль. — Интересные мысли приходят в голову часто; Мысль о предстоящем отчете не давала ему покоя. — Мысли о будущем заполнили его сознание*. Отдельные абстрактные существительные могут быть употреблены в речи не просто в конкретном значении, но в значении одушевленном, в результате чего они или становятся парными: *Борис — это талант! — Растить таланты не так-то просто*; или переходят в разряд *pluralia tantum*: *Лучшие умы человечества бились над этой задачей*.

2. Собирательные существительные, мотивированные существительными (*студенчество, крестьянство, офицерство, профессура, военщина, деревенщина, детвора, мошкара, воронье, кулачье, тряпье, братва, листва, березняк, ивняк, пролетариат, старостат* и др.), прилагательными (*беднота, мелкота, родня, голытьба, молодежь, дичь, зелень, мелочь, чернь* и др.),

а также некоторые мотивированные (*ботва, хвоя*), образованные суффиксами именно с этим (собирательным) словообразовательным значением. Значение множественности, таким образом, является элементом их лексического значения, поэтому их употребление в форме множественного числа не имело бы смысла. Собирательная множественность — представление некоторого неопределенного (и обычно большого) количества лиц, живых существ и предметов как совокупности, единого целого, а выражено это значение в форме единственного числа. В итоге собирательные существительные совмещают в себе словообразовательное (а значит, лексическое) значение совокупного множества и грамматическое значение единичности. Для собирательных существительных образование множественного числа в принципе не характерно, хотя в разговорной и художественной речи такие примеры встречаются (типа...*всеми артиллериями гонимая цитадель* у В. Маяковского; *Берега реки заросли ивняками и березняками*; и т. д.). Но некоторые словообразовательные типы не допускают даже окказионального употребления во множественном числе — это существительные на *-ё* (*старьё, тряпьё, кулачьё*) или на *-ва* (*листва, братва*) с ударной флексией.

3. *Большинство собственных имен*, главным образом антропонимов и географических и административно-политических названий, начиная от континентов, названия космических объектов, относится к *singularia tantum*. Антропонимы — собственные имена особые, являющиеся индивидуальными наименованиями лиц или кличками животных и — реже — людей. Хотя реально носителями каждого имени или клички может быть множество разных людей или животных (вспомним самые распространенные имена и клички: *Иван, Петр, Алексей; Жучка; Машка* и т. д.), их носитель каждый в отдельности является индивидуумом, который не может быть представлен как один из множества точно таких же. Поэтому основная фор-

ма номинации таких имен — единственное число; номинация их во множественном числе с полным сохранением значения невозможна. Употребление же антропонимов во множественном числе переводит их, как правило, в разряд нарицательных (*плюшкины, собакевичи, чацкие, рахметовы* и т. д.). Исключением могут быть фамилии, мотивированные основами множественного числа, типа *Черных* (см. *pluralia tantum*). Другие собственные имена — географические названия, космонимы, частично хремотонимы — также в основном сосредоточены в группе *singularia tantum* (*Москва, Рим, Аргун, Волга, Терек, Машук, Венера, Марс, Большая Медведица, автомобиль «Волга», газета «Труд»* и т. д.).

Остальные семантические группы существительных *singularia tantum* представлены лексемами, обозначающими предметы, вещества и понятия, которые или вообще не определяются количественно, или поддаются измерению, но не счету. Они могут быть оформлены только в одном числе — или в единственном, или во множественном, так как их лексические значения препятствуют выражению отношения «единичность-множественность».

4. *Вещественные существительные, называющие жидкие, сыпучие вещества и вообще вещества*, составляющие однородную массу, которые могут быть взвешены или обмерены, но не поддаются счету: *вода, вино, молоко, кефир, простокваша, сметана, масло, творог, крупа, мука, рис, вермишель, пшено, сено, солома, соль, шерсть, чугун, сталь, золото, серебро* и т. д., а также названия трав и огородных культур: *щавель, сельдерей, укроп, петрушка, пырей, осока, суданка*. В эту группу входят и названия лекарств: *анальгин, амидопирин, аспирин, норсульфазол, пенталгин* и др. Вещественными существительными *singularia tantum* являются все названия элементов периодической системы Менделеева и химических соединений, сплавов и т. д. (*олово, ртуть, никель, хлор, натрий, молибден, водород,*

сера и др.), существительные с суффиксом **-ин-**, обозначающие мясо названных производящей основой животных (*баранина, говядина, оленина, курятина, осетрина, зайчатина, крольчатина* и др.) или мясопродукты (*буженина, строганина*), существительные — названия ягод с суффиксами **-ошк-** (*морошка*), **-их-** (*облепиха*), **-ик-** (*черника, клубника, ежевика*), **-ин-** (*малина, смородина*), **-ов/ник-** (*крыжовник*) и т. п. И, наконец, эту группу составляют производные от вещественных существительных слова с суффиксом **-ин-** со значением «отдельный единичный предмет, обособленный от группы, массы, вещества» (*горошина, картофелина*) и с суффиксом **-инк-** с уменьшительным значением (*дробинка, дождинка, пылинка, крупинка, соринка, чаинка* и др.), которые однозначно к *singularia tantum* относить вряд ли можно: они характеризуются тем, что не исключено их употребление со счетными словами (*две дробинки, несколько чаинок, дюжина горошин*), однако вне такого сочетания во множественном числе они практически не употребляются.

5. *Вещественные существительные с собирательным значением*, обозначающие совокупность разнородных предметов, представляют собой отдельную группу *singularia tantum*, так как в строгом смысле они вряд ли могут быть отнесены к разряду собирательных, подразумевающих совокупность предметов или лиц однородных. Это такие существительные, как *мусор, хлам, сор, скраб, утварь, инвентарь* и др.

6. *Существительные, обозначающие различные обряды, традиции, праздники, знаменательные даты и т. д.*: *масленица, рождество, ураза, байрам, пасха, Первомай*.

7. *Существительные, обозначающие различные игры, виды спорта и т. д.*: *лапта, покер, футбол, хоккей, баскетбол, теннис* и др.

8. Некоторые существительные, обозначающие атмосферные и природные явления, также являются внепарными по чис-

лу и употребляются только в единственном числе: *пурга, град, изморось, полнолуние, новолуние*.

Среди перечисленных семантических групп *singularia tantum* практически нет ни одной, «представители» которой не могли бы употребляться во множественном числе вообще. Речь идет о том, что они являются внепарными по числу в своих основных словарных значениях и в рамках нейтрального стиля речи. Употребление этих существительных (вернее: отдельных лексем в составе выделенных групп) во множественном числе становится возможным только в том случае, если модифицируется или изменяется лексическое значение, или тогда, когда не соответствующая норме форма числа является экспрессивным и (или) стилистическим средством. Собственные имена могут быть употреблены во множественном числе, не переходя при этом в нарицательные, если они употребляются в значении «некоторая совокупность лиц, имеющих данное общее для них имя (фамилию), состоящих или не состоящих в родстве»: **Петровы** (семья) *приглашают к себе на ужин; У Вайнеров* (братьев) *скоро появится новый роман; Ивановы* в нашем классе (группа учащихся с этим именем) *всегда держатся вместе; В истории России Островские* (разные люди — деятели культуры с этой фамилией) *всегда играли выдающуюся роль*. Переход в разряд нарицательных происходит в том случае, если общим признаком является не имя или фамилия, общие для некоторого количества людей, а какое-то свойство, качество, которым обладает некое известное лицо с этим именем и которое распространяется на других людей (*фамусовы, рахметовы, чичиковы, хлестаковы, гобсеки*). Употребление во множественном числе собственных имен — хремотонимов сопровождается лишь частичной модификацией значения: *На Горьковском автозаводе поставлена на конвейер новая «Волга»* (модификация, марка). — «Волги» *уже не пользуются таким спросом, как год назад* (автомобили с такой маркой). Но следует учесть, что хремотонимы

не все грамматики и лексикологи включают в разряд собственных имен.

Отвлеченные существительные, относимые нами к *singularia tantum*, могут быть употреблены и во множественном числе — не в первом, основном своем значении. В основном (но не все) это лексемы, называющие проявления различных качеств, свойств, эмоциональных состояний: *Его возможности неограниченны; В глубинах моря много затонувших кораблей; Надоели его телячьи нежности; В его жизни были и радости, и печали; В конце двадцатого века скорости уже другие*. Употребленные в конкретно-предметном значении отвлеченные существительные, для которых это значение является вторичным, также составляют пары: *Его труд, посвященный новым методам организации производства, был высоко оценен специалистами. — Его труды изданы на всех европейских языках; Работа выполнена в Институте кибернетики. — Все работы выполнены в Институте кибернетики*. Абстрактные существительные, употребленные в конкретно-личном значении, могут быть парными (*Магомед — несомненный талант. — В нашей школе одни таланты*), но чаще всего они переходят в группу *pluralia tantum* (лучшие *умы* человечества; утечка *мозгов* из страны). Вещественные существительные могут употребляться во множественном числе, если обозначают виды, типы или сорта называемых ими веществ: *десертное вино — десертные вина; растительное масло — растительные масла; минеральная вода — минеральные воды; легированная сталь — легированные стали*; и т. д. Формы единственного и множественного числа в этих парах лексически неоднозначны: в единственном числе значения сорта, вида у самого существительного нет — оно поддерживается определяющим словом и без сочетания с ним не выражено; во множественном это значение заложено в слове и не зависит от определяющего слова (*Вина из Шампани осо-*

бенно хороши) — определяющая словоформа только конкретизирует сортное значение.

Говоря о существительных *singularia tantum* в целом, В. А. Плотникова совершенно справедливо отмечает, что «отсутствие форм мн.ч. у существительных *singularia tantum* не означает невозможности образования у них формы со значением и внешними признаками мн.ч.» и что «слова *singularia tantum* могут быть определены как существительные потенциально полной парадигмой (ед. и мн.ч.), но у них нормально употребляются только формы ед.ч.».¹⁹³ Это утверждение справедливо по отношению к именам собственным, отвлеченным и вещественным существительным, но вряд ли имеет отношение к остальным четырём группам из перечисленных нами выше восьми (5–8 группы). Существительные типа *ураза, рождество, хоккей, лапта, мусор, скарб, пурга* множественного числа не образуют вообще, никогда не встречаются в виде *уразы, мусоры, пурги* и т.д. (если не считать отдельных примеров жаргонного словоупотребления, таких, как воровское словечко *мусора*). Определяя семантические группы *singularia tantum*, мы не выделили в отдельные группы случаи числовой некоррелятивности, иллюстрируемые одним или несколькими словами, или отдельными лексемами, не употребляемыми во множественном числе в одном из (неосновных) значений. Сюда относятся несколько названий времени суток (*утро, полдень; обед, ужин, завтрак, полдник* в значении «время совершения трапезы»), такие существительные, как *заря* (не *зоря*), *раздолье, глушь, невидаль, небо, лязг, кроль, брасс* и др. Существительные *singularia tantum* как лексемы, обозначающие несчитаемые предметы и понятия, как правило, не сочетаются со словами, обозначающими конкретное число, — числительными, количественными существительными типа *пара, дюжина, сотня, деся-*

¹⁹³ Русская грамматика. В двух томах. Том I, М., 1982, стр. 473.

ток. Некоторые вещественные существительные, которые обозначают предметы и вещества, встречающиеся в упакованном виде, допускают употребление при себе таких счетных слов, но при условии метонимически переносного употребления — слово употребляется в значении определенной дозы, объема, определяемых по упаковке: *Дайте мне два кефира; Мне три масла, пожалуйста; Можно купить на эти деньги четыре молока и два творога.* При сочетании со словами, обозначающими число больше четырех, существительные *singularia tantum* не переходят в форму множественного числа: *Купи девять масла и шесть творога.* Свободно употребляются с количественными словами этого типа без изменения лексического значения существительные с суффиксами *-ин-* и *-инк-*, обозначающие отдельные единичные предметы, входящие в состав вещества или представляющие собой отдельные предметы, представляемые как совокупное множество, типа *картофелина, дробинка, снежинка* и т. д.: *штук пятнадцать картофелин, несколько снежинок на пальто; десяток дробинок на один заряд.* Возможно (в редких случаях) конситуативно обусловленное употребление таких количественных слов с антропонимами, которые в сочетании с числами более четырех употребляются в форме множественного числа: *два Ивана, три Наташи; В нашем классе пять Иванов и семь Наташ; В телефонном справочнике почти три сотни Ивановых.* Слова с общей количественной семантикой, обозначающие меру и объем вещества, степень проявления отвлеченных признаков, употребляются с существительными *singularia tantum* свободнее: *много молока, мало вина; У меня и так достаточно хлопот; В этом доме чересчур много строгостей; Осталось купить немного (кухонной) утвари; На этих болотах много морошки и мало черники.* И, конечно, все вещественные существительные, определяемые по объему, массе, размеру, сочетаются с соответствующими обозначениями меры объема, массы, длины: *тонна молока, литр вина, кило-*

грамм масла, кубометр щебня, метр сатина, квадратный метр паркета.

§ 5.3.3. Существительные *pluralia tantum*

Номинация лиц, предметов, веществ, отвлеченных понятий не только в русском, но и во всяком другом языке предполагает оформление соответствующих лексем в единственном числе, являющемся исходной формой для образования множественного числа, а если в том или ином языке категория числа представлена более чем двумя рядами словоформ, то и для двойственного и тройственного числа. Если бы в языке числовое противопоставление строилось исключительно на представлениях о реальном количестве предметов, то, наверное, многие имена существительные употреблялись бы только в форме единственного числа; или, может быть (что вероятнее всего), они вообще стояли бы вне категории числа. Однако такое трудно представить себе носителям многих языков, в которых существительное, какое бы содержание в него не вкладывалось, обязательно должно быть оформлено как существительное единственного или множественного числа (разумеется, если оно вообще изменяемое), хотя для говорящих на так называемых «аморфных» языках, где нет грамматических категорий как таковых или они представлены минимально (как правило, есть отдельные проявления аналитической грамматики), в этом нет ничего удивительного: количество предметов в них указывается лексически и, как в китайском, суффиксоподобными элементами, которые сливаются со считаемыми существительными. Какое-то представление о том, как это происходит, может дать пример с определением числовой принадлежности несклоняемых существительных типа *пальто, такси, рагу, песне* и др.

Развитие в языке явления внепарности существительных по числу не могло ограничиться формированием только груп-

пы *singularia tantum*. Есть несчетные предметы и вещества, которые было бы нелогично оформлять (только) в единственном числе, скажем, «парные» предметы типа *сани*, *ножницы* или несчитаемые однородные массы типа *отруби*, *помои*. Номинация их в единственном числе, конечно, вполне могла состояться, но она была бы не совсем точной и не подчеркивала бы особые свойства этих вещей. Видимо, это основная (но не единственная) причина формирования наряду с *singularia tantum* группы существительных *pluralia tantum*, развитие которой происходило уже на базе использования форм числа для разграничения лексических значений (ср. *мозг* человека — *бараньи мозги*; *шум* прибое — *шумы* в сердце), для номинации сортов веществ, названных в единственном числе (*вино* и *вина*, *жир* и *жиры* и др.) и т. д. В современном русском языке *pluralia tantum* — это целый класс существительных, объединяющий в себе разные по лексико-грамматической принадлежности и семантике группы имен существительных.

Основное грамматическое различие *pluralia tantum* и *singularia tantum* в том, что существительные *pluralia tantum* «не имеет грамматических форм другого числа даже как потенциальных, это абсолютные существительные одного числа».¹⁹⁴ Это одно из подтверждений того, что номинации соответствующих понятий непроизводны и образованы сразу как словоформы множественного числа. Многие из существительных *pluralia tantum* представлены лексемами тех же (конечно, не всех) лексико-грамматических разрядов и семантических групп, которые определены для *singularia tantum*.

Существительные *pluralia tantum* представлены следующими основными семантическими группами.

¹⁹⁴ *Краткая русская грамматика. Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопаткина М., 1989, стр. 160.*

1. *Имена собственные*, но уже не антропонимы, а в основном топонимы — названия различных населенных пунктов, проливов, островов, горных систем, созвездий, климатических зон: *Афины, Химки, Бендеры, Великие Луки, Васюки, Курилы, Дарданеллы, Филиппины, Апеннины, Альпы, Саяны, Плеяды, Рыбы, Каракумы*. Имена и клички вообще не могут быть употреблены во множественном числе без изменения лексического значения и, как абсолютно индивидуальные имена, т. е. такие, носителей которых не должно быть больше одного (хотя, конечно, одни и те же имена даются *разным* людям), не представлены в группе *pluralia tantum*. В грамматиках к *pluralia tantum* относят, впрочем, некоторые русские фамилии, являющиеся по образованию формами родительного падежа множественного числа прилагательных с измененным (перенесенным) или неизменным ударением: *Черных, Милых, Кротких, Сухих*. Такие примеры можно было бы рассматривать как исключение из общего правила, относящего антропонимы к *singularia tantum* в полном объеме, поскольку они оформлены в косвенном падеже, если бы названные и другие фамилии, образованные по этому образцу, были изменяемыми. Однако совершенно непонятно, чем объясняется отнесение к группе *pluralia tantum* существительных, не имеющих морфологического выражения ни рода и падежа, ни числа: не относим же мы к *pluralia tantum* существительные типа *пальто, такси, шасси*.

В качестве примеров существительных *pluralia tantum* иногда приводят собственные имена-топонимы нерусского происхождения, оканчивающиеся на *-и/-ы*, хотя в действительности у них нет никакой связи с множественным числом. Сейчас, правда, уже не приводят в пример *Хельсинки* (столица Финляндии), *Нагасаки* (город в Японии), *Сочи* (курортный город в Крыму), *Стромболи* (вулкан на Липарских островах в Европе), но продолжают относить к этой группе и склонять как существительные множественного числа такие, как *Шали* (чеч. *Шела*),

Автуры (чеч. *Эвтар*а), *Гойты* (чеч. *Гойт*а), *Махкеты* (чеч. *Махкат*е) и т. п. Аналогия со множественным числом русских существительных здесь возникла только потому, что русская транскрипция чеченских топонимов совпала с этой формой, хотя звучание таких топонимов в чеченском языке не оставляет сомнений в том, что у них нет ничего общего с формой множественного числа существительных русского языка. Несответствие звучания этих топонимов в русской транскрипции оригиналам устранить, видимо, уже не удастся, но ничто не мешает, соблюдая норму слово -и формоупотребления, не включать их в группу *pluralia tantum* и употреблять как несклоняемые существительные: *Он приехал из Шали; Я живу в Махкеты.*

2. Слова с собирательным значением, грамматически не являющиеся собирательными, поскольку их форма (мн. ч.) соответствует значению (обобщенное, совокупное множество, хоть и представленное как единое целое): *финансы, деньги, ресурсы, алименты, припасы, недра, всходы, дебри, дрова, письма, потроха, потрошки, внутренности* и др. Эти лексемы в отдельных грамматиках относят к лексико-грамматическому разряду собирательных существительных.¹⁹⁵

3. Значительную часть существительных *pluralia tantum* составляют слова с отвлеченным значением, обозначающие различные игры, спортивные мероприятия (*бабки, городки, шашки, шахматы, жмурки, прятки, бега, скачки, Игры* — Олимпийские, Паралимпийские, например), формы общественной и политической работы, деятельности (*выборы, дебаты, переговоры*), знаменательные и праздничные даты, традиционные и религиозные обряды и действия (*именины, смотрины, посиделки, проводы, похороны, поминки, святки*), многоактные (как правило, длительные) и многосубъектные действия, события, факты

¹⁹⁵ См.: Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. Современный русский язык. В 3-х частях. Часть II. М., 1981, стр. 112.

(козни, толки, пересуды, побои, хлопоты, роды, нападки, заработки, шашни).

4. Отдельную группу *pluralia tantum* составляют немногочисленные существительные — названия *отрезков времени*: сутки, каникулы, будни, сумерки. Эти существительные не только не имеют «потенциальных» коррелятов единственного числа, как и все существительные *pluralia tantum*, но и не имеют живых словообразовательных связей с другими словами и являются синхронно непроизводными (сумерки этимологически связывается со *смеркаться*, но и с точки зрения диахронного словообразования это сложный процесс преобразования основы с префиксом *с-* в производную с префиксом *су-*).

5. В одну семантическую группу можно объединить *существительные, обозначающие так называемые «парные» предметы* (очки, ножницы, клещи, тиски, ворота, салазки, дровни, весы, брюки, кальсоны, штаны, помочи, подтяжки, плоскогубцы, кеды, уста, бакенбарды, жабры и др.), и существительные — названия «*составных*» предметов, имеющих более двух одинаковых частей или много мелких деталей, частей (кудри, бусы, часы, счеты, перила, пальцы, грабли, гусли, вериги, шпоры, подмостки, леса), *существительные, обозначающие предметы, составной характер которых не ощущается или слабо выражен* (сени, хоромы, полаты, палаты, носилки, хоры).

6. Многолексемной семантической группой *pluralia tantum* являются *вещественные существительные, обозначающие некоторое вещество, материал как однородную массу, совокупность несчитаемых частей и частиц*, редко встречающихся или вообще не наблюдаемых по отдельности. Основу этой группы составляют названия жидких веществ (сливки, чернила, брызги, духи, белила, слюни), в том числе названия «сборных» на жидкой основе продуктов, блюд и отходов (щи, помои, консервы, дрожжи), названия сухих продуктов и веществ (макаронны, хлопья, отруби, опилки). Другие вещественные существитель-

ные этой группы мы не характеризуем как определенно сухие или жидкие (*румяна, сладости, харчи*), или они представляют собой предметы, являющиеся совокупностью не обязательно однородных частей (*овощи, пожитки, лохмотья, отрепья*). Некоторые вещественные существительные, принадлежащие к этой группе, например, *обои*, лишь условно причисляются к словам с семантикой «сборный, составной». Среди существительных *pluralia tantum* выделяются также сложные слова со вторым компонентом *материалы* (*стройматериалы, пиломатериалы*), *продукты* (*мясопродукты, хлебопродукты*), *товары* (*спорттовары, промтовары, продтовары*), *поставки* (*госпоставки, зернопоставки*), *заготовки* (*лесозаготовки*), отглагольные суффиксальные (с суффиксом *-к-*) существительные с префиксами **вы-** и **о-//об-, от-** (*выпарки, выморозки, выгребки, вычески, выжимки; очески, очистки, обьедки, опивки; оттопки, отжимки*), объединяемые значением «отбросы, отходы, остатки какого-нибудь вещества».

7. Существительные, обозначающие *климатические зоны, характер местности* и т. д., также выделяются в отдельную семантическую группу *pluralia tantum*: *тропики, субтропики, джунгли* и др.

8. Особую группу *pluralia tantum* составляют существительные, употребляющиеся только во множественном числе и отличающиеся от обычных существительных *pluralia tantum* тем, что обозначают множества, состоящие из отдельных единиц, лиц, животных, существующих и наблюдаемых и по отдельности. Большинство этих существительных — слова с суффиксами субъективной оценки: *ребятушки, детишки, ребятишки, солдатушки, козлятушки, козлятки, телятки, котятки* и др. Спорный вопрос — принадлежность или непринадлежность к этой группе существительных *молодожены, новобрачные, родители, предки* (просторечн. в значении «родители»), *молодые*. Соотносительные с ними формы единственного числа (*моло-*

дожен, родитель, предок; молодая, новобрачная) лексически отличаются от множественного числа: эти существительные называют во множественном числе двух лиц, из которых одно мужского пола и одно — женского, а в единственном числе — лицо только одного пола (*молодожен, родитель, предок* — лицо мужского пола; *молодая, новобрачная* — лицо женского пола). На наш взгляд, такое лексическое различие является достаточным основанием не считать пары типа *молодожен-молодожены* числовыми коррелятами, следовательно, приведенные лексемы пополняют список существительных *pluralia tantum*.

9. *Субстантивированные слова* (перешедшие в класс существительных морфолого-синтаксическим способом прилагательные) типа *древние, домашние* (*Древние верили в чудеса; Домашние упрекали его в невнимательности*) представляют собой малочисленную группу существительных *pluralia tantum*, которая, возможно, будет еще пополняться новообразованиями.

10. В отдельную группу, видимо, следует выделить такие существительные, которые употребляются, за редкими исключениями, преимущественно в косвенных падежных формах и выражают различные обстоятельственные значения, в результате чего многие из них перешли или переходят в наречия: *нелады, завидки, страхи*; (быть) *на побегушках*, (жить) *в ладах* (со всеми), (не быть) *в силах*, (забыть обо всем) *на радостях*, (поселиться) *на задах*, (стоять) *в головах*, (сидеть) *на запятках*, *на задворках* (истории), (не видно) *в потемках* и т. д.

Многие существительные *pluralia tantum*, обозначающие предметы и вещества и некоторые отвлеченные понятия, способны сочетаться с количественными словами. Некоторые лексемы с собирательным значением (например, *деньги, финансы, ресурсы, припасы, всходы, дрова*), отдельные существительные с отвлеченным значением (*толки, пересуды, хлопоты*), а также вещественные существительные (*белила, сливки, стройматериалы, отходы*) употребляются в сочетании с количественными

наречиями *много/немного, мало/немало, достаточно/недостаточно*: *много (немного, мало, немало, достаточно, недостаточно) денег, финансов; много толков, пересудов; много (мало, достаточно, недостаточно) ресурсов* и т. д. Эти существительные не употребляются с числительными и количественными существительными типа *пара, дюжина, тройка*, обозначающими конкретное количество, так как обозначаемые ими предметы, вещества и другие понятия не могут быть представлены в виде совокупности отдельных предметов, которые можно считать, в том числе даже *деньги, финансы, ресурсы*, составляющие которых обозначаются в языке уже другими словами (*деньги* — совокупность определенных дензнаков, например, рублей, фунтов; *финансы* — совокупность денег: отдельных единиц *деньга, финанс* нет; старорусск. *деньга* — другое: это была монета). Существительные, обозначающие «парные» и «составные» предметы, в форме множественного числа обычно называют по сути один предмет, поэтому они легко сочетаются с числительными — количественными и собирательными, а также с количественными существительными типа *пара*: *запрячь трое саней, приобрести дюжину часов, купить трое брюк, запастись пятью плоскогубцами*. В то же время составные числительные с последним компонентом *два, три* или *четыре* в сочетании с сущ. *pluralia tantum* не употребляются; встречающиеся в употреблении сочетания типа *двадцать двое суток, семьдесят четверо суток* также неправильны. При необходимости определения такого количества (*двадцать два, сорок три* и т. д.) вместо слова *сутки* употребляется существительное *день*: *двадцать два дня, сорок три дня, семьдесят четыре дня*. В сочетании с другими существительными *pluralia tantum* составные числительные с компонентами *два, три, четыре* могут быть употреблены, если они дополняются существительными *штука, единица*: *двадцать две штуки брюк, тридцать четыре штуки часов, пятьдесят три единицы саней*.

В современном русском языке есть группа существительных, которые употребляются преимущественно во множественном числе, хотя имеют и формы единственного числа, — «потенциальные *pluralia tantum*»: *близнецы, букли, гренки, инициалы, кавычки, кегли, медикаменты, мириады, распри, ставни, стропила, поручни, ходули, шпалы, сапоги, чулки. боты, бутсы, гетры, краги, тапочки, чувяки.*

Ни в одной из учебных грамматик не выделяются как существительные *pluralia tantum*, но явно тяготеют к ним имена существительные, которые в значении интенсивности, длительности или частой повторяемости при обозначении явлений природы употребляются во множественном числе как некоррелятивные производящим основам единственного числа, если таковые есть (*ветры, дожди*); некоторые из них формально соотносятся с существительными *singularia tantum*, но не являются их числовыми коррелятами (*холода, морозы, жары*). Кроме того, отдельные вещественные и конкретно-предметные существительные *singularia tantum* могут быть употреблены для обозначения сплошной собирательной массы какого-нибудь вещества во множественном числе, но опять-таки речь не идет о числовой парности, поскольку это разные слова с разными лексическими значениями: *мозги, грязи*. Форма множественного числа *записки* в значении «дневник, мемуары, тетрадь с записями» (ср.: «Записки охотника») также не может быть определена как числовой коррелят к существительному единственного числа *записка*. Эти и другие случаи употребления существительных во множественном числе в значениях, не реализуемых в единственном числе, могут быть выделены в отдельные группы существительных *pluralia tantum*.

§ 5.3.4. Число неизменяемых существительных

По классификации И. Г. Милославского, «с точки зрения реального противопоставления единичности-неединичности все словоформы русских существительных могут быть разделены на две группы: счетные и несчетные».¹⁹⁶ Несчетные словоформы нами уже рассмотрены (в основном в §§ 5.3.1, 5.3.2. и 5.3.3.), а описание счетных существительных (в § 5.2 и частично в перечисленных выше §-ах) является неполным, поскольку учтены только имена с морфологически выраженным значением числа. Между тем существительные «счетные могут быть поделены на словоформы со значением единственного числа, словоформы со значением множественного числа и словоформы с невыраженным значением числа — единственного или множественного».¹⁹⁷ Вторая группа — словоформы с невыраженным значением реального числа представлена изменяемыми существительными, у которых реальное число может быть равно и одному, и множеству называемых предметов (формы множественного числа слов *ворота*, *часы*, *бигуди* и т. п. в равной мере могут быть употреблены для обозначения как одного предмета, так и нескольких или многих), и неизменяемыми существительными, у которых не только нет морфологического противопоставления единичности-неединичности, но и нет вообще морфологического выражения числа. Однако, как не раз подчеркивалось, морфологическое выражение грамматических значений формой самого слова не является единственным. Даже изменяемым словам наряду с морфологическим не чуждо синтаксическое выражение числа — по формам согласуемых или координируемых с ними слов. Кроме собственно синтак-

¹⁹⁶ И. Г. Милославский. *Морфологические категории современного русского языка*. М., 1981, стр. 62.

¹⁹⁷ Там же.

сического, есть еще лексико-синтаксический способ выражения числа, характерный, например, для внепарных форм числа существительных и выражающийся в использовании количественных слов (*три молока, двое саней*). У всех этих существительных число морфологически выражено, хотя форма не всегда соответствует реальному числу, тогда как число неизменяемых существительных не получает морфологического выражения: их принадлежность к одному из двух чисел может быть определена только синтаксически или лексико-синтаксически.

В тексте неизменяемые существительные часто употребляются в сочетании с атрибутивными словоформами и глаголами, форма числа которых соответствует реальному числу, выраженному существительным: *Ваши интервью всегда содержательны и злободневны; Он привез из поездки миленьких шимпанзе; Всех портье просят собраться у директора гостиницы; У них в доме живут симпатичные колибри; Для наших АТС нужно закупить новое оборудование; Пальто шиты из добротного драпа.* Иногда число неизменяемых существительных можно определить по форме управляющего ими слова: *Заведующих РОНО приглашают на августовское совещание; Руководители сельпо будут переаттестованы.* Единичность-неединичность неизменяемых счетных существительных может быть выражена лексико-синтаксически с помощью количественных слов, называющих общее (*много пальто*), неопределенное (*несколько пальто*) или конкретное множественное значение (*пять пальто*). Слова с неконкретным количественным значением могут быть употреблены и с несчетными неизменяемыми существительными, но в этих сочетаниях выражается не количество, а больший или меньший объем, масса вещества (*немного кофе, побольше какао, много сациви*). Следует также учесть, что некоторые неизменяемые существительные, хотя они и не имеют морфологического выражения числа, употребляются преиму-

щественно или только в значении множественного числа: это такие существительные, как *шасси, жалюзи, ралли, сабо*. АГ-80 причисляет сюда и *бигуди*, вслед за С.И. Ожеговым определяя это слово как несклоняемое существительное,¹⁹⁸ но в разговорной речи это слово давно употребляется как склоняемое существительное *pluralia tantum*: *бигуди — бигудей — бигудям* и т. д. Личные одушевленные существительные (*мисс, миссис, мадам, леди, идадьго, портье, рантье* и др.), наоборот, преимущественно употребляются в единственном числе, а собственные имена (*Марет, Маргарет, Джузенне, Урхо* и др), как и склоняемые, — только в значении единственного числа. Исключительно только в значении единственного числа употребляются и другие собственные имена — различные семантические подгруппы топонимов: *Осло, Токио, Тбилиси, Шали, Борнео, Килиманджаро* и др.

Значение числа неизменяемых существительных в тексте может быть никак не выражено: *Из командировки он привез пальто* (одно или несколько); *Самолет потерпел крушение, потому что пилот не выпустил шасси* (одно или все?); *В нашем зоопарке кенгуру кормят плохо* (сколько их в зоопарке?); *Вызовите такси для гостей* (сколько машин необходимо?) и т. д. Но иногда количественное значение некоторых неизменяемых существительных можно определить по сочетающимся словам, не являющимся синтаксическими или лексическими показателями их количественного значения; в этих случаях оказывается возможным определить количественное значение неизменяемых существительных логически: *Он договорился о поставке в следующем месяце пальто из Бельгии* (понятно, что поставиться будет не одно пальто); *Из каждой поездки он привозит из поездки жалюзи* (разумеется, не одни и те же каждый раз и не одну штуку); *Это болезнь, характерная для кенгуру* (т. е.

¹⁹⁸ Русская грамматика. В двух томах. Том I. М., 1982, стр. 469.

для всего вида этих животных, а не для одного кенгуру); *Это революция буржуа и для буржуа* (было бы странно, если бы имелся в виду один буржуа); *Эта модель платья разработана для леди с изысканным вкусом* (скорее всего, не для одной женщины); *Он решил больше не участвовать в шоу* (имеется в виду наверняка не одно представление); и т. п.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Охарактеризуйте грамматическое число в семантическом поле общей языковой категории количественности.
2. Система форм числа существительных в современном русском языке.
3. Всегда ли в русском языке категория числа была бинарной? Приведите примеры следов двойственного числа в современном русском языке.
4. Корреляция по числу имен существительных в русском языке, морфологическое выражение форм числа: способы и средства образования множественного числа.
5. Всегда ли форма единственного числа выражает значение единичности и форма множественного — множественности?
6. Некоррелятивные формы числа имен существительных в русском языке: существительные *singularia tantum* и *pluralia tantum*, их формально-грамматические особенности, семантические группы.
7. Какова основная причина отсутствия у существительных *singularia tantum* и *pluralia tantum* противоположного числа — формально-грамматическая или семантическая?
8. Как определить принадлежность к одному из чисел неизменяемых имен существительных?
9. Что такое сингулятивы и почему они обычно могут образовывать форму множественного числа?

10. Какие слова можно называть «местоименными числительными» и «количественными существительными»?

§ 6. Категория падежа

§ 6.1. Падеж как грамматическая категория имен

Термин «падеж» является, по одной версии, переводом греч. *ptosis* «падение» (падение брошенной игроками кости той или иной стороной кверху),¹⁹⁹ по другой — это буквальный перевод латинского грамматического термина *casus* (от глагола *cado* > *cecidi* > *casurus* > *cadere* «падать»); «параллельно этому образован и русский термин П. — от русского глагола *падать*.²⁰⁰ Категория падежа определяется как «словоизменяемая категория имени, выражающаяся в системе противопоставленных друг другу рядов форм и обозначающая отношение имени к другому слову (словоформе) в составе словосочетания или предложения».²⁰¹ «Категория падежа выражает формально-синтаксические (конструкционные) и содержательно-синтаксические отношения между компонентами словосочетания и предложения. Однако выражение отношений между словами — без которого вообще немислимо грамматически правильное высказывание, не требует обязательного наличия падежных форм. Отношения между словами могут быть выражены предлогами, частицами, послелогами, артиклями, порядком слов и т. д. Поэтому категория падежа не является единственно возможным и обязательным свидетелем смысловых отношений зависимости и подчинения форм знаменательных слов

¹⁹⁹ См.: В. В. Виноградов. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. М., 1972, стр. 139.

²⁰⁰ См.: Е. Д. Поливанов. *Труды по восточному и общему языкознанию*. М., 1991, стр. 401.

²⁰¹ *Русская грамматика*. В двух томах. Том I. М., 1982, стр. 474–475.

в речи».²⁰² В романских языках, например, имена не склоняются, а синтаксические отношения между словами выражаются порядком слов, их синтаксической позицией в предложении, сочетанием их с предлогами, артиклями и т. д. Падежей как таковых нет и в английском. Некоторые грамматики выделяют в английском языке два падежа — 1) «общий» и 2) «родительный принадлежности» на -s, но этот второй «падеж» выражает лишь одно значение (принадлежность) и ограничен в употреблении приименной позицией, к тому же наряду с ним и даже чаще используется предложно-именное сочетание «существительное + предлог *he*», поэтому можно утверждать, что падежей в английском языке нет. Их заменяют предлоги, артикли и порядок слов. О наличии грамматической категории падежа в том или ином языке можно судить по тому, обнаруживается или не обнаруживается в нем система словоизменительных форм, которые выражают отношения между словами с помощью морфологических средств — флексий или иных аффиксов. Это не значит, однако, что падеж должен быть обязательно выражен морфологически у каждого имени. Неизменяемые существительные русского языка, например, формальных признаков падежей не имеют, но обнаруживают падежные значения, определяемые синтаксически — по формам сочетающихся с ними слов и характеру связи с теми словоформами, у которых эта связь выражается иначе — не как согласование и координация, а, скажем, как управление: *В этом магазине нет **хорошего пальто** — род. п.; Повесть **пальто на вешалку** — вин. п.; Пришей пуговицу **к пальто** — дат. п.;* и т. д. Количество падежей в языке определяется выявлением количества падежных значений, каждому из которых должна соответствовать своя форма выражения. Таким образом определено, например, что в русском

²⁰² В. И. Дегтярев. *Основы общей грамматики. Ростов н/Д, изд-во Рост. ун-та, 1973, стр. 110.*

языке шесть падежей: существительные имеют пять различных по характеру окончания форм (у одушевленных существительных м.р. совпадают родительный-винительный, у неодушевленных — именительный и винительный), но поскольку винительный падеж выражает самостоятельное падежное значение и у разных разрядов существительных он выражается по-разному, он также выделяется как самостоятельная падежная форма, «омонимичная» именительному или родительному. Количество падежей может быть определено и по формам адъективным, сочетающимся с существительными, но не во всяком языке этот способ «работает»: если бы мы постарались определить количество именных падежных форм в чеченском языке по формам так называемых «несамостоятельных» прилагательных (т. е. тех словоформ, которые и являются собственно прилагательными), нам пришлось бы ограничить количество падежей атрибутивных словоформ в чеченском языке двумя, так как атрибутивные формы в несамостоятельном употреблении имеют здесь только две формы — именительного и общей формы косвенных падежей (*беха некъ* — *бехачу некъан* — *бехачу некъана* и т. д., тогда как падежей в чеченском языке восемь).

Категория падежа в тех языках, в которых она сформировалась, носит универсальный характер в том смысле, что она так или иначе проявляется у любого имени, в частности у существительного, независимо от того, получает она или нет свое морфологическое выражение: при отсутствии форм словоизменения (*пальто, шасси, Барто* и др.) падежные значения выражаются иными средствами. В русском языке, в котором довольно много имен существительных, не имеющих форм словоизменения (несклоняемых), используется широко, например, аналитический способ выражения падежных значений, являющийся основным для несклоняемых существительных и вспомогательным, дополнительным для существительных склоняемых. Кроме того, падежные значения несклоняемых су-

существительных выявляемы по согласуемым с ними адъективным словоформам и управляющим ими глаголам.

Какие именно падежи формируют грамматическую категорию и сколько их — зависит от того, какова степень участия в реализации падежных значений этих «иных средств», например, предлогов и послелогов. Чем больше этих средств и чем активнее они используются для выражения синтаксических отношений знаменательных слов, тем меньше в языке самих именных падежей. Немецкому языку, например, оказалось достаточно четырех: *Nominativ*, *Genitiv*, *Dativ*, *Akkusativ* (именительный, родительный, дательный, винительный). Наличие и использование большого количества предлогов, которые в сочетании с одной и той же падежной формой позволяют передавать разнообразные синтаксические отношения и значения, делают четырехпадежную систему вполне достаточной для немецкого языка.²⁰³ В других языках может не быть такой многолексемной развитой системы предлогов (или послелогов), чем и обусловлена часто их многопадежность. В чеченском послелогов значительно меньше, чем, скажем, предлогов в русском языке, соответственно здесь больше падежей: традиционная грамматика их насчитывает восемь, но у отдельных авторов количество падежей доходит до 16, с учетом (вполне оправданным, на наш взгляд) того, что местный падеж распадается на 7 словоформ, каждой из которых соответствует свое значение.

Одинаковым названиям падежей в разных языках не обязательно соответствуют одинаковые падежные значения. Чем меньше в языке падежей, тем многозначнее в нем эти падежи. В чеченском языке, например, родительный падеж выражает значение принадлежности и близкое к нему значение субъекта — «собственника» (*Илманчин болх* — «работа ученого»),

²⁰³ См.: *Hermann Paul. Deutsche Grammatik. Band III. Halle, 1954, SS. 215–456.*

тогда как в русском, помимо этих двух значений, родительный падеж выражает значения объекта (*чтение **книги***), свойства (*человек **дела***), отрицания прямого объекта при фактической замене винительного родительным (*не читал этой **книги***), партитивное — количественно-разделительное значение (*ста-кан **молока***), значение объекта, от которого что-то отделяется или отдаляется (*отойти **от дома**, вылить **из ведра***), достижения места, цели (*дойти **до дома***), даты (*третьего **дня***), времени (*с утра, до вечера*) и т. д. Винительный падеж в русском — объектный и отличается от именительного, а в чеченском транзитивном (переходном) предложении винительного падежа нет, характерную для него в русском функцию выполняет именительный падеж.

Изменение имен по падежам называют **склонением** (русский грамматический термин, являющийся точным переводом латинского *declinatio*, где **de-** — префикс, а глагольная основа **clin-** по своему значению соответствует русской **клон-**). Склонение включает в себя только изменение основ самих существительных, выражающееся в замене одних флексий другими (*стен-а, стен-ы, стен-е, стен-у, стен-ой, о стен-е*); частные грамматические значения, выражаемые использованием дополнительных средств, предлогов, например (*стены — от стены — до стены — мимо стены* и др.), не имеют прямого отношения к склонению, так как не могут определяться как значения с соответствующими формами, образующими грамматическую (падежную) парадигму имени. В русском языке склонение — это изменение по падежам, но флексии являются по существу не только падежными формантами: наряду с синтаксической формой падежа они выражают несинтаксические формы числа и рода — у существительных как постоянные признаки. В языках агглютинативного типа падежные аффиксы однозначны, так как для выражения других грамматических значений, например, числа, используются уже другие, тоже однозначные,

морфемы. Например, казахск. *табыс* «успех» — множ. ч. *табыстар* «успехи», направительно-дательный падеж мн.ч. *табыстарга* «(достичь) успехов», местный падеж мн.ч. *табыстарда* «(к) успехам» и т. д. Не так последовательно, но в такой степени, чтобы относить его к соответствующему типу в морфологической классификации, агглютинативность характерна и для чеченского языка, ср.: *Ваха* — им. п. ед.ч., имени собственного, *ВахагIар* — им. п. мн.ч., *ВахагIеран* — род. п. мн.ч., *ВахагIарна* — дат.п. мн.ч., *ВахагIара* — эргативный пад. мн.ч.; и т. д. Агглютинация проявляется в чеченском и при образовании так называемых форм местного падежа, фактически являющихся самостоятельными падежными формами: им. п. *нана* «мать», первый направительный *нен-е*, второй направительный *нен-е-га*, третий направительный *нен-е-га-хьа* и т. д.

Категория падежа, а отсюда и склоняемость — признаки, характерные преимущественно, но не исключительно для имен. Как показывает пример чеченского языка, понятие склоняемости во всяком случае условно может быть применено и к наречиям определенной лексико-грамматической принадлежности, например, к наречиям места и — реже — времени, причем речь идет только о семи «местных», или пространственных, падежах: *ара* — *арахь* — *арахьа* — *арахьара* — *арара* — *арахула* — *арахьахула*.

§ 6.2. Система падежей, их морфологическое и неморфологическое выражение. Вопрос о количестве падежей в русском языке

Шесть падежей русского языка имеют морфологические формы выражения — флексии, присоединяемые к основам изменяемых существительных в косвенных падежах при их употреблении во всех позициях, кроме подлежащего. В именительном падеже флексии являются формовыражающими

морфемами, а не формоизменяющими, так как номинатив — «начальная», «словарная» форма существительного, не образуется ни от какой другой формы. Система падежных флексий имен существительных может быть представлена в таблицах — таблице 11 (система падежных флексий им. п. ед и мн. ч., представленная с учетом характера основ существительных), таблице 12 (продуктивные флексии всех падежных форм единственного числа).

В эту таблицу не вошли неизменяемые по числу существительные, имеющие падежные формы только в одном — единственном числе и в этой форме не отличающиеся от приведенных в таблице: никаких особых аффиксов эти существительные не имеют ни в именительном, ни в косвенных падежах. Кроме того, не выделены специально существительные, которые имеют супплетивные формы единственного и множественного числа: они также имеют в соответствующих падежных формах те же окончания, которыми характеризуются обычные существительные сходной с ними лексико-грамматической и родовой принадлежности с подобными основами: *ребенок/-о/* — *дети/-и/*, *человек/-о/* — *люди/-и/*. В приведенную таблицу включены формовыражающие флексии, служащие для оформления именительного падежа. В следующей таблице мы видим уже формоизменяющие (или, по более распространенной терминологии, — словоизменяющие) флексии. В скобках указаны появляющиеся в словоизменении инфиксы, через параллельные косые линии — варианты флексий. В случаях особой необходимости, когда необходимо указать реальное (не орфографическое) окончание, указывается мягкость предшествующего согласного.

Флексии, как уже отмечалось, не единственное средство реализации падежных значений. В русском языке важная роль в их выражении принадлежит предлогам. Однако не все падежи характеризуются одинаковыми возможностями использования

Таблица 11

Флексии		Мужской род		Женский род		Средний род		Общий род
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	
-Ø	-а	дом-Ø	дом-а					
-Ø	-ы	стол-Ø	стол-ы					
-Ø	-и	корж-Ø меч-Ø день-Ø	корж-и меч-и дн-и	ночь-Ø мышь-Ø вещь-Ø	ноч-и мыш-и вещ-и			
-Ø	-(j)а	зять-Ø	зять-j-а					
		муж-Ø	муж-j-а					
-а	-и	юнош-а дяд-а гуляк-а	юнош-и дяд-и гуляк-и	нош-а тёт-а сорок-а	нош-и тёт-и сорок-и			копуш-а мямл-а
-а	-ы			стен-а	стен-ы			
-о	-а					окн-о	окн-а	
-е	-а					мор-е	мор-а	
-о	-и	умишк-о	умишк-и					
-о	-(ес)а					чуд-о	чуд-ес-а	
-Ø	-(ат)а	внук-Ø	внуч-ат-а					
-Ø	-(ер)и	мать-Ø	мат-ер-и					

Флексии		Мужской род		Женский род		Средний род		Общий род
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	
-ый	-ые	учен-ый	учен-ые					
-ий	-ие	русск-ий	русск-ие					
-ая	-ие			русск-ая	русск-ие			
-ое	-ые					моро-жен-ое	моро-жен-ые	
-ое	-ие					жарк-ое	жарк-ие	
-а	- (он) а	воробе-й				знам'-а	знам'-он-а	
-Ø	-' (j) и		вороб'-j-и					

Таблица 12

	Им. п.	Род. п.	Дат. п.	Вин. п.	Твор. п.	Пр. п.
стена, профессура	-а	-ы	-е	-у	-ой// -ою	-е
травка	-а	-ы	-е	-у	-ой// -ою	-е
юноша	-а	-и	-е	-у	-ей// -ею	-е
дядя, тётя	-'а	-и	-'е	-'у	-'ей/'-ею	-'е
знамя	-'а	-' (ен) и	-' (ен) и	-'а	-' (ет) ем	-' (ен) и
стол, лес, сахар	-Ø	-а	-у	-Ø	-ом	-е

	Им. п.	Род. п.	Дат. п.	Вин. п.	Твор. п.	Пр. п.
человек	-Ø	-а	-у	-а	-ом	-е
воробей	-Ø	-(j) а	-(j) у	-(j) а	-(j) ом	-(j) е
зять	-Ø	-’а	-’у	-’а	-’ем	-’е
соль, слабость, молодежь	-Ø	-и	-и	-Ø	-(j) у	-и
мать	-Ø	-(ер) и	-(ер) и	-Ø	-(ер) (j) у	-(ер) и
окно, чуло, студенчество	-о	-а	-у	-о	-ом	-е
русский, ученый, портной	-ой	-ого	-ому	-ого	-ым	-ом
парикмахерская, прачечная	-ая	-ой	-ой	-ую	-ой	-ой
жаркое, мороженое	-ое	-ого	-ом	-ое	-им// -ым	-ом
Иванов	-Ø	-а	-у	-а	-ым	-е
Иванова	-а	-ой	-ой	-у	-ой	-ой

предлогов для конкретизации своих грамматических значений. С одной стороны, именительный падеж всегда употребляется без предлога, хотя и обладает довольно разветвленной системой значений (см. § 6.3). В противоположность ему предложный падеж употребляется только с предлогами, а именно — с предлогами **о (об, обо), в, на** и — реже — **при**. Все остальные падежи употребляются и с предлогами, и без них. Значение падежной формы, принадлежащей к одному из этих четырех падежей, не всегда может быть определено или установлено точно по одной только флексии, тем более что, как мы видим из таблицы 12, эти флексии часто могут совпадать у разных падежей. Это значение определяется, или уточняется, по предлогам и по формам сочетающихся с существительными слов.

Парадигмы существительных и выражающие их падежные флексии характеризуются, как отмечает В. А. Плотникова в АГ-80, следующими особенностями: «1) Все падежные флексии выражают одновременно два морфологических значения — падежа и числа (на самом деле три, включая значение рода, но, видимо, В. А. Плотникова имела в виду только словоизменяемые категории — А. Х.); 2) ни одна из частных парадигм не состоит из шести (по числу падежей) материально различных форм: парадигмы первого-второго склонений в ед. ч. и парадигмы всех склонений во мн. ч. имеют пять различных форм; парадигмы третьего скл. в ед. ч. — только три различных формы; 3) в составе каждой из частных парадигм есть формы с омонимичными падежными флексиями; так, материально совпадают флексии им. и вин. п. или род. и вин. п. в парадигмах муж.р. первого скл. в ед. ч. и в парадигмах всех склонений во мн. ч.; флексии дат. и предл. п. — в парадигме второго скл. в ед. ч.; флексии род., дат. и предл. п. — в парадигме третьего скл. в ед. ч; 4) омонимичны могут быть флексии разных

падежей в разных парадигмах».²⁰⁴ Таким образом, заключает В. А. Плотникова, все падежные формы трех склонений в обоих числах вместо ожидаемых (если бы каждая форма в каждом склонении выражалась отдельной флексией) тридцати шести имеют в общей сложности только пятнадцать различных флексий. К ним придется добавить, однако, и флексии таких существительных, которые В. А. Плотникова не учла в определении типов склонения и состава флексий, участвующих в этом. Это существительные, образованные морфолого-синтаксически от прилагательных (*ученый, русский, мороженое, парикмахерская*), и антропони́мы-фамилии, которые отличаются от существительных 1-го и 2-го склонений флексией творительного падежа. Таким образом, к перечисленным В. А. Плотниковой в морфоне­матической записи 15 флексиям мы можем добавить по меньшей мере 11 (**-ий или -ый, -ая, -ое, -ого, -ому, -им или -ым, -ом, -ой, -ые, -ых, -ыми**).

Получившая в русском языке распространение омонимия падежных флексий делает всю систему падежных форм, с одной стороны, экономной, позволяя носителю языка избежать необходимости разбираться в нагромождении многочисленных флексий. Вместе с тем эта система недостаточна, так как сама по себе падежная форма во многих случаях не дает нам информации о том, какой падеж здесь выражен. Например, слово­форма *меч* имеет внешне совпадающие формы именительного и винительного падежей, выраженные нулевой флексией, ее падежную принадлежность мы можем определить только в предложении: *Меч покоился в ножнах* (им. п.); *Он подал ему меч* (вин. п.). Тем более затруднительно определение падежа существительных типа *кость, мать*. Например, внешнюю форму *матери* имеют именительный падеж мн. ч., род., дат., предл. п. ед. ч. Такая омонимия затрудняет и распределение существительных

²⁰⁴ Русская грамматика. В двух томах. Том I. М., 1982, стр. 475.

по типам склонения: в именительном падеже существительные разных склонений нередко совпадают: окончание -Ø имеют, например, существительные 2-го склонения (*стол, меч*), 3-го склонения (*путь, печь*). Поэтому в традиционной классификации существительных по типам склонения в качестве опорных опознавательных признаков используются флексии именительного падежа, но определяющая роль принадлежит всей системе флексий единственного и множественного числа в целом.

С другой стороны, в русском языке наблюдается и явление обратного порядка, когда одно и то же существительное в форме одного и того же падежа имеет двойные флексии. Например, родительный падеж некоторые существительные образуют с помощью флексий *-а* (*сахара*) и *-у* (*сахару*), между которыми обычно оговаривается различие в значении: формы на *-у* обычно выражают особое количественно-разделительное значение — «немного чего-нибудь от целого» (купить чего? *сахару*). Другая падежная форма — предложный падеж — характеризуется тем, что, хотя флексийных вариантов существительные не имеют, они употребляются с ограниченным числом предлогов, за которыми закреплены свои значения: предлог **о** (**об, обо**) употребляется обычно для выражения изъяснительного значения, предлоги **в, на, при** — локативных. Такие и некоторые другие факты заставляли языковедов усомниться в том, что количество падежей в русском языке соответствует установленному в традиционной грамматике.

Об этом в свое время А. А. Потебня писал: «Мы привыкли, например, говорить об одном творительном падеже в русском языке, но на деле этот падеж есть не одна грамматическая категория, а несколько различных, генетически связанных между собою... Собственно, у нас несколько падежей, обозначаемых именем творительного... Не зная числа падежей в истинном значении этого слова, конечно, нельзя правильно судить

и о том, уменьшается ли их число или нет».²⁰⁵ Еще более определенно по этому вопросу высказался А. И. Соболевский: «Сколько падежей? Ответ на этот вопрос не только труден, но прямо невозможен. Если принять за основание звуковую форму имени..., то мы должны будем сказать, что одни имена (например, *кость* — только с 3 разными звуковыми формами единственного числа) имеют меньше падежей, чем другие... и что число падежей неопределенно. Если же принять за основание грамматическое значение..., то мы должны будем насчитать большое количество падежей...».²⁰⁶ Из этого нетрудно заключить, что предпочтение формального критерия может привести к уменьшению числа падежей по крайней мере до пяти, предпочтение критерия содержательного — к его увеличению до неопределенного количества форм. Ни то, ни другое, конечно, неприемлемо, так как анализ и типология грамматических категорий и их форм требуют комплексного — и формального, и грамматического — подхода. Однако не во всех случаях удастся так легко отклонить предложения о пересмотре состава падежных форм существительных. Так, например, у исследователей, предлагающих выделить из родительного падежа отдельную форму на -у с количественно-разделительным (или количественно-отделительным) значением,²⁰⁷ и у тех, кто считает, что предложный падеж на самом деле объединил в себе как минимум два самостоятельных падежа — изъяснительный и местный (В. А. Богородицкий, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский), для этого были какие-то основания. По поводу предложного падежа В. А. Богородицкий, например, писал: «...в области так

²⁰⁵ Это положение содержится только в первом издании (вып. 1–2, Харьков, 1988) «Из записок по русской грамматике». — Цит. по: В. В. Виноградов. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. М., 1972, стр. 141.

²⁰⁶ А. И. Соболевский. *Русский исторический синтаксис. Лекции 1892–93 гг.* — Цит. по: В. В. Виноградов. *Указ. раб.*, стр. 141.

²⁰⁷ См.: А. А. Шахматов. *Синтаксис русского языка*. Вып. 1. Л., 1925, стр. 311.

называемого предложного падежа нужно рассматривать: местный — принимающий часто в существительных м. р. окончание *-у*, напр., *на дому*; изъяснительный — в тех же существительных с окончанием *-е*, напр. *о доме*».²⁰⁸ Ясно, что *на дому* не то же самое, что *на доме* (см. также *на берегу*, *на снегу*, но: *на виду*, *на ходу*, *на плаву* и др., не имеющие вариантов с *-е*), поэтому, казалось бы, такие формы действительно следовало бы отделить от предложного падежа (вернее — разделить предложный на два падежа) и выделить в самостоятельный падеж местный, или даже, что было бы логичнее, разделить предложный падеж не на два, как у В. А. Богородицкого, а на несколько, поскольку *на виду* и др. выражают не значение места и не изъяснительное значение. Но дело в том, что формы на *-у* с разными предлогами употребляются не в локативном и не в объектном (не в местном и не в изъяснительном) значениях обычно тогда, когда они функционируют в качестве наречно-обстоятельственных слов, при этом они выражают настолько разные обстоятельственные и даже определительные значения, что было бы абсурдным каждое из этих значений выделять в самостоятельный падеж. Ср. такие примеры: *настоять на меду: в миру его зовут иначе; находится в бреду: он у тебя в долгу; взять высоту в бою: пальто на меху*. Стремление в каждом значении видеть отдельную «кате­го­рию» или же усматривать в каждом варианте формы, характеризующемся некоторым семантическим отличием от основной, отдельную форму может нас завести далеко. Будет правильным и не противоречащим сложившимся грамматическим традициям классифицировать падежи по числу основных флексий, соответствующих «числу внешних форм склонения» (В. В. Виноградов), при этом допуская и учитывая явления, на-

²⁰⁸ В. А. Богородицкий. *Общий курс русской грамматики*. Изд. 5-е, М.-Л., 1935, стр. 115–116.

званные В. В. Виноградовым «омоморфемностью» — омонимией падежных окончаний.

§ 6.3. Семантика падежных форм существительных

«Падеж существует в языке как единица многозначная. Это относится ко всем беспредложным падежам и к подавляющему большинству падежей с предлогами», — пишет Н. Ю. Шведова, имея в виду наличие целой системы значений у каждого падежа, и уточняет: «Отдельные значения у разных падежей могут сближаться или совпадать, но системы значений в целом у разных падежей никогда не совпадают».²⁰⁹ Эти системы представлены во многих грамматиках, в том числе и в АГ-80, но, на наш взгляд, не в таком полном объеме и не всегда в той форме, в какой они могут быть использованы в учебных целях.

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Как отмечалось, это единственный падеж, который не может быть употреблен с предлогами. Казалось бы, это должно было привести если не к однозначности, то к минимуму выраженных значений. На самом же деле именительный падеж оказывается и многозначным, и многофункциональным. Под последним (многофункциональностью) имеется в виду не только использование формы именительного падежа в других функциях, кроме функции подлежащего, но и его способность даже в позиции подлежащего передавать значение как семантического субъекта (основное для им. п.), так и семантического объекта предикативного признака.

1. Основным для именительного падежа является значение семантического субъекта действия, состояния, отношения, различных признаков (все это в совокупности называют пред-

²⁰⁹ Русская грамматика. В двух томах. Том III. М., 1982, стр. 479.

кативным признаком), реализуемое этой формой в функции подлежащего непассивной конструкции: *Мой брат отремонтировал велосипед* (субъект действия); *Отец давно болеет*; *Отец давно болен* (субъект состояния); *Книга принадлежит моей сестре*; *Книга сестрина* (субъект отношения); *Мой товарищ человеколюбив и скромен* (субъект признака) и т. п.

2. В пассивных конструкциях предложения (со страдательным глаголом или страдательным причастием в роли сказуемого) именительный падеж выражает значение семантического объекта: *Дом построен за рекордно короткий срок*; *Дом строится уже пятый год*.

3. Определительное значение выражается именительным падежом в функции приложения: *планета Земля, инженер-электронщик, лампа-молния, человек-кремень, студент-первокурсник, студент Алиев, мальчик Петя, красавица-природа, Левитан-художник, художник Левитан, смотр-конкурс, аэропорт Внуково, газета «Труд», магазин «Прогресс», автомобиль «Волга»* и т. п. Не всякое соединение двух существительных, даже с написанием через дефис, включает в себя приложение. Для того, чтобы одно из этих существительных могло быть названо приложением, необходимо, чтобы они вступали в отношения определяемого и определяющего слов. Таких отношений нет у соединений двух слов, называющих «сложносоставные» предметы и «по своему строению, функциям, а иногда и по сочетаемости приближающихся к слову»,²¹⁰ напр., *хлеб-соль, чашки-ложки, погрузка-разгрузка, отец-мать* и др. Приложение не обязательно должно быть оформлено в именительном падеже, хотя чаще всего встречается именно в этой форме. Оно согласуется обычно с определяемым существительным в падеже, особенно в постпозиции, и таким образом ведет себя как прилагательное, изменяясь в соответствии со склонением

²¹⁰ Русская грамматика. В двух томах. Том II. М., 1982, стр. 58–59.

определяемого существительного: *инженер-электронщик — инженера-электронщика — инженеру-электронщику; город Москва — города Москвы — городу Москве*. Препозитивное приложение обычно также согласуется в падеже с определяемым словом (*красавица-природа — красавицы-природы — красавице-природе*), но если оно выражено, скажем, отвлеченным существительным среднего рода на *-о*, согласование может отсутствовать: *На этом чудо-дереве растут удивительные плоды; Это плоды с чудо-деревя*. Постпозитивные приложения, являющиеся названиями городов, деревень, рек, озер, пристаней, гостиниц, магазинов, учреждений, устройств, механизмов и т. д., стало нормой употреблять как неизменяемые: они, как правило, сохраняют форму именительного падежа в сочетании со всеми падежными формами определяемых слов, в результате чего участие косвенных падежных форм в выражении определенного значения в функции приложения сужается, а их место во всей парадигме таких соединений слов занимает именительный падеж. Это такие соединения существительных, как: *озеро Байкал, аэропорт Быково, магазин «Книга», издательство «Прогресс», город Берлин, станция Мытищи, село Горки* и др.: ср.: *На озере Байкал запрещена перевозка нефтепродуктов; До станции Мытищи еще далеко; В селе Горки состоялся сход граждан*. Препозитивные приложения — географические названия при словах типа *озеро, город, гора* (но не *река*) также не склоняются: *Сапун-гора — Сапун-горы — Сапун-горе...; Ильмень-озеро — Ильмень-озера — Ильмень-озеру...*

4. Комплексное выражение субъектного и предикатного значений характерно для существительных в именительном падеже, употребляемых в функции главного члена односоставного номинативного предложения: *Ночь. Тишина. Стрекот цикад; Дон. Заброшенный хутор в степи*.

5. В функции обращения как «распространяющего члена предложения»²¹¹ именительный падеж обозначает лицо, неодушевленный предмет или явление — объект, которому адресована речь: *Где ты был, **приятель?** Руслан, передай мне ту книгу; Ну, друг, выручай; Свет мой, зеркальце, скажи...; Дай, Джим, на счастье лапу мне...; Не подведи, сердце...*

6. Особую смысловую нагрузку несет в себе именительный падеж в роли так называемых именительного темы и именительного представления: *Таможенная пошлина. О ней стали говорить все чаще на пространствах бывшего союза нерушимых...* (именительный темы — ИТ.); *Москва! Как много в этом слове...* (именительный представления — ИП). Номинативные словоформы в этой функции в грамматиках не выделяют обычно ни как один из типов номинативных предложений, ни как члены предложения. Вероятнее всего, это сегмент целого высказывания, где ИТ и ИП — тема, а последующая часть — предложение, поясняющее заявленную в них тему, — рема высказывания.

7. Значение предикативного определения именительный падеж передает в функции именной части составного сказуемого с выраженной связкой: *Мой брат — доктор наук: Отец был инженер, но всю жизнь мечтал стать художником.*

8. Не являясь членом предложения и не являясь предложением и даже сегментом какого-либо высказывания, именительный падеж может аккумулировать в себе мысль, идею, оставаясь средством номинации, в качестве названий произведений литературы или искусства: *Весна на Одере* (фильм); *Война и мир* (роман Л. Н. Толстого); *Плаха* (роман Ч. Айтматова) и т. д.

Во всех перечисленных выше значениях и функциях именительный падеж не выражает каких-либо синтаксических отношений между другими словами и является только средством

²¹¹ Русская грамматика. В двух томах. Том II. М., 1982, стр. 163.

номинации субъектов, объектов и явлений, признаков, хотя, как мы видим, номинативная словоформа достаточно многозначна и многофункциональна. Мы перечислили только основные значения и функции именительного падежа, не дифференцируя их на те оттенки и частные случаи, которые характерны для живой речи (скажем, такие, как употребление именительного падежа в побудительном значении в неполных предложениях типа «Скальпель!», его употребление в так называемых «фигуральных» структурах предложений; и т. д.).

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

По объему выражаемых связей и синтаксико-смысловых отношений с родительным падежом может сравниться только творительный. Данная падежная форма выражает практически все типы синтаксических отношений, характерные для предложения: субъектные, объектные, определительные, обстоятельственные и даже предикативные.

1. *Субъектное значение* родительным падежом реализуется в разных синтаксических позициях.

В односоставных предложениях с глагольным сказуемым родительный падеж формально является дополнением, семантически — субъектом: **Забот** хватает; **Народу** в зале собралось достаточно; **Хлеба** осталось мало; **Воды** прибывает и прибывает.

В предложениях с неглагольным сказуемым субъектное значение осложняется определительным: **Денег** мало; **Билетов** в кассе ни одного; **Снаряжения и продзапасов** — мизер.

В обоих случаях субъектное значение осложняется оттенком количественности, независимо от того, употреблено или нет в предложении само количественное слово. В предложениях **Воды** прибыло; **Хлопот** хватает; **Народу** бежит! нет количественных уточнителей, но количественное значение («много», «сколько-то») передается благодаря особому характеру смыс-

ловой связи между существительными и глагольными сказуемыми.

В конструкциях с отрицанием родительный падеж в субъектном значении часто является единственным членом предложения, сообщаящим о явлении, событии, т. е. выражающим предикативность, а значит, может рассматриваться как словоформа с субъектно-предикатным значением: *Ни облачка; Ни малейшей надежды; Ни единого шанса на успех*. При наличии отрицательной частицы **нет** предикативное значение передается ею, а родительный падеж выражает субъектное значение с оттенком полноты, исчерпанности обозначенного предмета отрицания: *Воды нет: Проблем не существует // нет*.

2. В субстантивно-субстантивных словосочетаниях родительный падеж существительного выражает *субъектно-определятельное значение*: в таких словосочетаниях «чистое» субъектное или определятельное значение не может быть выделено: два этих значения всегда сопутствуют друг другу, что выражается, в частности, в применимости к таким формам вопросов и дополнений, и определений: *выступление звезд* (кого? и чье?), *заря надежды* (чего? и какая?), *забота брата* (кого? и какая? чья?), *пища богов* (кого? и какая? чья?). Субъектно-определятельное значение зависимых словоформ родительного падежа в таких словосочетаниях неоднородно: это может быть признак по субъекту обладающему, владельцу (*книга брата*), по субъекту — носителю свойства (*блеск пруда*), по субъекту, порождающему свойство, субъекту производящему (*закон Ома*), по субъекту, для которого предназначен предмет (бюст Дарвина).

3. *Объектное значение* реализуется словоформами родительного падежа, управляемыми глаголами (*добиваться победы, ждать чуда, бояться ответственности, дать денег, готовить дров*), причастиями и деепричастиями (*добившийся победы, добиваясь победы*). Формы отрицания на реализацию объектного значения существенного влияния не оказывают

(не добиться **победы**, не ждать **чуда**, не бояться **ответственности**), но есть конструкции с родительным падежом в объектном значении, которым соответствуют словосочетания не с родительным, а винительным падежом без отрицания: *не читает книг* (р. п.) — *читает книги* (в. п.); *не ломает стульев* (р. п.) — *ломает стулья* (в. п.). Более того, в отдельных словосочетаниях родительный объектный без отрицания не только отсутствует, но и не имеет варианта винительного падежа: *не делает тайны из этого*; *не надо сантиментов*. Объектное значение характерно для родительного падежа и в сочетании с так называемыми предикативами — словами категории состояния: *Людей стыдно*; *Жаль растраченной молодости*; *Жалко ребят*.

4. *Контаминированное объектно-субъектное значение* характерно для словоформ родительного падежа в предложениях, сообщающих о состоянии в широком смысле слова (обычно с отрицанием): *Изменений в состоянии больного не заметно*; *Улучшения в их отношениях не заметно*; *Подтверждения утренних сообщений не получено*.

5. *Определительное значение* родительного падежа, не осложненное субъектным, характерно для таких субстантивно-субстантивных словосочетаний, в которых словоформа родительного падежа не может по смыслу рассматриваться как субъект (обладающий, производящий и т.д.), так как это обычно абстрактное, вещественное или нелично-предметное существительное: *мастер спорта*, *человек слова*, *страна гор*, *пик славы*, *ночь надежд*.

6. *Контаминированное определительно-объектное значение* реализуется в словосочетаниях, в которых управляющая словоформа — существительное подразумевает действие, процесс, которые должны осуществляться по отношению к чему-нибудь: *боязнь ответственности* (чего? и какая?), *ожидание чуда* (чего? и какое?), *вестник победы* (чего? и какой?), *прогноз погоды* (чего? и какой?). В предложных словосочетаниях опре-

делительно-объектное значение реализуется словоформой родительного падежа, обозначающей предмет, из чего сделано то, что обозначено определяемым словом: *котлеты из рыбы; дом из самана; пальто из драпа; удочка без крючка; дом без кухни.*

7. Различные обстоятельственные значения выражаются родительным падежом в сочетании с предлогами. Это значение времени (*с утра не в себе; до вечера занят*), меры и степени (*наестся сверх меры; напиться до одури; кричат до хрипоты*), причины (*отсутствовать из-за болезни, устать с непривычки*), цели (*упаковать книги для пересылки*), (*работать ради пенсии*), того и другого вместе (*жить ради удовольствий*), образа действия (*сидеть без шапки*), места — местонахождения и направления (*отдыхать у ручья; расположен против театра: пройти мимо дома; добраться до озера*).

8. Особый случай употребления родительного падежа — так называемый *родительный даты* в словосочетаниях типа *первого мая, десятого июля*. Сюда примыкают и словосочетания с неконкретным обозначением даты типа *третьего дня*. Наличие или отсутствие предлогов для выражения этого значения несущественно, предлоги только конкретизируют отношение предиката к этой дате: *до пятого мая; после шестого июня; с десятого августа*.

9. *Родительный падеж с предлогами с обстоятельственным, временным значением* стал формой приветствий, пожеланий, просьбы, заклинаний и т. д.: *До свидания! До встречи! Ради бога! Ради всех святых!*

10. *Родительный комплетивный* — употребление родительного падежа в качестве необходимо восполняющей формы при словах, без такого восполнения не употребляемых или требующих после себя дополнения именно в родительном падеже; обычно это родительный после числительных (*два друга, пятнадцать книг, двое друзей*) или вообще количественных слов (*дюжина молодых, много книг*), после кратких прилагательных

и причастий (*достоин сожаления, удостоен ордена, чужд зависти*), прилагательных и других слов, по своей семантике требующих дополнения (*полный воды, требующий ответа*), сравнительной степени прилагательных (*быстрее ветра, острее ножа*).

11. *Количественно-отделительное* (или *количественно-разделительное*) значение является одной из разновидностей объектного, но в грамматиках обычно выделяется в самостоятельную группу «синтаксических» (по определению А. В. Исаченко и Е. Куриловича) значений. Действительно, для этого есть основания и формальные, и семантические. С формальной точки зрения это особая форма родительного падежа, образуемая флексией *-у*, не употребляемой в других значениях. С точки зрения содержательной эта форма обозначает не просто объект, а тот, который мыслится лишь как некоторого целого, отделенная или отделяемая от него: *стакан чаю, килограмм сахару, понюшка табаку* и др. Эта форма стала употребляться и в той позиции, которая закреплена в языке за винительным падежом (купить чего? *сахару*, но ведь правильнее купить *что?*), поэтому в наше представление о переходности и форме прямого дополнения, скорее всего, будет необходимо внести коррективы. *Количественно-отделительное* значение реализуется преимущественно, но не исключительно флексией *-у*; в этом значении могут быть употреблены и существительные с характерным окончанием родительного падежа *-а*: *налей молока* (вм. **молоко**), *привези мне спирта*.

12. В неполных предложениях с опущенным глагольным сказуемым в повелительном наклонении его функцию берет на себя объектная форма родительного падежа, в результате объектное значение отступает на второй план и основным становится значение предикативное в несвойственной для субстантивных словоформ функцией побуждения к действию или предостережения от него: *Воды! Хлеба и зрелищ! Ни слова! Ни шагу назад!*

Перечисленные значения родительного падежа являются наиболее распространенными; в речи возможны и другие конкретные оттенки и другие контаминации приведенных значений.

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Дательный падеж в основном употребляется после глаголов и «глагольных» форм — причастий и деепричастий (*сказать другу, зайти к соседям, привыкая к тишине, прилипший к одежде*), но может зависеть и от существительного (*приказ войскам, подарок первокласснику, помощь больному*), предикативов (*больному хуже; детям страшно, женщинам приятно*) и даже существительных, употребляемых в значении междометий (*Ура героям! Слава народу! Виват победителям! Салют чемпионам!*). С функционально-грамматической точки зрения дательный падеж характеризуется ограниченностью: как правило, он употребляется только в роли дополнения и — реже — несогласованного определения (как в ряде приведенных выше примеров типа *подарок первокласснику*). Однако в семантико-смысловом отношении эта словоформа многозначна и может передавать различные отношения — объектные, субъектные, определительные.

1. Основное значение дательного падежа без предлогов или с предлогами — *значение лица или предмета (объекта), в сторону которого направлено действие*, поэтому дательный в этом значении называют дательным адресата. Это основное значение реализуется или в чистом виде (*написать другу, объявить населению, подойти к роялю*), или с оттенком «действие в интересах лица, предмета или, наоборот, в ущерб их интересам»: *подарить брату; предложить одноклассникам; преподнести женщине цветы; сделать больно ребенку*. Предложный дательный падеж выражает объектное значение, как правило, в контаминации с обстоятельственным — с указанием направ-

ленности действия, совершаемого в отношении обозначаемого лица, предмета, в его сторону: *побежать к дому, прийти к соседу, выехать к избирателям.*

2. Являясь грамматически дополнением, дательный с предлогом может быть употреблен в *субъектном значении* (субъект обладающий), когда предикат, выраженный предикативом или глаголом, выражает значение состояния: *Ребятам весело; Сестре не спится; Брату нездоровится.* Однако это не субъект, от которого это состояние исходит (т. е. не активный субъект), а лицо, испытывающее на себе состояние, источник которого неизвестен, хотя косвенно может быть выражен: *Нине стало страшно от его слов; В палате прооперированному стало хуже от стоящего здесь запаха пота и несмолкающего шума за окном.*

3. *Определительно-объектное значение* дательного падежа реализуется обычно в сочетании с определяемым существительным: *приказ войскам* (какой? и кому?), *подарок первокласснику* (какой? и кому?), *уведомление подследственному* (какое? и кому?). Это значение может быть реализовано и дательным предложным: *привычка к алкоголю* (какая? и к чему?), *невнимательность к людям* (какая? и к кому?).

4. *Определительное или объектное значение* дательного падежа может быть осложнено *предикативным* в редких случаях употребления дательного падежа с предлогом или без него в качестве сказуемого в предложениях с опущенным глагольным сказуемым: *Пирог — к чаю; Письмо — тете.*

5. Дательный падеж в устойчивых оборотах, в конструкциях, передающих народные приметы и поверья, совмещает с основным для него предикативным значением практически все другие — объектные, определительные, обстоятельственные: *Его заботливость не к добру; Низко летящие ласточки — к дождю; Снег поздней весной или летом — к теплой зиме.*

6. *Комплетивное значение* объектного дательного беспредложного реализуется после некоторых глаголов, причастий,

деепричастий, прилагательных, требующих своего смыслового восполнения: *следовать (следуя, следующий) традициям; равносильный измене.*

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Преимущественно винительный употребляется при глаголах, которые им управляют, но он может зависеть и от предикатива (*больно ногу*), может также примыкать к существительному (*длиной с локоть, величиной с арбуз, ценой в рубль*). Основное значение — объектное, но реализует и другие значения.

1. *Объектное значение* винительный падеж выражает в функции прямого дополнения. В этой функции он употребляется без предлога и управляется переходным глаголом: *написать письмо, вызвать врача, рубить лес, пригласить гостей*. Место переходного глагола может быть занято и предикативом (словом категории состояния), например: *жаль детей*. Глагол или предикатив могут отсутствовать в предложении, где предикативность выражается сочетанием частицы **бы** с субъектной или обстоятельственной формой: *Мне бы книгу о спартанцах; Сюда бы группу хорошо подготовленных аквалангистов*.

2. *Субъектное значение* винительного падежа проявляется обычно в безличных предложениях с главным членом — глаголом: *Больного знобит; Дом трясет*. Такой винительный может управляться и словом категории состояния: *Больно руку*. Оформленный винительным падежом субъект — лицо или предмет, испытывающие определенное состояние, источник (производитель) которого не назван и не может быть установлен независимо от того, известно или нет говорящему, чем вызвано это состояние, поскольку то, что может быть названо как причина этого состояния, может быть средством, или другим состоянием, но никак не реальным его источником. Больно руку может быть от раны, жжения, другой травмы или патологии, но грамматически этот «субъект» в предложе-

нии не может быть оформлен: для этого нужно будет назвать субъект, который эту боль вызывает, а этого субъекта в такого рода предложениях нет.

3. Реализуемое винительным падежом значение, определяемое в АГ-80 как определительное, может быть охарактеризовано с разной степенью детализации. В строгом смысле это во многих случаях не определительное, а *определятельно-обстоятельственное* (*прождать час, не есть сутки*) или *определятельно-объектное* (*проложить километр дороги, проезд стоит рубль*), так как для квалификации этих словоформ как чисто определительных нет основного признака — определяемого имени существительного, с которым они согласуются.

4. Собственно определительное значение винительный падеж выражает в словосочетаниях, близких к устойчивым оборотам, где эта форма служит для количественного (в широком смысле) уточнения определяемых слов-существительных со значением размера, объема и т. д. Это значение выражается предложным винительным с разными «пространственными» предлогами (**с, в, под, за**), определяемое существительное, как правило, употребляется в форме творительного падежа, а все словосочетание является или несогласованным определением при другом существительном, или предикатом с определительным значением: *размером с версту, ценой в рубль, длиной в полметра, высотой с дом, шириной в километр, весом за тонну, весом под тонну, весом с тонну, ростом под метр* и т. д.

5. В ситуативно обусловленных неполных предложениях выражается особая разновидность объектного значения, когда на первый план выходит значение побуждения к действию, причем в форме команды, приказа: *Скальпель! Книгу! Бумагу и карандаш, быстро!*

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Первичными, основными функциями творительного падежа являются функции адвербиальные (от Adverb — наречие).²¹² «Адвербиальное употребление падежей теснейшим образом связано с самим значением слова и в этом смысле менее грамматично, чем синтаксическое их употребление... Можно сомневаться в том, что... значение времени связано именно с падежом, а не с конкретным значением существительного», так как, например, «творительный или винительный времени выражается только у слов, имеющих значения определенного отрезка времени».²¹³ Тем не менее, адвербиальные значения выражаются именно этими изначально падежными формами, которые в соответствующей обстоятельственной функции перешли в класс наречий, поэтому мы и включаем их в перечень значений творительного падежа, учитывая при этом, что эти формы фактически не управляются глаголом (*Он придет только летом* — управления нет), а примыкают к нему. Если рассматривать творительный падеж с этой точки зрения, то он, как и другие проанализированные нами, оказывается в меньшей степени многозначным, чем это обычно представляется в грамматиках.

Собственно синтаксических значений, свободных «от семантической нагрузки данного слова», которые А. В. Исаченко вслед за Е. Куриловичем и предлагает рассматривать как собственно падежные значения, оказывается немного: среди перечисленных ниже это значения 1–4, 8.

1. *Субъектное значение* — «творительный агенса» в пассивных конструкциях, в которых обычно объект действия обозначен именительным падежом: *Этот дом строится соседями уже*

²¹² А. В. Исаченко. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть первая. Братислава, 1954, стр. 140.*

²¹³ Там же, стр. 136.

третий год; Книга написана писателем Исаевым; Дом построен рабочими.

2. *Творительный орудийный* А. В. Исаченко относит к адвербиальным (несинтаксическим) значениям, но, на наш взгляд, это одно из проявлений общего объектного значения. Что касается его зависимости от «семантической нагрузки самого слова», то вряд ли можно утверждать, во-первых, что такая зависимость здесь настолько очевидна, во-вторых, что она больше, чем, скажем, у творительного субъектного (агенса). Каких-либо семантических ограничений для употребления творительного орудийного в этой функции нет, потенциально в этом значении может быть употреблено любое существительное (ср.: **Умом** много можно достичь; **Молчанием** можно сделать то, чего никаким криком не добьешься). Об «орудийном» значении мы поэтому говорим условно, в широком смысле слова, поскольку в этой функции употребляются и слова с неконкретным и не-предметным значением, которые как орудие действия в строгом смысле не должны рассматриваться.

3. *Собственно объектное значение*, не осложненное другими оттенками, реализуется творительным падежом, зависимым от глагола, причастия, деепричастия, краткого прилагательного в предикативном употреблении, полного прилагательного с оттенком «полупредикативности»: *восхищаться (восхищенный, восхищаясь) учеником; недовольный (недоволен) учеником; запастись (запасшийся, запасаясь) бензином;* и т. д.

4. *Творительный предикативный* — форма творительного падежа, используемая обычно для выражения именной части составного сказуемого: *Он стал врачом; Отец был музыкантом; Ему всегда хотелось стать педагогом, но стал он инженером.* Это значение может быть реализовано и в неполном предложении с опущенным глагольным сказуемым: *Он здесь столяром уже давно.*

5. Неконтаминированное с объектным определительное значение выражается адвербиализованной формой творительного падежа, употребляемой в функции несогласованного определения: *усы колючком; кепка блином; казак душой; рубль серебром; ситец цветочками; белорус родом; пирожки с капустой, борщ с говядиной, дом с мезонином, обоз с хлебом* и др. содержат элемент объектности, но основным значением творительного предложного является, безусловно, определительное.

6. Особый случай употребления творительного падежа в объектном значении — *творительный комплетивный* (значение необходимого информативного восполнения) после таких слов, как *слыть, считаться, числиться*: *слыть ворчуном, считаться лидером в группе, числиться бухгалтером*.

7. Кроме приведенного определительного, несинтаксическими падежными значениями творительного падежа являются другие *адвербиальные (наречно-обстоятельственные) значения* — места, времени, пространства, образа и способа действия, — реализуемые предложными и беспредложными формами: *ехать лесом; проснуться утром; пройти дворами; ехать цугом; дым несется клубами; пришел пешком* и т. д.

8. Одно из значений творительного падежа — «*творительный совместности*»; это значение передается сочетанием с предлогом *с*: *Он с матерью живет в однокомнатной квартире; Мы с Аликом приедем завтра; Магомеду несладко пришлось с таким другом*.

9. *Контаминированное объектно-обстоятельственное значение* реализуется в отдельных случаях сочетания творительного беспредложного с некоторыми глаголами: *обозначить (выделить) курсивом (чем? и как?), подчеркнуть жирным шрифтом (чем? и как?), напомнить намеком (чем? и как?)*. В редких случаях это значение выражается предложной формой, обычно с предлогом *с*: *приходить с вещами (с чем? и как?)*.

10. Приименный творительный падеж обычно выражает *контаминированное объектно-определятельное значение*; обычно это творительный с предлогом *с* (*пирог с капустой, вода с сиропом, пельмени с мясом*), о которых мы уже упоминали, но есть и другие случаи, где объектное значение, также малоощутимое, как и в группе 5, «перевешивается» дополнительным обстоятельственным оттенком: *кафе за углом; кармашек под спинкой сиденья; киоск перед университетом; магазин рядом с вокзалом; квартира в Москве*. Такие словосочетания с определятельными отношениями легко трансформируются в самостоятельные предложения, где творительный падеж является предикатом неполного предложения с опущенным глагольным сказуемым: *Кафе — за углом; Магазин — рядом с вокзалом; Остановка — напротив стадиона*. Объектно-определятельное значение выражается также беспредложным творительным в сочетании с существительными, в семантической структуре которых есть элемент действия, состояния, поэтому это обычно отглагольные существительные: *недовольство учеником* (кем? и какое?), *восхищение талантом* (чем? и какое?), *заправка соляркой дешевле* (чем? и какая?), *отправление поездом* (каким способом? и чем?).

ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ

Отличие этого падежа от всех других состоит в том, что он употребляется исключительно только с предлогами (откуда и название самого падежа). По этой причине, как справедливо отмечает А. В. Исаченко,²¹⁴ трудно говорить о каком-либо самостоятельном («синтаксическом») значении этого падежа.

²¹⁴ А. В. Исаченко. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть первая. Братислава, 1954, стр. 140.*

Принято считать, что предложный падеж по выражаемым значениям делится на две группы предложно-падежных словоформ:

1) словоформы с предлогами **в, на, при**, реализующие *локативное* значение местонахождения;

2) словоформы с предлогом **о (об, обо)**, выражающие *изъяснительное* значение.

На самом деле круг выражаемых значений шире, особенно если учесть форму на *-у* (*на посту, на виду, в роду* и т. д.); во-вторых, предлоги **в, на, при** не всегда передают именно локативные значения, а предлог **о** в отдельных примерах связанного словопотребления не реализует изъяснительное значение (*палка о двух концах*). Поэтому есть смысл попробовать представить системы значений предложного падежа в полном объеме, не ограничиваясь ссылкой на два значения, приводимые всеми грамматиками (приводим с продолжением нумерации).

3. Приглагольный предложный падеж с предлогом **о (об, обо)** употребляется в *изъяснительном значении* — для обозначения предмета мысли, речи: *говорить о деталях, рассказать о фильме, сообщить о приезде сына; они извещены о предстоящем юбилее: об этом происшествии сказано много*.

4. В сочетании с определяемыми именами существительными эта же форма может быть употреблена в определительном значении: *стул о двух ножках; палка о двух концах*. Правда, это значение практически не реализуемо без сочетания с согласуемой определяющей словоформой (*двух, трех* и т. д.), которую вместе с существительными АГ-80 считает минимальной синтаксической единицей, приравниваемой к собственно падежной словоформе.

5. Приименный предложный падеж с предлогом **о** может выражать и *контаминированное объектно-определятельное значение*: *мечта о сцене* (о чем? и какая?); *приказ об Иванове* (пришел поздно) (о ком? и какой?); *тоска о родине* (о чем? и ка-

кая?). Зависимость от кратких прилагательных на **-о**, хотя это и приименная позиция, ограничивает значение предложного объектным, сходным с изъяснительным: *О происшествии мало что известно; Нам не известно о намерениях этого человека.*

6. Приглагольный предложный падеж с предлогами **в**, **на**, **при** употребляется в *разных оттенках локативного значения*: для указания на предмет, внутри которого совершается действие (*находиться в комнате, лежать в чемодане, жить в Болгарии, рыться в сундуке* и т. д.), для указания на поверхность, где что-либо находится или происходит (*сидеть на стуле, плавать на спине, нести на плечах*), для указания местонахождения, границы распространения чего-либо (*жить на окраине: на селе скучно*). Словоформы с предлогом **при** употребляются для указания на нахождение вблизи чего-либо или в присутствии кого-либо: *при детях нельзя сквернословить; при гостинице открыт бар; он служит при дворе.*

7. Предложный приименный падеж с теми же предлогами выражает уже *контанимированное локативно-определятельное значение*: *сад при институте* (где? и какой?), *жизнь в окнах* (где? и какая?), *охранник при фирме* (где? при чем? и какой?).

8. На основе пространственных отношений предложно-падежные словоформы в сочетании с глаголами и именами могут развить и многообразные значения *состояния*, близкие к тому, что в синтаксисе называют обстоятельствами образа действия (*лежать в забытьи: состоять в родстве: жить в бедности; служить в няньках; поссориться на людях; сидеть в пальто* и др.). Сюда примыкают и словоформы со специфическим окончанием **-у** (*держаться на плаву; читать на ходу: выхватить на скаку*), в том числе и словоформы множественного числа (*дни проходят в заботах*).

9. Предложный падеж достаточно широко и свободно используется и для передачи *временной характеристики*: *родиться в мае: жить при Николае Втором; проснуться на заре.*

10. В предложениях типа В доме радость: *На сердце печаль; На губах улыбка* выражается так называемое «субъектно-определятельное» (с пониманием определительности в широком смысле с включением обстоятельственных значений) значение:²¹⁵ *печаль* какая? *на сердце*; *печаль* на чем? (что является носителем — субъектом этого состояния?) *на сердце*.

11. В функции сказуемого предложный падеж выражает определительно-предикативное значение: *Мой отец всегда в передовиках; Спички — в коробке; Скандалы и ссоры — на людях; Все наши помыслы — о мире*.

Приведенные нами системы значений падежных форм существительных не являются их исчерпывающим списком, хотя в сравнении со многими грамматиками они изложены здесь полнее. Следует также учитывать, что мы только в отдельных случаях (отражающих наиболее характерное и распространенное для данного падежа словоформопотребление) выходили за рамки общих значений и выделяли частные.

§ 6.4. Склонение существительных

В традиционной классификации выделяются три типа склонения имен существительных.

К первому типу относятся существительные женского рода с окончанием **-а (-я)** в именительном падеже естественного числа (*женщин-а, парт-а, нян'-а*), мужского рода с тем же окончанием (*юнош-а, воевод-а, дяд'-а*) и практически абсолютное большинство (если принимать отнесение к общему роду существительных типа «мразь», «дрянь») существительных общего рода (*ябед-а, егоз-а, размазн'-а*). В зависимости от характера основы выделяют еще твердую (*стран-а*) и мягкую (*земл'-а*) раз-

²¹⁵ Краткая русская грамматика. Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 1989, стр. 165.

новидности этого склонения, но в этом вряд ли есть необходимость, так как в обоих случаях фонемный состав окончаний одинаков, а «твердая разновидность» обнаруживает и признак «мягкой» — в дательном и предложном падежах единственного числа основа мягкая: *стран'-е, о стран'-е*.

Ко второму типу относятся существительные мужского рода с нулевой флексией в именительном падеже единственного числа и парно-твердой основой (*дом-Ø, человек-Ø*) а также существительные с парно или непарно-мягкой основой (*конь-Ø, день-Ø*); исключение — существительное *путь*, отнесенное к 3-ему типу склонения. Во второй тип входит также склонение существительных среднего рода с флексиями *-о* (-ё), *-е* (*сел-о, пол'-е, жнив' j-о*).

К третьему типу относятся существительные женского рода с нулевой флексией и парно-мягкой основой (*мать-Ø, степь-Ø*), с непарной твердой (*рожь-Ø, мышь-Ø*) и мягкой (*печь-Ø*) основой. Необоснованно, на наш взгляд, сюда включается и существительное мужского рода *путь*, отличающееся от других существительных этого склонения окончанием творительного падежа: *пут'-ом (путём)*; это единственный формальный признак мужского рода, проявляющийся у существительного *путь* при склонении. Учитывая принадлежность к мужскому роду и несовпадение с существительными третьего склонения в творительном падеже, мы выводим существительное *путь* из этого склонения и относим к группе разносклоняемых (см. ниже).

Кроме того, выделяются разносклоняемые существительные. В основном эта группа представлена существительными на *-мя* (*бремя, время, вымя, знамя, имя, пламя, племя, семья, стремя, темя*), объединяемыми принадлежностью к среднему роду, выражением этого значения окончанием *-а*, несвойственным среднему роду (*брем'-а, тем'-а*) и наращением *-ен-* (-ён-) в косвенных падежах (кроме винительного) единственного числа и множественного у тех из них, которые являются парными по числу

(*врем'а, врем'ен-а; врем'ен-и, врем'-он*). Разносклоняемыми эти существительные называют потому, что в единственном числе они склоняются (с некоторыми отклонениями) по образцу существительных 3-го склонения (*бремя — брeмени — брeмени — бремя-бременем — о брeмени*), а у тех существительных, которые имеют формы множественного числа (*время, знамя, имя, племя, семя, стремя*), флексии совпадают с существительными 2-го склонения (*знамена — знамен — знаменам — знамена — знаменами — о знаменах*) во множественном числе (ср.: *село — сел — селам — село — селами — о селах*).

К приведенным десяти в отдельных грамматиках добавляют еще два разносклоняемых существительных — *дитя* и *путь*.²¹⁶

Существительное *путь* не может быть оставлено в 3-ем склонении, так как оно, во-первых единственное существительное мужского рода в этом типе склонения, во-вторых, оно характеризуется признаком, не обнаруживаемым у существительных 3-го склонения, — окончанием **-ом** (**-ём**): в творительном падеже 3-го склонения его нет, оно встречается во 2-ом склонении (ср.: *дн'-ом*). Совмещение признаков разных склонений является достаточным основанием для включения существительного *путь* в группу разносклоняемых.

Существительное *дитя* в единственном числе сближается с разносклоняемыми своей родовой принадлежностью и совпадением с ними большинства окончаний косвенных падежей (родительного, дательного и предложного). Но не надо забывать, что оно, хотя грамматически и не является одушевленным, семантически относится к разряду существительных, обозначающих лицо. В единственном числе оно изменяется по типу 3-го склонения, получая при этом наращение **-ат** во всех косвенных падежах, кроме винительного (*дитя — дитятн — дитяти —*

²¹⁶ См.: Современный русский литературный язык. Под ред. П. А. Леканта. М., 1988, стр. 196.

дитя — *дитятею* — *о дитяти*), во множественном числе ничем не отличается от других существительных 3-го склонения (*дети* — *детей* — *детям* — *детей* — *детьми* — *о детях*; ср.: *дочери* — *дочерей* — *дочерям* — *дочерей* — *дочерьми* — *о дочерях*); окончание **-ми** не должно нас смущать, его имеют (параллельно с **-ами**) и слова *дочь*, *дверь*, *лошадь*. Поэтому слово *дитя* будет правильным все-таки включить в 3-й тип склонения.

Итак, в традиционной грамматике существительные распределены по трем типам склонения и отдельно выделена группа разносклоняемых существительных, которые можно считать самостоятельным четвертым типом. Эта система (порядковые номера склонений могут быть и другими — например, АГ-80 меняет местами 1–2 склонения) сложилась в русской грамматике давно, достаточно «отшлифована» и аргументирована, но в связи с расширением класса существительных в результате его пополнения словами с адъективными морфологическими признаками (*портной*, *мороженое*, *учительская*, *запятая*) и словами без признаков морфологического выражения грамматических значений (*метро*, *такси*, *рагу*) нуждается в корректировке. Поэтому классификация типов склонения существительных в последние годы строится иначе. В ней учитываются приведенные нами группы существительных, а также существительные, изменяющиеся по смешанному типу (*ничья*, *швартов*, *Иванов* и др.), в результате чего мы выделяем 4 типа склонения существительных.

1. К *субстантивному* склонению относятся выделяемые в традиционной грамматике 3 типа и разносклоняемые существительные. В итоге мы получаем 4 подтипа субстантивного склонения, соответствующие этим группам. Здесь необходимо сделать поправку на то, что традиционно выделялись три типа, а разносклоняемые приводились в качестве исключений, но выделение их в отдельный подтип в субстантивном склонении

нии вряд ли может быть оспорено с приведением убедительных аргументов.

2. К *смешанному* склонению относятся существительные, которые в именительном падеже единственного числа имеют одну из флексий 2-го подтипа субстантивного склонения: *Попов, Бородино, швартов, третье* (блюдо) или 1-го подтипа (*ничья, девичья*), а в одной или в целом ряде форм косвенных падежей флексии прилагательных. В соответствии с характером флексий АГ-80 делит смешанное склонение на 2 типа (мы назовем их подтипами): 1) местоименное и 2) притяжательное склонение.

Местоименный подтип включает в себя существительные, имеющие в именительном и винительном падежах единственного числа флексии существительных 2-го субстантивного склонения среднего рода (*третье*) или 1-го склонения женского рода (*ничья*), а во множественном числе в тех же падежах — флексию *-и*; в остальных падежах они имеют те же флексии, что и имена прилагательные. Следовательно, такие существительные имеют в разных падежных формах единственного и множественного числа признаки и существительных, и прилагательных; с другой стороны, они совмещают в себе признаки существительных разных склонений. Ср.:

Единственное число

И. *треть-е, ничь-я*

Р. *треть-его, ничь-ей*

Д. *треть-ему, ничь-ей*

В. *треть-е, ничью*

Т. *треть-им, ничь-ей*

П. *о треть-ем о ничь-ей*

Множественное число

треть-и, ничь-и

треть-их, ничь-их

треть-им, ничь-им

треть-и, ничь-и

треть-ими, ничь-ими

треть-их, о ничь-их

Притяжательный подтип смешанного склонения включает в основном русские фамилии и географические названия (часто

совпадающие с первыми или производные от них), имеющие в именительном падеже единственного числа те же флексии, что и существительные 1-го и 2-го подтипов субстантивного склонения (-Ø, -о-, -а), в родительном, дательном и винительном падежах единственного числа существительные мужского и среднего рода имеют флексии 2-го подтипа субстантивного склонения, а существительные женского рода в винительном падеже совпадают с существительными 2-го подтипа субстантивного склонения. В именительном падеже множественного числа все эти существительные имеют флексию -ы, в остальных падежных формах, за исключением творительного падежа географических названий (в приводимой ниже таблице это *Одинцово*), флексии совпадают с флексиями прилагательных. К этой разновидности смешанного склонения относятся и некоторые существительные — морские термины (*швартов*, *кабельтов*), совпадающие со склонением географических названий на -о, но отличающиеся от них нулевым окончанием в именительном и винительном падежах.

И. <i>Иванов-Ø</i>	<i>Иванов-а</i>	<i>Одинцов-Ø</i>	<i>швартов-Ø</i>
Р. <i>Иванов-а</i>	<i>Иванов-ой</i>	<i>Одинцов-а</i>	<i>швартов-а</i>
Д. <i>Иванов-у</i>	<i>Иванов-ой</i>	<i>Одинцов-у</i>	<i>швартов-у</i>
В. <i>Иванов-а</i>	<i>Иванов-у</i>	<i>Одинцов-Ø</i>	<i>швартов-Ø</i>
Т. <i>Иванов-ым</i>	<i>Иванов-ой</i>	<i>Одинцов-ом</i>	<i>швартов-ом</i>
П. <i>об Иванов-е</i>	<i>об Иванов-ой</i>	<i>об Одинцов-е</i>	<i>о швартов-е</i>

Как отмечалось ранее (§ 5.3.3), собственные имена множественного числа не имеют, за исключением оговоренных нами случаев образования на базе существительных единственного числа также некоррелятивных существительных множественного числа типа *Пушкины*, *Ивановы* (в зависимости от значения в двух вариантах — *Пушкины*, *Ивановы*; *пушкины*, *ивановы*). Эти формы, а также *кабельтовы*, *швартовы* во множествен-

ном числе тождественны падежным формам прилагательных в косвенных падежах. Существительные *кабельтов*, *швартов* во множественном числе сохраняют субстантивную форму и в винительном падеже.

И. Иванов-ы	кабельтов-ы
Р. Иванов-ых	кабельтов-ых
Д. Иванов-ым	кабельтов-ым
В. Иванов-ых	кабельтов-ы
Т. Иванов-ым	кабельтов-ым
П. об Иванов-ых	о кабельтов-ых

Что касается словоизменения географических названий, то включение в смешанное склонение существительных на *-о* является спорным. Мы отнесли их (в § 3.2) к несклоняемым существительным, но АГ-80 считает нормальным их склонение, если они не являются приложением к обобщающим словам типа *село*, *деревня*, *поселок* (*село Одинцово*) или не совпадают с собственным именем известного лица (*Репино*, *Лермонтово*).

3. К *атрибутивному* склонению относятся все имена существительные, образованные морфолого-синтаксически (без изменения внешней формы, без участия словообразовательных аффиксов) от прилагательных, реже — причастий (*ученый*, *больной*, *горничная*, *мороженое*, *учительская*, *запятая*; *ведущий*, *делимое*), в том числе и внепарные существительные множественного числа (*чаевые*, *суточные*, *командировочные*, устар. *прогонные*). Перейдя в класс существительных, эти слова теряют часть адъективных морфологических признаков (они уже не изменяются по родам, так как, как и у других существительных, род для этих слов является классификационной, несловоизменяемой категорией), практически в полном объеме приобретают субстантивные синтаксические свойства. Однако

при этом, вследствие сохранения внешней формы прилагательных (флексий), склоняются так же, как имена прилагательные, и имеют те же разновидности склонения (твердая, мягкая и две смешанных), определяемые по характеру основ и окончаний. Как и у обычных существительных, у существительных адъективного склонения морфологически выражена принадлежность к одушевленным-неодушевленным существительным, выявляемая при склонении совпадением винительного падежа с именительным (неодушевленные) или родительным (одушевленные). Хотя окончания существительных адъективного склонения совпадают с окончаниями прилагательных, они омонимичны им, поскольку у существительных эти окончания используются для выражения лично-предметных значений.

4. Нулевое склонение определяется в АГ-80 как «склонение, парадигма которого состоит из омонимичных форм с нулевой флексией».²¹⁷ Видимо, такое определение понадобилось В. А. Плотниковой для того, чтобы обосновать включение неизменяемых существительных в типологию склонения. Но если нулевой аффикс — это средство, «выполняющее определенную лингвистическую (семиологическую) функцию без специального (звукового) выражения, а лишь через противопоставление выраженным (положительным) элементам того же ряда или парадигмы; лишенный формального выражения и приобретающий лингвистическую релевантность лишь по отношению к маркированному члену противопоставления»,²¹⁸ 2 что никем не оспаривалось по крайней мере в последние полвека, трудно согласиться с понятиями «парадигма» и «нулевая флексия» в отношении этих слов. О нулевой флексии мы можем говорить только в том случае, если в других формах этого слова любое другое (или другие) грамматическое значение получает матери-

²¹⁷ Русская грамматика. В двух томах. Том I. М., 1982, стр. 506.

²¹⁸ О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1989, стр. 272.

альное выражение. В именительном падеже существительного *дом* флексия нулевая (*дом-Ø*) потому, что есть противопоставленные этой другие формы с «положительными» флексиями (*дом-а, дом-у; дом-а, дом-ов*). В существительных типа *пальто, пенсне, шасси, рагу* мы можем выделять гласные в конце слов, но это не флексии, поскольку ни в одном из характерных для них грамматическом значении эти существительные свой фонемный и звуковой состав не меняют.

Видимо, должно иметься в виду другое. «Нулевое склонение» — терминология условная, так как о склонении в обычном смысле здесь нельзя говорить. Речь идет о том, что в русском языке сформировался целый грамматический класс слов, которые употребляются практически во всех грамматических значениях, свойственных именам существительным в целом, но при этом они выражают их не морфологически, а синтаксически (по формам согласуемых и координируемых слов) или лексико-синтаксически (по значению сочетающихся слов, например, с количественным значением: *одно пальто — шесть пальто*). Падежное значение таких слов определяется и с помощью предлогов. Если они с предлогами образуют предложные словоформы, которые уже могут считаться аналитическим выражением падежных значений. Выделяются эти существительные в особый тип потому, что они не могут игнорироваться при классификации по признаку склоняемости, так как имеют, пусть и отрицательное, отношение к этому признаку.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Дайте определение и характеристику падежа как морфологической категории.
2. Система падежей в современном русском языке, их морфологическое и аналитическое выражение.
3. Вопрос о количестве падежей в русском языке.

4. Сравните системы падежей русского и чеченского языков и объясните основные различия.
5. Семантика беспредложных и предложных падежных форм имен существительных.
6. Типы склонения имен существительных в традиционной грамматике.
7. Адъективное склонение имен существительных и его разновидности.
8. Аналитическое «склонение» несклоняемых имен существительных.

ГЛАВА II

«МЕСТОИМЕНИЕ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ»

О несоответствии выделения местоимений как единого класса слов общепринятому лексико-грамматическому критерию классификации и необходимости их распределения между теми частями речи, к которым они максимально близки своими лексико-грамматическими свойствами, мы уже писали во разделе II, однако детальный их анализ в общий раздел о частях речи мы по понятным причинам не могли включить.

Отсутствие грамматического единства местоименных слов, с одной стороны, и, хотя и неполное и даже далеко не полное у отдельных слов, совпадение их разрядов и отдельных местоименных лексем со словами других частей речи мало у кого вызывает сомнения. Вопрос в том, насколько мы правы, просто распределяя местоименные слова между этими частями речи — именами существительными, прилагательными, числительными и наречиями. В первой части мы предположили, что местоимения с соответствующими лексико-грамматическими и собственно грамматическими признаками, если их и включать в состав имени существительного, должны считаться особым разрядом существительных, но это еще требует тщательного анализа слов, о которых идет речь.

Вопрос об особом положении «местоимений-существительных» в системе частей речи ставится не впервые. АГ-80, исходя из того, что «у местоимения-существительного система морфологических категорий близка к существительному» и в то же время «отличие от существительного состоит в непоследовательности выражения местоимением-существительным морфологических категорий рода и числа»,²¹⁹ выделяет эту группу слов в отдельную часть речи.

²¹⁹ Русская грамматика. В двух томах. Том I. М., 1982, с. 458; стр. 531–539.

Может показаться странным, что такая немногочисленная группа указательных слов обособлена как часть речи, а другие включены в состав прилагательных, числительных, наречий. Объясняется это тем, что последние грамматически, в том числе морфологически, в основном совпадают с названными частями речи, тогда как местоимения-существительные морфологически с существительными не объединяются. Их объединению с существительными препятствуют своеобразное выражение (или даже невыражение) категорий рода, числа, падежа, на основании чего АГ-80 приходит к заключению: «Эти собственные морфологические характеристики служат основанием для выделения местоимений-существительных в самостоятельную часть речи».²²⁰

Прежде чем выразить свое отношение к этому заключению, назовем те местоименные слова, о которых идет речь. Это (пользуясь традиционной терминологией) личные местоимения *я, ты, мы, вы, он, она, оно, они*, возвратное *себя*, вопросительно-относительные *кто* и *что*, неопределенные *кто-то, кто-либо, кто-нибудь, что-то, что-либо, что-нибудь, кое-кто, кое-что, некто, нечто*, отрицательные *никто, ничто*: АГ-80 включает сюда также отрицательные *некого, нечего*. Всего 22 слова, а если считать *она, оно, они* самостоятельными лексемами, — 25. Конечно, для самостоятельной части речи мало, но на основании только ограниченного количества лексем отказывать той или иной группе слов в частеречном статусе и самостоятельности мы не можем: этого критерия выделения слов как частей речи не существует. Обоснованность или необоснованность выделения местоимений-существительных в отдельную часть речи можно установить на основании их лексико-грамматических свойств, а в этом плане «по структуре словоизменяемых парадигм и характеру выражения морфологических катего-

²²⁰ Русская грамматика. В двух томах. Том I. М., 1982, с. 458; стр. 531.

рий особое место среди местоименных слов занимают местоимения-существительные: они характеризуются собственным специфическим выражением категориальных значений рода, числа и падежа и особенностями словоизменения. Это позволяет отделить их от имен существительных и видеть в них особую часть речи». ²²¹ Лексико-грамматическую обособленность местоимений-существительных В. А. Плотникова видит в том, что «это часть речи, указывающая на предмет и выражающая значение указания в морфологических категориях падежа (последовательно) и в категориях числа и рода (непоследовательно)». ²²²

В лексическом отношении анализируемая группа слов имеет с существительными больше сходств, чем различий. Те и другие с разной степенью определенности служат для обозначения лица или предмета, только в одном случае они *называются* (имя существительное), в другом только *указываются* (местоименные слова), т. е. речь идет о разных типах обозначения лица и предмета, которые в языкознании получили названия «номинация» и «прономинация». Последовательная лексико-грамматическая классификация местоимений-существительных в том виде, в каком она проводится в отношении существительных (см. § 3.1.), конечно, невозможна, но основное для существительных деление на одушевленные-неодушевленные слова применимо и здесь. Личные (*я, ты, мы, вы*) и возвратное (*себя*) в лексическом плане безусловно одушевленные, так как употребляются только для прономинации лиц — людей, но они являются одушевленными и с грамматической точки зрения — винительный падеж совпадает с родительным: род. *меня, тебя, нас, вас, себя* — вин. *меня, тебя, нас, вас, себя*. Лич-

²²¹ *Краткая русская грамматика. Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 1989, стр. 205.*

²²² *Там же.*

ное местоимение *он* (*она*, *оно*) лексически трудно отнести к одушевленным, так как указывает не только на лицо, но и на предмет (*В саду росла вишня. Она была посажена здесь еще дедом Руслана*), но формально-грамматически это слово также ведет себя как одушевленное: род. *его* — вин. *его*. Остальные местоимения-существительные (вопросительно-относительные, неопределенные и отрицательные), образованные на основе двух компонентов — *кто* и *что*, также делятся на 2 разряда (разумется, включая и сами *кто* и *что*): местоимение *кто* и образованные от него другие (*кто-то*, *кто-либо*, *кто-нибудь*; *некто*; *кое-кто*; *некого*) являются одушевленными, и не только лексически, но и грамматически (род. *кого* — вин. *кого*); местоимение *что* и образования с компонентом *что* — *неодушевленные* (род. *чего* — вин. *что*). Классификация по другим признакам (отвлеченность-конкретность, вещественность и т. д.) здесь неприменима из-за особенностей семантики местоимений, не называющих предметы, а только указывающих на них.

В лексико-семантическом отношении местоимения-существительные и собственно существительные различаются как номинативные (прямо отражающие действительность) и дейктические (отсылающие, указывающие на действительность). «В противоположность указывающим словам, значение которых носит абсолютный характер в том смысле, что оно детерминировано строго закрепленной за знаком предметной и/или понятийной отнесенностью, знаки относительного указания, т. е. дейктические слова, выделяют и дифференцируют предметы, явления, лица относительно координат речевого акта».²²³ Однако, как отмечает А. А. Уфимцева, а вслед за ней Л. М. Васильев, «основной набор дейктических знаков («микросистему средств субъективного указания») со-

²²³ А. А. Уфимцева. *Семантика слова*. — В кн.: *Аспекты семантических исследований*. М., 1980, стр. 46.

ставляют местоимения... Но к ним относятся и некоторые другие разряды слов (*близко, далеко, сейчас, только что, следовать, последующий, упомянутый* и т. д., образующие микросистему средств «объективного относительного указания».²²⁴ Во всяком случае, в существительном *инкогнито* не больше определенности в назывании лица, чем в местоимениях *кто, кто-то, некто*, и оно тоже является дейктическим. «Прономиальность» местоимений является основанием для выделения их в особую лексико-семантическую группу, но еще не достаточна для того, чтобы говорить о самостоятельной части речи, так как этот признак, как мы видели, проявляется в конце концов не только у местоимений, а сами местоимения не ограничиваются этим общим значением и образуют подклассы на основе признаков «одушевленность» и «неодушевленность».

В лексико-семантическом и лексико-грамматическом отношении, таким образом, мы не находим таких признаков местоимений-существительных, которые позволяли бы вывести их за пределы существительных и считать самостоятельной частью речи. Вместе с тем нельзя не признать, что лексическая семантика и выражаемое общеграмматическое значение предметно-личной прономинации у местоимений настолько специфичны, чтобы не смешивать эту группу слов с обычными существительными. Это было, кстати, одной из причин невключения нами материала о местоименных словах в главу об имени существительном.

Убедительнее всего были бы грамматические (морфологические и синтаксические) основания для обособления местоимений-существительных не как особой группы, а как самостоятельной части речи, если такие основания действительно есть. В. А. Плотникова в качестве одного из аргументов выдвигает, как отмечалось, выражение значения указания «в морфо-

²²⁴ Л. М. Васильев. Современная лингвистическая семантика. М., 1990, стр. 111.

логических категориях падежа (последовательно) и в категориях числа и рода (непоследовательно)». Чтобы согласиться или не согласиться с этим, обратимся к самому склонению этих слов.

И.	я	ты	мы	вы	он	_	кто	что
Р.	мен'-а	теб'-а	н-ас	в-ас	его	себ'-а	к-ого	ч-его
Д.	мн'-е	теб'-е	н-ам	в-ам	ему	себ'-е	к-ому	ч-ему
В.	мен'-а	теб'а	н-ас	в-ас	его	себ'-а	к-ого	ч-его
Т.	мн-ой	тоб-ой	н-ами	в-ами	им	соб-ой	к'-ем	ч-ем
П.	обо мн'-е	о теб'-е	о н-ас	о в-ас	о нем	о себ'-е	к-ом	о ч-ем

Здесь в первую очередь обращают на себя внимание супpletивные формы косвенных падежей местоименных слов *я, ты, мы, он*, — свойство, немислимое в системе склонения существительных (существительные могут образовывать супpletивные формы числа, напр.: *человек — люди*, но не падежа) и уникальность окончаний слов *мы, вы* (*н-ас, н-ам, н-ас, н-ами, о н-ас; в-ас, в-ам, в-ас, в-ами, о в-ас*). Это признаки, которые являются серьезным аргументом в пользу частеречной самостоятельности местоимений-существительных. И все же выделение флексий и сопоставление местоименного и субстантивного склонения, даже при обнаружении различий, не может быть вполне достаточным основанием для такого решения, поскольку, как показывает анализ фонемного состава флексий местоименных существительных у В. А. Плотниковой, они в основном (за исключением *мы, н-ас, н-ам* и т. д.) совпадают с флексиями существительных того или иного склонения. Так, например, «флексии падежных форм местоимений *я* и *ты* близки, но не тождественны падежным флексиям существительных II скл.», «флексии падежных форм местоимений *мы* и *вы* близ-

ки, но не тождественны падежным флексиям сущ. во мн. ч.»²²⁵ и т. д. Полного же совпадения в склонении местоимений-существительных и существительных того или иного склонения нет. Те же *я* и *ты* совмещают в себе признаки 1-го и 2-го субстантивных склонений: в родительном, винительном и предложном падежах они изменяются по типу существительных 2-го субстантивного склонения (род. *мен'-а*, вин. *мен'-а*, предл. *обо мн'-е* — род. п. существительных *человек-а*, вин. *человек-а*, предл. *о человек'-е*), в дательном и творительном — по типу существительных 1-го субстантивного склонения (*мн'-е*, *мн-ой* — *женщин'-е*, *женщин-ой*). Точно так же склоняется возвратное *себя*, которое к тому же не имеет формы именительного падежа. Склонение местоимений *кто*, *что* и местоимений с этими компонентами (*кто-то*, *что-то*, *кое-кто*, *кое-что*, *никто-ничто*) в основном совпадает с адъективным, причем неопределенные местоимения *некто*, *нечто* фактически не склоняются. В именительном падеже у *кто*, *что* субстантивное окончание (*кт-о*, *чт-о*), а в творительном в результате позиционного смягчения вместо окончания *-ом* выделяется окончание *-ем*. О супплетивной косвенной форме, может быть, здесь говорить нельзя, но во всех падежах, кроме именительного, корень «усеченный»: *к-ого*, *к-ому*, *к-ого*, *к-ем*, *о к-ом*; *ч-его*, *ч-ему*, *чт-о*, *чем*, *о ч-ем*); исключение составляет, как видим, винительный *чт-о*, совпадающий с именительным.

Эти и другие особенности склонения местоимений-существительных убеждают в том, что морфологическое выражение категории падежа у них в действительности непоследовательное, особенно если учесть фактическую несклоняемость *некто*, *нечто*: последовательность здесь проявляется лишь в том, что склоняемостью характеризуются почти все включаемые в этот класс лексемы, но даже в пределах одной группы

²²⁵ Русская грамматика. В двух томах. Т. I. М., 1982, стр. 535.

(например, личных) нет совпадения ни в «принципе образования формы» (у *я, мы* — супплетивные косвенные падежи; *ты, вы* — флексийные от того же корня), ни в системе используемых флексий (*я, ты* — флексии существительных того или иного склонения; *мы, вы* — «уникальные» флексии).

Вопрос о непоследовательном морфологическом выражении рода и числа спорный уже потому, что, если исключить местоимение *он* (*она, оно, они*), которое по происхождению является указательным, по значению лично-указательным и в отдельных грамматиках выводится из группы личных в пользу указательных местоимений, остальные местоименные слова этой группы не имеют родовых признаков. Местоимения *я, ты, мы, вы, некто, нечто* и др. не имеют ни рода, ни числа (вопрос выражения числа у местоимений *мы* и *вы* — особый: коррелятам *я* и *ты* они не являются, но вряд ли это говорит вообще об отсутствии у них семантики множественности). Местоимения *я* и *ты*, не имея родовых форм, могут иметь значение любого рода, как считал В. В. Виноградов. Видимо, все-таки не любого, а только мужского или женского, поскольку они указывают на лицо говорящее и его собеседника, каковыми могут быть только лица — люди. Но и эти два родовых значения не получают морфологического выражения, они выражены только координируемыми формами (*Я сказал; Я сказала*), могут выявляться лексико-синтаксически (*Я — сестра милосердия*). Местоименные слова *мы* и *вы* внеродовые как слова множественного числа. Но это особый признак принадлежности к множественному числу: как отмечает в АГ-80 В. А. Плотникова, «слово *мы*» не обозначает множественности говорящих (*мы* — это не несколько *я*), а указывает на группу лиц, среди которых находится и говорящий», это же слова может также «выступать как собирательное имя, указывающее на совокупность лиц (в числе которых находится и говорящий),

объединенных по какому-либо общему для всех признаку».²²⁶ Однако это говорит лишь о том, что *мы* (и *вы*) — не числовые корреляты *я* и *ты*, не супплетивные формы множественного числа от этих местоимений, а самостоятельные местоименные слова: отказывать *мы*, например, в выражении множественности вообще, наверное, веских оснований нет, даже с учетом того, что это слово может употребляться также для указания на одно лицо в нескольких оттенках и в разных ситуациях, указанных В. А. Плотниковой там же. Нет морфологически выраженных признаков рода и у других местоимений-существительных. Следовательно, род выражен только у местоимения *он* (*она*, *оно*), принадлежность которого к личным к тому же подвергается сомнению. Можно ли из этого заключить, что значение указания выражается у местоимений-существительных, пусть даже непоследовательно, в категории рода (В. А. Плотникова)? Вероятно, нет. Правильнее говорить об отсутствии категории рода у местоимений-существительных и сохранении родоразличения у одного из них, являющегося по происхождению указательным.²²⁷

Возвращаясь к корреляции по числу в сфере личных местоименных слов, отметим, что в грамматике, особенно школьной, практика рассмотрения пар *я-мы*, *ты-вы* как числовых коррелятов, еще не изжита, хотя «категория числа у местоимений *я*, *ты*, *мы* и *вы* — это несловоизменяемая морфологическая категория, выражающаяся в системе двух противопоставленных рядов, организуемых морфологическими формами разных слов: падежными формами местоимений *я*, *ты* со знач. ед. ч.

²²⁶ Русская грамматика. В двух томах. Т. I. М., 1982, стр. 534.

²²⁷ Местоимение *онь* в значении «тот далекий» склонялось, как и местоимение *самь*, по образцу полных прилагательных в функции определительной (*оньй, оногь, оному* и т. д.), а в субстантивной функции, развившей другое значение, «прочно закрепилось в качестве универсального показателя 3-го л. (предмета), включившись в парадигму *он-его-их* и т. д.: К. В. Горшкова Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1981, стр. 261.

и падежными формами местоимений *мы*, *вы* со знач. мн. ч.».²²⁸ Следовательно, *мы* не может считаться производной формой множественного числа от *я*, не говоря уже о том, что *мы* (и *вы*) может употребляться и для обозначения одного лица (в формулах вежливости типа «Леонид Петрович, вы будете на собрании?», в формулах скромности типа «В своем исследовании мы пришли к выводу...» и т. д.). В именительном падеже морфологического выражения числа у этих местоименных слов нет (ср.: *ты* и *вы*), оно проявляется только в косвенных падежных формах и особенно наглядно в дательном и творительном падежах (*н-ам*, *в-ам*, *н-ами*, *в-ами*). О числовых коррелятах, видимо, *мы* можем говорить относительно местоимения *он* (*она*) *оно*): *он-они*, *она-они*, *оно-они*. Другие местоимения стоят вне категории числа морфологически и даже синтаксически значение числа у них проявляет себя редко: *Кто к вам приходил?* (может быть один человек, но их может быть и несколько); *Что вам купить?* (можно купить, скажем, одну или несколько книг); *Кого вы подозреваете?* (подозреваемым может быть одно лицо, может быть и несколько); и т. д. Синтаксически, по мнению В. А. Плотниковой, местоимение *кто* выражает значение и единичности (*Кто такой?*), и множественности (*Кто такие?*), а местоимение *что* всегда имеет значение единичности (*Что это такое? Что происходит? Что произошло? Что он такое? Что они из себя представляют?*). Примеры типа «Что они из себя представляют?», «Что вам раздали?», однако, говорят о том, что нельзя уверенно говорить о выраженном значении единичности, или даже о нейтральности по отношению к единичности/множественности местоимения *что*. Очевидно одно: морфологических признаков числа нет у обоих местоимений,

²²⁸ Русская грамматика. В двух томах. Том I, 1982, стр. 533.

синтаксически оно выражается непоследовательно и нерегулярно.²²⁹

Таким образом, морфологически местоимения-существительные отличаются от «обычных» существительных — непоследовательностью морфологического выражения падежа; фактическим отсутствием родовых различий и родовых признаков, имеющих морфологическое выражение в «словарной форме» — в именительном падеже (за исключением *он-она-оно*); отсутствием корреляции по числу. Вместе с тем они сближаются с существительными тем, что в них морфологически поддерживается дифференциация по признаку одушевленности (*я, ты, мы, вы; кто, некто, кое-кто, никто, кто-то, кто-либо, кто-нибудь*) и неодушевленности (*что, нечто, кое-что, ничто, что-то, что-либо, что-нибудь*), за исключением *он*, реализующего и личное, и предметное значение. При выявленных различиях в склонении местоимений-существительных и собственно существительных очевидны и общие для них признаки (близость склонения местоимений *я, ты* к 1-ому субстантивному склонению, *мы, вы* — к падежным формам существительных множественного числа и др.). Следовательно, на морфологическом уровне много оснований для обособления соответствующих местоименных слов, невключения их в систему существительного, но не столько, чтобы быть категоричными. Группа местоимений-существительных «сохраняет яркие признаки своего грамматического своеобразия, своей грамматической изолированности, не слившись с категорией имен существительных»,²³⁰ 2 но при этом имеют в виду своеобразие и изолированность на морфологическом уровне, причем такие, которые не позволили слиться с существительными, но не ис-

²²⁹ В функции относительных слов, однако, по наблюдениям самой В. А. Плотниковой, различия в числе выражаются последовательно: Книги, что мне присылали, я уже прочитал; Книга, что стояла на полке, исчезла.

²³⁰ В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972, стр. 208.

ключают некоторого сходства с ними. Для полноты аргументации недостает сравнения синтаксических свойств местоимений-существительных и собственно существительных.

С точки зрения функционально-синтаксической анализируемые местоимения оказываются «более субстантивными», чем сами имена существительные. Они употребляются только в основных для существительного функциях: 1) грамматического подлежащего: **Он** вернулся еще вчера; **Он** странный какой-то; **Ты** вернешь мне книгу? **Мы** едем в Ригу; **Кто-то** стучит; К нему обратился **некто** Петров; Откликнитесь **кто-нибудь!** и т. д.; 2) грамматического дополнения: У него обнаружили цирроз печени; Я позвоню **ему**; Позовите **кого-нибудь**; Я **никого** не приглашал. В других функциях интересные нас местоимения не употребляются (за исключением предикативного употребления типа «Твой враг — он»): в обстоятельственной функции потому, что имеют личное значение, в определительной по той причине, что неатрибутивные формы могут быть несогласованными определениями в обстоятельственных значениях (отсутствующих, как мы отметили, у местоименных словоформ с личным значением) или в значении притяжательном, но у всех местоимений отсутствует родительный в значении притяжательности (видимо, по той причине, что есть специальные для этого слова — притяжательные местоимения). В. В. Виноградов делает исключение для местоимения 3-го лица *он*, считая *его, ее, их* формой родительного падежа от *он, оно, она, они*. По происхождению это действительно формы этих местоимений, но в результате длительного употребления в этом значении эти формы давно стали самостоятельными лексемами и даже в традиционной грамматике часто включаются в разряд притяжательных местоимений (вместе с *мой, твой, свой, наш*), функционирующих в качестве несогласованных определений: ср.: *его тетрадь — его тетради — его тетради* и т. д. обычно в препозитивном употреблении.

Функционально-синтаксические возможности местоимений-существительных неодинаковы.

С одной стороны, есть местоименное слово, которое в силу отсутствия у него именительного падежа вообще не может быть подлежащим и употребляется только в функции дополнения: это местоимение-существительное *себя*. С другой стороны, в метафорически переносном употреблении одна из его предложно-падежных форм может использоваться не только в обстоятельном значении, но и в функции обстоятельства: *Он у себя; Завтра я буду у себя, заходи!* Словоформа *у себя* как синоним наречия *дома* (в кабинете, в месте своего обычного пребывания вообще) в обстоятельном значении местонахождения закрепилась и может рассматриваться уже как грамматическое обстоятельство: к предложениям с этой формой более уместен вопрос не *у кого, а где? — Он где? — У себя*.

С другой стороны, некоторые местоимения-существительные в косвенных падежах синтаксико-семантически часто несоотносимы с именительным падежом. Местоимения-существительные *некто, нечто* можно попытаться просклонять, но сразу станет очевидно, что это «формальное» склонение и получаемые формы «искусственные», причем даже «формальные падежи» дальше дательного мы образовать не сможем, так как на самом деле «местоимение *некто* имеет только форму им. п., а местоимение *нечто* — только форму им. и вин. п.».²³¹ Вполне понятно, что *некто* употребляется только в функции подлежащего, *нечто* — подлежащего и прямого дополнения (оба местоименных слова не употребляются с предлогами).

Считается, что отрицательные местоимения *ничего, некого*, так же, как *себя*, лишённые именительного падежа, функционируют в предложении в роли дополнений, однако было бы ошибкой считать эти формы в предложении дополнениями. *Некого*

²³¹ Русская грамматика. Том 1, М., 1982, с. 539; стр. 101

употребляется в роли «дополнения» в родительном падеже редко — в сочетании с некоторыми глаголами, такими, как *дожидаться, опасаться, остерегаться, бояться, стыдиться, слушаться* и нек. др. (*Ему бояться некого; Вам некого опасаться*). Однако при этом требует, чтобы предложение было оформлено как односоставное с субъектной словоформой в дательном падеже; впрочем, этот субъект может быть и невыраженным (*Бояться некого, надо идти вперед*). Это же требование сохраняется и для дательного падежа, при этом субъектная словоформа может быть оформлена и другим падежом: *Мне некому звонить; О нем некому тужить; Его некому везти; Около него некому сидеть; Им некому помыкать*. Некого в винительном падеже — «прямое дополнение» после сильно управляющего глагола (*взять, купить, поймать, любить, уважать, почитать, ободрять, назвать, винить* и др.): *Мне некого винить; В этом коллективе некого уважать*. Связанное употребление этих словоформ с глаголами не случайно: нетрудно заметить, что этот глагол — инфинитив, со спрягаемым глаголом *некого, нечего* в родительном и винительном падежах, *некому, нечему* в дательном падеже являются частью сложного сказуемого с инфинитивом, который в таких предложениях как самостоятельный член предложения не может быть выделен. Видимо, это побудило А. В. Исаченко выделить в русском языке «местоименные предикативы» *некого, нечего* (а также *негде, некогда*): «Традиционная грамматика относит, как известно, слова типа *нечего* к отрицательным местоимениям... нельзя не заметить, что слова указанного типа функционируют в предложении в одной единственной функции, а именно — исключительно в функции сказуемого...».²³² Это относится не только к беспредложным падежным формам слов *некого, нечего*, но и к фор-

²³² А. В. Исаченко. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть первая. Братислава, 1954, стр. 370*

мам с предлогами, где предлог вставляется между префиксом и корнем: *не от кого, не от чего, не из-за кого, не из-за чего, не к кому, не к чему* и т. д. Вполне логичным будет вытекающий отсюда вывод о неправомочности включения в список местоимений-существительных слов *некого, нечего*, являющихся безусловно местоименными предикативами наряду с такими, как *некогда, некуда, неоткуда, негде*. Следовательно, этот список местоимений-существительных уменьшается до 20. Вместе с тем функционально-синтаксические свойства местоимений-существительных в целом, выявленные нами, свидетельствуют только о частичном их совпадении с именами существительными, а значит, могут считаться одним из оснований для выделения их в особый лексико-грамматический класс слов. Если, конечно, мы считаем допустимым, чтобы часть речи из категории полнозначительных слов была представлена всего лишь двумя десятками слов и при этом не имела бы перспектив расширяться в обозримом будущем новыми лексическими включениями.

Анализ сочетаемостных свойств и возможностей местоимений-существительных показывает, что на этом уровне они еще дальше отдаляются от существительных. Они не могут иметь при себе, например, препозитивное определение, кроме местоименного *весь* в сочетании с *я, ты, мы, вы* (*Все мы обратили внимание на это; Всего меня передернуло от этих слов; Все вы у него давно на примете*). В разговорной речи и — реже — в книжной местоименные слова могут иметь постпозитивные определения *один, сам, весь* (*я один, ты сам, мы все* и т. д.; в препозиции эти «определения» употребляются, но значительно реже: *один я, сам он*); местоимение *весь* (в форме множественного числа) может быть препозитивным определением к местоимениям *мы, вы, они, все мы, все вы, все они*; эти же местоимения имеют «своеобразную определительную связь» (В. В. Виноградов) с числительным *оба*: *мы оба, вы оба, они оба*.

Но этим и ограничиваются возможности личных местоимений сочетаться с определительными словоформами. Собственно прилагательные и тем более причастия с этими местоимениями в качестве препозитивных определений не употребляются. По наблюдениям В.В. Виноградова, прилагательные обычно стоят за местоименными словами и только в обособленном полупредикативном положении: *Скажи, что делать мне с тобой, недостижимой и единственной* (Блок); *Беспечные, мы в чувстве бытия, что было, есть и будет, заключали...* (Жуковский). Препозитивные атрибутивные обособленные определения всегда выражают дополнительные обстоятельственные оттенки, обычно причинные. Местоименные слова *некто, нечто, кто-то, кто-либо, кто-нибудь, что-то, что-либо, что-нибудь* сочетаются с прилагательными свободнее, но только в постпозиции: *кто-то высокий, некто черный, что-нибудь вкусное* и т. д. Эти же местоимения имеют при себе и постпозитивные несогласованные определения: *некто в штатском, что-то из одежды, что-либо к обеду*.

Местоименные слова *кое-кто, кое-что, никто, ничто* в принципе также могут иметь постпозитивные определения, но употребляются в таких сочетаниях редко: *кое-кто проворный, ничто земное, кое-что интересное*.

Одним из характерных сочетаемостных признаков местоимений является то, что они не могут иметь при себе определяющие существительные в форме родительного падежа без предлога, тогда как при существительных такой родительный принадлежности употребляется часто (*время невзгод, признаки жизни*). Л.В. Щерба даже считал, что невозможность сочетания с родительным определением является «одним из основных синтаксических признаков класса местоимений» (в работе «Восточнолужицкое наречие», 1915 г.²³³; но в напи-

²³³ Цит. по: В. В. Виноградов. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. М., 1972.

санной в 1928 г. статье «О частях речи в русском языке» местоимения самостоятельным классом слов он уже не считает: «... целый ряд так называемых «местоимений» приходится считать существительными: *я, ты, мы, вы, он, она, оно, они, себя, кто? что? некто, нечто, кто-то, что-то, никто, ничто*»; такие слова, как всё, все. это, всякий, каждый, «имеют скорее прилагательную природу»²³⁴ и т.д. Эти наблюдения и замечания Л.В. Щербы, надо полагать, сыграли существенную роль в разворачивании в дальнейшем исследований, выявлявших близость местоименных слов к соответствующим частям речи и включении их в состав этих частей речи.

Таким образом, функционально-синтаксические и сочетаемостно-синтаксические свойства местоименных слов заключаются, коротко, в следующем.

Местоимения-существительные в целом совпадают с собственно существительными функционально, употребляясь в основных для существительных функциях подлежащего и дополнения. Но они и существенно отличаются от существительных неупотреблением в обстоятельственной и определительной функции (за редкими исключениями типа *вещь в себе*), возможностью функционирования отдельных местоимений только в функции подлежащего (*некто*), подлежащего и прямого дополнения (*нечто*), только дополнения (*себя*). Сочетаемостные свойства местоимений делают разрыв между ними и существительными еще более глубоким.

Выявленные лексико-семантические, морфологические и синтаксические признаки местоимений-существительных не позволяют включить их в систему имени существительного. Высказанное нами ранее предположение о том, что «имя существительное включает в себя все лексемы, традиционно

²³⁴ Щерба Л.В. О частях речи в русском языке. — В кн.: Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: «Наука», 1974, стр. 83.

включаемые в эту часть речи, а также местоименные существительные»,²³⁵ приходится признать поспешным. Местоимение-существительное действительно является самостоятельной частью речи, причем уникальной, так как насчитывает всего 20 (или 23) слов и не пополняется новыми словами. Солидаризуясь с АГ-80 и авторами некоторых других грамматик в этом главном вопросе, мы изложили здесь и несовпадающее с их наблюдениями и выводами свое представление о частных признаках местоимений-существительных. Что касается других местоименных слов, то их включение в классы числительных, наречий и прилагательных является обоснованным. Если исключить лексемы *негде*, *некуда*, *неоткуда*, *некогда* (не путать с устар. *некогда* «когда-то давно»), ошибочно причисляемые к местоименным наречиям и являющиеся на самом деле местоименными предикативами.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Как определяется местоимение в традиционной грамматике?
2. Какие разряды местоимений выделяются в традиционной грамматике?
3. С какими частями речи местоименные слова соотносятся по своим лексическим и грамматическим признакам?
4. Почему выделение местоимений как самостоятельной части речи является отступлением от лексико-грамматического принципа?
5. Как решается вопрос частеречной принадлежности местоименных слов в АГ-80?

²³⁵ А. И. Халидов. *Морфология современного русского языка. Часть I. Махачкала, 1997, стр. 138–139.*

6. Почему АГ-80, распределив местоименные слова между прилагательными, числительными и наречиями, не сделал этого в отношении части местоимений, сохранив их в качестве самостоятельной части речи под названием «местоимений-существительных»?
7. Почему отнесенные к «местоимение-существительному» слова не включены в состав существительного?

ГЛАВА III ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 1. Семантическая основа имен прилагательных

Как лексико-грамматический класс слов — часть речи имя прилагательное относится к числу абсолютных универсалий («Во всех языках мира в той или иной форме присутствуют прилагательные»), так как, независимо от того, каковы у них конкретные признаки, прилагательные есть во всех языках, далее в тех, которые называют аморфными. К примеру, в китайском языке, ввиду отсутствия формы, соотносимой с привычным для нас представлением о морфологическом ее выражении, одно и то же слово *мэйли* может употребляться и как существительное (*Мэйли ши хэ цинцизе фэньбукай ды* «Красота неотделима от чистоты»), и как прилагательное (*Та хэнь мэйли* «Она красива»), в зависимости от «способности определенных разрядов слов выступать в роли того или иного члена предложения», «различной соединимости их со словами других разрядов», порядка слов и других факторов относимое к одной из этих двух частей речи.²³⁶ Универсальность прилагательных подчеркивают многие авторы, в том числе и исследователи таких языков, в которых различия между прилагательными — существительными, прилагательными — наречиями проявляются на морфологическом уровне непоследовательно. Так, Люсьен Теньер отмечает, что «существительные, прилагательные, глаголы и наречия составляют четыре класса полных слов, лежащих в самом основании языка».²³⁷ Объясняет он это тем,

²³⁶ Ли Цзиньси, Лю Шижу. *Еще раз об изучении грамматики — разграничение частей речи и проблема существительных. — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII, «Языкознание в Китае». М., 1989, стр. 84–88.*

²³⁷ Люсьен Теньер. *Основы структурного синтаксиса. М., 1988, стр. 75.*

что в основе семантического и категориального содержания, необходимого для оформления мысли в предложении, лежат предметы и процессы и признаки того и другого: абстрактные атрибуты предметов выражают прилагательные, абстрактные атрибуты процессов — наречия.

Наличие прилагательных в составе частей речи любого языка свидетельствует о том, что они занимают в языке важное место. В этой связи небезынтересно вспомнить отношение А.Х. Востокова к категории качественности, основным выразителем которой является, безусловно, имя прилагательное. В грамматике А.Х. Востокова («Русская грамматика», Спб., 1831) прилагательному отводится чуть ли не центральное место в системе частей речи: он считает, что понятие признака по меньшей мере равнозначно понятиям предмета и действия. Это позволило ему впервые в русской грамматике дифференцировать имя, включавшее до него все имена как единая часть речи. Представление о качественности в учении А.Х. Востокова было гипертрофированным (в отдельных местах своей грамматики он даже пытается вывести все другие общие значения частей речи из этого), но разграничение имен было бы невозможно без такого пристального внимания к этому значению. Противопоставив существительным как названиям предметов (словам предметного значения) имена прилагательные — названия признаков предметов, А.Х. Востоков этим не ограничился и дифференцировал (опять-таки впервые) само прилагательное, выделив пять групп: качественные прилагательные, притяжательные прилагательные, относительные прилагательные, числительные (количественные и порядковые) и действительные (т.е. причастия) прилагательные (т.е. сделал то, что лишь сравнительно недавно стали предагать наши современники). Соответственно общее значение признака в этих группах представлено качеством, принадлежностью, «зависимостью» («от кого или от чего предмет происходит, из чего состоит»), счетом

или самым бытием предмета («как оно выражается в действии или состоянии»).

По традиции, начало которой было положено в грамматике А. Х. Востоковым, в классификации слов в терминах частей речи главным образом обращается внимание на то, как по характеру лексического значения, понимаемого в обобщенном виде, данный класс слов отличается от других. То есть речь идет о том, что является семантической основой данной части речи, позволяющей разные по фонетической структуре и конкретным лексическим признакам слова объединять в один класс лексем. Для существительного такой семантической основой является, как мы выяснили, значение предметности — т. е. значения лица, предмета, отвлеченного признака, действия, состояния и т. д., осмысливаемые как предметность, и это дает основание считать существительными слова *книга, жизнь, ходьба, болезнь, рулевой* и др. Для прилагательных подобной семантической основой является понятие признака. По этому поводу особых разногласий в грамматике не было, если не считать отсутствие полного единства в терминологии — употребления параллельно терминов «качество» и «признак». Конечно, термин «признак» предпочтительнее, тем более что качественное значение является частным значением одного из разрядов прилагательных — качественных. Само по себе это общее значение еще не является, конечно, критерием для определения частеречной принадлежности слов, но оно главное, так как всегда присутствует в слове, тогда как некоторые другие признаки (например, изменяемость, или более частные признаки — формы числа, падежа и др.) могут и отсутствовать. Особенно это важно для тех языков, в которых семантика и функция оказываются единственными различителями, например, некоторых прилагательных и существительных. Так, во французском языке одни и те же слова могут употребляться и как прилагательные, и как суще-

ствительные: *general* — «общий» и «генерал», *nouvelle* — «новая» и «новость».

При определении семантической основы прилагательных оказывается недостаточным и понятие признака, если при этом не уточнить, о признаке чего идет речь. Ведь признаковое значение выражает и наречие, оно характеризует различные обстоятельства совершения действия, обозначая признак глагольного слова, вернее — обозначаемого им действия. Поэтому мы должны иметь в виду, что прилагательное обозначает признак предмета (в широком понимании).

Как отмечал В. В. Виноградов, большая часть прилагательных выражает признак не непосредственно, а опосредствованно, через отношение к предмету — не только собственно предмету, но и опредмеченным понятиям (*деревянный, школьный, производственный, идейный*), действию (*знающий, неприимимый*). Вполне определенно по этому поводу высказался в свое время Г. П. Павский: «Многие из сих понятий, например понятия о происхождении и разных отношениях вещей, могут быть выражаемы и выражаются посредством падежей, предлогов и взаимного сочетания имен существительных. Поэтому многие прилагательные могли бы и не существовать в языке. Вместо *писчая бумага, деревянный стол, весенний месяц* легко можно было сказать: *бумага для письма, стол из дерева, месяц весны*. И точно: есть языки, или вовсе не имеющие прилагательных имен, или имеющие их чрезвычайно мало».²³⁸

С последним утверждением Г. П. Павского можно поспорить: вряд ли есть языки, в которых вовсе нет прилагательных; могут отсутствовать прилагательные, обозначающие признак предмета через отношение к другому предмету, действию и т. д., но трудно представить язык, в котором не было бы класса слов

²³⁸ Г. П. Павский. *Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе*. Спб., 1850, стр. 1–2.

с обозначением признака вообще, скажем, качественного. В какой-то степени иллюстрацией к тому, что сказано Г. П. Павским, еще в недавнем прошлом могли быть чеченский и ингушский языки. Резкое отличие по форме качественных прилагательных типа *дика* «хороший», *хаза* «красивый», *йовха* «теплый» и т. д. от относительных *дечиган* «деревянный, из дерева», *маьлхан* «солнечный» и др. свидетельствует о том, что последние не стали еще окончательно прилагательными и сохраняют живую связь с существительными, омонимами родительного падежа которых они являются.

В русском языке собственно качество в чистом виде не обозначают даже все качественные прилагательные. Например, отглагольные прилагательные *усталый*, *блеклый* и др., слабая связь с глаголами которых все-таки ощущается и сейчас.

Из всего огромного числа русских прилагательных только небольшая часть выражает качество или свойство непосредственно, т. е. лексическим значением своей основы. Это прилагательные, обозначающие:

а) цвет или оттенок предмета, вещества: *алый*, *бледный*, *синий*, *сивый*. *черный*, *темный*, *светлый* и т. д.;

б) пространственные и временные качества и отношения, не связанные с конкретным пространством и конкретным временем: *правый*, *левый*. *прямой*, *тесный*, *большой*, *глубокий*, *долгий*, *короткий* и др.;

в) внешние физические, телесные качества, физиологические качества и состояния людей или животных: *старый*, *слепой*, *тощий*, *сытый*, *высокий*. *больной*, *слабый* и т. д.;

г) внутренние качества, свойства характера, психологического склада и т. п.: *злой*, *резвый*, *грубый*, *гордый*, *бодрый*, *веселый*, *грустный*, *порядочный* и др.;

д) воспринимаемые органами чувств свойства и качества вещей: *жидкий*. *мягкий*, *острый*, *резкий*, *жесткий* и т. д.

В то же время большинство прилагательных обозначает качество как признак относительный, т. е. выводимый из отношения к предмету, обстоятельству или действию. Тот предмет или признак, через отношение к которому представлено данное свойство, в относительных прилагательных обозначается мотивирующей основой: *летний* — признак по отношению к лету; *купальный* (костюм) — костюм, в котором купаются, костюм для купания; *деревянный* — сделанный из дерева; *отцов* — принадлежащий отцу. Качественные прилагательные, как правило, просты по своему составу и делятся на корень и окончание, а корневой морф почти во всех случаях не употребляется изолированно: *белый, хороший, упрямый, долгий* и т. д. В то же время относительные прилагательные содержат, кроме окончания, также суффиксы, с помощью которых они и образуются от существительных или глаголов, наречий, реже местоимений, числительных, а производящие основы употребляются часто и самостоятельно: *деревянный* — *дерево*, *ламповый* — *лампа*, *лечебный* — *лечить*, *вчерашний* — *вчера*.

Отличие прилагательных от другого имени — существительного — состоит в том, что некорневые морфемы в них выражают чисто грамматические значения и не выражают никогда никаких дополнительных лексических значений, кроме общего значения признака, если, конечно, структура прилагательного не осложняется наслоением морфем с модификационными значениями оценочного характера — например, значениями степени проявления признака, осложненными ложной семантикой «ласкательности»: *добренький, хорошенький, плохонький* и др. Но это уже не формы прилагательных *добрый, плохой*, а новые прилагательные, поэтому носителями грамматических значений в них являются опять-таки только флексии. По этой причине В. В. Виноградов совершенно справедливо отмечал, что грамматические формы прилагательных вполне синтаксич-

ны, так как обозначают только согласуемые формы, и поэтому более абстрактны, чем формы других слов.

Представление о семантической основе имен прилагательных осложняется, если строго придерживаться теории прилагательного, предлагаемой авторами АГ-80. Известно, что В.В. Виноградов включил причастные формы в систему прилагательного, отметив, что, кроме формальной близости к прилагательным, причастия проходят процесс качественного преобразования, правда, затрудненный сохраняющимися временными, видовыми, залоговыми значениями глагольных основ. АГ-80 добавляет сюда также порядковые относительные прилагательные, местоименные прилагательные — указательные (*тот, этот*), притяжательные (*мой, твой, свой, наш*) и определительные (*каждый, всякий*) местоимения, имеющие грамматические признаки адъективного типа.²³⁹ В школьную и вузовскую грамматики такое широкое понимание объема класса прилагательных еще не вошло, но в отдельных вузовских пособиях уже находит поддержку. Видимо, не только потому, что они грамматически близки к прилагательным, но и в связи с выражением в них, пусть в несколько ином виде, чем у обычных прилагательных, атрибутивного значения. Так называемые порядковые числительные, причастия, некоторые местоимения (*третий, играющий, мой, тот, каждый*) имеют, без всякого сомнения, один общий семантический признак — все они, параллельно со значениями порядка следования, принадлежности, действия, имеют также обобщенное значение признака.

Нельзя не подчеркнуть здесь, что принципиального нового включением в состав имени прилагательного этих атрибутивных форм, относимых в традиционной грамматике к другим частям речи, ни АГ-80, ни ее последователи не внесли: по боль-

²³⁹ Русская грамматика. В двух томах. Том I, М., 1982, стр. 541–544.

шей части эта работа была проделана уже А.Х. Востоковым в «Русской грамматике» (Спб., 1831).

Мы считаем целесообразным выделять эти словоформные группы в системе прилагательного, так как серьезных возражений это и не вызывает у лингвистов, и не может вызывать. Однако при этом необходимо расширить состав лексико-грамматических разрядов имен прилагательных «действенными прилагательными» — причастиями, оставление которых в сфере глагола

Таким образом, в семантическом плане прилагательное можно определить как часть речи, обозначающую качественный или качественно-относительный признак лица или предмета.

§ 2. Лексико-грамматическая классификация имен прилагательных

Кажущийся нам простым вопрос о лексико-грамматических разрядах имен прилагательных не имеет в грамматике однозначного решения. Привычная для нас классификация дает, как известно, систему трех разрядов: качественные, относительные, притяжательные прилагательные. Но В.В. Виноградов, например, был склонен к тому, чтобы свести приведенные три в два разряда: качественно-относительные и притяжательные прилагательные, не дополнив эту классификацию местоименно-указательными словами, но отметив, что «они выделяются не только своим лексическим значением, и грамматическим строением», хотя часть местоименных прилагательных слилась с непроизводными качественно-относительными».²⁴⁰ Имеются в виду такие слова, как *мой, твой, тот, этот, наш, ваш, чей, сам, некий, такой, какой*. То, что В.В. Виноградов называет местоименные прилагательные последовательно морфологиче-

²⁴⁰ В.В. Виноградов. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. М., 1972, стр. 167.

ской группой, или просто группой, и избегает при этом понятие «разряд», не дает основания считать, что для него это самостоятельный третий разряд имен прилагательных, хотя все рассуждения о специфике этих слов, об обособленности некоторых из них говорят в пользу этого.

Объединяя качественные и относительные прилагательные в один разряд, В. В. Виноградов исходил из «текучести границ» между качественными и относительными прилагательными. Вот что В. В. Виноградов писал по этому поводу: «...грамматическая граница между качественными и относительными прилагательными очень подвижна и условна. Она, по большей части, проходит внутри одного и того же слова, будучи обусловлена дифференциацией его значений. Например, *кустарный* в его прямом терминологическом значении, указывающем на отношение к кустарю, на домашний, нефабричный способ производства (ср.: *кустарная мастерская; кустарная промышленность; кустарные изделия; кустарный магазин* и т. п.) принадлежит к относительным прилагательным. Но в русском языке последних десятилетий возникло новое, чисто качественное значение этого слова, соединенное с оттенком пренебрежения: примитивный, неискusstный, бессистемный (например: *кустарный способ производства; кустарные приемы в работе* и т. п., ср.: *кустарщина, кустарность, кустарничество*)».²⁴¹ В. В. Виноградов не расширил состав разрядов прилагательных, выделив, кроме качественно-относительных и притяжательных, местоименно-указательные прилагательные

На формально-грамматическом уровне также, по мнению В. В. Виноградова, между традиционными качественными и относительными прилагательными нет каких-то резких границ. Самое главное, что объединяет два вида прилагательных, — это одинаковые флексии, выражающие одни и те же грамматиче-

²⁴¹ В. В. Виноградов. Указ, раб., стр. 170.

ские значения согласуемых категорий рода, числа, падежа. Кроме того, это и одинаковая синтаксическая функция слов этих двух видов прилагательных, и возможности неморфологического перехода относительных прилагательных в качественные, который, в свою очередь, ведет к частичному изменению морфологического облика окачественных прилагательных. В общем, у В. В. Виноградова прослеживается серьезно аргументированное объединение качественных и относительных прилагательных в один разряд.

Иной точки зрения придерживаются авторы АГ-80 (В. А. Плотникова). Классификация прилагательных здесь выглядит таким образом.

Все прилагательные делятся на два разряда:

1) качественные — те же, которые включает в этот разряд и традиционная грамматика;

2) относительные, представленные тремя видами:

а) собственно относительные, подразделяющиеся на не-притяжательные и притяжательные;

б) порядковые;

в) местоименные.²⁴²

Как видим, совершенно иное решение: у В. В. Виноградова объединяются качественные и относительные, здесь сводятся в один разряд относительные и притяжательные.

Вряд ли можно говорить, что это диаметрально противоположные подходы. В принципе и В. В. Виноградов, и В. А. Плотникова учитывают весь комплекс признаков соответствующих видов прилагательных (и лексические, и грамматические признаки), вопрос только в том, каким из них отдается предпочтение.

Для В. В. Виноградова, несомненно, решающую роль в классификации прилагательных по лексико-грамматическим разря-

²⁴² Русская грамматика. В двух томах. Том I. М., 1982, стр. 541–542.

дам сыграли формально-грамматические признаки, хотя много внимания уделяется и семантической близости качественных и относительных прилагательных. Самым важным для него оказалось то, что и качественные, и относительные прилагательные имеют одни и те же формообразующие морфемы-флексии, в конечном счете одинаковую сочетаемость, функционируют в предложении в основном в одинаковых позициях. Действительно, качественные и относительные прилагательные очень схожи: в перечисленных признаках их нельзя отличить друг от друга во многих случаях употребления качественных и относительных прилагательных.

Для В. А. Плотниковой решающим оказался в конечном счете признак семантический, хотя АГ-80 ориентируется в целом на критерии формально-грамматические. Соединение качественных с относительными прилагательными для нее оказывается невозможным из-за различий в семантике; вместе с тем объединение относительных и притяжательных прилагательных в одном разряде связано прежде всего с тем, что они обозначают признак через отношение: отличие притяжательных прилагательных от традиционных относительных только в том, что здесь речь идет об отношении принадлежности, но это, по мнению В. А. Плотниковой, не такое уж принципиальное различие. Вместе с тем не все прилагательные этого типа имеют формальные различия с относительными прилагательными (ср. *лисий*, *волчий* и др.), т. е. не все они обладают «субстантивной» формой.

Состав лексико-грамматических разрядов прилагательных не определен окончательно до сих пор. Если говорить о выборе между тремя известными типологиями, нам представляется наиболее последовательной предложенная в АГ-80, но с некоторыми необходимыми, на наш взгляд, уточнениями.

Состав имен прилагательных в АГ-80 значительно шире, чем он представлен в традиционной грамматике. В. А. Плот-

никова выделяет среди относительных прилагательных также порядковые (*первый, второй*) и местоименные (все местоименные слова с морфологическими и синтаксическими адъективными признаками: *мой, твой, свой, наш, его, ее, их, тот, этот, какой-то, каждый, всякий* и др.).²⁴³ Причастия в состав прилагательных не включаются, они представлены как «атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и прилагательного, т. е. значения действия и собственно определительное»,²⁴⁴ с учетом того, что «качеств. прилагательные пополняются за счет причастий в адъективном знач.».²⁴⁵ Надо полагать, речь идет о выделении (для относительных) или невыделении (для качественных) подгрупп или подразрядов двух основных лексико-грамматических разрядов прилагательных. Термины «порядковые» и «местоименные» можно считать вполне приемлемыми для обозначения соответствующих разновидностей прилагательных, но остается непонятным другое — есть ли названия для других относительных прилагательных, если очевидно, что деление по признаку непритяжательности-притяжательности дает слишком общие названия? В АГ-80 других названий мы не находим. Но они должны быть, особенно в грамматике, предназначенной для учебных целей. С другой стороны, если речь идет о предпочтении семантического (семантико-грамматического) критерия в вопросе о классификации прилагательных, то чем отличаются местоименные прилагательные *мой, твой, наш* и др. от относительных притяжательных прилагательных (*папин, отцов*)? И, наконец, стоит ли выделять в особую группу порядковые прилагательные, если по значению они выражают относительный признак (по числу), который можно поставить

²⁴³ Русская грамматика. В двух томах. Том I. М., 1982, стр. 665.

²⁴⁴ Там же, стр. 541.

²⁴⁵ Там же, стр. 665.

в один ряд с другими, а по морфолого-синтаксическим признакам мало чем отличается от других прилагательных? Если АГ-80 не выделяет отдельно притяжательные прилагательные, этого, может быть, не стоит делать и в отношении порядковых? Без таких сложностей и вопросов расширение класса прилагательных не могло обойтись, поэтому нет ничего удивительного в том, что решение вопроса о включении или невключении тех или иных групп слов в систему прилагательного не представляется во всем верным и окончательным и сейчас.

Если мы говорим о качественных и относительных прилагательных как о лексико-грамматических разрядах, значит, их деление на группы тоже должно быть лексико-грамматическим. Но такое деление или, наоборот, объединение в одну группу среди тех прилагательных, которые традиционно выделялись как относительные, в принципе невозможно: подразделение прилагательных по признаку отношения к сырью, материалу, из которых что-то сделано или состоит, к месту нахождения или распространения, времени и т. д. не может считаться классификацией лексико-грамматической. Единственное, что может здесь дать основание для классификации, — это дифференциация по признаку притяжательность-непритяжательность», но даже в этом случае в разных по семантике группах у нас могут оказаться совпадающие грамматически слова (*лисий, вдовий* — притяжательные прилагательные, но морфологосинтаксически они ближе к непритяжательным относительным); выделение как притяжательных только несоотносительных кратких (*отцов, сестрин*) делает эту классификацию уже морфологической. Более того, разрушается та группа, которая обособлена как местоименные прилагательные, поскольку часть слов из нее должна будет перейти к притяжательным прилагательным, причем некоторые из них, как слова неизменяемые (*его, ее, их*), грамматически явно не «вписываются» в этот подразряд.

Вся эта эквилибристика может быть преодолена только в том случае, если взять за основу что-то одно, а не пытаться строить классификацию с учетом всех признаков и желать, чтобы выделяемые группы соответствовали им. В этом смысле нельзя не согласиться с Л. Теньером в том, что «хорошая классификация не должна строиться одновременно на нескольких признаках».²⁴⁶ Видимо, действительно «следует различать главные признаки и второстепенные. Главные признаки подчиняют второстепенные. Благодаря принципу подчинения классификационных признаков устанавливается иерархия критериев: самый важный критерий дает деление на классы, следующий по важности — на подклассы и т. д.».²⁴⁷ Первый шаг вроде бы сделан: по семантическому признаку, который не декларируется в АГ-80 как главный, но фактически там применен, прилагательные разделены на 2 класса — качественные и относительные. Однако в своем большинстве местоименные прилагательные, отнесенные к относительным, фактически не относятся ни к одному из этих двух классов. Относительный признак («указательная» принадлежность) выражен притяжательными местоимениями *мой, твой, свой, наш, его, ее, их*. Но остальные (указательные *тот, этот, такой, этакий, таков, следующий, такой-то, какой-то*; определительные *всякий, всяческий, каждый, любой, весь, целый, иной, другой, сам, самый*; вопросительные *какой, который, чей, каков*; неопределенные *какой-то, некоторый, некий, такой-то*; отрицательные *никакой, ничей*) не выражают определенно ни качества, ни относительного (опосредованного) признака. Вместе с тем грамматически эти местоименные слова мало чем отличаются от относительных прилагательных: они имеют формы числа, рода, падежа, выражаемые теми же адъективными окончаниями, употребляются

²⁴⁶ Люсьен Теньер. *Основы структурного синтаксиса*. М., 1988, стр. 62–63.

²⁴⁷ Там же, стр. 63.

обычно в функции (согласованного) определения — основной функции для прилагательного, при этом, подобно относительным прилагательным, не имеют кратких форм и форм сравнения.

«Порядковые прилагательные», называющие признак через отношение к числу (количеству), по своему значению вполне соответствуют общей семантике относительных прилагательных и особенно не отличаются от них грамматически. Следовательно, они могут рассматриваться как подкласс при делении относительных прилагательных на соответствующие группы по конкретным относительным признакам как прилагательные, выражающие признак по порядку следования предметов.

Причастия в класс прилагательных не включает ни одна из современных грамматик. Сохранение причастия в системе форм глагола объясняют обычно тем, что «глагольных свойств у них значительно больше, чем свойств прилагательных» (Л. Я. Маловицкий), или тем, что именные категории у причастия морфологические, словоизменительные, тогда как основными являются несловоизменительные категории, якобы совпадающие у причастия с глаголом (И. Г. Милославский).²⁴⁸ Вряд ли это может служить серьезным основанием для оставления причастий в системе глагола, но есть трудности и с обоснованием включения их в класс прилагательных. Если бы мы руководствовались общностью только основных грамматических признаков прилагательных и причастий, их объединение в одной части речи не вызывало бы особых возражений, так как те и другие имеют согласуемые категории рода, числа и падежа, имеющие регулярное морфологическое выражение, обеспечиваемое общими для них флексиями; отдельные группы внутри тех и других имеют полные и краткие формы; и причастия, и прилагательные в основном употребляются в функ-

²⁴⁸ Подробно об этом см. § 4. раздела «Учение о частях речи».

ции определений. Благодаря этим общим признакам причастия, кстати, легко переходят в прилагательные. Вместе с тем выражаемый причастиями признак по действию не может рассматриваться как качественный и только условно может быть соотнесен с относительным (признак по отношению к действию). «Глагольные» признаки причастий не того же типа, что у спрягаемых глаголов, но они все же глагольные, а не именные. И, наконец, объединению с прилагательными мешает то, что среди прилагательных уже есть лексемы, соотносимые с причастиями как мотивирующими основами (*изменяемые слова; сгущенное молоко; пишущая машинка; уважаемый коллега*) и отличающиеся от них преобладанием качественного элемента в признаковом значении. Казалось бы, если бы не другие различия, с этим последним можно было бы поступить просто, отнеся адъективные отглагольные формы с преобладанием признака отнесенности к действию (причастия) к относительным прилагательным, а слова типа *пишущая* (машинка), *уважаемый* (коллега) к качественным. Однако даже это оказывается невозможным, так как наличие или отсутствие элемента качественности проявляется только в контексте, в изолированном виде такое разграничение невозможно.

Наиболее правильным решением, на наш взгляд, было бы включение причастий в класс прилагательных в качестве особого разряда, название которого выделяло бы его среди остальных прилагательных. Разными авторами такие названия предлагались («действенные прилагательные», «процессуальные прилагательные», например), но можно, на наш взгляд, и сохранить традиционное их обозначение — причастия. Такое обозначение, наверное, позволит и успешнее отграничивать их от имен прилагательных, образуемых в результате окачествления причастных слов.

Изложенное в значительной степени повторяет систему разрядов прилагательных, предложенную В. А. Плотниковой

в соответствующем разделе АГ-80. Но в ее изложении на самом деле предлагаются две (на выбор?) классификации по двум основаниям. С одной стороны, выделяются разряды по характеру самого называемого признака, что дает следующую классификацию:

Таблица 13.1

Качественные прилагательные	Относительные прилагательные		порядковые
	собственноотносительные		
	непритяжательные	Притяжательные	

С другой стороны, предлагается классификация по характеру обозначения признака, т. е. по тому, получает ли признак в слове свое лексическое выражение или на наличие признака только указывается. Это уже классификация по степени определенности признакового значения, которая, видимо, и является основной для В. А. Плотниковой (табл. 13.2).

«Эти классификации, равносущественные для грамматической характеристики прилагательных, не подчинены друг другу и существуют независимо одна от другой», — заявляет В. А. Плотникова.²⁴⁹ Но вместе с тем нет никакой необходимости иметь две классификации, если есть хоть малейшая возможность их совместить. Кроме всего прочего, это просто неудобно для изучающих грамматику данного языка, хотя бы потому, что обучаемым всегда необходимо предлагать какой-то один вариант, даже ставя их в известность о том, что их существует несколько.

Иерархия признаков, по которым должны классифицироваться прилагательные, предполагает в первую очередь обо-

²⁴⁹ Русская грамматика. В двух томах. Том I. М., 1982, стр. 543.

Таблица 13.2

Знаменательные прилагательные		Местоименные прилагательные											
		Личные при- тяжатель- ные: <i>мой, твоей, наши, ваш;</i> Возврат- ное при- тяжательное: <i>свой</i>	Указатель- ные: <i>тот, этот, такой, эта- кий, таков, следующущий, тот-то, такой-то</i>	Определи- тельные: <i>всяческий, каждый, любой, весь, целый, иной, другой, сам, самый</i>	Вопроси- тельные: <i>какой-кто- рый, чей, каков</i>	Неопре- деленные: <i>какой-то, некоторый, некий</i>	Отрицатель- ные: <i>ника- кой, ничей</i>						
Качественные	относительные												
								порядковые					
						относительно собственные							

значение характера выражения признака, который может называться (тогда мы имеем дело с номенами) или только указываться (прономены); это лексико-грамматические классы прилагательных. Характер самого выражаемого признака учитывается на 2-ой ступени, на которой приведенные классы (номены и прономены) делятся на подклассы: такое деление оказывается возможным среди номенов и прономенов. Классификация прономенов на этом завершается. На 3-ей ступени идет уже классификация частных значений номенов с выделением соответствующих разрядов, которые могут подразделяться и дальше (4-я ступень) по признаку выражения отношения к предмету, времени, действию и т. д. Такая классификация может быть представлена в следующей таблице.

Таблица 14

Имя прилагательное						
I ступень	Номены			Прономены		
II ступень	качественные	относительные		притяжательные	указательные	неопределенные
III ступень		притяжательные	непритяжательные			
IV ступень			порядковые			

На 4-ой ступени мы выделяем среди качественных прилагательных семантические группы, основные из которых при-

ведены нами в § 1; разряд непритяжательных прилагательных включает в себя перечисленные нами в этом параграфе и некоторые другие семантические группы; этот разряд дополняется причастиями, обозначающими признак по действию.

§ 3. Грамматические признаки прилагательных

§ 3.1. Морфологические признаки

«Морфологические значения прилагательных повторяют морфологические значения существительных, с которыми они согласуются»,²⁵⁰ поэтому вполне естественно, что «система склонения у имен прилагательных, так же как и у имен существительных, основана на совмещении признаков рода, числа и падежа в одном окончании».²⁵¹ Это, однако, кажущееся совпадение, о чем говорит и сам В. В. Виноградов, так как словоизменение в целом и отчасти даже склонение существительных и прилагательных характеризуются принципиальными различиями.

В первую очередь отметим, что категории существительного (все или часть их — в зависимости от функции в конкретном предложении), характеризующегося относительной самостоятельностью в предложении, являются в известном смысле независимыми, так как прямой зависимости от аналогичных категорий в системе других частей речи не испытывают. Например, в предложении *Для искусства годится только тот материал, который завоевал прочное место в сердце* можно выделить 4 словоформы существительных, которые в разной степени обладают этой самостоятельностью: *для искусства, материал, место, в сердце*. Словоформа *для искусства* управляется глаго-

²⁵⁰ Русская грамматика. В двух томах. Том II. М., 1982, стр. 545.

²⁵¹ В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972, стр. 157.

лом *годится* (для чего?) по типу слабого управления, но можно говорить об управлении со стороны глагола только падежом существительного, а число и род — независимы. Словоформы *место* и *в сердце* тоже зависят от глагола (*завоевал* что? *место*; *завоевал* в чем? *в сердце*), однако опять-таки только в отношении зависимости от глагола падежной формы. Причем здесь и во всех остальных случаях не идет речь о зависимости от аналогичной категории глагола и даже вообще о зависимости от какой-либо глагольной категории: подобные синтаксико-смысловые связи формируются на базе таких свойств глагола, как переходность/непереходность, характер значения, требующего определенного падежа, необходимость информативного восполнения и т. д. По поводу словоформы *материал* можно сказать, что все выраженные в ней категории независимы.

Вместе с тем в том же предложении можно выделить форму прилагательного, которая показывает, насколько прилагательные, а значит, и выражаемые в них категории, несамостоятельны: *...завоевал прочное место...* Прилагательное имеет здесь те же категории, что и имя существительное: единственное число, средний род, винительный падеж. О том, насколько морфологические категории прилагательного зависят от существительного, можно судить по тому факту, что форма прилагательного не может измениться даже в том случае, когда речь идет фактически о женском роде, если сочетающееся с ним существительное формально относится к мужскому роду. Например, в предложении *Иванова — прекрасный врач* существительное *врач* относится к числу лексем с семантически двойственной родовой принадлежностью и в данном случае употреблено в значении женского рода, но его форма — мужской род — заставляет согласовывать с ним прилагательное в мужском роде.

Показатели (в именительном падеже) грамматических категорий прилагательного — это, конечно, флексии. Причем их немного: после твердых основ **-ый, -ой, -ая, -ое**; после мяг-

ких и основ на шипящие и Ц *-ий, -яя, -ее*; множественное число имеет окончания **-ые, -ие**; прилагательные среднего и женского рода после непарно-твердой основы на шипящий имеют окончания *-ое, -ая*, после основы на Ж **-ее, -ая**.

Это окончания, свойственные в том числе и тем прилагательным, которые в традиционной грамматике рассматриваются как местоимения, числительные, причастия.

Краткие формы прилагательных, в том числе и краткие причастия, имеют другие окончания: *-о, -а/-я, -о/-е, -ы/-и*; эти окончания вполне совпадают с окончаниями существительных соответственно мужского, женского, общего и среднего родов и множественного числа, но омонимичны им, так как выражают координируемые с существительными, местоимениями-существительными или заменяющими их словами формы числа и рода (но не падежа — краткая форма не склоняется).

Кроме того, в русском языке есть относительно многолексемная группа неизменяемых прилагательных, главным образом иноязычного происхождения. Исконно русских всего три — это *его, ее, их*, являющиеся по происхождению формами родительного падежа местоимений *он, оно, она* и *они* и обособившиеся в притяжательном значении. Все другие — заимствованные: *беж, хаки, модерн, ультра, экстра, брутто, нетто, бордо, ампир, ажур, галифе, хинди, урду, ханты, манси, минор, мажор, клеш* и др. Часть таких прилагательных параллельно может употребляться и как существительные — это такие слова, как *коми, хинди, урду, суахили, эсперанто, банту, мокко, барокко* и др. В тексте их нетрудно различить: неизменяемые прилагательные употребляются, как правило, в постпозиции по отношению к определяемому слову и непосредственно после него.

Являясь формантами числа, рода и падежа, флексии параллельно служат и средством выражения общего признакового значения прилагательных. Это неоднократно подчеркивалось в русской грамматике. Так, К. С. Аксаков отмечал, что аффиксы

-ый/-ой, -ий, -ая/-я, -ое/-е есть выражение качества, которое «имеет значение само по себе и может быть понято как нечто отдельное, хотя также проявляющееся на предмете».²⁵²

Качественное значение этих аффиксов, однако, нейтрализуется, вытесняемое предметным при переходе соответствующих прилагательных морфолого-синтаксическим способом в класс существительных. В этом случае флексии становятся, по определению В.В. Виноградова, «окончаниями-суффиксами», что показано на примере такого сопоставления: *Рулевой открыл глаза. Тогда я увидел, что вовсе не рулевой это был, а рулевая* (В. Каверин). Действительно, в системе существительного подобные случаи (*рулевой — рулевая*) должны рассматриваться как суффиксальное образование лексем со значением женского лица, так как род здесь — категория классификационная, несловоизменяемая. Особенность имени прилагательного состоит в том, что кроме атрибутивных согласуемых категорий они характеризуются еще двумя, содержание, выражение и функции которых в языке несколько иные, — категориями полноты-краткости и степеней сравнения.

В современном русском языке краткая (по другой терминологии — нечленная) форма прилагательных характеризуется только предикативным употреблением (функция именной части составного сказуемого). С этим связано то, что из выделяемых в традиционной грамматике разрядов краткими формами (имеющими соотносительные полные, конечно) обладают только качественные прилагательные, причем не все. В этой связи В.В. Виноградов отмечал, что в строгом смысле краткими формами могут обладать только те качественные прилагательные, которые обозначают качество как временный признак. В том

²⁵² К. С. Аксаков. *Опыт русской грамматики. Конспект последних двух отделов 1-ой части русской грамматики.* — К. С. Аксаков. Полн. собр. соч. М., 1880, т. 3, ч. 2: *Сочинения филологические, стр.* 113–114.

случае, когда речь идет о признаках постоянных, вневременных, краткая форма не должна образовываться. Поэтому, например, у прилагательного *живой* в его временном значении краткая форма еще есть (*Он был еще жив*), но в значении постоянного признака этой формы уже нет (*живая природа*; но нельзя сказать: *природа жива*, если это только не связано со стилистико-экспрессивными целями: *Природа еще жива только потому, что находятся люди, ее защищающие*). По этой причине вовсе не образуют кратких форм такие прилагательные, как *косой*, *хромой* и др. — постоянные эпитеты. Кроме того, существуют и морфологические ограничения в образовании кратких форм.

Во-первых, не образуют кратких форм окачественные относительные прилагательные (*дружеский привет*, *человеческий голос* и др.), или качественные прилагательные, сохраняющие следы относительности, обычно с суффиксами *-н-* (*проливной*, *наживной*), *-ев-*, *-ов-* (*теневогой*, *багровый*), *-ческ-* (*страдальческий*).

Во-вторых, вовсе не образуют кратких форм непритяжательные относительные прилагательные и притяжательные относительные, имеющие флексии *-ый* и др. Что касается слов типа *братнин*, *отцов*, то их специфика состоит в том, что они, имея краткую форму, тем не менее не имеют соотносительных полных форм (нет форм типа *отцовый*, *братнинный*). Правда, развитие современного русского языка в последние десятилетия дает нам пример того, насколько непредсказуемы могут быть грамматические процессы. Уже становятся привычными полные формы таких прилагательных, употребляемые параллельно с краткими: наряду с субстантивным (притяжательным) у этих слов развилось адъективное склонение, правда, полные формы появляются только в косвенных падежах: *отцов-0*, *отцов-а* и *отцов-ого*, *отцов-у* и *отцов-ому*, *отцов-0* и (в редких случаях сочетания с определяемыми одушевлен-

ными существительными) *отцов-ого, отцов-ым, об отцов-е* и *об отцов-ом*.

Кроме качественных, соотносительными полными и краткими формами характеризуются относительные непритяжательные прилагательные — причастия, но не все, а только те, которые легче других поддаются окачеству, — страдательные причастия. При этом, как отмечал В. В. Виноградов, «причастия на *-нный* и *-тый* гораздо больше поддаются качественным изменениям и гораздо ближе к прилагательным, чем причастия настоящего времени на *-мый*».²⁵³ По мере окачества причастий возможности их соотносительности по признаку полноты-краткости расширяются, но некоторые страдательные причастия кратких форм не имеют (*бросаемый, упрекаемый, обвиняемый, распространяемый, берегаемый* и др.), видимо, из-за того, что формы типа *бросаем* совпадают с 1-ым лицом множественного числа глаголов настоящего времени; *читанный, спетый, тертый, колотый, простертый* и др. в краткой форме употребляются редко. Возможность употребления в краткой форме прилагательных-причастий связана с тем, что выражаемый ими признак — временный, непостоянный: здесь это качество благодаря унаследованному от глагола временным формам проявляется более последовательно, чем у обычных прилагательных.

Другие прилагательные («порядковые», «местоименные») кратких форм не образуют, так как выражаемый ими признак не качественный и не может быть подвергнут окачеству, а редкие случаи, когда «порядковые» прилагательные подвергаются окачеству (*третьи петухи, в первую голову, до седьмого пота* и др.), относятся к устойчивым фразеологическим оборотам.

²⁵³ В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972, стр. 225.

Мы уже отмечали, что в современном русском языке краткие формы качественных прилагательных не могут быть определениями и употребляются только в функции именных сказуемых. Однако в древнерусском языке они употреблялись и в первой функции весьма свободно, следовательно, не было никаких ограничений для склонения кратких качественных прилагательных (в отличие от современного русского языка, допускающего склонение только кратких притяжательных прилагательных). Следы такого склонения и употребления качественных кратких прилагательных сохранились до сих пор — в разговорной речи, диалектах и фольклорной речи: *на босу ногу, красна девица, высок терем* и т.п. Такие примеры встречаются в поэзии, особенно в стилизованной под древне- и старорусский язык и под диалекты поэтической речи: *На плечах кафтан — ала бархата* (И. Сельвинский).

Степени сравнения — категория, характерная только для качественных имен прилагательных. Они выделяются традиционной грамматикой, но в последнее время эту категорию не включают в число парадигмообразующих категорий прилагательных. Тем не менее даже в последней из вузовских грамматик утверждается, что «качественные прилагательные имеют три степени сравнения — положительную, сравнительную и 120 превосходную».²⁵⁴ При этом отмечается, что положительная степень — исходная для двух других и сама идеи сравнения не выражает, но «ее значимость проявляется в парадигматическом ряду, включающем и другие формы степеней сравнения: *трудный — труднее (более трудный) — труднейший (самый трудный)*».²⁵⁵ В этой книге мы встречаем и отсутствовавшее в прежних учебных грамматиках уточнение, касаю-

²⁵⁴ Л. Д. Чеснокова, В. С. Печникова. *Современный русский язык. Часть II. Морфология*. Ростов-на-Дону, 1997, стр. 83.

²⁵⁵ Там же, стр. 121.

щесся а) отсутствия формальных показателей у положительной степени; б) неправомерности применения терминов степеней сравнения, в том числе и термина «положительная степень», к тем прилагательным, которые не способны образовывать сравнительную и превосходную степени, даже если они качественные. Например, нельзя квалифицировать прилагательные *живой, мертвый, черный, вороной, карий* и др. как положительную степень, так как они вообще не допускают идеи сравнения. Все это говорит о том, что в действительности у имен прилагательных не три, а две степени сравнения — сравнительная и превосходная. Форма, называемая положительной степенью, не может быть поставлена в этот ряд, так как ни формально (морфологически), ни по смыслу не отражает идеи сравнения, она только служит в качестве исходной для образования собственно степеней сравнения.

В соответствии с грамматической традицией выделяют простую форму сравнительной степени — компаратив и аналитическую, состоящую из «положительной степени» и слова *более* (*более трудный*).

Компаратив образуется с помощью суффиксов *-ее, -ей, -е* (*интересный — интереснее или интересней, громкий — громче*) и означает бóльшую степень проявления признака. Семантика конкретных форм компаратива имен прилагательных неоднородна. С одной стороны, бóльшая степень проявления признака может определяться по отношению к другому лицу или предмету, обладающему таким признаком (*Эта задача труднее предыдущей*), с другой — степень признака может определяться и как разные его проявления у одного и того же лица, предмета в разное время (*Он сегодня добрее, чем вчера*).

При употреблении компаратива как сравнения признаков двух лиц, предметов не обязательно, чтобы оба они реально обладали тем же признаком, который указан в прилагательном. Когда мы говорим *Тополь выше сосны*, это не означает,

что сосна высокая, а тополь еще выше; *Брат старше сестры* не означает, что признак старший в разной степени есть у обоих — что сестра старшая, а брат еще старше; *Киев больше Торжка* — Торжок не просто меньше, но маленький городок; *Этот дом выше всех в округе* — остальные просто низкие; и т. д. Более того, обозначенный «положительной степенью» признак может быть реально не выражен ни у одного из сравниваемых предметов, лиц. Когда мы говорим *Руслан моложе Ибрагима*, это еще не означает, что и Руслан, и Ибрагим молодые: одному может быть семьдесят, другому — на год больше. Поэтому можно считать равнозначными предложения *Руслан моложе Ибрагима* и *Ибрагим старше Руслана*: ни в том, ни в другом случае возраст неизвестен. То же самое мы наблюдаем и во многих случаях употребления компаратива для обозначения большей степени проявления признака у одного и того же лица, предмета: *С годами люди становятся добрее* (исходный признак не обязательно «добрые», а компаратив еще не означает, что этот признак проявляется в должной, достаточной, не говоря о большой, мере). В этой связи Л. Д. Чеснокова считает необходимым различать морфологическую парадигму степеней сравнения (сопоставление признаков как таковых: *добрый — добрее — добрейший*) и синтаксическую парадигму сравнения (сопоставление предметов по определенным признакам: *Сын выше отца*), но вряд ли этого достаточно, чтобы очертить функциональные возможности компаратива. Видимо, дело в специфике конкретных качественных значений, заключенных в семантике прилагательных.

В подавляющем большинстве случаев, независимо от того, какая парадигма сравнения им представлена, компаратив выражает степень проявления признака не того, который обозначен в исходной форме. В предложениях *Он стал старше* и *Брат старше сестры* речь идет о разных возрастах: в первом — о большем возрасте одного лица в настоящий момент

в сравнении с его возрастом в какой-то необозначенный момент в прошлом, во втором — о разных возрастах двух лиц в одно время. Казалось бы, компаратив во втором случае должен быть непосредственно соотнесен с семантикой исходной формы *старший*, но на самом деле такая соотнесенность сомнительна: в компаративе *старше* вряд ли заключено больше возрастного признака, чем в *старший*; на деле здесь соотношение *младший-старший*.

Прилагательных, исходная форма и компаратив которых соотносятся как форма с нейтральным обозначением признака, соответствующего корневому значению, и форма с обозначением большей степени его проявления, сравнительно мало. Сюда относятся немногочисленные прилагательные, обозначающие цвет, оттенок (*красный, черный, белый, бледный, светлый, темный*), прилагательные, обозначающие общие пространственные и временные качества (*левый, правый, прямой, тесный, древний*), отдельные лексемы из других семантических групп прилагательных (*сытный, резвый, теплый, гладкий*). Пары *белый-белее, светлый-светлее, правый-правее, древний-древнее* представлены морфологически равнозначными корнями.

«Аналитическая форма» сравнительной степени, которую АГ-80 не относит к сложным формам прилагательных и считает «описательными», одним из способов синтаксического выражения идеи сравнения, образуется с помощью слов *более* и *менее*, прибавляемых к «положительной степени»: *более/менее гордый, более/менее высокий, более/менее тесный*. В этих формах идея сравнения реализуется последовательно: соотнесенность типичного (в норме) признака и большей в сравнении с ним степени его проявления здесь налицо.

Превосходная степень (высшая степень проявления признака) обычно предполагает сравнение признака одного лица, предмета со всеми другими, обладающими этим признаком в значительно меньшей степени. Образуется суффиксами **-айш**, **-ейш**:

добрейший, сильнейший, крупнейший, высочайший, глубочайший. В редких случаях превосходная степень может выражать степень проявления признака безотносительно к другим предметам и лицам — как максимум возможного для того предмета, лица, которые определяются прилагательным: *Капитан велел перевести машины на тишайший ход; Глупейшее выражение его лица не осталось незамеченным.* Соотнесенный характер признака отчетливо проявляется в аналитической (сложной) превосходной степени, образуемой словами *самый* и *наиболее* в сочетании с исходной формой: *самый/наиболее широкий, самый большой, самый главный.*

Худший, высший, низший, меньший и др. прилагательные с суффиксом **-ш** не являются формой превосходной степени. Это самостоятельные прилагательные, образованные суффиксом со словообразовательным значением высшей степени проявления признака.

Выделяемые в отдельных грамматиках как превосходная степень, образованная префиксом **наи-**, прилагательные типа *наилегчайший, наилюбимейший* «не соответствуют», по справедливому замечанию Л.Д. Чесноковой, «морфологической парадигме степеней сравнения», так как исходная форма уже является превосходной степенью (*легчайший, любимейший*); префикс **наи-** выражает в них «суперпревосходное» значение, являющееся не грамматическим, а словообразовательным. «Морфологической парадигме» степеней сравнения не соответствуют и сочетания типа *лучше всех*, которые следует относить к синтаксическому выражению идеи сравнения.

Простые формы сравнительной и превосходной степеней образуются только от полных качественных прилагательных. Аналитические формы могут быть образованы и от кратких: *более/наиболее интересен, более/наиболее точен, более/наиболее удобен* и т. д.

Из рассмотренных форм обращает на себя внимание простая форма сравнительной степени — компаратив. Специфика компаратива в том, что он употребляется только в функции именной части составного сказуемого, в связи с чем зарубежные русисты и выводят его обычно за пределы имени прилагательного и даже причисляют к глаголу. Мотивированные компаративом прилагательные с префиксом **по-**, выражающим словообразовательное значение «чуть большая, чем в норме, степень проявления признака», могут функционировать в качестве несогласованных определений (*Мальчик постарше вызвался помочь мне; Он устроился в комнате попросторнее, наверху*), но сам компаратив в этой функции не используется.

Соотносительностью полных и кратких форм характеризуются, как отмечалось, качественные прилагательные и страдательные причастия. Традиционная грамматика при этом указывает, что несоотносительные полные и краткие формы характерны для притяжательных прилагательных, что означает: притяжательные прилагательные могут иметь или только краткие (*отцов, дядин, братнин*), или только полные формы (*медвежий, лисий*). Однако морфемная структура прилагательных типа *медвежий* указывает на то, что они имеют нулевое окончание, а морфема **-ий**, если придерживаться традиционных грамматических взглядов, отказывающих флексиям в словообразующей роли, является не окончанием, а суффиксом с беглым гласным **и**:

И. *медвежий-Ø*

Р. *мед веж)-его*

Д. *медвежь-ему*

В. *медвежий-Ø*

Т. *медвежь-им*

П. *о медвежь-ем*

На самом деле, конечно, это полные формы, а начальная форма — прилагательное, образованное флексией. Только это позволяет считать подобные прилагательные полными

и не сливать их с явно краткими прилагательными типа *братнин*, *отцов*. Отличаются они от последних склонением: в основном для них варианте склонения *отцов*, *братнин* изменяются по субстантивному типу (*отцов-Ø*, *отцов-а*, *отцов-у* и т. д.), *лисий*, *собачий* — по адъективному. Однако есть и полные притяжательные прилагательные, образованные от имен существительных с помощью суффиксов **-ин/-ын**: *орлиный*, *ослиный*, *львиный*. Другая разновидность полных притяжательных прилагательных — образования от кратких притяжательных с помощью суффикса **-ск-** (*отцовский*).

Из морфологических категорий, характерных для имени прилагательного в целом, «универсальными», являющимися парадигмообразующими для всех изменяемых прилагательных, являются число, род и падеж. Однако это не означает, что в реальности все прилагательные употребляются во всех 36 формах, образующих эту парадигму. Некоторые прилагательные из-за специфики обозначаемого признака, которым может быть определено только лицо или существо определенного пола, употребляются лишь в одном роде, в связи с чем их парадигма насчитывает только 12 форм. Для прилагательных типа *женатый*, *замужняя*, *холостой*, *беременная*, *стельная*, *дойная*, *яловая* исключено употребление в среднем роде, так как обозначаемыми ими признаками могут быть определены только живые существа. Этим семантическое противодействие в образовании родовых форм не ограничивается: одни прилагательные могут обозначать только признаки существ мужского пола (*женатый*, *холостой*), другие — женского (*замужняя*, *беременная*, *стельная*, *дойная*, *яловая*).

Другая (немногочисленная) группа прилагательных (*рад*, *го-разд*, *должен*, *надобен*) утратила полные формы, употребляясь только в функции именной части составного сказуемого; вследствие этого парадигма таких прилагательных ограничена фор-

мами единственного и множественного числа мужского, женского и среднего рода (*надобен*).

Что касается категории степеней сравнения, ее место и роль в парадигматике прилагательных до сих пор остаются неясными. В последнее время составители отдельных грамматик склонны считать, что прилагательные с суффиксом **-ейш-/-айш-** не выражают особого морфологического значения и представляют собой словообразовательные типы, что подтверждается свободным употреблением вне их парадигматических отношений с положительной и сравнительной степенями: *вернейшее средство, глубочайшее уважение*. Сложнейшая проблема грамматики решается, а ее решение аргументируется, на наш взгляд, слишком просто, чтобы с этим можно было согласиться безоговорочно. Если превосходная степень — не особое морфологическое значение, то почему «бóльшая степень проявления признака» может быть значением особым? Сомнительно и свободное употребление вне парадигматических отношений. *Я испытываю к нему глубокое уважение, которое еще рано называть глубочайшим: У нас с ним еще пока только близкое знакомство, еще не ближайшее; Аспирин — верное средство от температуры, но аспирин «Упса» — вернейшее...* Разве такие соотношения невозможны в языке? А если речь идет о возможности/невозможности простой замены одной формы сравнения другой с участием превосходной, такая замена не всегда возможна и тогда, когда «в норме» употреблена другая форма — положительная или сравнительная. Что касается обособленности и грамматической специфики, то в еще большей степени, чем превосходная степень, обособленной является форма компаратива — по признаку неизменяемости и функционально-синтаксической ограниченности.

На наш взгляд, логичнее было бы вывести в таком случае из парадигматики прилагательного обе формы сравнения, отнести их к словообразовательному типу прилагательных со зна-

чением степени проявления признака, в который, кроме компаратива и суперлатива (превосходной степени), входят также и так называемые «формы оценки качества» — незначительная степень (*беловатый, узковатый; бедненький*) и чрезмерная степень (*большуущий, тяжеленный*). В пользу такого решения проблемы говорит и тот факт, что эти адъективные словоформы или не входят в общую парадигму словоизменения прилагательных и не образуют собственной (компаратив), или, наоборот, имеют собственную парадигму словоизменения (суперлатив).

Морфологическая, функционально- и сочетаемостно-синтаксическая специфика кратких форм прилагательных (несклоняемость; собственная парадигма числа и рода с особыми окончаниями; сходство — конечно, внешнее — с оформлением грамматических значений существительных, с которыми они сочетаются; неупотребление в основной для прилагательного функции определения и использование исключительно в роли именной части составного сказуемого) являются достаточным основанием для того, чтобы также считать их особым словообразовательным типом прилагательных со значением качественного состояния и образуемым прибавлением к основе полных прилагательных родочисловых флексий.

§ 3.2. Склонение прилагательных

Существует несколько классификаций прилагательных по типам склонения.

Традиционная выделяет три разновидности склонения, определяемые а) характером основы, б) характером и системой словоизменительных флексий.

1. **Твердая разновидность** склонения прилагательных включает в себя имена прилагательные с основой на парно-твердые согласные и с окончаниями, начинающимися на глас-

ный непереднего ряда («твердыми окончаниями»); этим признаком характеризуются все падежные формы.

- И. *добр-ый, тал-ый, груб-ый, нежн-ый, брав-ый, терт-ый*
- Р. *добр-ого, тал-ого, груб-ого, нежн-ого, брав-ого, терт-ого*
- Д. *добр-ому, тал-ому, груб-ому, нежн-ому, брав-ому, терт-ому*
- В. *добр-ый, тал-ый, груб-ый, нежн-ый, брав-ый, терт-ый*
добр-ого, тал-ого, груб-ого, нежн-ого, брав-ого, терт-ого
- Т. *добр-ым тал-ым груб-ым нежн-ым брав-ым терт-ым*
- П. *о добр-ом, о тал-ом, о груб-ом, о нежн-ом, о брав-ом, о терт-ом*

Характер основы (твердый) и флексии («твердая») остаются теми же в формах женского и среднего рода, множественного числа.

2. **Мягкая разновидность** склонения объединяет в себе прилагательные с основой на парно-мягкие согласные, а также с основой на непарно-мягкие (Щ, Ч), с окончаниями падежей, начинающимися на гласные переднего ряда («мягкими окончаниями»); этот признак также является общим для всех падежных форм прилагательных в единственном и множественном числе.

- И. *син'-ий, горяч-ий, сущ-ий*
- Р. *син'-его, горяч-его, сущ-его*
- Д. *син'-ему, горяч-ему, сущ-ему*
- В. *син'-ий/син'-его, горяч-ий/горяч-его, сущ-ий/сущ-его*
- Т. *син'-им, горяч-им, сущ-им*
- П. *о син'-ем, о горяч-ем, о сущ-ем*

3. **Смешанное склонение** в традиционной морфологии составляют такие прилагательные, у которых характер основы и (или) флексии в одних падежных формах соответствует твердому склонению, в других — мягкому. Сочетание призна-

ков разных склонений может быть связано преимущественно с изменением характера основы или преимущественно с совмещением твердой основы и «мягкого» окончания. Поэтому смешанное склонение представляется в двух подтипах, которые на практике часто выделяют и как самостоятельные разновидности склонения прилагательных:

а) склонение прилагательных с основой на заднеязычные Г, К, Х, у которых в формах мужского рода в именительном, винительном и творительном падежах, а также в формах множественного числа мягкая основа и «мягкое окончание», а в формах женского рода в единственном числе и в родительном, дательном, «втором винительном» и предложном падежах мужского рода — основа и флексия твердые; прилагательные среднего рода отличаются от прилагательных мужского рода в именительном и «первом винительном».

Единственное число

- И. *строг'-ий, легк'-ий, тих'-ий*
- Р. *строг'-ого, легк'-ого, тих'-ого*
- Д. *строг'-ому, легк'-ому, тих'-ому*
- В. *строг'-ий, легк'-ий, тих'-ий*
строг'-ого, легк'-ого, тих'-ого
- Т. *строг'-им, легк'-им, тих'-им*
- П. *о строг'-ом, о легк'-ом, о тих'-ом*

Множественное число

- И. *строг'-ие, легк'-ие, тих'-ие*
- Р. *строг'-их, легк'-их, тих'-их*
- Д. *строг'-им, легк'-им, тих'-им*
- В. *строг'-ие, легк'-ие, тих'-ие*
строг'-их, легк'-их, тих'-их
- Т. *строг'-ими, легк'-ими, тих'-ими*
- П. *о строг'-их, о легк'-их, о тих'-их*

Смешанный характер имеет и склонение форм среднего рода (*строг-ое, строг-ого, строг-ому, строг-ое и строг-ого, строг' — им, о строг-ом*). Прилагательные женского рода последовательно изменяются по твердому типу (*строг-ая, строг-ой, строг-ой, строг-ую, строг-ой, о строг-ой*).

б) склонение прилагательных с основой на шипящие (Ж, Ш) и Ц характеризуется последовательной твердой основой во всех падежных формах; флексии у прилагательных на Ж, Ш преимущественно «мягкие», у прилагательных на Ц в смешанные — «мягкие» и «твердые».

Мужской род

И. *рыж-ий, пеш-ий, куц-ый*

Р. *рыж-его, пеш-его, куц-его*

Д. *рыж-ему, пеш-ему, куц-ему*

В. *рыж-ий, пеш-ий, куц-ый*
рыж-его, пеш-его, куц-его

Т. *рыж-им, пеш-им, куц-ым*

П. *о рыж-ем, о пеш-ем, о куц-ем*

Средний род

И. *рыж-ее, пеш-ее, куц-ее*

Р. *рыж-его, пеш-его, куц-его*

Д. *рыж-ему, пеш-ему, куц-ему*

В. *рыж-ее, пеш-ее, куц-ее*

Т. *рыж-им, пеш-им, куц-ым*

П. *о рыж-ем, о пеш-ем, о куц-ем*

Женский род

И. *рыж-ая, пеш-ая, куц-ая*

Р. *рыж-ей, пеш-ей, куц-ей*

Д. *рыж-ей, пеш-ей, куц-ей*

В. *рыж-ую, пеш-ую, куц-ую*

Т. *рыж-ей, пеш-ей, куц-ей*

П. *о рыж-ей, о пеш-ей, о куц-ей*

Множественное число

И. *рыж-ие, пеш-ие, куц-ые*

Р. *рыж-их, пеш-их, куц-ых*

Д. *рыж-им, пеш-им, куц-ым*

В. *рыж-их, пеш-их, куц-ых*

Т. *рыж-ими, пеш-ими, куц-ыми*

П. *о рыж-их, о пеш-их, о куц-ых*

Неуниверсальность этой классификации была очевидна давно, но лишь относительно недавно стали появляться другие, включающие в себя все прилагательные в полном объеме, а не только основные их формы и разряды с приведенными признаками.

При всей своей кажущейся стройности и последовательности традиционная классификация склонения прилагательных или вовсе игнорировала, или выводила за пределы выделяемых типов склонение прилагательных, по форме не соответствующих приведенным выше. Это и притяжательные прилагательные с нулевой флексией в именительном падеже единственного числа мужского рода и «субстантивными» флексиями в женском и среднем роде типа *лисий-Ø, лис'ја, лис'је*, и притяжательные прилагательные с теми же признаками, изменяющиеся по субстантивному типу (*отцов, братнин*). Кроме того, свое место в классификации должны занять и те прилагательные, которые в традиционной грамматике отнесены к другим частям речи (*местоименные прилагательные*, например). И, наконец, специфическую группу в классификации по типам склонения должны составить неизменяемые прилагательные, у которых соответствующие грамматические значения не получают грамматического (морфологического) выражения, но все же реализуются — синтаксически.

В связи с этим сейчас в грамматике предлагается другая классификация, согласно которой выделяются:

- 1) адъективное склонение, имеющее твердую (*белый, молодой*) и мягкую (*синий, куцый, хороший, чужой*) разновидности;
- 2) смешанное склонение, подразделяющееся на а) местоименное (*наш, лисий, сей, весь, этот, тот*) и б) притяжательное (*отцов, мужнин*).

Как видим, в этой системе упрощено адъективное склонение — сведением в одну разновидность (мягкую) прилагательных с разным характером основ и различными соотношениями флексий в разных падежных формах. Между тем трудно согласиться с отнесением к мягкому склонению прилагательных с реально твердой основой и флексиями; не может не вызывать возражений и объединение в одном смешанном склонении прилагательных типа *весь* и *отцов*.

Исходя из этого, можно построить классификацию типов склонения прилагательных в следующем виде.

1. *Адъективное склонение*, включающее в себя все четыре разновидности склонения прилагательных, выделяемые в традиционной грамматике: а) твердую; б) мягкую; в) с основой на Г, К, Х; г) с основой на Ж, Ш, Ц. Кроме «положительной степени», сюда входят и прилагательные со значением превосходной степени. В соответствии с характером основ и системой флексий в эти четыре разновидности включаются причастия и порядковые числительные, отдельные местоимения, распределение которых по соответствующим разновидностям с учетом их характерных признаков, приведенных в начале параграфа, не составит труда.

2. *Смешанное адъективно-субстантивное склонение*, к которому относятся прилагательные с нулевой флексией им. и вин. п. ед. ч. мужского рода, флексиями *-а* и *-о (-е)* в женском и среднем роде в формах именительного и винительного падежей или словообразующими флексиями, функционально равными суффиксу, — окончанием *-и*, после непарно-твердых *-ый*, субстантивными флексиями *-е, -и* в именительном и винитель-

ном падежах множественного числа; во всех остальных формах окончания адъективные. Сюда относятся местоименные прилагательные *мой, твой, свой, наш, ваш, сей, сам, чей, ничей*, притяжательные типа *лисий, медвежий*, притяжательные на **-ин-**, количественные прилагательные *один* и *третий*.

Мужской род

- И. *весь-Ø, чей-Ø, сам-Ø, лис-иј, медвеж-иј*
- Р. *вс'-его, чј-его, сам-ого, лис'ј-его, медвежј-его*
- Д. *вс'-ему, чј-ему, сам-ому, лис'јему, медвежј-ему*
- В. *весь-Ø, чей-Ø, сам-Ø, лис'-ий медвеж-ий*
вс'-его, чј-его, сам-ого, лисј-его, медвежј-его
- Т. *вс'-ем, чј-им, сам'-им, лис'-јим, медвежј-им*
- П. *обо вс'-ом, о чј-ом, о сам-ом, о лис'ј-ем, о медвежј-ем*

Средний род

- И. *вс'-о, чј-о, сам-о, лис'ј-е, медвежј-е*
- Р. *вс'-его, чј-его, сам-ого, лис'ј-его, медвежј-его*
- Д. *вс'-ему, чј-ему, сам-ому, лис'ј-ему, медвежј-ему*
- В. *вс'-о, чј-о, сам-о, лис'ј-е, медвежј-е*
вс'-его, чј-его, сам-ого, лис'ј-его, медвежј-его
- Т. *вс'-ем, чј-им, сам'-им, лис'ј-им, медвежј-им*
- П. *обо вс'-ом, о чј-ом, о сам-ом, о лис'ј-ем, о медвежј-ем*

Женский род

- И. *вс'-а, чј-а, сам-а, лис'ј-а, медвежј-а*
- Р. *вс'-ей, чј-ей, сам-ой, лис'ј-ей, медвежј-ей*
- Д. *вс'-ей, чј-ей, сам-ой, лис'ј-ей, медвежј-ей*
- В. *вс'-у, чј-у, сам-у, лис'ј-у, медвежј-у*
- Т. *вс'-ей, чј-ей, сам-ой, лис'ј-ей, медвежј-ей*
- П. *обо вс'-ей, о чј-ей, о сам-ой, о лис'ј-ей, о медвежј-ей*

Множественное число

- И. *вс'-е чј-и сам'-и лис'ј-и медвежј-и*
- Р. *вс'-ех чј-их сам'-их лис'ј-их медвежј-их*
- Д. *вс'-ем чј-им сам'-им лис'ј-им медвежј-им*

- В. *вс'-е чј-и сам'-и лис'ј-и медвежј-и*
вс'-ех чј-их сам'-их лис'ј-их медвежј-их
- Т. *вс'-еми чј-ими сам'-ими лис'ј-ими медвежј-ими*
- П. *обо вс'-ех о чј-их о сам'-их о лис'ј-их о медвежј-их*

Притяжательные прилагательные на **-ин** типа *дядин, папин* имеют и второй вариант склонения, совпадающий с субстантивно-адъективным (*дядин-Ø, дядин-а, дядин-у* и т. д.); мы привели из двух вариантов основной.

Прилагательные *тот, этот* составители АГ-80 относят к смешанному склонению, имея в виду, что в именительном падеже они имеют нулевые окончания (*этот-о, тот-о*), однако на самом деле здесь в именительном падеже единственного числа мужского рода выделяется уникальное окончание **-от** (*эт-от, т-от*), заменяемое в женском и среднем роде и во множественном числе на **-а, -о, -и** (*эт-а, эт-о, эт-и*). С учетом двух последних окончаний их можно включить в этот тип, но с оговоркой, что в форме мужского рода единственного числа окончание не нулевое.

3. Смешанное субстантивно-адъективное склонение формируется из притяжательных прилагательных на **-ов-**, которые во всех формах единственного числа (кроме творительного и предложного падежей) имеют субстантивные окончания, в творительном и предложном падежах единственного числа, в косвенных падежах женского рода и во множественном числе (кроме им. п.) имеют адъективные окончания. Это прилагательные типа *отцов, дедов, царев*. Сюда относятся и некоторые прилагательные с суффиксом **-ин/-ын-**: *материн, дочерин, братнин, папин, дочерин, курицын, ослицын* и др.

Мужской род

- И. *отцов-Ø, братнин-Ø, материн-Ø*
- Р. *отцов-а, братнин-а, материн-а*

- Д. *отцов-у, братнин-у, материн-у*
- В. *отцов-Ø, братнин-Ø, материн-Ø*
- Т. *отцов-ым, братнин-ым, материн-ым*
- П. *об отцов-ом, о братнин-ом, о материн-ом*

Средний род

- И. *отцов-о, братнин-о, материн-о*
- Р. *отцов-а, братнин-а, материн-а*
- Д. *отцов-у, братнин-у, материн-у*
- В. *отцов-о, братнин-о, материн-о*
- Т. *отцов-ым, братнин-ым, материн-ым*
- П. *об отцов-ом, о братнин-ом, о материн-ом*

Женский род

- И. *отцов-а, братнин-а, материн-а*
- Р. *отцов-ой, братнин-ой, материн-ой*
- Д. *отцов-ой, братнин-ой, материн-ой*
- В. *отцов-у, братнин-у, материн-у*
- Т. *отцов-ой, братнин-ой, материн-ой*
- П. *об отцов-ой, о братнин-ой, о материн-ой*

Множественное число

- И. *отцов-ы, братнин-ы, материн-ы*
- Р. *отцов-ых, братнин-ых, материн-ых*
- Д. *отцов-ым, братнин-ым, материн-ым*
- В. *отцов-ы, братнин-ы, материн-ы*
отцов-ых, братнин-ых, материн-ых
- Т. *отцов-ы, ми братнин-ыми, материн-ыми*
- П. *об отцов-ых, о братнин-ых, о материн-ых*

4. **Нулевое склонение** названо склонением условно, так как морфологически включаемые сюда существительные по падежам не изменяются; их падежные значения выражаются синтаксически. Сюда включаются все неизменяемые прилагательные, из которых лишь три (*его, её, их*) являются исконно русскими, остальные — иноязычного происхожде-

ния. Это прилагательные типа *беж, хаки, модерн, ультра, бордо, макси, мини, хинди, урду, суахили, эсперанто, клеш, барокко, нетто, брутто* и т. д. Значительная часть таких слов употребляется и как прилагательные, и как существительные: это лексемы *хинди, урду, суахили, эсперанто, клеш, мини, макси, соло, пюре (томат-пюре и пюре), джерси (джерси-пальто и пальто из джерси)* и др. Частеречная принадлежность подобных лексем может быть установлена только в тексте. Падежные значения неизменяемых прилагательных также определяются в тексте — обычно по падежу определяемых существительных (*брюки клеш — брюк клеш — брюкам клеш — брюки клеш — брюками клеш — о брюках клеш*).

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каково общеграмматическое значение имени прилагательного как части речи?
2. Назовите лексико-грамматические разряды имен прилагательных.
3. Основные грамматические признаки имен прилагательных.
4. Назовите и охарактеризуйте типы склонения имен прилагательных.
5. Какие еще разряды выделяют в современной грамматике, выводя их из состава других частей речи?

ГЛАВА IV ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 1. Категория количества в языке и имя числительное

Наряду с качественной определенностью, одним из средств выражения которой (и основным) является рассмотренное нами в главе III имя прилагательное, все предметы окружающего нас мира характеризуются также определенностью количественной — числом, величиной, объемом, темпом и продолжительностью (действия) и т. д. Все это вместе взятое составляет то, что называют общей языковой категорией количества. Мыслительная категория количества «является универсальной, т. е. логической категорией, необходимой ступенькой познания действительности».²⁵⁶ Если «различия между предметами, неподобными друг другу, носят качественный...характер», то «различия между подобными предметами — количественный характер».²⁵⁷ Что касается характера самой количественной определенности в объективной действительности, то это, с одной стороны, дискретное, прерывное количество, определяемое счетом, а с другой стороны — недискретное, непрерывное количество, которое определяется посредством измерения. Соответственно категория количества представляет собой единство двух моментов — числа и величины.

Категория количества является одной из наиболее абстрактных категорий мышления. Показателем абстрактности этой категории может служить хотя бы то, что в современной математике и связанных с ее применением других отраслях зна-

²⁵⁶ *Философская энциклопедия. Том 2. М., 1962, стр. 552.*

²⁵⁷ *Философский словарь. Под ред. М. М. Розенталя. М., 1975, стр. 171.*

ния используются числа, которые в действительности никому не приходится наблюдать (12^{132} , 87^{-36} , 23 956 789 754 и др.). Поняв односторонне этот факт, в свое время Дюринг объявил, что основные формы бытия и понятия чистой математики имеют внеопытный, априорный характер. В «Анти-Дюринге» Фр. Энгельс резко опроверг подобное понимание количества как продукта чистого разума, не имеющего своей базы в действительности. Он писал: «Чистая математика имеет своим объектом пространственные формы и количественные отношения действительного мира, стало быть — весьма реальный материал. Тот факт, что этот материал принимает чрезвычайно абстрактную форму, может лишь слабо затушевывать его происхождение из внешнего мира».²⁵⁸ Рассматривая вопрос о понятии числа и другой мыслительной категории — фигуры, Фр. Энгельс отмечал далее: «Понятия числа и фигуры взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира. Десять пальцев, на которых люди учились считать, т.е. производить первую арифметическую операцию, представляют собой все, что угодно, только не продукт свободного творчества разума. Чтобы считать, надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но обладать уже и способностью отвлекаться при рассмотрении этих предметов от всех прочих их свойств кроме числа, а эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт, исторического развития».²⁵⁹

Объективность категории количества, в частности, числа, подтверждают также этнографические данные о счете у первобытных народов, данные из области детской психологии. Установлено, что у так называемых первобытных народов счет значительно более конкретен, чем в языках развитых народов,

²⁵⁸ Ф. Энгельс. *Анти-Дюринг*. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Том 20. М., Политиздат, 1961, стр. 37.

²⁵⁹ Там же.

вплоть до того, что счет ведется только на те предметы, которые можно посчитать параллельно с названием этого количества.

Таким образом, мыслительная категория количества — категория объективная, сформировавшаяся на базе количественных соотношений в объективной действительности и соответствующих представлений о них у человека, и в то же время категория абстрактная, в процессе исторического развития на известной ступени оторвавшаяся от реального мира, вернее, от излишней привязанности к этому миру. Эта мыслительная категория количества получила свое отражение в языке. История развития тех языковых явлений, которые являются средством выражения категории количества в языке, и прежде всего лексических обозначений количественных понятий и категории грамматического числа, показывает, что решающую роль в их развитии играет формирование мыслительной категории количества как отражения некоторых основных свойств самой объективной действительности, результаты которой в той или иной мере фиксируются в языке всегда.

Категория количества в языке функционирует в виде следующих основных частных категорий:

1) грамматическая категория числа, которая представлена рядами словоформ существительных и некоторых других частей речи;

2) лексическая категория числа, получающая свое выражение в специальном классе слов, называемых именами числительными.

В приложении к конкретным языкам формы выражения и частные значения первой — грамматической категории числа — могут быть разнообразными и охватывать разные категории слов. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить данные русского и вайнахских языков. Известно, что категория числа охватывает в русском языке имена существительные и согласуемые или координируемые с ними прилагательные,

глаголы. В чеченском языке, например, согласовательные возможности атрибутивных и глагольных форм значительно уже: с существительными по числу согласуются только те слова, которые имеют классные показатели: *кIант вогIу* — *кIентий богIу*, *беха некъ* — *деха некъаиш*. Но классные показатели могут быть только у ограниченного числа глаголов и прилагательных, а местоимения и числительные в чеченском языке не имеют их вовсе, поэтому в принципе согласуемые с существительными словоформы не соответствуют им в формах числа: *сира говр* — *сира говраиш*, *стаг лаьтта* — *нах лаьтта*, *сан цIа* — *сан цIенош*, *хьалхара могIа* — *хьалхара могIанаиш/могIариш*.

В качестве всеобщей, универсальной можно рассматривать лексическую категорию числа. Несмотря на различия в обозначении конкретных наименований множества, все человеческие языки объединяются одним общим свойством: все они имеют лексемы, основное значение которых — числовое. В.З. Панфилов устанавливает, что становление современной системы числа было ступенчатым и прошло несколько этапов.²⁶⁰

Числовые лексические значения существовали не всегда. Только научившись говорить и находясь на первоначальной стадии развития мышления, человек еще не был способен индивидуализировать окружающие предметы и существа и подвергать их счету. Он просто воспринимал их как некоторое множество, точные размеры которого не устанавливал. Но дело в том, что способность непосредственного восприятия количества, когда человек может запоминать некоторую совокупность однородных предметов как известную и легко установившую численность, имеет ограничение и возможна только в тех случаях, когда соответствующее множество состоит не более чем из 9 предметов (последнее установлено в наше время экспериментально), а свободно воспринимаемое множество рав-

²⁶⁰ В.З. Панфилов. *Философские проблемы языкознания*. М., 1977, стр. 164–178.

но 7. Со временем человеку стало трудно, ибо совокупности предметов и существ стали встречаться в большем количестве, и хозяйственная деятельность, которую он осваивал, требовала от него оперирования числами более 9. Воспринимать совокупные множества на этом уровне дискретного количества он не мог, поэтому сама жизнь привела к необходимости перейти от чувственно-конкретного количества к следующему этапу, от равночисленности конкретных множеств к выделению множества-эквивалента. Происходило это следующим образом.

В качестве эталона, или эквивалента, выбирались множества конкретных предметов, ранее воспринимавшиеся непосредственно-чувственно, без словесного оформления. В качестве такого эталона использовалось вначале конкретное предметное множество: пальцы рук; пальцы рук и ног; камешки; палочки и др. Выделение эталонов, по отношению к которым устанавливалась равночисленность всех других множеств, привело к возникновению понятий об определенных количествах, т.е. к появлению чисел. В качестве названий возникающих понятий о тех или иных определенных количествах при этом использовались:

1. Названия множеств-эталонов. Например, числительное *пять* происходит от слов со значением «рука» (пятерня), и это верно по отношению к большинству языков. В некоторых языках числительное — слово, обозначающее число *десять*, буквально означает «две руки». Слово *двадцать* в некоторых языках, в частности в венгерском, этимологизируется как «человек», «мужчина» (по общему числу пальцев рук и ног человека-мужчины). Руки и ноги человека играли самую важную роль при счете, поэтому неудивительно, что в качестве эталонов использовались те множества, которым соответствует количество пальцев на одной или двух руках, на руках и ногах в целом.

2. Названия соответствующих членов множеств-эталонов. Например, в амурском диалекте нивхского языка числительное

«девять» буквально означает «один находящийся», т.е. «один незагнутый палец на руках (обеих)».

3. Слово или словосочетание, указывающее на то движение при счете, которое совершалось при достижении соответствующего члена данного множества-эквивалента, или которым заканчивался счет. Так, в эскимосском языке числительное «шесть» означает «переход имеющий», «переходный», т.е. переходный при счете от пальцев одной руки до пальцев другой.

4. То или иное сочетание уже возникших количественных обозначений. Этот способ получил широкое распространение в самых различных языках. При таких сочетаниях количественных обозначений выражалась или операция сложения, или операция вычитания, либо операция умножения соответствующих чисел, при этом сама операция не получала какого-либо языкового обозначения. Например, в финском языке восемь — это «два-десять», т.е. два до десяти или десять минус два; в нивхском слово *мины* составлено из *ми* «два» и *ны* «четыре», т.е. 2×4 . Принцип умножения, кстати, используется во многих языках при образовании числительных, кратных десяти и ста (в русском *двадцать*, *тридцать*, *пятьдесят*, *пятьсот* и т.д.). Для образования числительных путем умножения одни языки, избравшие в качестве эталона пальцы рук, используют десятиричную систему, другие, взявшие эталонном пальцы и рук, и ног, используют двадцатеричную: в русском — десятиричная, например, а в чеченском — двадцатеричная: *шовзткъа* (2×20 — сорок), *кхузткъа* (3×20 — шестьдесят), *дезткъа* ($4 \times 20 = 80$ — восемьдесят) и т.д. При этом, что примечательно, двадцатеричная система счета в чеченском этим и ограничивается, тогда как в родственном бацбийском (цова-тушинском) соблюдается при образовании и практически всех остальных числительных, обозначающих десятки и сотни и даже тысячи (ср. *пхацткъаузткъа* ($5 \times 20 \times 20$ «пять раз двадцать на двадцать — две тысячи» и все остальные обозначения

больших чисел по такому образцу). Что касается числительных, обозначающих большие числа, то общей закономерностью является то, что они обычно восходят к словам, являющимся названиями вещей, встречающихся в большом количестве или представляющих собой большую массу: славянское *тъма* — 10 000, санскритск. *самудра* «океан» — 10 миллиардов, *самила* «поток» — 100 миллиардов.

Из всего этого можно сделать вывод, что числительные имеют под собой одну логическую и психологическую базу, но все-таки не образуют общую морфологическую категорию как в одном языке, так и в рамках языков вообще, главным образом из-за дискретности обозначаемого количества.

§ 2. Формирование имени числительного в русском языке

Имена числительные в русском языке формировались на протяжении длительного времени. В древнерусском языке числительные представляли собой более конкретную категорию, нежели в современном. Вначале, уже не в древнерусском, а в индоевропейском и праславянском, лексические обозначения численных представлений о небольших количествах формировались на основе эквивалентов множеств, имеющих предметное значение. Например, числительное *пять* сформировалось на основе существительного — множественного эквивалента со значением «полный набор пальцев одной руки», а затем стало употребляться как обозначение соответствующего числа.

В дальнейшем образование числительных шло на базе уже имеющихся обозначений единиц, сочетание которых посредством сложения и умножения дало в древнерусском языке сложные числительные. Числительные от 11 до 19 образовались

из таких сочетаний: два на десять, т. е. $2+10 = \text{двенадцать} > \text{двенадцать}$; три на десять, т. е. $3+10 = \text{тринадцать} > \text{тринадцать}$.

Сейчас формы *тринадцать* и др. мы встречаем только в специальных текстах, например, в исторических романах, как устаревшие — архаические формы.

Числительные от 20 до 80, обозначающие десятки, за исключением *сорок*, образовались путем операции умножения названий единиц на название десятка: *два десять* — $2 \times 10 = \text{двадцать}$, *три десять* — $3 \times 10 = \text{тридцать}$ и т. д.

Что касается числительного *сорок*, то оно относительно позднего происхождения. Для обозначения этого числа в древнерусском языке было числительное *четыредесят*, которое было заменено существительным *сорок*, обозначавшим точно определенное количество соболиных шкурок, являвшихся тогда своеобразной русской валютой: это слово было названием связки, насчитывавшей четыре десятка шкурок, и оно вытеснило исконно русское и образованное по стандартной схеме числительное *четыредесят*, которое с учетом отсутствия в языке тройственного и тем более четверного числа должно было звучать как *четыредесят*, потому что *четыре* должно было означать множество, а отсюда числительное *десять* в род. п. мн. ч. (числительные в древнерусском склонялись и во множественном числе, поскольку еще не выделились как особая часть речи и изменялись как существительные) должно было иметь форму *десять* (именно так: не с мягким знаком, а с «ер»).

Образование числительного *девяносто* не подчиняется общей логике образования числительных в русском языке. По всем правилам оно должно было образоваться путем сочетания *девять* и *десять* и звучать как *девяцать*. но неблагозвучность и некоторые фонематические трудности подобного образования заставили прибегнуть к другому способу: соединили *девять* и *сто*, что означает «девять до ста».

Нетрудно заметить, что при образовании сложных числительных соблюдены правила сочетаемости входящих в них компонентов — простых числительных: при образовании числительных от *одинадцати* до *девятнадцати* употреблена форма винительного падежа второго компонента, поэтому мы пишем на конце таких числительных Б — *семнадцать*, *восемнадцать*; при образовании числительных от *двадцати* до *восемидесяти* (обозначений десятков) употреблена форма родительного падежа (восемь чего? *десять*), которая в древнерусском языке оформлялась для множественного числа как твердая основа без окончания. Поэтому мы не пишем на конце таких числительных Б — *пятьдесят*, *шестьдесят*.

По тому же принципу образовались в древнерусском языке числительные со значением сотен — с использованием операции умножения простых числительных от 5 до 9, умножаемых на числительное *сто*, употребляемое, как имя существительное, в родительном падеже множественного числа: *семьсот*, *восемьсот*, *девятьсот*; умножением числительных от 2 до 4 на числительное *сто* в форме единственного числа родительного падежа (*триста*, *четыреста*) или двойственного числа (*двести*).

Тогда же, в древнерусском языке, образовались и составные числительные, которые звучали несколько иначе, но в сущности не отличаются от современных, поскольку и в древнерусском, и в современном русском языке составные числительные представляют собой простое соединение чисел, четных или нечетных 10 и 100. В тот же древнерусский период завершился и процесс формирования порядковых числительных, которые уже тогда грамматически тяготели к прилагательным.

Рассматривая числительные в привычном для нас синхронном аспекте, мы должны признать, что фактически никаких синхронных явлений в области словообразования числительных не происходит. В принципе числительные уже сформировались и процесс образования их можно считать завершенным.

Метод синхронного словообразовательного анализа можно использовать, но лишь для того, чтобы научить учащихся морфемному членению имен числительных.

§ 3. Вопрос о частеречном статусе и единстве класса числительных в русском языке

В современном русском языке слова, являющиеся отвлеченными обозначениями чисел и выраженного в числах количества, счета, образуют обособленную грамматическую категорию имен числительных, выделившись в самостоятельный грамматический класс — часть речи. Система счета — десятиричная до ста за исключением *сорок* и *девяносто*. Включает в себя как имена числительные, образовавшиеся на основе числовых обозначений от 1 до 10, так и числительные, являющиеся по происхождению существительными — в основном заимствованными из других языков (*миллион*, *миллиард* и др.). По своей грамматической природе числительное в русском языке — достаточно сложное и разнородное явление, особенно если учитывать гибридность морфологических и синтаксических признаков этого класса лексем в том объеме, который определен в традиционной грамматике.

До сравнительно недавнего времени частеречный статус числительных не вызывал каких-то особых споров. Но в грамматике последних десятилетий однозначное понимание частеречного статуса и объема числительных нарушено, в первую очередь из-за гибридного характера лексико-грамматической природы соответствующих слов.

Гибридность грамматического строя числительных в свое время подчеркивал В.В. Виноградов: «Грамматическое строение современных русских числительных ярко отражает приемы приспособления архаической морфологии к новым формам мышления. Разрыв употребления и значения указывает на пе-

реходную стадию в истории числительных. Древние синтетические формы числовых существительных и прилагательных подверглись в категории числительных разрушительному натиску отвлеченного математического мышления. Старая техника языка вступает в противоречие с новыми принципами понимания и выражения отвлеченных понятий числа и количества».²⁶¹ Имеется в виду, что соответствующие ряды слов в истории русского языка постепенно объединились в самостоятельный грамматический класс, хотя раньше имели связи с существительными (например, *пять-пяти* и т. д. — как существительные третьего склонения), с местоимениями (*оба-обе*), прилагательными (*три, четыре*). Пережитки старых морфологических отношений сохранились и донныне, поэтому при наличии явных признаков самостоятельной части речи русские числительные представляют собой довольно пеструю морфологическую картину. Достаточно того, что, скажем, числительные типа *пять, шесть, семь* и под. в морфологическом отношении мало отличаются от существительных третьего субстантивного склонения (таких, как *сеть, вещь, моль*), отличаясь, конечно, отсутствием рода и коррелятов по числу, тогда как *пятый, шестой, седьмой* и морфологически, и синтаксически не особенно расходятся с именами прилагательными.

Говоря о разрушительном натиске математического мышления, В. В. Виноградов имел в виду, что постепенно русские числительные начинают подстраиваться под западноевропейскую систему счетных слов. Известно, что в этих языках категория числа, в частности имя числительное, лишена предметности и понятие числа здесь математизировано. Поэтому во многих языках (в английском, французском, немецком, например) числительные не имеют ни рода, ни числа, ни даже падежа. Это своеобразная категория количественных слов, которые подве-

²⁶¹ В. В. Виноградов. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. М., 1972, стр. 254.

дены под одну морфологическую схему, не совпадающую с существительными и прилагательными и даже не близкую к ним. Такие количественные слова, по выражению В. В. Виноградова, имеют синтаксис, но лишены морфологии.

В то же время В. В. Виноградов был далек от того, чтобы сомневаться в частеречной самостоятельности числительных. Он считал, что, в отличие от западноевропейских языков, математическое мышление только начинает оказывать свое влияние на числительные русского языка, поэтому совершенно обособленной категорией числительное нельзя считать, но и следует согласиться с тем, что они в русском языке оторвались от существительных и прилагательных, с которыми генетически связаны: у числительных в целом (за исключением, может быть, порядковых) мало сходств с другими частями речи, чтобы причислять их к ним на основании одних только частных сходств и совпадений на лексическом или морфологическом, или синтаксическом уровне.

Тем не менее тенденция к разрушению частеречного единства числительных, отстаиваемого традиционной морфологией, в современной грамматике очевидна.

АГ-80, которая, как известно, строит классификацию частей речи преимущественно на морфологических критериях, отказалась от традиционного представления о числительных как части речи, формируемой известными *четырьмя* лексико-грамматическими разрядами. В перечне частей речи (§ 1116) числительное сохранено, но круг слов, включаемых в его состав, сузился за счет того, что все так называемые порядковые числительные изъяты из этой системы и включены в класс прилагательных, на том основании, что основные грамматические признаки (род, число, падеж, функция) у порядковых числительных и прилагательных совпадают. В то же время, в отличие от традиционной грамматики, АГ-80 в составе количественных рассматривает не только числительные типа *один, пять, тыся-*

ча, которые названы определенно-количественными, но и слова типа *мало, немало, много, немного, несколько, сколько, столько* и др., которые соответственно относились раньше некоторыми авторами даже учебных грамматик к наречию и местоимению. Основание: эти слова также имеют числовое значение и также сочетаются с существительными как счетные определители.

В понимании числительного АГ-80 сделала первый шаг на пути переосмысления грамматической природы и лексического состава числительных. Но в последнее время в научных публикациях и некоторых учебных грамматиках появляются предложения о более радикальном подходе к определению места счетных слов в системе частей речи, вплоть до отказа от выделения числительных как части речи, включения количественных числительных в систему существительных, порядковых в систему прилагательных. Такая коренная ломка традиционных представлений о числительных вряд ли нужна и вряд ли оправдывается грамматической природой числительных. Вполне вероятно, что числительные имена как часть речи в целом вполне самостоятельны на всех уровнях — и лексическом, и морфологическом, и синтаксическом, о чем свидетельствует ярко выраженная грамматическая специфика этих слов в русском языке. Споры могут быть относительно того, насколько широк круг слов, включаемых в эту часть речи, есть ли грамматическое единство между теми лексико-грамматическими разрядами числительных, которые выделяет традиционная грамматика, но оснований вообще лишать числительные частеречного статуса нет.

В то же время более чем достаточно оснований для выведения порядковых числительных из состава этой части речи и включения их в состав имени прилагательного как одного из лексико-грамматических разрядов. Это и фактическое совпадение основных морфологических признаков (категории числа, рода и падежа, выражаемые адъективными флексиями),

и наличие у подобных слов основных синтаксических (функциональных и сочетаемостных) свойств имен прилагательных. При этом порядковые числительные-прилагательные морфологически резко противопоставлены остальным количественным лексемам — и тем, что, в отличие от собственно числительных, лишенных морфологии, характеризуются упорядоченной системой морфологических категорий и средств их выражения, и в частности тем, что обладают грамматической категорией числа, которая отсутствует у имен числительных в силу специфики их лексического значения, уже выражающего понятие числа, причем числа конкретного.

Не было бы никакой необходимости пытаться сохранить в составе имени числительного и небольшую группу лексем, называемых собирательными числительными (*оба, двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро*), если бы степень их морфологической и синтаксической близости к прилагательным или к существительным была такой, как в случае с порядковыми «числительными» — прилагательными. Словоизменение перечисленных 10 слов близко к словоизменению имен прилагательных (*двое, двоих, двоим...*), но они не имеют грамматических форм числа и рода и согласуются с существительными только в падеже. Употребление их в сочетании с существительными только одного рода — мужского (*двое, трое, четверо* мужчин, но не *двое, трое, четверо* окон или женщин), или наличие двух собирательных числительных одного корня *оба* и *обе* (мужской-средний и женский род) — это не достаточное основание для того, чтобы говорить о категории рода применительно к таким словам, хотя бы потому, что словоизменение таких слов (*двое, трое* и т. д.) происходит по типу склонения прилагательных множественного числа, стоящего вне родоразличения. Синтаксически эти слова (прежде всего в функциональном отношении) почти в равной степени сближаются и с именами прилагательными (*К вам при-*

ходили *трое мужчин*), и с именами существительными (*К вам приходили трое*). Все это говорит о том, что собирательные числительные логичнее и с грамматической точки зрения правильно будет сохранять в системе имени числительного как один из его разрядов.

Таким образом, имя числительное — часть речи, включающая в себя три из четырех лексико-грамматических разрядов, выделявшихся в традиционной грамматике: 1) количественные числительные, б) дробные числительные, в) собирательные числительные. Порядковые числительные отнесены к именам прилагательным (см. главу III). Не исключено, что оставшиеся три разряда могут предложить, как это даже делается отдельными авторами, отнести к сфере имени существительного и таким образом сократить число частей речи за счет имени числительного.

§ 4. Грамматические признаки числительных

Морфологически и синтаксически имя числительное в русском языке отличается от соответствующих счетных слов в других языках, в том числе в западноевропейских. Специфика русских числительных в сравнении с неизменяемыми немецкими, французскими и т. д. числительными состоит в том, что они по меньшей мере склоняются, а значит, согласуются с теми существительными, которые определяют количественно, в падеже. Способность к склонению сохраняется русскими числительными и в том случае, когда они употребляются вне согласования с существительными (*к двум прибавить девять получается одиннадцать*). Часть имен числительных, изменяющихся по адъективному типу (*один, два*), способна к родоразличению (*один мужчина — одна женщина — одно окно; два человека, два окна — две книги*). Другая группа (*тысяча, миллион, миллиард, триллион*) характеризуется классификацион-

ной категорией рода, такой же самостоятельной, как у имен существительных, поэтому согласования с определяемым существительным не происходит (*миллион мужчин — миллион женщин — миллион окон*).

С другой стороны, «категория имен числительных в русском языке еще не достигла той степени абстрактности, которая характерна для западноевропейских языков», поэтому, видимо, имеют некоторые тематические признаки, сближающие их с другими именами. Однако ввиду нейтрализации еще в древнерусский период предметного элемента в своей семантической структуре числительные морфологически не слились с именами существительными.

Одним из ярких признаков всех числительных, за исключением приведенных выше, является отсутствие у них категории грамматического рода, ни как словоизменительной, ни как классификационной. Поэтому невозможно сочетание с числительными прилагательных, которые, как известно, характеризуются согласуемыми родовыми формами: нельзя сказать *круглое пять* или *круглый пять*. Родовые различия могут быть только у количественных существительных, производных или образованных от числительных: *пара, пяток, десяток, сотня, половина, дюжина, осьмушка, четверть* — это количественные существительные, они имеют предметное значение, поэтому характеризуются классификационной категорией рода и могут иметь при себе согласуемые прилагательные: *парадная пара* (сапог), *вторая осьмушка* (табаку), *лучшая половина* (человечества). Эти количественные существительные приобрели и все основные качества существительных: формы рода, числа, падежа, причём окончания соответствующих форм у количественных существительных и обычных существительных совпадают.

Какие-то следы **родовых различий** сохранились до сих пор у числительных *один, два, оба, полтора*. Числительное *один* может иметь формы всех трех родов: *один-одна-одно*. Нали-

чие этих форм объясняется тем, что лексема *один* по происхождению является местоименным прилагательным со значением «некий; какой-то», ср: *Человек один бе богат, иже насади виноград...* В современном русском это слово употребляется и как числительное, и как местоименное прилагательное: *Один старик сказал*, т. е. «Какой-то старик сказал» — местоименное прилагательное; *один кусок мыла* — числительное (функционирование слова *один* возможно в родовых формах — не только в мужском, но и в женском — даже в роли наречия: *Он пришел один/Она пришла одна*). Тем самым *один* сохраняет морфологические свойства имени прилагательного и поэтому изменяет свои формы в пределах трех родов так же, как местоименные прилагательные *сам, этот, тот* и др., изменяющиеся по адъективному типу. Тем не менее, включение этого слова (*один*) в класс прилагательных, несмотря на фактическую его близость к ним, нежелательно: хотя бы потому, что это бессмысленно по отношению к одному или нескольким словам (в таком случае речь может идти и о словах *два, три, четыре* — по разным причинам), тем более что это нарушит систему счета среди количественных числительных.

Выражение родовых различий в числительном *два* имеет совершенно иной характер. Здесь эти различия прослеживаются только в двух падежах — именительном и винительном:

- И. *два сапога, две куртки*
- Р. *двух сапог, двух курток*
- Д. *двум сапогам, двум курткам*
- В. *два сапога, две куртки*
- Т. *двумя сапогами, двумя куртками*
- П. *о двух сапогах, о двух куртках*

Но и в этих двух падежах полного согласования числительного с существительным нет: в обоих случаях это родительный

падеж единственного числа существительного, тогда как числительное употреблено в именительном и винительном падежах; в косвенных падежах родовое различие, как мы видим, отсутствует. Поэтому можно говорить только о непоследовательном выражении родовых различий у числительного *два*.

В собирательном числительном оба родовых различия сохраняются во всех падежах, но в реальности у него только две родовые формы: одна общая для мужского и среднего рода и вторая — форма женского рода.

- И. *оба студента, оба окна, обе студентки*
- Р. *обоих студентов, обоих окон, обеих студенток*
- Д. *обоим студентам, обоим окнам, обеим студенткам*
- В. *обоих студентов, оба окна, обеих студенток*
- Т. *обоими студентами, обоими окнами, обеими студентками*
- П. *об обоих студентах, об обоих окнах, об обеих студентках*

К родовым числительным относят и *полтора*: с мужским и средним родом употребляют *полтора*, с женским родом — *полторы* (*полтора дня — полторы недели*). Окончания **-а** и **-ы** в этом числительном восходят к родительному падежу именного склонения, но в современном русском языке подобные морфологические различия не осознаются. Кроме того, для всех косвенных падежей слова *полтора*, так же, как для *два* и *оба*, употребляется одна общая форма — *полтора*:

- И. *полтора дня, полторы недели*
- Р. *полтора дней, полтора недель*
- Д. *полтора неделям, полтора дням*
- В. *полтора дня, полторы недели*
- Т. *полтора днями, полтора неделями*
- П. *о полтора днях, о полтора неделях*

Женский род числительного *тысяча* и мужской род числительных *миллион*, *миллиард*, *триллион* объясняется тем, что эти лексемы являются по происхождению именами существительными и, более того, в современном русском языке употребляются и как числительные (*За него проголосовало не менее миллиона человек*), и как существительные (*Он получил свой миллион через суд; За него готовы проголосовать миллионы*). В отношении таких лексем В. В. Виноградов даже считал, что «миллион, миллиард и другие обозначения больших величин не принадлежат к категории числительных, так как мыслятся как предметно-собирательные обозначения множества. Они обладают всеми признаками существительных, между прочим и грамматическим родом. Промежуточное между существительными и числительными положение занимает слово *тысяча*».²⁶² Субстантивное происхождение и синхронно субстантивный характер этих лексем не вызывают сомнений, но отчуждение их от имени числительного вряд ли необходимо и оправданно: во-первых, они являются такими же количественными определителями при именах существительных, как другие числительные (*миллион рублей*, *миллиард человек*); во-вторых, это элементы системы обозначения чисел, без которых нарушится сама система.

Одной из специфических особенностей имени числительного, внутренне связанной с его семантической природой, является отсутствие **категории числа**.

Числительные сами являются конкретными обозначениями числовых различий и счета, поэтому нет никакой необходимости в образовании каких-то специальных форм множественного значения. В самом деле, трудно себе представить, чтобы, например, слово *пятнадцать* имело соотносительные формы единственного и множественного числа: единственное число невозможно, ибо число *пятнадцать* не может быть представ-

²⁶² В. В. Виноградов. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. М., 1972, стр. 237.

лено как единственное, а множественное ни к чему, ибо множество уже обозначено, и совершенно точно, лексически. Поэтому в современном русском языке все числительные формально представлены или как *singularia tantum*, или как *pluralia tantum*, т. е. формы склонения имен числительных соответствуют образцу или единственного, или множественного числа. Это значит, что в системе окончаний имен числительных сохранились пережитки старого противопоставления единственного и множественного числа, хотя сейчас такого противопоставления нет, так как функции множественного и единственного числа в числительных лишены смысла.

Среди современных русских числительных можно выделить такие, которые сохранили формальные признаки множественного числа. Например, в числительных *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят* вторая часть, обозначающая десятков, — это форма родительного падежа множественного числа числительного *десять*, восходящая к тому периоду в истории языка, когда все числительные употреблялись как существительные и имели противопоставленные формы единственного и множественного числа. В числительных со вторым компонентом *сто* второй компонент употреблен в двойственном (*двести*) или во множественном числе (*пятьсот*, *шестьсот* и т. д.). Если в последних форма множественного числа второго компонента до сих пор ощущается как множественное число (*трехсот*, *трестам*, *тремястами*, *о трехстах*), то в обозначениях десятков множественное число компонента *десять* стерлось и в косвенных падежах заменяется на формально единственное: *пятидесяти*, *шестидесяти* и т. д.

Напоминанием о множественном числе являются и косвенные падежи числительных *два*, *три*, *четыре*: род. п. *двух*, *трех*, *четырех*; дат. п. *двум*, *трем*, *четырем*; творит. п. *двумя*, *тремя*, *четырьмя*; предл. п. *о двух*, *трех*, *четырех*. В именительном и винительном падежах эти числительные сочетаются с роди-

тельным падежом существительных единственного числа (*два стола, три стола*), а в косвенных падежах — с родительным падежом множественного числа (*двух столов, четырех столов*). Казалось бы, случай парадоксальный. Но дело в том, что сочетание числительных с единственным числом в таких примерах — идиома, неразложимый оборот, восходящий к именительно-винительному падежу старого двойственного числа, которое при его утрате в конкретных словах в одних случаях сливалось с единственным, в других — со множественным. Что касается мнимого множественного числа у числительных *два, три, четыре*, то здесь осталась только форма, не поддерживаемая содержанием, но эта форма все-таки последовательно воспроизводится в косвенных падежах и требует сочетания с собой существительных тоже во множественном числе, поэтому в отношении этих числительных можно говорить об остаточных явлениях, следах множественного числа имен числительных.

В целом числительные современного русского языка, конечно, не имеют форм числа и тем более не противопоставляются по числу, так как категория числа противоречит самой их лексической природе.

Склонение имен числительных не представляет собой единой системы. Можно выделить группу числительных, которые максимально унифицировали систему своих падежных окончаний, сведя их фактически к двум формам: с одной стороны, это именительный-винительный падежи, с другой — общая форма косвенных падежей. Так изменяются числительные *сорок, девяносто* и *сто*:

- И. *сорок/девяносто/сто рублей*
- Р. *сорока/девяноста/ста рублей*
- Д. *сорока/девяноста/ста рублям*
- В. *сорок/девяносто/сто рублей*

- Т. *сорока/девяноста/ста рублями*
 П. *о сорока/о девяноста/о ста рублях*

Надо отметить, что сравнительно недавно было нормальным склонение этих числительных с чередованием разных окончаний и в косвенных падежах. Например, у И. С. Тургенева в рассказе «Постоялый двор» встречаем числительное *сорок* в форме предложного падежа с флексией **-ах**: *Его считали в сороках или пятидесяти тысячах*. В русской литературе XIX и начала XX в. можно встретить и утраченную уже форму дательного падежа *сту* с предлогом *цо*: *говорить, ходить* и т. д. *по сту раз*.

В языке русских былин, сказок и т. д. мы также находим разные формы косвенных падежей числительного *сорок*: *одарил его сорока сороками соболей; приходили к нему с сороком сороков лучших витязей*. Остаточные явления склонения *сто* во множественном числе сохраняются в сложных числительных *двести, триста, четыреста* и др.: *трехсот, тремстам, тремстами* и т. д. Знаменательно, что просторечие стремится к унификации и обобщению косвенных форм даже этих слов: *четыреста шагами ближе* вместо *четырьмястами*, например.

Тенденция к унификации косвенных форм является одним из активных процессов в морфологии числительных современного русского языка. У числительных от *пяти* до *девяноста*, за исключением *сорок*, в настоящее время этот процесс уже почти привел к унификации. Здесь фактически сформировалась система склонения из трех форм:

- И.-В. *шесть, десять, восемьдесят*
 Р.-Д.-П. *шести, десяти, восьмидесяти*
           (о шести, о десяти, о восьмидесяти)
 Т. *шестью, десятью, восемьюдесятью*

Если утратится форма творительного падежа и она сольется с род. — дат.-предл., а это вполне возможно, эти числительные также будут иметь одну общую форму косвенного падежа. Это уже вызовет соответствующие изменения в склонении всей системы числительных, так как подавляющее их большинство образуется с участием числительных от *пяти* до *десяти*. Из системы общего косвенного падежа полностью выпадают только числительные *один, два, три, четыре* и образованные с их помощью составные числительные (*двадцать, один, шестьдесят четыре*), а также числительные *тысяча, миллион, миллиард, триллион* и другие обозначения больших чисел, изменяющиеся по субстантивному типу.

Особенности сочетания числительных с определяемыми существительными и другими словами заключаются в следующем.

1. Отсутствием рода и числа у числительных обусловлена невозможность сочетания с ними определяющих прилагательных, которые имеют все формы словоизменения (род, число и падеж) и требуют их наличия у определяемого слова. Невозможность употребления определительных слов при числительных объясняется и тем, что числовые обозначения не имеют предметного значения, а определяться могут только слова с таким значением. Атрибутивные определения возможны при тех числительных, которые вследствие употребления в предметном значении переходят в существительные (*нефтяные миллиарды, теневые триллионы*), но и эти лексемы характеризуются крайней ограниченностью сочетаемости с атрибутивными словоформами, особенно с качественными определениями.

2. Числительные обычно употребляются в сочетании с существительными, которые они количественно определяют: *два стола, двадцать человек, сорок три рубля, две тысячи жителей*. В начальной форме таких словосочетаний числительное *один* сочетается с именительным падежом существительного

(*один человек*), числительные *два, три, четыре* — с родительным падежом единственного числа (*два человека, три человека, четыре человека*). После всех других числительных употребляются формы родительного падежа множественного числа: *пять (десять, одиннадцать, семнадцать) столбов*. Составные числительные, конечным элементом которых являются числительные *один, два, три, четыре*, имеют при себе те же формы существительных, что и эти простые числительные.

В других падежах, кроме именительного и винительного, сочетающиеся с числительными *два, три, четыре* существительные изменяются по парадигме множественного числа:

- И. *два дома, три дома, четыре дома*
- Р. *двух домов, трех домов, четырех домов*
- Д. *двум домам, трем домам, четверем домам*
- В. *два дома, три дома, четыре дома*
- Т. *двумя домами, тремя домами, четырьмя домами*
- П. *о двух домах, о трех домах, о четырех домах*

Только в соединении с числительным *один* существительные последовательно изменяются в единственном числе: *один стол — одного стола — одному столу — один стол — одним столом — об одном столе*.

В.В. Виноградов отмечал, что формы существительных при числительных *два, три, четыре* совпадают с родительным падежом единственного числа только внешне. На самом деле это старая форма множественного числа в винительном падеже. В самом деле, и сейчас встречаются идиоматические сочетания типа *на все четыре стороны, взять за обе руки* и т.п., которые только недавно стали произноситься как *стороны, руки*. Совершенно очевидно, что *стороны, руки* — это множественное число, и формами единственного числа их сделал перенос ударения. В древнерусском языке все сочетания существитель-

ных с числительными *два, три, четыре* оформлялись в винительном падеже множественного числа (*два* — двойственного числа, также не совпадавшего с единственным), а в современном русском перенос ударения в словах с подвижным ударением привел к тому, что и эти слова, и те, в которых ударение неподвижное (*старушки, девушки* и т. д.), стали осмысливаться как родительный падеж единственного числа: *две свечи, три парты, четыре стены*.

При сочетании с субстантивированными прилагательными и причастиями числительные *два, три, четыре* требуют употребления определяемых слов в единственном числе: *две парикмахерские, три буровые, четыре столовые*. Адъективно оформленные личные существительные употребляются в сочетании не с количественными, а с собирательными числительными *трое, четверо, двое* и оформляются в родительном падеже множественного числа: *двое больных, трое раненых, четверо ведущих*.

В сочетании с числительными более 4 имена существительные последовательно изменяются во множественном числе (исключение — составные числительные с конечными элементами *один, два, три, четыре*).

Грамматическое своеобразие имен числительных проявляется и на **функционально-синтаксическом уровне**.

Все количественные существительные, употребляемые, как правило, только в сочетании с существительными, вместе с ними рассматриваются как один член предложения и являются элементами «комплексных» подлежащих и дополнений: *Двадцать учащихся вышли на субботник; Директор наказал двух учеников за нарушение дисциплины*. Компонентами «комплексных» членов предложения являются и сочетающиеся с существительными дробные и собирательные числительные.

В редких случаях имена числительные могут «субстантивироваться» — занять синтаксическую позицию, характерную

для имени существительного, если они употребляются как лексемы с предметным значением: *Ему поставили **пять**; он нарисовал на руке **семь**, чтобы не забыть*. Относительно свободны в функционально-синтаксическом отношении числительные *оба, тысяча, миллион, миллиард, триллион* и собирательные числительные (*трое, четверо, пятеро* и т. д.), которые одинаково свободно употребляются и как количественные определители существительных, входя с ними в состав «комплексных» членов предложения, и как субстантивированные формы с предметным значением, выполняющие обычные для существительных функции. Следует только иметь в виду, что собирательные числительные могут употребляться как количественные определители не при любых существительных. Они могут сочетаться с существительными одушевленными личными мужского рода (*пятеро мужчин, четверо солдат, шестеро студентов*), существительными общего рода (*двое сирот, трое калек, шестеро забияк*). Собирательные числительные употребляют в сочетании с существительными *люди, дети, ребята*, обозначающих лиц безотносительно к определенному полу (*трое незнакомых людей, пятеро детей, четверо ребят*), а также с существительным *лицо* в значении «человек» (*пятеро неизвестных лиц*). Могут сочетаться также с именами предметными существительными *pluralia tantum*: *трое суток, четверо саней, двое брюк*. Допускается (в разговорной речи) употребление собирательных числительных с названиями детёнышей животных: *семеро козлят, трое ягнят, двое волчат*. Но есть ограничения. **Важно запомнить, что собирательные числительные не сочетаются:**

- с названиями лиц женского пола: *двое женщин, четверо спортсменок*;
- с названиями неодушевленных предметов: *двое столов, трое столов*;
- с названиями взрослых животных: *двое медведей, трое коров*.

Обычно не сочетаются с существительными, называющими лиц высокого общественного положения: *пятеро профессоров, четверо президентов* (подобные словосочетания имеют разговорную, сниженную и несколько ироничную окраску).

а только при личных одушевленных (*пятеро мужчин, четверо студентов, семеро детей*), причем преимущественно при существительных мужского рода; с существительными неодушевленными и даже одушевленными, но неличными — названиями животных, птиц, насекомых собирательные числительные не сочетаются: нельзя говорить *четверо крыс, пятеро утят, семеро козлят, трое жуков*.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Дайте определение имени числительного и скажите, какие еще слова в языке выражают количественные значения. Чем от них отличаются числительные?
2. Какие лексико-грамматические разряды числительных выделяются в традиционной грамматике?
3. Назовите и охарактеризуйте структурные разряды числительных.
4. Какие решения предлагаются в вопросе о частеречном статусе и единстве числительных в русской грамматике?
5. Как склоняются сложные и составные количественные и порядковые числительные? Какие типичные ошибки встречаются в склонении имен числительных?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Принципы типологического описания частей речи. — В кн.: Части речи. Теория и типология. — Москва: «Наука», 1990. — С. 25–50.
2. Балалыкина Э. А. Современный русский язык: Морфология. Часть 1: Имена. Наречия. Категория состояния. — Казань, 2003. — 171 с.
3. Белашапкина В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А. и др. Современный русский язык. Учебник для филол. спец. высших учебных заведений. — Москва: «Альянс», 2016. — 928 с.
4. Богданов С. И., Евтюхин В. Б., Князев Ю. П. и др. Морфология современного русского языка. — Санкт-Петербург: Фил. фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2013. — 454 с.
5. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. — Москва: «Языки славянских культур», 2005. — 624 с.
6. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. — Москва: «Языки славянских культур», 2011. — 488 с.
7. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. — Москва: «Просвещение», 1976. — 207 с.
8. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии: пособие для учителей. — Москва: ««Просвещение»», 1976. — 205 с.
9. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие. — Москва: «Логос», 2001. — 304 с.
10. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык. — Москва: «Логос», 2008. — 528 с.
11. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Издание 4-е. — Москва: «Русский язык», 2001. — 720 с.
12. Галкина-Федорук, Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык: Лексикология, фонетика, морфология. — Москва: «Ленанд», 2019. — 408 с.

13. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык: Фонетика и морфология (теоретический курс). — Москва: КД «Либроком», 2015. — 472 с.
14. Голанов И.Г., Голанова Е.И. Морфология современного русского языка: учебное пособие. — Москва: «Академия», 2007. — 256 с.
15. Грамматика современного русского литературного языка. — Москва: «Наука», 1970. — 767 с.
16. Дегтярев В.И. Основы общей грамматики. — Ростов н/Д: изд-во Рост. ун-та, 1973. — 253 с.
17. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология. — Москва: изд-во Моск. университета, 2010. — 240 с.
18. Клобуков Е.В. Теоретические проблемы русской морфологии. — Москва: изд-во Моск. ун-та, 1979. — 96 с.
19. Колесникова С.М., Николина Н.А., Лаврентьев В.А. и др. Современный Современный русский язык. В 3 т. том 2. Морфология: Учебник и практикум для академического бакалавриата. — Люберцы: «Юрайт», 2016. — 208 с.
20. Колесникова С.М. Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для академического бакалавриата. — Люберцы: «Юрайт», 2016. — 297 с.
21. Краткая русская грамматика. Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. — Москва: «Русский язык», 1989. — 639 с.
22. Кубрякова Е.С. Части речи в ономасиологическом освещении. — Иосква: УРСС, 2012. — 113 с.
23. Кузнецова Т.В. Современный русский язык. Морфология. Учебное пособие для студентов факультетов русской словесности. — Саратов: ИЦ «Наука», 2009. — 224 с.
24. Лазарев В.А. Морфологические категории: антропоцентрический и лингвокультурологический аспекты интерпретации. — Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2009. — 256 с.

25. Лекант П. А., Диброва Е. И., Касаткин Л. Л. Современный русский язык: Учебник для бакалавров. — Москва: «Юрайт», 2013. — 559 с.
26. Лекант П. А., Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В. Современный русский литературный язык: Академический учебник. — Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. — 766 с.
27. Лингвистический энциклопедический словарь/Гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва: «Советская энциклопедия», 1990. — 683 с.
28. Малышева Е. Г., Роголёва О. С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология: учеб.-метод. комплекс. — Москва: «Флинта», 2013. — 328 с.
29. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. — Москва: «Просвещение», 1981. — 254 с.
30. Мыльникова С. Е. С. Е., Фадеева Е. А. Глотова С. Е. Современный русский язык. Словообразование. Морфология. — Москва: «Флинта», 2010. — 504 с.
31. Осипова Л. И. Морфология современного русского языка: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. — Москва: ИЦ «Академия», 2010. — 192 с.
32. Панова, Г. И. Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. — Москва: «Ленанд», 2014. — 448 с.
33. Плотникова Е. И. Теоретические основы изучения морфологии русского языка [Электронный ресурс]: учебное пособие. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т [б. и.], 2015. — 171 с.
34. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. — Москва: «Едиториал УРСС», 2003. — 384 с.
35. Попов Р. Н., Валькова Д. П., Маловицкий Л. Я, Федоров А. К. Современный русский язык. Изд. 2-е. — Москва: «Просвещение», 1986. — 464 с.

36. Поспелов Н. С. Учение о частях речи в русской грамматической традиции. — М.: изд-во Моск. ун-та, 1954. — 36 с.
37. Русская грамматика. В двух томах. Том I. — Москва: «Наука», 1982. — 709 с.
38. Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи. — Москва: «Наука», 1988. — 151 с.
39. Супрун А. Е. Части речи в русском языке. — Москва: «Просвещение», 1971. — 135 с.
40. Тихонов А. Н. Современный русский язык (Морфемика. Словообразование. Морфология): Учебное пособие. — Москва: «Цитадель-тр.», «Рипол-Кл.», 2012. — 464 с.
41. Чеснокова Л. Д., Печникова В. С. Современный русский язык. Часть II. Морфология. — Ростов н/Д: «Феникс», 1997. — 303 с.
42. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. В трех частях. Часть II. Словообразование. Морфология. — Москва: «Просвещение», 1981. — 256 с.
43. Шацкая М. Ф. Современные проблемы русского языка. Словообразование и морфология: учеб. пособие. — Москва: «Флинта»: «Наука», 2013. — 152 с.
44. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. — М., 1957. — С. 63–84.

ГЛОССАРИЙ (краткий терминологический словарь)

Глоссарий составлен как учебный и обучающий словарь, разъясняющий малоупотребительные или редко используемые при изучении соответствующей части курса морфологии современного русского языка термины. Следовательно, в глоссарий не включены термины и понятия, применимые к частям речи, не относящимся к именам и местоименным словам (здесь нет, например, терминов «аспектуальность», «залоговость», «перфект», «имперфект», «модальность»). Слова-термины расположены в алфавитном порядке. Каждый термин вместе с относящимся к нему материалом образует небольшую словарную статью. Полное толкование терминов в глоссарии автор не считает необходимым, так как существуют доступные в бумажном виде лингвотерминологические словари, имеющиеся в достаточном количестве экземпляров в библиотеке любого учебного заведения, где ведется подготовка специалистов в области филологии, и их электронные версии и собственно электронные варианты словарей, другие источники в сети доступные Internet, содержащие полную информацию о каждом термине.

А

Агглютинация — механическое присоединение стандартных однозначных аффиксов к неизменяемым основам или корням: ср. турецк. *деве* (верблюд) — *деве-лер* (верблюды) — *деве-лер-га* (верблюдам), чеч. *адам* (человек) — *адам-аиш* (люди) — *адам-аиш-на* (людям); саца «остановиться» — сеци «остановился только что (недавнопрошедшее время), сецира «остановился» (очевиднопрошедшее время).

Адъектив — имя прилагательное (от лат. *adjicere* «прибавлять»).

Используется как основное обозначение соответствующей части речи — прилагательного во всех романо-германских языках: англ. *Adjective*, франц. *Adjective*, нем. *Adjektiv* (также *Eigenschaftswort* = *Eigenschaft* (s) «свойство» + *wort* «слово»), исп. *Adjetivo*.

Адъективация — одна из разновидностей морфолого-синтаксического способа словообразования, известного также под названием «транспозиция». Переход слов других частей речи, в основном причастий, в имена прилагательные с утратой морфологических признаков глагола и приобретением признаков имени прилагательного.

Адъективный — относящийся к прилагательному, свойственный прилагательному, имеющий характер прилагательного. Употребляется и для обозначения всех типов, разновидностей словоформ других частей речи, имеющих такую же форму и в основном те же морфологические и синтаксические признаки, что и имя прилагательное: порядковых числительных (*второй, пятый, сотый* и др.), причастий (*идущий, устроенный, ведомый* и др.), некоторых местоименных слов (*мой, твой, всякий, каждый* и др.).

Аккузатив — винительный падеж, который в языках номинативного строя обозначает объект действия, при этом в типологическом плане важно, что это «ближайший объект», прямое дополнение. В языках эргативного строя (например, в кавказских) такого падежа нет, объект действия обозначает падеж, который из-за своей «внешней формы» называют номинативом (именительным падежом), хотя по функции он отличается от обычного именительного падежа непременного предложения, из-за чего для его обозначения введен другой термин — «абсолютив».

Алломорф (а) — тождественный по значению вариант морфемы, данная конкретная манифестация фонемы: *друг* —

друж' — *друз-а* (*друг* — *дружить* — *друзья*). Свои алломорфы могут иметь любые части слов — морфемы. Например, приставки на -з имеют, как минимум, два алломорфа: со звонким «з» и «глухим «с», но возможно и большее количество, если в морфеме могут чередоваться другие звуки, например, гласные: приставка *воз-* имеет, например, четыре алломорфа: собственно *воз-* со звонким финальным согласным (*возмужать*), с финальным оглушенным согласным (*воспрянуть*), с редуцированным, фактически «выпавшим» согласным (*взыскать*), с редукцией гласного и оглушением финального согласного (*вспотеть*). Появление алломорфов в языке тесно связано с различными фонетическими процессами.

Аналитизм — развитие аналитического строя; наличие признаков аналитического строя.

Аналитическая форма слова — сложная форма слова, образуемая сочетанием служебного и знаменательного слова: *более сильный, самый лучший; сказал бы; буду читать*.

Аналогия — процесс уподобления одних элементов языка другим, связанным с ним, но более распространенным и продуктивным.

Аффиксы — служебные морфемы, видоизменяющие значение корня или выражающие отношение между словами в словосочетании и предложении.

Аффиксация — 1. создание нового слова посредством присоединения к производящей основе (или слову) тех или иных аффиксов; 2. способ выражения грамматических значений при помощи аффиксов.

Аффигурующие языки — языки, в грамматическом строе которых важную роль играют аффиксы.

Аффиксоид — аффиксы, занимающие промежуточное положение между корневыми и служебными морфемами, по происхождению восходят к самостоятельным корням и словам, по положению в слове и функции префиксоиды или суф-

фиксоиды: *языковедение*, *литературоведение*, *землеведение*, *авиалинии*, *авиапочта*.

Б

Бесформенные языки — то же, что аморфные языки; языки, в которых форм как таковых нет вообще, а предложение строится использованием порядка слов и интонации для обеспечения смысловой и функциональной связи между словами.

Бесформенные слова — служебные слова и частицы, не имеющие форм словоизменения.

Бинарный — состоящий из двух частей, двух составляющих. В морфологии бинарными называют оппозиции морфологических категорий, основанные на противопоставлении двух рядов словоформ: это, например, категория числа имен и глаголов.

В

Варианты морфем — это не алломорфы, хотя их часто такими считают. Это морфы, формальные различия между которыми не зависят от качества соседних морфов; поэтому варианты морфем способны заменять друг друга в одной и той же позиции, в окружении одних и тех же морфов. В качестве примера можно привести разные морфы русского окончания творительного падежа единственного числа: *-ой* и *-ого* (ср.: *горой* и *горю*, *молодой* и *молодою*, *такой* и *такою* и т. д.).

Внутренняя флексия — способ выражения грамматических значений, заключающийся в звуковом изменении корня: англ. *foot* «нога» — *feet* «ноги», русс. *запереть* — *запирать*,

умереть — *умирать*, чеч. *лаца* «поймать» — *лиеца* «ловить», *нана* «мать» — *ненан* «матери» (род. п.).

Внутренняя форма слова — семантическая и структурная мотивированность значения слова значениями составляющих его морфем или исходным значением того же слова мотивация слова другим словом, на базе которого оно возникло. Внутренняя форма включает в себя определенный способ номинации и способ построения заключенного в данном слове «концепта», поэтому параллельно используется и термин «мотивировка». Внутренней формой, таким образом, обладают все слова, обнаруживающие признаки мотивированности.

Г

Генитив — родительный падеж.

Глагол — знаменательная часть речи, объединяющая в своём составе слова, обозначающие действие или состояние.

Грамматикализация (грамматизация) — 1. Обобщение, абстрагирование, отвлечение от конкретного лексического содержания. 2. Утрата словом лексической самостоятельности в связи с привычным употреблением его в грамматической функции. 3. Превращение словосочетания в аналитическую форму слова.

Грамматическая категория — совокупность однородных грамматических форм, противопоставленных друг другу: категория вида — противопоставление (оппозиция) несовершенного вида совершенному; категория числа — оппозиция единственного и множественного числа.

Грамматическая форма — материальный вид выражения грамматического значения.

Грамматическое значение — абстрактное языковое содержание грамматической единицы, имеющее в языке регулярное

выражение: значения рода, падежа, числа, вида, склонения и др.

Граммема — единица грамматического значения, мельчайшая единица грамматического уровня.

Грамматическое поле — объединение слов на основе общности грамматического значения: поле аспектуальности, поле времени, поле модальности, поле залоговости.

Д

Датив — дательный падеж.

Двойственное число — категориальная форма числа, выделяющая два предмета как по отношению к единичному, так и по отношению к раздельно-множественным предметам. Двойственное число древнерусского языка утеряно. Но следы двойственного числа сохраняются и в современном русском языке. Относимые ко множественному силу словоформы существительных, обозначающих парные предметы (*берега́, бока́, глаза́, рога́, рукава́, плéчи, колéни, уши*, например, — это на самом деле остатки двойственного числа древнерусского языка. К остаткам двойственного числа относятся и формы после числительных два, три, четыре, которые мы считаем родительным падежом единственного числа, хотя на самом деле это общая для именительного, винительного и звательного падежей двойственного числа древнерусского языка: два (*три, четыре*) брата).

З

Знаменательные слова — слова, обладающие самостоятельным лексическим значением, способные функционировать в качестве членов предложения, структурно оформленные, имеющие собственное ударение — имена существительные,

прилагательные, числительные, местоименные слова, глаголы, наречия, слова категории состояния: *родина, столица, первый, спокойно, говорить, я, мой, каждый, совестно, стыдно*.

Значение аффиксов — деривационное (словообразующее) и реляционное (словоизменяющее): *сапог > сапожник > сапожник — а, сапож-ник-у*.

Значение слова — продукт мыслительной деятельности человека, выражающий отношение факта языка к внеязыковому факту, отношение слова к обозначаемому предмету.

И

Имплицитный — подразумеваемый, невыраженный (например, нулевое окончание существительных мужского рода: *человек, труд*).

Интерфикс — служебная морфема, стоящая между основами сложного слова или между корнями и суффиксом, служащая для соединения их в единое целое: *дом-о-строй, земл-е-рой-ный, зме-е-видный*.

Инфикс — аффикс, вставляемый внутрь основы: например, при образовании *жи-л-л-ю* от *жи-ть*.

К

Категория состояния — знаменательная часть речи, выделяемая не во всех учебных и описательных грамматиках русского языка, называемая также другими терминами — безличный предикатив, безлично-предикативное слово. Обозначает недейственное состояние, объединяет слова, употребляющиеся исключительно в функции главного члена безличного предложения: *жарко, тихо, совестно, накурено* и др. в предложениях типа **В комнате жарко; Здесь натоптано**.

Квантитативность — количественность (общая языковая категория, объединяющая все способы выражения количественных отношений).

Классема — общекатегориальная сема лексико-грамматического значения, указывающая на принадлежность слова к той или иной части речи. Например, предметность у существительных, процессуальность у глаголов и т. д.

Компаратив — сравнительная степень прилагательного или наречия, при этом обычно имеется в виду простая (синтетическая) форма сравнительной степени.

Компаративный — выражающий сравнение, связанный с выражением сравнения.

Конверсия — морфолого-синтаксический способ образования слов путём перехода из одной части речи в другую: субстантивация, адъективация, адвербиализация, прономинализация.

Корень — морфема общей части родственных слов, выражающая и предопределяющая лексическое значение слова.

Корреляты — соотносительные элементы языка, различающиеся по одному из признаков данной категории, например, корреляты числа, видовые корреляты.

Корреляция — взаимная обусловленность, семиологическая зависимость двух или более единиц языка. Например, видовая корреляция. корреляция форм числа, корреляция родовых форм.

Л

Лексико-грамматическая категория — объединение слов, обладающих общим семантическим признаком, объединяемых не только лексическим, но и грамматическим значением. Например, общность собирательных, отвлеченных, веществен-

ных существительных, выступающих только в форме единственного числа.

Лексико-грамматический класс слов — термин, употребляемый редко, но в значении «часть речи».

Лексико-грамматический принцип классификации частей речи — ведущий в классификации частей речи русского языка и других языков, грамматики которых строятся с ориентацию на русскую, принцип, в соответствии с которым все слова языка объединяются в лексико-грамматические классы, называемые частями речи, в соответствии с общими для них 1) обобщенно-лексическим (или общеграмматическим) значением, 2) морфологическими признаками (общность морфологических категорий и форм их выражения), 3) синтаксическими признаками (синтаксической функцией и валентностью — сочетаемостью). Впервые сформулирован Л. В. Щербой в работе «О частях речи в русском языке» (1928), с тех пор принят, но в большей степени декларируется, чем соблюдается, в русской грамматике до нашего времени. Отступлений от этого принципа много, и связаны они в том числе с тем, что строгое соблюдение его крайне затруднительно, если вообще возможно.

М

Местоимение — часть речи, указывающая на предмет, признак, количество, но не называющая их; заместительные слова, образующие параллельную систему.

Морф (вариант **морфа**) — предельная единица, выделяемая на морфемном уровне, но не обладающая при этом свойством регулярной воспроизводимости: *смород-*, *мал-*, *англ. huckle-*, выделяемые в словах *смородина*, *малина*, *huckleberry*. *Морф* и *морфема* — не синонимы, хотя их нередко считают

такowymi. Термин «морф» употребляется обычно тогда, когда речь идет об алломорфе: см. *алломорф*.

Морфема — минимальная значимая часть слова, которая не членится на более мелкие значимые единицы того же уровня: *зелен-оват-ый, желт-оват-ый*.

Морфология — раздел языкознания, изучающий часть грамматического строя русского языка, объединяющую лексико-грамматические классы слов (части речи), характеризующие эти классы грамматические (морфологические) категории и выделяемые в рамках этих категорий формы слов.

Морфологические грамматические категории — выражение грамматических значений лексико-грамматическими классами — знаменательными частями речи: грамматические категории вида, залога, времени, наклонение (глагол), ГК рода, числа, падежа (имя), степеней сравнения (имя прилагательное, наречие).

Морфонология — раздел языкознания, изучающий фонему как элемент построения морфемы, связи фонологии и морфологии.

Н

Незнаменательные слова — термин, употребляемый для обозначения слов, не имеющих выраженного номинативного значения. Нередко считают синонимом термина «служебные слова», хотя относят при этом к незнаменательным, например, междометия и звукоподражания, никакой служебной функции не выполняющие. Предпочтительнее, видимо, термин «неполнозначные слова» (или, может быть, термин В. В. Виноградова «частицы речи»), хотя бы потому, что незнаменательным (не означающим ничего) слово не может быть вообще, что хорошо осознавал М. В. Ломоносов, делив-

шие все «части слова» на главные знаменательные и служебные знаменательные.

Неполнозначные слова — слова, не имеющие выраженных лексикографируемых лексических значений, выражающие лишь грамматические отношения между словами полнозначными (служебные части речи) или эмоции, волеизъявления, подражание звукам и действиям и т. п. Это предлоги, союзы, частицы, междометия, звукоподражания, образоподражания, модальные слова.

Номинатив — именительный падеж.

Номинативные единицы — единицы языка (слова, словосочетания), служащие для обозначения предметов, понятий, представлений.

Номинативный строй — наличие признаков номинативного принципа построения обеих разновидностей предложения — как непереходной, так и переходной, когда подлежащее обозначается номинативом — именительным падежом. К этому строю относится русский язык. в отличие от чеченского, принадлежащего к эргативному строю.

Нулевая морфема — морфема, материально не выраженная, но обладающая грамматическим значением: *дом-Ø*, *на дом*, *на дом-у*, *нес-Ø*, *но нес-л-а*, *нес-л-и*. Выявляется в парадигмах путем противопоставления, положительно выраженными морфемами.

Нумеративы — счетные слова, близкие к числительным, но имеющие формы существительных (*двойка*, *пятерка*), прилагательным (*второй*, *тринадцатый*), наречиям (*трижды*), местоимениям (*сколько*, *несколько*).

О

Объектный — имеющий отношение к объекту, выражающий объект действия (в широком смысле, не только реальный

объект — объект действия), функционирующий в качестве грамматического дополнения.

Общий род — значение рода, которое, смотря по употреблению, может быть соотнесено как с мужским, так и с женским полом. В русском языке многие выделяют как члены родового ряда существительные на **-а**: *сирота, староста, забияка, неряха* и др. Вопрос правомерности выделения общего рода наряду с тремя другими открыт. Однако и при всеобщем признании общего ряда как четвертого безосновательно причисление к нему несклоняемых существительных — как нарицательных, так и собственных, так как у них признак возможности употребления в двух разных родах проявляется только на семантическом уровне, формально-грамматического признака принадлежности к двум родам у них нет. К общему роду не относимы несклоняемые одушевленные существительные типа *колибри, какаду*, для многих из которых определение гендерной принадлежности вообще не значимо для носителей языка, а при необходимости они это делают создание родовых пар слов: *лев — львица, буйвол — буйволица, тигр — тигрица, бегемот — бегемотиха, коза — козел, овца — баран* и др.

Отыменный — имеющий производную основу, соотносительную с именем с существительным. В более широком употреблении — производный от любого имени (существительного, прилагательного, числительного).

П

Парадигма — 1. совокупность грамматических форм слова.
2. совокупность инвариантов и вариантов языковых единиц при парадигматических отношениях.

Побудительное наклонение — одно из ирреальных наклонений глагола. Нередко считают синонимом термина «повели-

тельное наклонение», однако побудительность — не только категорическое повеление, приказ, требование, но и просьба, совет, например, и все эти значения объединяет в себе термин «побудительное наклонение», вбирающий в себя в том числе и требовательное побуждение к действию — «повелительность».

Посессивный — притяжательный. Обычно посессивом называют родительный падеж — родительный принадлежности, хотя не исключено употребление в посессивном значении и дательного. Посессивный дательный, однако, встречается только в двух романских областях на Балканах и в Галлии, в других языках его нет.

Переходность частей речи — переход слов из одних частей речи в другие благодаря конверсии: столовая, рабочий, учащийся, парикмахерская, трудящиеся (субстантивация), летом, вечером, утром (адвербиализация) и т. д.

Полисинтетические языки — языки, в которых в рамках одного слова разные аффиксы могут передать целый комплекс грамматических значений: абхазск. *д-и-р-тойтI* «они им его отдают».

Постфикс — морфема, стоящая позади флексии, служащая для образования новых слов (*кто-то*, *что-нибудь*) или новых форм слова (*пойдемте*, *идите*).

Предложно-именной — состоящий из предлога и управляемого существительного (т. е. той формы существительного, которую этот предлог требует); образованный из предлога и имени.

Префикс — морфема, стоящая перед корнем, служит для образования новых слов (*дед* — *прадед*, *бежать* — *перебежать*) или форм слов (*забавный* — *презабавный*).

Предикативность — выражение отношения содержания высказываемого к действительности как основа предложения.

Префиксоид — аффиксоид, употребляющийся в функции префикса и занимающий в слове его место. Обычно это по происхождению полнозначное слово, часто (но не всегда) заимствованное: *авиалинии, авиAPERелет, автопробег, биодобавка, видеотехника, авиатехника, фиточай, самоанализ*. Некоторые префиксоиды весьма продуктивны в словообразовании: ср. *евровыборы, евросуд, европарламент; евробанк, евровалюта, евроремонт*. В последнее время в русском языке широко распространяются префиксоиды, в основном возводимые к прилагательным или вообще атрибутивным словоформам, для которых принято дефисное написание с последующей частью слов: *лайт-питание, лайт-пиво, лайт-газировка* (от англ. *light* — слабый, легкий, незначительный), *арт-рокер, глэм-фанвист* (от *glamorous* — эффектный), *сленг-клуб* и др.

Проклитики — безударные слова, примыкающие к ударным и предшествующие им: *на руке, обо мне, перед тобой, не видел* и др. Проклитики, как и энклитики, составляют с ударным одно «фонетическое слово».

Р

Редупликация — способ выражения грамматических значений в результате удвоения или повтора корня или слова: рус. *белый-белый, еле-еле, чуть-чуть*, армянск. *gund* «полк» — *gund-gund* «полки», индонез. *api* «огонь» — *api-api* «спички».

С

Сема — минимальные предельные единицы плана содержания, элементарный семантический компонент. Так, слово *дядя* включает пять сем: 1. мужской пол; 2. родственник; 3. пред-

шествование; 4. расхождение в одно поколение; 5. боковое родство.

Синтетическая форма слова — слово из основы и формообразующего аффикса: *нес-ти, нес-ущ-ий*. При этом формообразующий аффикс может быть и нулевым: *грибок-ó, строгост-*. Ср.: **аналитическая форма слова**.

Синтетические языки — языки синтетического грамматического строя, когда лексическое и грамматическое значения объединяются в пределах одного слова: *парта, карты, парте; игра-л, вер-ну-л; хорош-ий* и т. д.

Склонение — изменение имен по падежам.

Склоняемый — изменяемый по падежам.

Слово — основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именованья денотатов, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка.

Словоизменятельная морфологическая категория — категория, члены которой представлены в одной парадигме: категория падежа, категория лица, категория склонения и т. д.

Словообразующий аффикс — аффикс, служащий для образования нового слова: *старый — старость, голубой — голубизна, курить — прикурить*.

Словоформа — двусторонняя единица, представленная внешне (цепочка фонем, ударение) и внутренне (значение слова); одна из манифестаций (форм выявления, существования) слова.

Словоформообразующий аффикс — аффикс, который совмещает функции словообразования и формообразования: *кум — кума, супруг — супруга*.

Сложение (основосложение; словосложение) — образование нового слова путем объединения в одно словесное целое двух или более основ: *лес-о-степь, тепл-о-ход, клад-о-иска-*

тель, быстро-растворимый, долго-играющий, диван-кровать.

Служебные слова — лексически несамостоятельные слова, служащие для выражения различных отношений между словами, предложениями, а также для передачи различных оттенков субъективной оценки (предлоги, союзы, частицы).

Субморф — часть корня, внешне похожая на аффикс, но не имеющая своего значения: *колпак, огурец, венец.*

Супплетивизм — образование грамматических значений от разных основ: *человек — люди, ребенок — дети, иду — шел, хорошо — лучше.*

Суффикс — морфема, стоящая после корня, служащая для образования новых слов (*старый — старость, голубой — голубизна, дом — домик*) или новых форм слова (*плавать — плавал*).

Суффиксоид — морфема, употребляющаяся в функции суффиксов и занимающая их позицию в слове: *шаровидный, стекловидный, змеевидный.*

Т

Типологическая классификация языков — классификация, основанная на понятии сходства (формального и/или семантического) и различия языков: синтетический, полисинтетический (изолирующий), аналитический, флективный, агглютинативный типы в морфологической классификации, например.

У

Уровни языка — ярусы общей языковой системы, каждая из которых обладает набором своих единиц и правил

их функционирования: фонетический, морфологический, лексический, синтаксический.

Усечение — аббревиация, когда новое слово образуется путем усечения слов, входящих в исходное словосочетание: *прод-маг, вуз, завмаг* и т. д.

Ф

Флексия — морфема, стоящая в конце слова и служащая для связи слов в словосочетании или предложении: *дом-а, дом-у, красн-ый*. Отсутствие флексий — главный признак неизменяемости слов.

Флективность — словоизменятельная аффиксация посредством флексии.

Флективные языки — языки, для которых характерно формирование преимущественно флексиями (окончаниями), для которых характерна многозначность: в русском языке флексия **-а** может передавать значение числа, рода, падежа. При этом окончания сменяют друг друга в пределах парадигмы одного и того же слова.

Форма слова — морфологическая разновидность слова, обладающая грамматическим значением, имеющим регулярное выражение: *доска — доски — доске* и т. д., *стена, посуда, доски, сказал, белее* и т. д.

Форматив — формообразующий аффикс изменяемого слова, его изменяющаяся часть. Например, флексия, в том числе нулевая: *книг-а, книг-и, книг-у, книг-ой* и т. д.; *дом, мать-Ø*. Формативом может быть не только флексия (окончание), но и, например, суффикс: *сказа-л, сжег-Ø*.

Формообразующая основа — постоянная часть слова, присутствующая во всех словоформах и состоящая из одних и тех же морфем: *книг-а, книг-и, книг-у, под-стакан-ник, ле-доход, пароходный*.

Формообразующий аффикс — аффиксы, служащие для образования разных форм одного и того же слова, не меняя его значения, выражая лишь грамматическое значение: *стол, стол-а, стол-у* и т. д.

Фузия — тесное морфологическое соединение изменяемого корня с многозначными нестандартными аффиксами, приводящее к стиранию границ между морфемами. В русском языке это иллюстрируется, например, инфинитивом глагола *стричь*: здесь нельзя однозначно выделить инфинитивный суффикс, так как произошло слияние этого суффикса с последние гласным корня глагола и в результате суффикс оказался «растворен» в корне: *стриг + т' = стрич'*. Нередкое употребление термина «фузия» как равнозначного термину «флексивность» (а у некоторых авторов даже близкого термину «агглютинация») является поэтому ошибочным.

Ч

Части речи — основные лексико-грамматические классы, по которым распределяются слова языка. Классификация частей речи и определение частеречной принадлежности слов основаны на лексико-грамматическом принципе, основанном на учете всего комплекса лексико-семантических и грамматических признаков, которые объединяют лексемы языка в эти классы слов.

Э

Энклитики — безударные слова, примыкающие к ударным после них: *сходи́л бы, что́ же, хорошо́ ли, пра́вда ли*. Энклитики, как и проклитики, составляют с ударным одно «фонетическое слово».

Этимология — (термин древнегреческого происхождения: др.-греч. ἔτυμολογία от ἔτυμον «истина, основное значение слова» + λόγος «слово; учение; суждение») — раздел языкознания (сравнительно-исторического языкознания), который изучает происхождение слов, а также фразеологизмов — устойчивых оборотов. Этимология может также заниматься выяснением происхождения (некорневых) морфем.

Этимон — корень слова, первоначальное значение и форма слова.

Учебное издание

Халидов Айса Идрисович

**СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК.
МОРФОЛОГИЯ: ВВЕДЕНИЕ В МОРФОЛОГИЮ.
УЧЕНИЕ О ЧАСТЯХ РЕЧИ. ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ**

Учебное пособие

*Компьютерная верстка: Р. И. Газизов
Дизайн обложки: А. В. Сорокин*

Подписано в печать: 22.08.2022 г.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 24.41.
Тираж 600 экз., Заказ № 22/034.

Издательский дом «Сциентиа»
г. Санкт-Петербург, пер. Дегтярный, д. 22, литер А
Тел. +7 (812) 649-93-76
www.scientia-pub.org
email: info@scientia-pub.org

Отпечатано в типографии «Паблит»
г. Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

АВТОР

Айса Идрисович Халидов, доктор филологических наук, профессор. Родился в 1954 г. в г. Текели Каз. ССР, в настоящее время профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Чеченского государственного педагогического института. До 2016 года четверть века руководил кафедрой русского языка Чеченского государственного университета.

Области научных интересов: теория языка, типологическое и сопоставительное языкознание, русский и кавказские языки, эколингвистика, методика обучения русскому языку. Автор 330 научных и методических трудов, в том числе 19 книг.

В учебном пособии дается систематическое изложение курса морфологии современного русского языка, охватывающее материал вводной части морфологии, именных частей речи и местоименных слов. Материал излагается в объеме, превышающем предусмотренный обязательной программой для студентов филологических факультетов университетов: чрезмерная сжатость этих программ в рамках минимизированных учебных планов не может обеспечить должную лингвистическую подготовку. Пособие написано на основе лекционного курса, читаемого автором на протяжении более сорока лет сначала в Чеченском государственном университете, а затем и в Чеченском государственном педагогическом университете. С учетом билингвизма обучаемых учебное пособие построено с использованием элементов сопоставительного метода и типологического подхода к освещению анализируемых грамматических единиц, категорий, явлений.

ISBN 978-5-6048270-8-6

9 785604 827086

